ОЛЕГ КУТАФИН ПЕРВЫЙ ПО ПРАВУ

Москва МГЮА имени О.Е.Кутафина 2011 УДК 821.161.1 ББК 84(2Poc=Pyc)6-4 О-54

Авторы-составители: И.В.Кравченко, Д.Ю.Мартынкина

О-54 Олег Кутафин. Первый по праву / [сост.: И. В. Кравченко, Д. Ю. Мартынкина]. — М. : Прогресс РК, 2011. — 496 с. : ил.

ISBN 978-5-386-02816-9

Олег Емельянович Кутафин, академик Российской академии наук, член Президиума РАН. Выдающийся российский ученый-конституционалист, участник работы над Конституцией РФ, создатель современного российского законодательства о гражданстве. Основатель престижной Московской государственной юридической академии, автор множества учебников и научных трудов. Член Общественной палаты РФ. Полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством». И при этом — яркая неформальная личность, человек безупречной репутации, незаурядного обаяния и гражданского мужества.

В книгу вошли воспоминания людей, хорошо знавших О. Е. Кутафина, среди которых — известные российские юристы, ученые, политики, деятели культуры.

УДК 821.161.1 ББК 84(2Poc=Pyc)6-4 Эта книга — не просто дань памяти Олегу Емельяновичу Кутафину, не просто еще один мемориал известному ученому и общественному деятелю. Она являет собой живое свидетельство любви и уважения, с которыми и сейчас относятся к моему мужу все, кто его знал, — коллеги, друзья, ученики...

Мне хотелось бы выразить огромную благодарность за реализацию этого проекта Московской государственной юридической академии, авторам воспоминаний, вошедших в это издание, и всем, кто принял участие в том, чтобы оно состоялось.

> С признательностью, Наталья Кутафина

Обращение к читателю

Эта книга воспоминаний посвящена выдающемуся российскому юристу, блестящему ученому, прекрасному педагогу и Великому Гражданину России — Олегу Емельяновичу Кутафину.

Масштаб личности О. Е. Кутафина велик, а сфера его деятельности была весьма разнообразна и значима для государственной и общественной жизни нашей страны. В высшем профессиональном образовании он прошел путь от преподавателя до ректора одного из самых крупных юридических образовательных учреждений России, которое в течение двадцати лет бессменно возглавлял, сыграв ключевую роль в его формировании как учебного заведения нового типа. Московская государственная юридическая академия, которая в настоящее время носит его имя, во многом была создана трудами и стараниями О. Е. Кутафина, а также коллектива единомышленников, который он возглавлял.

За плечами О. Е. Кутафина блестящая карьера ученогоюриста. Ученый по духу и призванию, человек, для которого день, прожитый без научных изысканий, это потерянный день, О. Е. Кутафин всецело и полностью отдавал себя служению науке. Воистину неоценим его вклад в развитие теории конституционного права. Научное сообщество по достоинству оценило его заслуги, избрав академиком Российской академии наук, членом ее Президиума, ученым секретарем секции общественных наук.

О. Е. Кутафин всегда был в гуще государственной и общественной жизни страны. На протяжении многих лет он возглавлял Комиссию по гражданству при Президенте Российской Федерации, работал в Общественной палате и многочисленных комиссиях, комитетах и других общественных органах. Россия высоко оценила его государственные заслуги — О. Е. Кутафин полный кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством».

При всем при этом О. Е. Кутафин был удивительно простым в общении, очаровывал своим интеллектом и искрометным одесским юмором. Кто хотя бы раз попадал в орбиту его общения, навсегда оставался среди друзей и почитателей таланта Олега Емельяновича, круг которых был необычайно велик.

В этой книге собраны воспоминания самых разных людей, которые работали с О. Е. Кутафиным, были с ним рядом в самых разных жизненных ситуациях, да и просто дружили.

Величие и масштаб личности Олега Емельяновича раскрываются через конкретные минуты, дни, месяцы и годы общения с ним в контексте тех или иных событий и действий. Для каждого из нас они весьма важны и составляют неотъемлемую частичку нашей жизни...

Виктор Блажеев,

РЕКТОР МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ ИМ. О. Е. КУТАФИНА

Книга воспоминаний об академике РАН О. Е. Кутафине

Кутафинское чудо

ГЕНИЙ НЕВОЗМОЖНОГО

Вспоминаю мое первое знакомство с Олегом Емельяно-

Далекий 1987 год. Я — аспирант ВЮЗИ. У нас новый ректор, которого избирают единогласно на конференции коллектива института. Впервые знакомлюсь с ним в приемной комиссии, в которой летом работают все аспиранты, а Олег Емельянович ее возглавляет. Особо запоминаются его динамичность, оригинальность суждений и свежесть идей. И совершенно ясно, что в воздухе витает ветер перемен...

1991 год. Сбылась мечта всех поколений преподавателей и работников ВЮЗИ — наконец институт получил учебные и служебные помещения на Садовой-Кудринской улице, что позволит нам работать в одном месте и не колесить по многочисленным школам г. Москвы. Каких усилий это стоило — знает только Олег Емельянович. Однако радость сменяется тревогой при виде того, в каком состоянии передается здание — везде разруха и запустение.

Отчетливо помню одно из собраний трудового коллектива, на котором Олег Емельянович рассказывал о перспективах вуза: переход от заочного обучения к очному, совершенствование материально-технической базы, повышение заработной платы профессорско-преподавательскому составу и работникам теперь уже Московского юридического института. Эти слова произносились в зале с угрожающе нависающим, полуразрушенным потолком. При виде всего этого слабо верилось

в реальность сказанного, особенно на фоне того, что в стране царили всеобщий хаос и неразбериха. Казалось, что на сцене выступает прекрасный романтик и фантазер, из уст которого звучит волшебная сказка.

Каким же было удивление и мое, и многих моих коллег, когда всего через несколько лет все эти мечты воплотились в жизнь. Основным в МГЮА стало очное обучение, занятия проходили в светлых отремонтированных залах и аудиториях, уровень заработной платы профессорско-преподавательского состава стал одним из самых высоких в стране. Вот тогда многие из нас поверили в «кутафинское чудо», оценили большие организаторские способности Олега Емельяновича как руководителя, способного точно определять стоящие перед вузом задачи и добиваться достижения поставленных целей.

О. Е. Кутафин сыграл главную и определяющую роль в судьбе многих людей. Так сложилось, что именно Олег Емельянович кардинально изменил и мою жизнь, которая до известного события развивалась по совершенно другому сценарию.

Я имею в виду 1998 год, когда Олег Емельянович предложил мне возглавить дневной факультет МГЮА. Не скрою, на тот момент у меня были совершенно иные жизненные планы — преподавая, я активно занимался адвокатской практикой. В кабинет Олега Емельяновича я входил с твердым намерением отказаться, а вышел деканом факультета. И потом ни разу не пожалел об этом, поскольку судьба подарила мне незабываемые минуты, дни, годы общения с О. Е. Кутафиным.

Так, последующие десять лет мне довелось работать под руководством Олега Емельяновича, быть членом его команды. Пожалуй, это были самые счастливые годы, много давшие мне в профессиональном и человеческом плане. Олег Емельянович для всех нас служил примером того, как следует относиться к делу. Он постоянно находился в водовороте новых планов и идей, обладая удивительным даром убеждения, умел увлечь этими идеями окружающих, создать удивительную творческую рабочую атмосферу.

Именно Олегу Емельяновичу принадлежала мысль о реализации в Академии проекта подготовки юристов, специализирующихся в области международного частного права, с обязательным изучением двух иностранных языков. По сути, это был революционный подход к организации образования, который предполагал перестройку всей существующей инфраструктуры Академии. Судите сами: предполагалось создание новой

кафедры международного частного права, нужно было организационно и функционально перестроить систему преподавания иностранных языков, которым до этого было отведено мало времени в МГЮА. Каждой профильной кафедре следовало привнести в преподавание юридических дисциплин международно-правовой аспект. Олег Емельянович со свойственной ему увлеченностью, новаторством и прозорливостью пошел на эти сложные преобразования. И в Академии было создано отделение международного экономического и финансового права, которое впоследствии преобразовалось в Институт международного частного права, успешно развивающийся и в настоящее время.

Создавая эту образовательную структуру, Олег Емельянович положил начало специализации юридического образования в МГЮА — не только в отдельных областях научных юридических знаний (по отраслям права), но и по конкретным направлениям практической деятельности юристов. После Института международного частного права в Академии были созданы и другие институты: банковского права, адвокатуры, энергетического права.

Авторитет Олега Емельяновича в образовательном юридическом сообществе был непререкаемым. Благодаря его усилиям Московская государственная юридическая академия (совместно с МГУ им. М. В. Ломоносова) стала головным вузом Учебно-методического объединения по юридическому образованию высших учебных заведений РФ (УМО).

О. Е. Кутафин активно работал в этом государственнообщественном органе, структурно и функционально изменяя его деятельность. Олегу Емельяновичу удалось сплотить вокруг себя лидеров юридического образования в стране, провести существенную децентрализацию работы УМО. По его предложению в федеральных округах на базе ведущих юридических образовательных центров были созданы Учебнометодические советы (УМС) УМО по юридическому образованию. Это позволило активизировать работу на местах: все значимые решения и действия проходили предварительную серьезную проработку в УМС и лишь затем выносились на обсуждение УМО по юридическому образованию.

Олегу Емельяновичу принадлежала инициатива проведения выездных заседаний УМО по юридическому образованию в федеральных округах. Никогда не забуду поездки в Ростов-на-Дону (Южный федеральный округ) и Владивосток (Дальнево-

сточный федеральный округ). Кроме интересных и содержательных обсуждений самых острых и злободневных вопросов жизнедеятельности юридического образовательного сообщества, обязательно находилось время для изумительного неформального человеческого общения. В эти минуты все присутствующие объединялись вокруг Олега Емельяновича. Он умело вел беседу — с неизменными шутками, удивительно точными комментариями. Царила подлинно товарищеская атмосфера, в обстановке которой разгорались жаркие дискуссии и непринужденно решались многие, казалось бы, неразрешимые вопросы.

КУТАФИНЦЫ В ДУШЕ

Олег Емельянович при жизни стал классиком юридической науки, служил примером упорства и трудолюбия в науке (неизменным принципом его жизни было — ни дня без научной работы), его отличали весьма оригинальные, новаторские подходы к решению различных научных проблем, порой выходящих за рамки традиционных представлений о конституционном праве, которым он занимался всю свою жизнь. При любом удобном случае (чаще всего за обедом) Олег Емельянович любил проговаривать то, какими научными проблемами он занимается в настоящее время, какие вопросы в связи с этим собирается поднимать и рассматривать, предлагал пути их решения. Поэтому мы, в частности ректорат, были в курсе научных интересов Олега Емельяновича, тех научных проблем, которыми он занимался на том или ином жизненном отрезке.

Последние десять лет Олег Емельянович работал по принципу — каждый год издавать монографию на самую актуальную научную тему. Результатом стал целый цикл работ по конституционному и другим смежным отраслям права. Причем эти труды представляли собой комплексные исследования на злободневные темы, порой носящие межотраслевой характер.

Весьма интересным в научном плане было предложенное Олегом Емельяновичем исследование правового положения юридического лица в конституционном праве. Правовая категория юридического лица традиционно является предметом рассмотрения гражданского права. Собственно, в этой области обычно проводились фундаментальные исследования по этой проблематике. А Олег Емельянович рискнул проанализировать статус юридического лица с позиции конституционного права. Получилось весьма интересное исследование под названием

«Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица», в котором он весьма подробно рассмотрел вопросы участия публичных государственных и муниципальных образований в гражданском обороте. Ценность данной монографической работы состояла в том, что она была выполнена на стыке гражданского, конституционного и муниципального права.

Все прекрасно знали Олега Емельяновича как талантливого ученого, блестящего педагога, организатора науки и образования. Он был не только приветливым и добродушным человеком, был еще интереснейшим собеседником, с острым умом, прекрасной эрудицией и энциклопедическими знаниями. Интеллектуалом в собственном смысле этого слова.

Вспоминаю «посиделки» с участием Олега Емельяновича, на которых он всегда блистал своими глубокими познаниями в самых разных областях знаний. Как интереснейшему рассказчику и полемисту равных ему не было. Он легко увлекал присутствующих удачно рассказанным анекдотом, поразительно точной, к месту сказанной шутливой репликой. При этом неизбежно возникающие при первом знакомстве с собеседником сдерживающие барьеры снимались одной искрометной шуткой, фразой, произнесенной Олегом Емельяновичем. После этого воцарялась обстановка непринужденного обсуждения существа вопросов, сопровождаемая очень меткими кутафинскими комментариями и тонким юмором.

Поражали его интеллект и широта интересов. Олег Емельянович мог совершенно свободно и компетентно общаться на любую тему. Глубокий знаток отечественной и зарубежной литературы, постоянно отслеживающий книжные новинки, он делал великолепные критические литературные обзоры в контексте той или иной обсуждаемой проблемы. Очень часто за обедом Олег Емельянович крайне заинтересованно обсуждал прочитанное или перечитанное накануне художественное произведение. Он был признанным знатоком поэзии, мог часами читать по памяти стихи русских и украинских поэтов, особенно — любимого им А. С. Пушкина.

Кроме литературы, Олег Емельянович увлекался музыкой. С детства он играл на скрипке, коллекционировал записи классических произведений. Мы знали еще об одном его музыкальном увлечении и, бывая за границей, всегда искали ему в подарок запись гимна соответствующего государства. На протяжении многих лет Олег Емельянович собирал гимны самых

разных стран мира. Многие знал наизусть, напевая их при случае. У него была весьма обширная коллекция. Об этом могу судить, основываясь на том, что во время отдыха в Андорре мне с трудом удалось достать ему в подарок диск с гимном этого государства. Каким же было мое удивление, когда я узнал, что такая запись у него уже есть.

Олег Емельянович пользовался абсолютным авторитетом в коллективе. Он знал всех лично: от уборщицы до преподавателя. Для каждого у него находилось приветливое слово, готовность внимательно выслушать, помочь, поддержать. Случайная встреча с Кутафиным в коридоре Академии давала огромный заряд бодрости и оптимизма на весь оставшийся рабочий день. В свое время меня поразил один факт, отчетливо свидетельствующий о той колоссальной популярности, которой пользовался Олег Емельянович в нашем коллективе.

В 2002 году проходили очередные выборы ректора Московской государственной юридической академии, организацией которых по должности мне пришлось заниматься. Кандидатом на должность ректора был выдвинут Олег Емельянович Кутафин, за плечами которого уже было пятнадцать лет руководства Академией. Вполне естественно, что за такой длительный период руководства многотысячным коллективом у людей могли накопиться самые разные претензии к руководителю. После подсчета голосов поразило то, что все делегаты конференции (а их было несколько сотен!) единогласно проголосовали за избрание ректором МГЮА О. Е. Кутафина. Это означало, что коллектив по достоинству оценил заслуги Олега Емельяновича на посту руководителя Академии и, безгранично доверяя ему, только с ним связывал будущее Академии. Такая оценка труда дорогого стоит.

Создание уникального коллектива единомышленников, способного решать самые сложные задачи, стоящие перед юридическим образованием, — несомненная заслуга Олега Емельяновича. По его инициативе создавались новые кафедры (криминологии, уголовно-исполнительного права и юридической психологии; конституционного права зарубежных стран; адвокатуры и нотариата; международного частного права и др.), институты как обособленные структурные образовательные подразделения Академии (прокуратуры, правоведения, международного частного права). Олег Емельянович собрал в Академии лучших ученых страны, специализирующихся в самых разных отраслях права. Поэтому его детище — Московская госу-

Кутафинское чудо 15

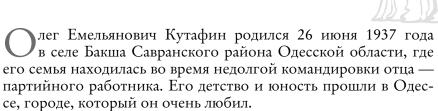
дарственная юридическая академия, которая еще при его жизни называлась в юридическом сообществе кутафинской, — вполне заслуженно носит имя академика РАН О. Е. Кутафина.

К сожалению, Олег Емельянович рано ушел из жизни, но память о нем сохраняется в наших сердцах, мы все в душе кутафинцы, мы всегда вспоминаем об Олеге Емельяновиче, гордо произнося: Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина. Эта память всегда будет жить в наших сердцах и сердцах наших потомков.

Фадеев Владимир Иванович,

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

О жизненном пути академика О. Е. Кутафина

Олег Емельянович прожил удивительно яркую жизнь, насыщенную богатством идей и свершений. Он оставил заметный след во всех сферах человеческой деятельности, которых коснулась неутомимая сила и творческая энергия его неординарной и деятельной натуры. Когда обращаешься к его биографии, к основным этапам его жизненного пути, то невольно возникает чувство удивления и восхищения многогранным талантом, разносторонней одаренностью Олега Емельяновича. Тем, как он развивал и реализовывал то, что было заложено в нем от природы, что дали ему семья, школа, вуз.

О. Е. Кутафин очень рано сформировался как личность. В одном из своих интервью он сообщает, что с детства интересовался политикой, особенно внешней, и считал, что ему больше всего подойдет стать юристом либо дипломатом. Юридическую стезю, по словам Олега Емельяновича, он выбрал уже в четвертом-пятом классе. В детстве читал очень много литературы, связанной с юриспруденцией, искал и изучал старые книги¹. Его детское восприятие своего будущего жизненного пути

¹ См.: Наша задача — поддержать законность в стране (интервью с сопредседателем Ассоциации юристов России, ректором Московской государственной юридической академии О. Е. Кутафиным). — Юридический мир, 2006, № 12.

не может не поражать дальнозоркостью и даже прозорливостью. Ведь сочетание научной и общественно-политической деятельности Олега Емельяновича всегда доминировало в его жизни, определяя его устремления, круг интересов, жизненный вектор. Его волевая, деятельная и творческая натура не могла и не хотела ограничиваться какими бы то ни было рамками.

Олег Емельянович был человеком высокой культуры, большого обаяния, изумительно интересным собеседником, замечательным рассказчиком. Его слабостью с юных лет, как он признавался, была классическая музыка. В детстве и отрочестве Олег Емельянович учился играть на скрипке, окончил музыкальную школу. Очень любил Вивальди, в последние годы заново открыл для себя Генделя. Он считал, что если бы люди любили классическую музыку, то они были бы гораздо добрее. «Я понимаю, — говорил он, — что все население нельзя научить классической музыке. Но проблема в том, что мы и не пытаемся это сделать. Наш народ воспитывается на мерзости, которую мы часто видим на телеэкранах, эстраде, в кино. И если мы хотим, чтобы наше общество развивалось не по тому пути, по которому оно развивается сейчас, мы должны хотя бы немного включать классическую музыку в теле- и радиопрограммы» 1.

Окончив в 1954 году школу с серебряной медалью, Олег Емельянович поступает на юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. Он активно включается в общественную жизнь вуза и добивается успехов во всех своих начинаниях. Получив диплом университета с отличием, своими способностями к научной, аналитической и творческой работе О. Е. Кутафин обращает на себя внимание видного ученогоюриста С. С. Кравчука². Так старейший профессор юридического факультета МГУ, один из зачинателей науки советского государственного права становится научным руководителем Олега Емельяновича, поступившего в 1959 году в аспирантуру. И вместе с тем он — признанный лидер студенческой молоде-

¹ См.: Наша задача — поддержать законность в стране (интервью с сопредседателем Ассоциации юристов России, ректором Московской государственной юридической академии О. Е. Кутафиным). — Юридический мир, 2006, № 12.

См.также: Работу академиков не должны оценивать дилетанты. — Парламентская газета, 20 марта 2008 г.

² См.: *Козлова Е. И., Михалева Н. А., Фадеев В. И.* Памяти Степана Степановича Кравчука // Argumentum ad judicium. ВЮЗИ — МЮИ — МГЮА. Труды. Т. 1. М., 2006. С. 12—22.

жи. Кутафин становится сначала секретарем бюро ВЛКСМ юридического факультета, а с 1959 по 1961 год он — секретарь комитета ВЛКСМ Московского университета, избирался членом президиума студенческого совета СССР и членом Комитета молодежных организаций СССР.

Из-за работы в комсомоле Олег Емельянович был вынужден прервать свою учебу в аспирантуре, на время полностью отдавшись общественной работе. Но никогда не жалел об этом. Он не раз говорил, что комсомол был ценен для государства не тем, что в головы его членов закладывались какие-то идеологические догматы, а тем, что большое количество людей получали навыки организаторской работы, умения руководить¹.

Безусловно, огромную роль в жизни О. Е. Кутафина сыграл МГУ. Именно здесь он в 1964 году оканчивает аспирантуру, сюда же возвращается после семи лет работы во Всесоюзном юридическом заочном институте. ВЮЗИ (так именовалась когда-то Московская государственная юридическая академия) стал тем вузом, где Олег Емельянович начал свою преподавательскую деятельность. Он проработал на кафедре советского строительства, которую возглавлял в то время профессор Я. Н. Уманский, один из крупнейших ученых-государствоведов, с 1964 по 1970 год. И уже в этот свой первый, сравнительно короткий период работы в ВЮЗИ Олег Емельянович сумел завоевать доверие коллектива, возглавив его партийную организацию.

В МГУ Олег Емельянович защищает сначала кандидатскую² (1965 г.), а затем и докторскую³ (1979 г.) диссертации, становится профессором (1981 г.). Здесь же работает заместителем декана юридического факультета с 1973 по 1982 год. На формирование научных взглядов О. Е. Кутафина и жизненной позиции существенное влияние оказал дух научной, творческой свободы, свойственный Московскому университету. Его учителями в науке (а в дальнейшем — близкими друзьями и единомышленниками) стали коллеги по кафедре государственного права и советского строительства — уникальной по своему составу. Это были крупные ученые, внесшие значительный вклад

 $^{^1}$ См.: Наша задача — поддержать законность в стране (интервью с сопредседателем Ассоциации юристов России, ректором Московской государственной юридической академии О. Е. Кутафиным). — Юридический мир, 2006, № 12.

² На тему «Постоянные комиссии палат Верховного Совета СССР».

³ На тему «Плановая деятельность Советского государства: государственно-правовой аспект».

в развитие науки государственного права, в подготовку научных кадров высшей квалификации: С. С. Кравчук, Г. В. Барабашев, Л. Д. Воеводин, Д. Л. Златопольский, Н. Я. Куприц, А. А. Мишин, К. Ф. Шеремет ^{1} .

Эта школа высочайшего теоретического, профессионального уровня помогла Олегу Емельяновичу максимально полно раскрыться уже в условиях новой России. Он участвовал в разработке проекта новой Конституции (1993 г.), работал в Президиуме Российской академии наук и Высшей аттестационной комиссии РФ. В течение долгого времени О. Е. Кутафин возглавлял Комиссию по вопросам гражданства при Президенте РФ, являлся членом совещательных, консультативных и иных органов в других государственных и общественных структурах: Совете по вопросам совершенствования правосудия, Комиссии по противодействию политическому экстремизму в Российской Федерации, Комиссии по предварительному рассмотрению кандидатур на должности судей федеральных судов, Совете по науке, технологиям и образованию при Президенте РФ, а также Научно-консультативном совете при Совете безопасности РФ. В 2007 году президентским указом он был утвержден членом Общественной палаты РФ.

С изумительным тактом и дипломатичностью Олег Емельянович умел добиваться решения весьма непростых задач, взаимодействуя со многими политиками, придерживающимися различных идеологических взглядов. Это ярко проявилось, в частности, в процессе прохождения в Государственной думе проекта нового Закона о гражданстве, разработанного под руководством Олега Емельяновича, в его работе на посту заместителя секретаря Общественной палаты, когда надо было устанавливать и расширять различные формы взаимодействия с фракциями Государственной думы.

Олег Емельянович работал во многих государственных, общественных структурах, принимал участие в решении многих важнейших для общества задач, но все же главным итогом его многогранной деятельности, любимым его детищем, делом всей жизни была Московская государственная юридическая академия.

Именно здесь в полной мере раскрылся талант Олега Емельяновича как организатора, руководителя, создателя вуза нового типа. Но прошло время — и он вернулся в ВЮЗИ, став

¹ См.: Конституционное (государственное) право в Московском университете / Отв. ред. Н. А. Богданова. М., 2005. С. 164—224.

его ректором в 1987 году, — и поставил задачу: превратить ВЮЗИ в ведущий юридический вуз страны. Далеко не все в те годы верили в реальность этих планов. Но надо было знать Олега Емельяновича Кутафина — он умел не только ставить перед собой цели, но и добиваться их. Уже в 1988 году в ВЮЗИ открылся дневной факультет, и два года спустя (в 1990 г.) ВЮЗИ был преобразован в МЮИ — Московский юридический институт, а в 1993 году МЮИ получил статус Московской государственной юридической академии¹. И поэтому так естественно вошло в нашу жизнь то, что МГЮА стала носить имя О. Е. Кутафина, ибо таковой она и была еще до официального признания этого всем известного факта.

Блестящие организаторские способности Олега Емельяновича проявились также и в работе на посту сопредседателя Ассоциации юристов России, которая была создана во многом благодаря его инициативе и усилиям. «У нас существовали две очень похожие организации юристов — Союз юристов России и Российский союз юристов, — говорил в своем интервью журналу "Законодательство" О. Е. Кутафин, — и здравый смысл подсказывал, что их следует объединить. Поэтому создание на их основе Ассоциации российских юристов — явление закономерное»². 22 декабря 2005 года в Москве, в Колонном зале Дома Союзов, состоялся учредительный съезд Ассоциации юристов России, ставший заключительным этапом процесса объединения региональных и федеральных союзов юристов. Ассоциация является общероссийской общественной организацией, призванной преодолеть существующую ведомственную разобщенность и консолидировать юридическую общественность страны с целью дальнейшего содействия проведению правовой реформы в России и успешной реализации приоритетных национальных проектов.

Он видел стратегическую задачу этой организации в том, чтобы наладить в стране правовое воспитание, заботиться о том, чтобы был интерес к юриспруденции. При этом Ассоциация, по его мнению, должна также бороться с негативными процессами в сфере юридического образования. «Наша задача, — говорил он, — поддержать законность в стране, и мы будем приветствовать любые действия, если они направлены на пользу России».

 $^{^1\,}$ См.: Московская государственная юридическая академия. 1931—2006. — М., 2006. С.74—82.

² «Законодательство», 2006, № 4.

Кроме того, Олег Емельянович выступал за то, чтобы Ассоциация непременно была и организацией правозащиты. При этом, по его мнению, суть современной правозащитной деятельности отличается от той, которая велась в СССР в условиях тоталитарного строя. Он считал, что сегодня правозащитники могут стать союзниками государства. И поэтому он выступал за взаимодействие Ассоциации юристов России с государственными органами при решении вопросов защиты прав и свобод граждан¹.

Будучи внутренне глубоко свободным человеком, Олег Емельянович не скрывал своего критического подхода к оценке негативных сторон в деятельности государственных, политических и общественных структур. Он пишет об этом в своих научных работах, говорит, выступая на конференциях и совещаниях, давая интервью.

Его кредо — это активная общественная позиция. Олег Емельянович исходил из того, что демократическое общество — это общество, которое по-настоящему активно, неравнодушно. В одном из интервью журналу «Юридический мир» он говорит: если у нас не будет общественной активности, то у нас не будет ничего. Главное в демократии, отмечал он, не просто наличие выборов, хотя, конечно, они необходимы для ее существования. «Главное для демократии то, что у нас должно быть гражданское общество, то есть общество, активно участвующее в государстве и политической жизни. Участвующее не просто как наблюдатели... Если мы будем относиться к нашим политикам так снисходительно, как мы относимся к ним сейчас, то мы никогда ничего не добьемся», — подчеркивал он².

В своей монографии «Российский конституционализм» О. Е. Кутафин указывает на опасность развития у нас мнимого конституционализма, на его девальвацию, которая уже происходит вследствие расхождения между конституционными принципами и нормами и реальной действительностью, и обосновывает необходимость укрепления гарантий конституционности в нашей стране³.

 $^{^{1}}$ См.: Наша задача — поддержать законность в стране (интервью с сопредседателем Ассоциации юристов России, ректором Московской государственной юридической академии О. Е. Кутафиным). — Юридический мир, 2006, № 12.

² Там же.

³ См.: Российский конституционализм. — М., 2008. С. 7, 149.

Олег Емельянович был человеком государственного мышления: он прекрасно понимал значение и ценность для развития нашего государства и общества исторических, национальных, научных традиций. В связи с этим его беспокоило то, в каких условиях сегодня находится высшая школа, наука. Великая страна и великое общество, считал он, не имеют права позволить себе такие условия. Уничтожить научные школы легко, а чтобы их создать, требуются сотни лет. В новой, демократической России, говорил он в одном из своих интервью, забыли о том, что Академия наук всегда была гордостью России, что она будущее России, что Россия веками стояла не на нефти, не на газе, а на науке, на умах российских. Без науки сегодня практически никакие успехи в развитии государства невозможны, делал он вывод. При этом у нас есть своя школа, есть свои традиции. «Англичане, например, никогда не откажутся от своих традиций... Мы же готовы отказаться от всего, как будто бы мы никогда не существовали, как будто бы не было тысячелетней России, как будто не было в России блестящих научных школ», — говорил он ^{1} .

Олег Емельянович, обладая стратегическим мышлением, прекрасно понимал, что современная Россия нуждается в модернизации. В своей последней монографии «Российский конституционализм» он подчеркивает, что развитие российского конституционализма напрямую связано с решением задач модернизации и европеизации страны². Однако решение этих задач должно осуществляться, по его мнению, не формально, а творчески: путем сохранения и развития существенных черт, присущих конституционализму, но с учетом особенностей условий российской действительности, с использованием зарубежного опыта, но без подражательной европеизации. При этом ему не чужда была идеология консерватизма, выступающего за сохранение традиционных базовых ценностей, за эволюционное развитие общества.

Олег Емельянович считал, в частности, что юридическое образование, как и профессия юриста, дело консервативное. Нет ничего лучше, по его мнению, чем юрист, подготовленный

¹ См.: Интервью: Работу академиков не должны оценивать дилетанты. — Парламентская газета, 20 марта 2008 г.; Наша задача — поддержать законность в стране (интервью с сопредседателем Ассоциации юристов России, ректором Московской государственной юридической академии О. Е. Кутафиным). — Юридический мир, 2006, № 12.

 $^{^2\,}$ См.: *Кутафин О. Е.* Российский конституционализм. — М., 2008. С. 7.

в старых традициях. «Право старо как мир. И в этом смысле хороший консерватизм права — это ценность» 1. Обращаясь к реформам в сфере образования, он выступал за сохранение традиций юридического образования, которые были свойственны нашей школе много лет. «Я очень осторожно изменял бы только то, что связано с модернизацией учебного процесса», — говорил он в одном из своих интервью 2.

У него была своя позиция и свое отношение к Болонскому процессу. Точнее, к тому, как у нас этот процесс воспринимается и осуществляется. И как всегда, О. Е. Кутафин не скрывал своих взглядов, выражал их открыто, публично. В одном из интервью Олег Емельянович так сформулировал собственный взгляд на участие российской системы образования в Болонском процессе: «Центростремительные силы глобализации неизбежно затрагивают все стороны жизни, в том числе сферу образования. Связанные с этим проблемы актуальны для большинства людей — как работников данной сферы, так и всех пользующихся ее услугами. Нельзя забывать и о том, что рационально выстроенная система образования служит интересам государства, обеспечивает его развитие на десятилетия вперед.

Что же предлагается взамен привычных схем? В 1999 г. министрами высшего образования 29 европейских государств была принята Болонская декларация, в основу которой положены задачи установления более тесных связей между странами всей Европы, формирования и укрепления ее интеллектуального, культурного, социального и научно-технологического потенциала. Иными словами, перед европейскими народами открылся путь интернационализации образования. Более шести лет идеи этой декларации реализуются на практике, а их претворение в жизнь получило название "болонский процесс".

Россия, готовящаяся к вступлению в ВТО, конечно, не могла остаться в стороне. В отдельных отечественных вузах постепенно внедряются элементы болонской концепции. Но отношение к этим нововведениям в образовательной среде и в России, и в Европе далеко не однозначно, поскольку каждая страна имеет свои традиции в этой области и гордится ими. Для нас важно прежде всего то, что предполагаемая Болонской деклара-

¹ См.: Наша задача — поддержать законность в стране (интервью с сопредседателем Ассоциации юристов России, ректором Московской государственной юридической академии О. Е. Кутафиным). — Юридический мир, 2006, № 12.

² Там же.

цией схема построения европейского образования существенно отличается от концепции российского образования. В частности, болонский процесс включает изменение ступенчатости образования (3—4 года бакалавриата и 1—2 года магистратуры вместо привычных нам пяти лет обучения специалиста), обновление принципов преподавания предметов в целом, принятие единой системы стандартных дипломов, введение так называемых кредитов (баллов, начисляемых за каждый прослушанный курс), разработку процедур контроля за качеством обучения. К концу первого десятилетия наступившего века Европа планирует создать новое образовательное пространство. Полагаю, России необходимо участвовать в болонском процессе, но так, чтобы национальная школа не потеряла, а приумножила свои достижения»¹.

Наибольшую неудовлетворенность в сфере юридического образования и науки у Олега Емельяновича, по его словам, вызывало то, что он постоянно сталкивался с вещами, которые, с его точки зрения, абсолютно неразумны и неприемлемы. Его возмущало, что сугубо профессиональными вопросами занимаются порой люди, ничего не понимающие в них. «С одной стороны, мы строим правовое государство, которое построить без юристов — это все равно что дом построить без строителей. А с другой, система юридических вузов, которую мы создали, — эта система не способствует улучшению качества подготовки юристов... Так мы создали коммерческие вузы, большинство из которых ничего не дают, кроме отсрочки от армии и очень сомнительных знаний. При этом у нас появилось множество людей, которые прорываются в кандидаты, доктора наук, и на этой основе мы лишаемся полноценной преподавательской базы. Качество законов у нас настолько ухудшилось, что просто страшно об этом говорить»². Как сопредседатель Ассоциации юристов России, Олег Емельянович видел одну из главных задач АЮР в том, чтобы помогать государству в законодательной и другой законотворческой деятельности. Проводить экспертизы, рецензировать нормативные акты, причем не только в ответ на соответствующие обращения, но и по собственной инициативе.

 $^{^1~}$ См.: Интервью с ~ О. Е. Кутафиным, доктором юридических наук, профессором, ректором МГЮА. — Законодательство, 2006, $N^{\rm o}$ 4.

 $^{^2}$ См.: Интервью с О. Е. Кутафиным // Российский юридический журнал, 2008, $N^{\rm o}$ 6.

Отвечая на вопрос корреспондента журнала «Законодательство»: «Каким Вы видите будущее юридической профессии?», Олег Емельянович отметил, что, «к сожалению, в нашей стране к юриспруденции традиционно относились с некоторой опаской, с осторожностью, а слова "юрист", "юриспруденция" у многих до сих пор ассоциируются лишь с прокуратурой и судом. Тем не менее в сложных ситуациях о юристах люди всетаки вспоминают и обращаются к ним за содействием. Каждый из нас хотел бы иметь своего врача, который вызывает безоговорочное доверие и хорошо знает состояние здоровья своего пациента, а потому может оказать максимально эффективную помощь. Точно так же необходимы "личные" юристы. У любого человека должен быть свой адвокат, который располагает полной информацией о финансовых делах клиента, его имущественных проблемах. Конечно, для этого нужен определенный материальный уровень, пока же в нашей стране подобная практика не распространена. Малообеспеченные граждане, которые не в состоянии оплатить услуги юристов, могут получить лишь бесплатную юридическую консультацию, и то далеко не всегда. Надеюсь, со временем эту ситуацию удастся изменить. Я уверен, что юридическая профессия будет вечной, и чем дальше, тем более популярной»¹.

Юридическое образование, считал Олег Емельянович, должно не только давать сугубо профессиональные знания и навыки. Юрист, по его мнению, должен быть разносторонне образованным человеком, с большим культурным балансом. «Меня часто спрашивают: почему у вас в учебных планах так много времени отводится истории государства и права России, зарубежной истории, истории политических и правовых учений, логике... Я отвечаю — это все создает культуру», — отмечал О. Е. Кутафин².

Научное наследие Олега Емельяновича Кутафина уникально. Любая из его монографий поражает своей основательностью, фундаментальностью. По масштабу охвату источников, уровню обобщению научных взглядов, глубине анализа проблем его работы последних лет, пожалуй, не имеют аналогов. Каждая из них является, по сути, энциклопедией по исследуе-

¹ «Законодательство», № 4, апрель 2006 г.

² См.: Наша задача — поддержать законность в стране (интервью с сопредседателем Ассоциации юристов России, ректором Московской государственной юридической академии О. Е. Кутафиным). — Юридический мир, 2006, N° 12.

мой проблематике. И в своей совокупности они, безусловно, являются энциклопедией конституционного права России.

Неповторимость научного наследия О. Е. Кутафина состоит также и в том, что по его монографиям можно изучать развитие конституционно-правовой мысли в России, ибо они позволяют проследить практически все научные дискуссии по основным государственно-правовым проблемам в науке как дореволюционного, советского, так и современного конституционного права. Это придает работам О. Е. Кутафина, как справедливо указывают рецензенты, характер науковедческого жанра¹.

Преемственность в науке Олег Емельянович рассматривал в качестве необходимого условия, принципа ее развития. Он последовательно придерживался этого подхода в своих научных исследованиях, очень взвешенно подходил к предложениям о кардинальном пересмотре устоявшихся в юридической науке понятий и категорий.

Так, признавая необходимость появления новых предметов в учебном плане МГЮА, обусловленную переходом к новым социально-экономическим и политическим отношениям, Олег Емельянович полагал, тем не менее, что не следует отказываться от существующих принципов построения российской системы права. Он считал, что нельзя идти по пути образования новых отраслей права, которые не имеют отличий от других, уже существующих, ни по предмету, ни по методу регулирования, поскольку они будут множиться в бесконечном количестве².

Критически подходил Олег Емельянович к оценке решений Конституционного суда $P\Phi$ как источнику права, не отвергая, впрочем, значения судебной практики для совершенствования законодательства. Вместе с тем он подчеркивал, что смысл конституционного правосудия заключается в том, чтобы обеспечивать порядок, при котором «все, что у нас делается, подчинялось бы Конституции». И ни один суд, включая Конституционный, создавать нормы права не должен. Он может лишь высказать свое мнение о том, в каком направлении следует решать вопрос, который регулируется той или иной нормой,

¹ См.: *Богданова Н. А.* Автономия: идеи и практика (размышления по поводу книги О. Е. Кутафина «Российская автономия»). — Конституционное и муниципальное право, 2006, № 9.

 $^{^2}$ См.: Интервью с О. Е. Кутафиным, доктором юридических наук, профессором, ректором МГЮА. — Законодательство, 2006, № 4.

ставшей предметом его рассмотрения¹. О. Е. Кутафин разделял мнение В. С. Нерсесянца, утверждавшего, что правотолковательное положение — это всегда лишь правило надлежащего понимания уже наличной толкуемой нормы права, а не новая норма права².

Критически Олег Емельянович оценивал и предложение признать у нас прецедент в качестве источника права. «При нашей ретивости вводить прецедент в качестве источника права очень опасно, — говорил он. — Опасно, потому что мы никак не можем разобраться даже с законом, научиться его строго соблюдать. Прецедент — это настолько сложная вещь, что здесь требуется очень высокая квалификация юристов. У нас, не дай бог, отойти от закона — и будут такие прецеденты, что мы не будем знать, куда от них деваться вообще»³.

При этом О. Е. Кутафин считал, что вопрос о судебных решениях как источнике права, а равно и многих других актах подобного рода не является таким простым, как это может показаться на первый взгляд. В своей монографии «Источники конституционного права» Олег Емельянович не исключал и более широкой трактовки этого понятия — «источник права», — которая не ведет, однако, к отказу от классического понимания источника российского права, а лишь дополняет этот подход⁴.

Научные работы Олега Емельяновича Кутафина имеют общетеоретическое значение, представляют интерес не только для специалистов в области конституционного и муниципального права, к ним обращаются и специалисты в сфере иных отраслей права. Речь идет прежде всего о таких монографических работах О. Е. Кутафина, как «Российский конституционализм» (2008 г.), «Источники конституционного права» (2002 г.), «Неприкосновенность в конституционном праве» (2004 г.), «Субъекты конституционного права как юридические и приравненные к ним лица» (2007 г.) и др.

 $^{^1\,}$ См.: Интервью с О. Е. Кутафиным. // Российский юридический журнал, 2008, № 6.

² См.: *Кутафин О. Е.* Источники конституционного права Российской Федерации. — М., 2002. С. 146.

³ См.: Интервью с О. Е. Кутафиным. — Российский юридический журнал, 2008, № 6. См. также: *Кутафин О. Е.* Источники конституционного права Российской Федерации. — М., 2002 . С. 145—146.

⁴ См.: *Кутафин О. Е.* Источники конституционного права Российской Федерации. — М., 2002 . С. 145—147.

Научная ценность и значение теоретического наследия Олега Емельяновича Кутафина обусловлены также и тем, что ему принадлежит ведущая роль в разработке концептуальных основ современного российского конституционного права: учебник по конституционному праву России, написанный им в соавторстве с Е. И. Козловой, был удостоен премии Президента Российской Федерации¹ — уникальный случай в сфере юридического образования. Учебник по муниципальному праву, написанный им в соавторстве, был первым в истории России учебником по этой дисциплине².

Его научные труды переведены на иностранные языки и хорошо известны за рубежом. Олег Емельянович много делал для развития научных контактов с зарубежными учебными и научными заведениями. Он был удостоен, в частности, почетного звания «Доктор honoris causa» — самого высокого звания в высших учебных заведениях Болгарии³.

Об уровне признания научных заслуг Кутафина-ученого красноречиво говорит тот факт, что, став в 2000 году членом-корреспондентом Российской академии наук, через три года он был избран действительным ее членом, пятым академиком-юристом за всю историю РАН. В последние годы Олег Емельянович вошел в Президиум РАН, став, по сути, руководителем всего сектора общественных наук.

Многогранная деятельность О. Е. Кутафина была высоко оценена и государством. За большой вклад в науку, становление российской государственности и подготовку высококвалифицированных специалистов он становится полным кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством»⁴. Получает звание «За-

 $^{^1}$ См.: Указ Президента Российской Федерации от 3 октября 2002 г. № 1114 «О присуждении премий Президента Российской Федерации в области образования за 2001 год».

² См.: *Кутафин О. Е.*, *Фадеев В. И.* Муниципальное право Российской Федерации. — М., 1997.

³ См.: Русская газета, 2 июня 2005, № 21 (92).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 26 мая 2007 года № 657 «О награждении орденом "За заслуги перед Отечеством" I степени Кутафина О. Е.», Указ Президента Российской Федерации от 26 июня 2002 года № 652 «О награждении орденом "За заслуги перед Отечеством" II степени Кутафина О. Е.», Указ Президента Российской Федерации от 6 мая 2000 года № 825 «О награждении орденом "За заслуги перед Отечеством" III степени Кутафина О. Е.», Указ Президента Российской Федерации от 18 июня 1997 года № 624 «О награждении орденом "За заслуги перед Отечеством" IV степени Кутафина О. Е.».

служенный деятель науки Российской Федерации», награжден медалью имени А. Ф. Кони Министерства юстиции РФ, нагрудными знаками «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», «Почетный работник прокуратуры», «Почетный адвокат», почетным знаком «Общественное признание» и др. В 1997 году Олег Емельянович становится лауреатом премии «Фемида»¹, а в 2003 году — лауреатом премии им. Михаила Ломоносова (с вручением золотой медали — за выдающийся вклад в развитие науки, образования, культуры и искусства).

В декабре 2006 года Московская государственная юридическая академия торжественно отметила 75-летие со дня своего создания. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем обращении к коллективу Академии поздравил профессорско-преподавательский корпус, студентов и выпускников и отметил, что «за прошедшие десятилетия МГЮА прошла путь от Центральных заочных курсов до одного из крупнейших отечественных учебных и научных центров... Отрадно, что и сегодня профессорско-преподавательский коллектив МГЮА стремится идти в ногу со временем, совершенствует методики преподавания, развивает сеть филиалов, поощряет перспективные научные разработки и инновации»².

В 2007 году О. Е. Кутафину исполнилось 70 лет. Он оставляет пост ректора МГЮА, как того требует законодательство, и становится президентом МГЮА, работает над планами дальнейшего развития Академии, расширением ее взаимодействия с государственными и общественными структурами, а также укреплением межвузовских, международных контактов. Он по-прежнему энергичен, полон творческих планов, работает над очередной монографией по конституционному праву.

Вклад Олега Емельяновича в решение задач и вопросов, связанных с развитием МГЮА как вуза нового поколения, трудно переоценить в силу значимости, масштабности и эффективности этого вклада. Его усилия получили всеобщее признание. В 2008 году МГЮА становится лауреатом высшей юридической премии «Фемида» в номинации «Alma mater» — за инновационный подход к юридическому образованию, создание оригинальной разветвленной системы специализированной подготовки выпускников в виде профильных институтов пра-

 $^{^1\,}$ См.: Московская государственная юридическая академия. 1931—2006. — М., 2006. С. 149.

² MΓЮΑ. Ham 75! — M., 2007. C. 6.

воведения, международного частного права, прокуратуры, судебных экспертиз, банковского права, адвокатуры.

Вручение премии состоялось 17 февраля 2009 года, но проходило уже без Олега Емельяновича: он умер 4 декабря 2008 года. Как писала «Российская газета», после того как номинантом «Фемиды» была объявлена МГЮА, зал взорвался аплодисментами. И не случайно — для многих в юридическом сообществе выражение «Alma mater» прочно связано с Московской государственной юридической академией. За 77 лет через ее стены прошли 170 тысяч выпускников.

Получая премию, ректор МГЮА В. В. Блажеев отметил, что видит в этом акте признание высоких заслуг коллектива академии и тех выдающихся ученых и педагогов, которые на протяжении многих лет готовили квалифицированные юридические кадры. Кроме того, отметил он, это достойный акт памяти по отношению к ушедшему из жизни президенту Академии Олегу Емельяновичу Кутафину¹, возглавлявшему Академию двалцать лет².

В 2009 году в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 23 декабря 2008 г. N° 1814 «Об увековечении памяти О. Е. Кутафина» и распоряжением Правительства Москвы от 12 февраля 2009 г. N° 206 РП Московской государственной юридической академии было присвоено имя О. Е. Кутафина. 4 декабря 2009 года в Академии состоялось торжественное открытие мемориальной доски и бюста в память Олега Емельяновича Кутафина. А 9 декабря 2009 года, в день проведения в Москве Международной научно-практической конференции «Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения)», состоялось торжественное открытие мемориального музея президента МГЮА, выдающегося российского юриста, академика РАН Олега Емельяновича Кутафина.

См.: Новая адвокатская газета от 20 февраля 2009 г.

² См.: Российская газета от 19 февраля 2009 г.

Зорькин Валерий Дмитриевич,

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РФ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Доверенный права

Мы весьма тесно общались в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов. Познакомились на юридическом факультете Московского государственного университета. Олег Емельянович был старше меня почти на шесть лет, так что, когда я только начинал учебу, он уже заканчивал ее и поступал в аспирантуру. В тот период он, как известно, возглавлял комитет ВЛКСМ МГУ, причем был не только формальным руководителем, но и носителем, что называется, неформальной харизмы.

С ностальгией вспоминаю то золотое студенческое время... Время «оттепели», время надежд, время первых порывов интеллектуальной и духовной свободы... Время, когда молодежь считалась подлинной надеждой общества. А надо помнить, что в советские годы именно комитет ВЛКСМ отвечал не только за учебную, но и за всю внеучебную жизнь студентов и аспирантов. Организация досуга и общения, помощь селу и поэтические вечера, туристические походы и интеллектуальные диспуты — всем этим занималась и комсомольская организация МГУ, во главе которой стоял Олег Кутафин. Разумеется, и я, как человек весьма деятельный, был активно вовлечен во все эти процессы. И знаете, чем наш тогдашний комсомольский лидер запоминался больше всего? Своей яркой организаторской энергией, постоянной жаждой большого дела. Уже в ту

пору, на мой взгляд, было очевидно, он рано или поздно встретит такое дело на своем жизненном пути...

Второй период нашего относительно частого общения — это семидесятые годы, время нашей преподавательской и научной работы на юридическом факультете МГУ. Нельзя сказать, что в ту пору наши дороги особенно тесно пересекались, — все-таки мы трудились на разных кафедрах. Впрочем, мы почти одновременно защитили докторские диссертации — я в 1978 году в Институте государства и права Академии наук по теме «Позитивистская теория права в России...», а он — в 1979 году в МГУ по теме, посвященной государственно-правовому аспекту плановой деятельности нашего государства.

Мне почему-то кажется, что выбор им этой темы был продиктован не только некими научными приоритетами, но и какой-то глубокой внутренней склонностью Олега Емельяновича к подобного рода работе. Мне помнится, что уже в те годы он отличался склонностью к детальному, скрупулезному планированию своей научной деятельности... Наверное, влияние его личности на выбор научной темы и, соответственно, влияние избранной им темы на свойства личности было взаимным и, естественно, взаимно благотворным. Собственно, это во многом и помогло ему стать тем, кем он стал... Ведь как верно замечено классиками, «даже гений без системы ничто». А уж систему в своей жизни и деятельности Олег создать сумел...

Ну и наконец, что называется, «третья фаза» нашего общения началась с конца 80-х — начала 90-х годов. Он в 1987 году стал ректором ВЮЗИ (с 1990 г. — МЮИ, с 1993 года — МГЮА) и, как известно, оставался во главе Академии до конца своих дней. Я в это время был профессором кафедры конституционного права и теории государства и права Академии МВД СССР, затем, в 1990—1991 годах, возглавлял группу экспертов Конституционной комиссии Съезда народных депутатов России, а в конце октября 1991 года стал председателем Конституционного суда нашей страны.

С тех пор наше общение стало, что называется, «общением лиц, которым доверено право». Это, конечно, не значит, что оно стало сугубо официальным. Разумеется, у Олега Емельяновича было много государственных и общественных обязанностей. Он был председателем Комиссии по вопросам гражданства при Президенте России, членом Высшей квалификационной коллегии судей, членом Совета Общественной

палаты Российской Федерации, президентом Союза юристов, а затем — председателем Ассоциации юристов России. Но при всем этом он оставался прежде всего выдающимся ученымюристом.

Неудивительно, что именно к этому времени в основном и относится наш опыт совместной работы. Это была прежде всего научно-практическая деятельность, направленная на утверждение в нашей стране идеалов и ценностей конституционализма, правовой государственности, свободы, равенства и народовластия. Она велась и в стенах Конституционного суда Российской Федерации, где Кутафин выступал как специалист высочайшей квалификации, и в рамках деятельности по созданию единой всероссийской общественной организации правоведов (которой стала Ассоциация юристов России). И наконец, в составе целого ряда авторских коллективов по подготовке совместных работ, в том числе нескольких комментариев к Конституции Российской Федерации.

Пожалуй, больше всего запомнилось его выступление в КС на проходившем в 1995 году процессе по делу о проверке правовых актов, связанных с восстановлением конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики.

Напомню, что согласно актам Президента России и основанным на них решениям ее Правительства в декабре 1994 года в Чечню были введены регулярные войска, в том числе танковые подразделения. В этих условиях надо было объяснить, чем было вызвано применение таких экстраординарных мер, да еще и путем использования процедур, непосредственно не прописанных в Конституции (ведь ни чрезвычайное положение, ни состояние войны при этом не объявлялись).

Олег Емельянович, выступавший, что называется, «на стороне» представителей Президента и Правительства, весьма убедительно, с привлечением большого фактического материала стремился обосновать правомерность принимавшихся мер экстраординарным характером сложившейся в республике ситуации, сочетавшейся с тогдашней слабостью государственных силовых структур. При этом он выступал с ярко выраженной (в хорошем смысле этого слова) экспрессивностью человека, любящего свою страну и глубоко переживающего происходящие в ней катаклизмы. «Поймите, — помнится, даже не говорил, а почти кричал он, — у сепаратистов танки и артиллерия, бросить против них только силы правопорядка — значит про-

сто обречь их сотрудников на убой!» Разумеется, его экспрессивность касалась фактических, а не правовых вопросов. Последние Кутафин всегда оценивал исключительно посредством своего холодного, трезвого разума юриста.

Тогда Конституционный суд в своем решении, как известно, признал соответствие Конституции актов Президента России по вопросу о восстановлении конституционного порядка в Чеченской Республике. Немалую роль в формировании именно такой оценки сыграла талантливая аргументация Олега Емельяновича, доказывавшего в качестве официального представителя президентской стороны недопустимость промедления и невозможность использования процедур объявления чрезвычайного или военного положения в сложной политической ситуации, усугубленной очевидными пробелами действовавшего тогда законодательства о соответствующих правовых режимах.

Впрочем, надо отметить, что далеко не все судьи Конституционного суда сочли соответствующую позицию юридически достаточной. Многие из нас выступили с особыми мнениями по делу. Да, ситуация на момент введения в Чечню федеральных войск действительно сложилась экстраординарная. Это однозначно вытекало из тех материалов, которые имелись в распоряжении Суда. Однако уже во время принятия решения по делу было ясно, что экстраординарность бывает разного рода и предполагает, соответственно, применение разных вариантов реагирования на нее.

Теперь привычными стали термины «международный терроризм», «радикальный ислам». Тогда в решении Конституционного суда эти понятия и стоящие за ним реалии не рассматривались. Это сейчас известно, что и в тот период все их признаки уже имели место. Я полагаю, что, наверное, не было бы впоследствии Хасавюртовского соглашения и, как следствие, второй контртеррористической операции по наведению конституционного порядка в Чеченской Республике, если бы пятнадцать лет назад государственной властью в Российской Федерации была дана надлежащая конституционно-правовая оценка ситуации в республике, были бы определены ее юридические параметры и, наконец, оперативно приняты вытекающие из нее адекватные меры, необходимые для защиты конституционного строя Российской Федерации. Это, думается, прекрасно понимал и Олег Емельянович — недаром именно он после «чеченского дела» одним из первых поднял проблему необходимости

определения конституционно-правовых основ формирования законодательства о противодействии терроризму.

Напрямую мы почти никогда не вели друг с другом ни очной, ни заочной научной полемики. Хотя, несомненно, всем юристам-конституционалистам хорошо известны наши расхождения в подходах, касающихся места, роли и значения решений Конституционного суда Российской Федерации в системе актов конституционного права нашей страны.

Олег Емельянович, находясь на традиционных для многих отечественных ученых позициях нормативистской правовой доктрины, по большому счету отрицал нормативный и тем более правотворческий характер решений Конституционного суда. Свою позицию он последовательно отстаивал в научных работах применительно и к постановлениям о толковании Конституции, и к иным решениям Конституционного суда. На мой же взгляд, они если и не являются прецедентами в собственном смысле, то, по крайней мере, имеют прецедентное значение.

Строго говоря, не только нашим актам, но и почти всем решениям судов вообще О. Е. Кутафин в своих трудах традиционно отказывал в статусе источников российского права. Лишь в последние годы он уточнил свою позицию, подчеркивая, что если говорить об источниках права в широком смысле (имея в виду их связь не с понятием «источник нормы», а с понятием «правовой акт»), то в таком случае постановления Конституционного суда можно отнести к «источникам правового результата». Но свойство нормативности у подавляющего большинства наших решений он по-прежнему отрицал и в силу этого, по сути, даже не считал нужным для себя рассматривать существо вопроса об обязывающей силе правовых позиций Конституционного суда России.

Впрочем, при рассмотрении конкретных проблем конституционного права, обращаясь к анализу содержания конкретных решений Суда, Олег Емельянович не мог не признавать их фундаментальной правовой значимости как реальных источников правовых предписаний. И это неудивительно. Считать решения органов конституционного контроля полностью лишенными нормативного значения, отрицать их роль как одного из важнейших (после самой Конституции) источников конституционного права — значит не замечать многолетних тенденций реального развития не только отечественной, но и общемировой практики. Придерживаться сформулиро-

ванных десятилетия назад строго позитивистских постулатов — значит отрицать меняющуюся на наших глазах правовую среду глобального мира, характеризующуюся, в числе прочего, и конвергенцией различных правовых семей, систем и доктрин (которая приводит в том числе и к росту значения так называемого судебного права). Наконец, не учитывать правовые позиции Конституционного суда — значит, по существу, не придавать должного практического значения выработанному и закрепленному в его решениях пониманию конституционно-правового смысла юридических норм. Разумеется, такой выдающийся ученый, как Олег Емельянович, не был способен отвергнуть очевидную реальность конституционно-правовой практики ради сколь бы то ни было стройных догматических конструкций.

Именно поэтому он смог великолепно постичь и должным образом отразить в своих (особенно в последних) книгах другой, весьма важный, я бы даже сказал — ключевой, для развития современного российского конституционализма аспект. Это то, в чем наши с ним позиции всегда находились в полном согласии друг с другом.

Ну что еще можно сказать о профессиональных качествах действительного члена Российской академии наук, полного кавалера всех четырех степеней ордена «За заслуги перед Отечеством», человека, удостоенного почти всех мыслимых для российского юриста почетных званий («Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Почетный работник прокуратуры Российской Федерации», «Почетный работник юстиции Российской Федерации», «Почетный адвокат», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации»)?

Все перечисленное говорит само за себя.

Кутафин был не просто выдающимся ученым-правоведом. Он стал пятым (!) за всю послереволюционную историю действительным членом Российской академии наук — представителем нашей, юридической специальности! Это говорит о том, что он входит в число наиболее достойных российских юристов последних десятилетий.

Он превратил заочный юридический институт в крупнейшую в нашей стране юридическую академию. Его усилиями она вошла в число нескольких ведущих правовых вузов России. Статус вуза и коллектив МГЮА сложились именно благодаря его неустанным трудам, которые он нес до последнего дня сво-

ей жизни... Что это значит? Это означает просто исключительные организаторские способности и высочайший талант руководителя.

Около трехсот научных работ, двадцать четыре монографии, столько же учебников и учебных пособий... В последнее десятилетие из-под пера Олега Емельяновича каждый год выходила как минимум одна новая книга (а иногда и две-три книги сразу). И все это он делал, уже давно будучи человеком далеко не богатырского здоровья. До самого конца он стремился донести до своих сограждан и коллег глубоко продуманные им пути и варианты решения наиболее актуальных политикоправовых проблем отечественной государственно-правовой жизни. Олег Емельянович всегда чувствовал глубочайшую ответственность не только перед наукой, которой он служил, но и перед нашим российским обществом, достойным членом которого он оставался всегда, во всех ситуациях.

Полагаю, просто невозможно найти такую область конституционно-правовой науки, которая не была бы в достаточной мере отражена в исследованиях О. Е. Кутафина. Вот названия нескольких последних (только последних) его работ: «Предмет конституционного права», «Источники конституционного права Российской Федерации», «Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица», «Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации», «Российское гражданство», «Российская автономия», «Российский конституционализм»...

Каждая из этих книг вошла в золотой фонд российской юридической литературы. А все они, в совокупности с другими трудами Олега Емельяновича, составили своего рода компендиум, охвативший, пожалуй, все актуальные вопросы, относящиеся к сфере государственно-правовой мысли нашего времени. И разумеется, в каждой из этих сфер выдвинутые Кутафиным идеи обладали и обладают весьма большим весом и значением.

Какая из его идей представляется мне, применительно к реалиям сегодняшнего дня, наиболее актуальной? Думаю, таковой является ключевая идея его последней работы. Она представляет собой твердое, непоколебимое убеждение в том, что будущее не только российского конституционализма, но и всего нашего общества и государства зависит не только от закрепления конституционных идеалов и ценностей в правовых актах и правоприменительной практике. В первую очередь оно опре-

деляется тем, будут ли эти ценности и идеалы надежно укоренены в умах, душах и сердцах наших сограждан.

И в этой связи я не могу еще раз не отметить конструктивность содержащегося в его монографии «Российский конституционализм» призыва к уяснению того, что содержание запретительных положений статьи 13 Конституции Российской Федерации относится лишь к партийно-политическим идеологиям и не может, в силу самой природы Конституции Российской Федерации, иметь какое-либо отношение к мировоззренческим постулатам, выражающим сами конституционные принципы и ценностные установки.

Поэтому сейчас особенно важно понимать необходимость всемерного усиления пропаганды указанных принципов и установок среди граждан России. Ведь доколе означенные в преамбуле Конституции Российской Федерации понятия «многонациональный народ России», «общая судьба», «мир и согласие», «добро и справедливость», «ответственность за Родину» и т. д. будут оставаться для многих (особенно для многих молодых) граждан России абстрактным словом, дотоле никакая стабильность в нашем Отечестве не может считаться надежно обеспеченной.

При этом никакие чисто юридические средства не смогут решить указанную проблему до тех пор, пока в нашей стране не появятся надлежащие механизмы массового идейноправового просвещения населения (в том числе соответствующие механизмы в сфере массовых коммуникаций). К их созданию на протяжении всей своей жизни призывал Олег Емельянович. Решение столь жизненно важной для страны задачи — наше общее дело. Надеюсь, что трудовой коллектив, студенты и выпускники Московской государственной юридической академии им. Олега Емельяновича Кутафина всегда были, есть и будут в первых рядах откликнувшихся на этот призыв.

Почти сотня подготовленных лично им российских ученыхюристов (в том числе более двух десятков докторов наук в области конституционного права) — это, по сути, целая научная школа, «школа Кутафина». Но она состоит не только из его учеников. Ведь он возглавлял не только МГЮА, но и академическую кафедру конституционного и муниципального права России. И сам коллектив кафедры, и все ее выпускники тоже в значительной мере прошли школу Олега Емельяновича, учив-

шего, что называется, «не для школы, а для жизни», как и написано в девизе МГЮА.

Он был настоящим гражданином, патриотом, эрудитом, интеллектуалом. Но прежде всего он был человеком. В нем все было настоящее, подлинное — и радость, и страдание. Были у него и недостатки. Не избежал он и ошибок. Словом, он был живой. Он любил жизнь. И мне кажется, это было взаимно.

Яковлев Вениамин Федорович,

СОВЕТНИК ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, МИНИСТР ЮСТИЦИИ СССР (1989—1990), ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЫСШЕГО АРБИТРАЖНОГО СУДА РФ (1992—ЯНВАРЬ 2005)

Кутафинский стиль

удьба нас свела естественным образом, мы работали в одной сфере — права, вузовской сфере. Помню хорошо, как мы встретились первый раз. Это было в 1976 году в Свердловске.

Тогда было два Министерства высшего образования — союзное и России. Распределение функций было такое: союзное министерство осуществляло методическое руководство, а министерства республик непосредственно управляли деятельностью вузов. При Министерстве высшего образования СССР был научно-методический совет по правоведению. В него входили наиболее опытные работники в области юридического образования. Членом совета был и молодой тогда Олег Емельянович Кутафин — кандидат наук, заместитель декана юрфака МГУ по науке.

Я был тогда уже доктором наук, проректором Свердловского юридического института по учебной работе и заместителем председателя совета — выдающегося советского юриста А. И. Денисова. Вскоре его сменил профессор МГУ Г. В. Барабашев, с которым Олег Емельянович работал на кафедре государственного права и советского строительства. Тогда, в 1976-м, они оба приехали в Свердловск на выездное заседание научнометодического совета. Там мы и познакомились. У нас сразу сложились хорошие товарищеские отношения, которые потом стали дружескими. Мы были единомышленниками, у нас сложился хороший триумвират.

Тогда вся сфера юридического образования была очень компактная, обозримая. Люди друг друга хорошо знали, часто встречались, проводились конференции и другие мероприятия. Научно-методический совет часто проводил выездные заседания на базе различных юридических факультетов и институтов. Мы приезжали в разные города, знакомились с работой вузов. Старались найти какие-то достижения, положительный опыт, которые потом распространяли через совет. А когда я переехал в Москву в 1987 году, наше общение с Кутафиным стало постоянным.

Олег Емельянович — масштабная личность. Человек редкого дара с точки зрения общения. Он был очень коммуникабельным, по-доброму, уважительно относился к людям, легко устанавливал хорошие отношения. Его дни рождения были в этом смысле очень показательны — там всегда было очень много людей. Я помню, он меня пригласил на свой первый юбилей в 1977 году. Был я и на его семидесятилетии. Так вот, когда гости собирались, не все знали друг друга, многие спрашивали: «А это кто?» Но все были его друзьями, коллегами из самых разных сфер его деятельности и периодов его жизни.

К тому же он обладал уникальным чувством юмора. Можно говорить об одесском юморе (он же — одессит), а правильнее — о кутафинском юморе. Он буквально фонтанировал, мог даже самые серьезные вещи прокомментировать юмористически. Это тоже был удивительный дар. Часто во время официальных заседаний, иногда в трудные, напряженные моменты, он мог подобрать уместную шутку.

Их было очень много, все знали, что кутафинский юмор может разрядить любую сложную ситуацию. Он, конечно, любил рассказывать и анекдоты. Но это умеют многие. Олег Емельянович отличался другим. Он умел видеть смешное во всяких обстоятельствах и мгновенно «выбрасывал» эти свои находки. Он просто сыпал шутками на ходу.

Вспоминаю такую историю. В 2004 году мы втроем сидели и разговаривали: вице-президент российской Академии наук по общественным наукам Владимир Николаевич Кудрявцев, Олег Емельянович Кутафин и я. Речь зашла обо мне,

Они обсуждали, как это я «вошел во власть» в 1989 году (тогда меня назначили министром юстиции СССР), так и работаю «во власти» до сих пор? От советской эпохи почти никого не осталось, а я продолжаю работать в качестве председателя Высшего арбитражного суда. Чем это объясняется?

В. Н. Кудрявцев в свойственной ему манере начал серьезно рассуждать. Он приводил аргументы, искал логику в поступках и событиях... А Олег Емельянович бросил только одну реплику: «А может, до него просто руки не дошли?» Это кутафинский стиль.

Олег Емельянович вел активную общественную деятельность. У него была четкая гражданская позиция, свой взгляд на все происходящее. Кутафин входил во многие общественные организации. Он нуждался в них, а главное — они в нем нуждались. Он был природным лидером.

Мы с ним работали во многих общественных организациях. В 1989 году создали в Москве первый Союз юристов. Хорошо помню активную роль Кутафина в этом деле. По-моему, он тогда отвечал за разработку устава. Я был одним из основных ведущих учредительного съезда. Тогда избрали первого председателя Союза — Требкова Андрея Адамовича. А мы с Олегом Емельяновичем вошли в руководящие органы новой организации.

После распада Советского Союза она превратилсь в Международный союз юристов, то есть юристов стран СНГ, хотя там были наши коллеги и из Европы. Мы с Олегом Емельяновичем продолжали работать и в этой структуре.

В тот период Андрей Адамович Требков создал еще и Союз юристов России, а затем передал свои полномочия председателя Кутафину. Позже образовался еще один параллельный союз юристов под руководством Сергея Вадимовича Степашина. Лично я был противником существования нескольких союзов. В 2005 году появилась идея объединить эти организации. Вот мы втроем и договорились об этом — Кутафин, Степашин и я. Процесс был сложным, потому что мы представляли в какойто мере конкурирующие организации, в которых были активные члены, тянувшие одеяло на себя. Но им удалось переступить через собственные амбиции, и состоялся объединительный съезд, появилась Ассоциация юристов России. В этой организации было три сопредседателя — Кутафин О. Е., Степашин С. В. и я. Мы председательствовали по году, по очереди, в соответствии с уставом. Первым в 2006 году Кутафин О. Е., в 2007 году — Степашин С.В., в 2008 году — я. После ухода из жизни Олега Емельяновича сопредседателем избрали Павла Владимировича Крашенинникова.

Еще мы вместе работали в Высшей квалификационной коллегии судей. Основной состав — $^2/_3$ судей выбранных на Всероссийском съезде. Я был в коллегии представителем Прези-

дента $P\Phi$, а Олег Емельянович представлял юридическую общественность, главным образом вузовскую профессуру. Были мы коллегами и в Совете по правосудию при Президенте $P\Phi$, работали с ним в Российской академии наук.

Олег Емельянович — академик, член Президиума РАН, в последний год своей жизни был секретарем Отделения общественных наук. По сути, организатор деятельности всех секций общественных наук. В Академии наук пользовался большим авторитетом, и его мнение имело большое значение.

В 1987 году мы оба получили в свои руки по хорошему коллективу. Я приехал в Москву — меня назначили директором Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства. Теперь это Институт законодательства и сравнительного правоведения. А Олега Емельяновича в это же время назначили ректором ВЮЗИ. Я думаю, что ему повезло и ВЮЗИ повезло.

Ему повезло потому, что он получил возможность применить свои многочисленные таланты. Обладатель прекрасных человеческих качеств, он — великолепный лектор, воспитатель, ученый. Отменный организатор, причем не командного типа, а такой, который ведет за собой людей, используя свой профессиональный, научный и человеческий авторитет.

Поэтому и ВЮЗИ повезло. Люди с ним всегда работали охотно. Он умел хорошо поставить дело, обеспечить интересы коллектива, который он возглавлял. Институт, конечно, и раньше был одним из центров юридического образования, с огромным количеством филиалов по стране. Но что сделал Олег Емельянович?

Во-первых, превратил институт в вуз с хорошим очным образованием, которое имеет свои безусловные преимущества перед заочным. Во-вторых, он обеспечил хорошую материальную базу своему вузу. Раньше ВЮЗИ существовал на птичьих правах. А тут в центре Москвы появился замечательный учебный комплекс, и лишь благодаря усилиям Олега Емельяновича. Он сформировал великолепный преподавательский коллектив, приглашал выдающихся ученых, которые охотно шли к нему работать. За 20 лет он сформировал один из лучших вузов страны — Московскую государственную юридическую академию.

Об уровне МГЮА говорит и тот факт, что госорганы, относилось ли это к Министерству юстиции или Высшему арби-

тражному суду, всегда обращались к ученым Академии за консультациями.

Вспоминается, кстати, еще один забавный эпизод.

Олег Емельянович Кутафин довольно часто заходил в Высший арбитражный суд, проводил заседания разных общественных структур. Раньше здание Суда занимала Высшая аттестационная комиссия при Правительстве Союза ССР, где происходила аттестация научных кадров. Там присваивали ученые степени кандидатов, докторов наук, звания профессоров и т. д. И мы с Кутафиным были членами комиссии. Потом в это здание въехал ВАС.

В «наследство» от ВАКа в вестибюле остался бюст М. В. Ломоносова. Он и сейчас там. Но однажды, когда мы стояли в вестибюле и разговаривали, Олег Емельянович сделал мне предложение: «Слушай, почему у тебя Ломоносов в Суде? Давай обменяемся. Ты мне в Академию Ломоносова отдашь, а я тебе — бюст Дзержинского».

Обмен, конечно, не состоялся.

Чайка Юрий Яковлевич,

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР РФ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РФ

Служение превыше жизни и карьеры

В ноябре 1995 года, когда я работал первым заместителем Генерального прокурора Российской Федерации, мы познакомились с Олегом Емельяновичем Кутафиным. И эта короткая встреча вылилась в крепкую мужскую дружбу.

Несмотря на чрезмерную занятость, Кутафин всегда находил время для разговора, что называется, по душам. А уж если дело касалось какой-то проблемы и к нему обращались за советом, он бросал все и уделял человеку столько внимания, сколько тому было нужно. Олег Емельянович был очень чутким, небезразличным человеком, с обостренным чувством справедливости. К нему за помощью обращалось много людей. Он одинаково внимательно относился и к хорошим знакомым, среди которых было немало известных юристов, и к начинающим специалистам.

Рядом с этим человеком мне всегда было комфортно, мы говорили на одном языке, были близки по духу. И поэтому довольно скоро перешли на «ты». У нас имелось очень много поводов для встреч, но гораздо чаще мы общались просто подружески. Общение с Олегом Емельяновичем всегда радовало меня — после него я чувствовал себя духовно и профессионально обогащенным. Время, проведенное с ним, пролетало быстро и интересно.

Я очень дорожил сложившимися между нами теплыми и доверительными отношениями. Мы обсуждали любые темы, от общечеловеческих до профессиональных. Он имел богатый

жизненный опыт и широкий кругозор, и для меня его советы были просто бесценны.

Мне вспоминается один случай, когда я занимал должность министра юстиции и задался вопросами подготовки специалистов в юридических вузах. К сожалению, в то время уровень образования правоведов в нашем отечестве, мягко говоря, оставлял желать лучшего. Меня это очень беспокоило, да и сейчас по-прежнему волнует. Ведь эта проблема до сих пор стоит очень остро. Люди получают дипломы о высшем образовании, приходят в прокуратуру, другие правоохранительные органы, и там выясняется, что они не знают даже азов права. Конечно, я не говорю огульно обо всех вузах и всех молодых специалистах. Но тем не менее предстоит еще большая работа, направленная на повышение уровня юридического образования в стране.

Сейчас этой проблеме власть уделяет серьезное внимание, а в те годы ею мало кто занимался. Олег Емельянович был первым, с кем я советовался о ней и кто поддержал меня конкретными инициативами. Вскоре после нашей беседы состоялся разговор на эту тему с тогдашним Президентом России — Владимиром Владимировичем Путиным. В результате была организована масштабная проверка в вузах, готовящих юристов.

Продолжая тему образования, я хотел бы особо отметить, что для самого Олега Емельяновича повышение уровня подготовки специалистов, в частности в возглавляемой им Московской государственной юридической академии, было главным предметом заботы. Этому он уделял очень много времени.

С тех пор как Кутафин в 1987 году возглавил тогда еще Всесоюзный юридический заочный институт, качество образовательного процесса в нем существенно повысилось. На сегодняшний день МГЮА — один из лучших вузов страны, который готовит высокопрофессиональных юристов. В нем, благодаря стараниям Олега Емельяновича, получили путевку в жизнь такие направления юриспруденции, которых нет в других институтах. На базе Академии при непосредственном участии Олега Емельяновича Кутафина создан Институт прокуратуры, где сейчас готовят высококлассных специалистов.

Считаю, что для нас престижно иметь Институт прокуратуры именно в структуре Московской государственной юридической академии. Именно потому, что, повторюсь, на сегодняшний день это один из авторитетнейших юридических вузов страны, не уступающий по уровню подготовки государствен-

ным университетам. И поднять его на такую высоту мог только Олег Емельянович Кутафин. Выдающийся ученый, прекрасный учитель, эрудит, он был еще чрезвычайно талантливым организатором, требовательным руководителем и очень доступным человеком.

Однако масштаб его личности не вкладывается в привычные стереотипы ректора, пусть и выдающегося. Да, он был ярким руководителем российской школы высшего образования, кем по праву гордилась и всегда будет гордиться отечественная юриспруденция, ибо быть учеником Кутафина — значит войти в когорту лучших в профессии. Но Олег Емельянович был еще и одним из мэтров нашей правовой науки, ученым-государственником, чей вклад в науку бесценен.

Замечательный семьянин, надежный и верный товарищ, тонкий, интересный и ироничный собеседник, Кутафин мог видеть то, чего остальные не замечали. Он стремительно добивался того, к чему многие долго шли. Креативность была отличительной чертой его характера. Характера цельного, многогранного и твердого — ведь когда он принимал решения, кажется, не было на свете такой силы, которая могла бы сбить его с пути или помешать дойти до намеченной цели.

При этом, мне кажется, очень важно отметить еще одну черту Олега Емельяновича — он никогда не обольщался властью. Ему не раз предлагали государственные должности различного уровня, но он всегда отказывался от лестных предложений, оставаясь приверженцем юридической науки.

Помню, когда встал вопрос об объединении трех юридических организаций в единую — Ассоциацию юристов России, Олег Емельянович без раздумий согласился на пост сопредседателя вновь создаваемой организации. Хотя, по сути, он занял там должность рангом ниже, поскольку раньше был единоличным руководителем, президентом Союза юристов России. Тем не менее он без колебаний дал свое согласие и активно включился в новую работу, потому что считал, что дело — превыше всего.

Только очень сильный, мужественный и самодостаточный человек мог вести себя так, как Кутафин.

Пару лет назад у меня была встреча со студентами Московской государственной юридической академии. К сожалению, в это время Олег Емельянович уже был неизлечимо болен. Он знал об этом. Ему предстояла тяжелая операция, и он не очень хорошо себя чувствовал. Безусловно, прибыть в Академию в та-

ком физическом состоянии он не мог. И я был просто поражен, когда увидел его входящим в аудиторию! Он не только нашел в себе силы приехать на эту встречу, но и, что очень удивило меня, принял самое активное участие в диалоге. Я был безумно рад его видеть. Поразило, как мужественно и одновременно с юмором он держался. Окружающие тогда даже не заметили его болезненного состояния...

На такое способны только очень сильные личности, которые живут ради других. Для таких людей служение своему Отечеству является главным смыслом жизни, ибо они ставят честь выше личных интересов, а величие и могущество Державы — выше жизни и карьеры!

Степашин Сергей Вадимович,

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СЧЕТНОЙ ПАЛАТЫ РФ, СОПРЕДСЕДАТЕЛЬ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

«Сережа, закон — не DURA!»

Совсем несовместима с прошедшим временем? О человеке, что остается для тебя академическим и интеллектуальным гуру? А разве в судьбе настоящего Учителя может быть поставлена точка, оставляющая его позади ныне живущих? Отделяющая научные труды от их автора? Списывающая «в архив» дни сотрудничества и дружеских застолий?...

Начну с начала: мы познакомились с Олегом Емельяновичем в 1990-м. То было непростое время для Отечества...

Да когда оно было у нас простое? Когда я в 70-х учился по учебникам Кутафина, страна находилась на финишной прямой перед катаклизмами. Хотя в том нежном возрасте многое, может, и казалось простым. Но что точно было непросто — сдавать экзамены «по Кутафину». Для экзаменаторов его учебники были тем калибровочным отверстием, сквозь которое они «протягивали» юридический интеллект своих подопечных. Можно сказать, что «кутафинский калибратор» спрямлял порою разрозненные знания в стройную линию представлений о конституционном праве.

Уже с начала 80-х, когда Олег Емельянович стал доктором наук и профессором, в кругах правоведов он считался блестящим юристом. А присутствовать на его лекциях — это же было просто счастье! Кажется, в те годы известная певица пела про маэстро, который присутствовал в зале, но оставался таким недоступным. Для меня «неприступным маэстро» тех лет был Ку-

тафин — изящно излагавший из-за лекционного столика затейливые построения юридических постулатов.

Вот тут-то я и подхожу снова к 1990 году, когда познакомился... чуть было не написал — «с Олегом». Тогда, конечно, с Олегом Емельяновичем. Был ли он неприступным? Готовился к встрече с ним в уверенности, что так и есть. А что? Ректор. Автор научных трудов, учебников, по которым я учился...

Но маэстро оказался вовсе не «забронзовелым». Своей простотой в общении — а у нас ведь разница в возрасте 15 лет — он так «размагнитил» меня, что я с восторгом принялся цитировать выдержки из его работ. Помню, он поморщился, нахмурился. Послушайте, говорит, у нас ведь с вами есть общие задачи, и они поважнее, чем лизоблюдство. Вот уж точно, чего он не любил, так это аппаратных расшаркиваний и подхалимажа.

Он говорил: ребята, нам нужно строить новое государство. Тогда очень актуальным «кирпичиком» в этом новом строительстве была борьба с экстремизмом. Именно в комиссии по борьбе с экстремизмом нам пришлось вместе работать. Не буду повторять страницы новейшей политической истории Отечества. Скажу лишь, что в той комиссии, как и в решении других вопросов, имевших отношение к государственному строительству, Олег Емельянович страстно отстаивал идеи новой России.

Чем это демократическое строительство было для него, освобожденного комсомольского секретаря конца 50-х — начала 60-х годов, общественника «советского замеса»? Есть непреходящие ценности, говорил он, зацементированные в римском праве. И такие же ценностные категории свойственны и связке «человек и его страна». Из дальнейших рассуждений Олега Емельяновича следовало одно положение, которое и по прошествии лет звучит для меня как мудрость интеллигентного человека и патриота: «В 1991 году целились в коммунизм, и это — не ложная мишень. Важно только, чтобы при этом не попали в Россию».

Сейчас вспоминая слова Олега Емельяновича, хочу сказать: трагическим заблуждением диссидентов советских времен было досадное убеждение в том, что среди тогдашней номенклатуры не было прогрессивно настроенных людей. И еще надо посмотреть — кто сделал больше, чтобы приблизить пришествие новой России? Те, чьи поступки были вполне себе спектакулярными (как, скажем, в 1968 году выход группы смельчаков на Лобное место в знак протеста против ввода советских

войск в Чехословакию)? Или те, кто в тиши кабинетов мастерил для высшего руководства предложения по приданию социализму «человеческого лица»? Впрочем, и те, и другие, по сути, составляли негласный тандем, двигавшийся к 1991 году. Взаимная притирка на основе таких вот мыслей перевела наше общение с Олегом Емельяновичем на «ты».

В парадигме таких отношений Олег раскрывался как потрясающий, если можно так сказать, прикольщик. О его чувстве юмора ходили легенды. Борис Николаевич Ельцин, не любивший близко подпускать к себе работавших с ним людей, какимто неизъяснимым образом не только терпел шутки Олегавесельчака, но и живо реагировал на его приколы.

Эти хохмы, надо сказать, никогда не перерастали в хамские шутки, как это иной раз бывает среди записных весельчаков. Нет, Олег был глубоко интеллигентным человеком. И это его свойство, в сочетании с прогрессистскими взглядами, позволило Кутафину безболезненно пережить процесс организационного становления Ассоциации юристов России.

Ведь он возглавлял до этого идентичную организацию, уходившую своими корнями в советскую эпоху. В результате нам всем удалось достичь соломонова решения: ввести ротационную систему сопредседателей АЮР. Но еще более важно, что именно Олег привнес в деятельность Ассоциации редкостное сочетание фундаментальности и открытости к новым веяниям, востребованным в той России, для становления которой этот — не побоюсь этого слова — великий ученый сделал немало. Иначе бы он не был заслуженно полным кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством».

Знаю, что студенты Академии его имени называют свою alma mater «кутафинской школой». Разве может быть ученый и гражданин возблагодарен щедрее, чем остаться в памяти соотечественников родоначальником научной школы? В том числе и в моей памяти, в которой осталось место и Кутафинучеловеку.

Как-то, реагируя на легковесное отношение иных наших собратьев по юридическому цеху к праву как к чему-то эластичному, он в свойственной ему шутливой манере сказал: «А ты отвечай им, Сережа, что закон — не dura». Изящно обыграл знаменитое изречение, не правда ли?

Иванов Виктор Петрович,

ДИРЕКТОР ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО КОНТРОЛЮ ЗА ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ (С 2000 ПО 2004 Г. —
ЗАМЕСТИТЕЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ, С 2004 ПО 2008 Г. — ПОМОЩНИК ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

В «кутафинской комиссии»

о своего назначения заместителем руководителя Администрации Президента Российской Федерации я не встречался с Олегом Емельяновичем Кутафиным. Но много знал о нем заочно, поскольку общался с его учениками и коллегами. Отзывы были самые добрые: талантливый ученый, прекрасный педагог, умелый организатор, замечательный человек. И еще говорили, что природа наделила его сполна жизнелюбием и чувством юмора.

В правоте этих слов я убедился, как только познакомился с Олегом Емельяновичем. Практически сразу между нами сложились не только рабочие, но и товарищеские отношения. В Администрации Президента он заходил ко мне, и мы обсуждали текущие вопросы государственной политики. Не часто, но и мне, по роду своей деятельности, случалось бывать у него в кабинете Московской государственной юридической академии.

А в начале 2000-х годов довелось поработать с Олегом Емельяновичем, что называется, в одной «связке». В то время он был председателем Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам гражданства, членом ряда других совещательных и консультативных органов при Президенте РФ и высших органах государственной власти.

Так, в 2001 году я курировал работу Комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотре-

нию кандидатур на должности судей федеральных судов. В состав этой Комиссии входил и Олег Емельянович. Могу сказать, что он был одним из самых активных ее членов. Он очень требовательно и принципиально подходил к кандидатурам назначаемых на должности судей.

Более подробно остановлюсь на периоде нашей совместной деятельности в рамках работы Комиссии при Президенте Российской Федерации по вопросам гражданства. Эта Комиссия была создана 14 ноября 2002 года как совещательный и консультативный орган при Президенте России, обеспечивающий реализацию конституционных полномочий главы государства по решению вопросов гражданства и предоставления политического убежища.

Сразу хочу отметить, что Комиссия стала авторитетным органом. И во многом благодаря тому, что ее председателем являлся Олег Емельянович Кутафин — авторитетнейший ученый с мировым именем, крупнейший специалист в области конституционного права, один из разработчиков Конституции Российской Федерации и автор фундаментальных исследований по вопросам гражданства.

С чем было связано создание и деятельность Комиссии, в состав которой входили правоведы, юристы, эксперты, представители органов законодательной и исполнительной власти и т. д.? Ответ на этот вопрос находился в плоскости тех серьезных проблем, которые были связаны с несовершенством действующего законодательства как по вопросам гражданства, так и по вопросам миграции.

На тот период миграционные процессы приобрели масштабы, угрожающие национальной безопасности и социальноэкономическим интересам России. Соотношение легальных и нелегальных иммигрантов, находящихся на территории Российской Федерации, перекрывало все мыслимые и немыслимые пределы. Например, число иностранцев, проживающих в России с нарушениями правил пребывания или осуществления трудовой деятельности, примерно в пять раз превышало число легальных мигрантов. Достаточно было лишь окинуть взглядом географическую карту России вдоль ее сухопутных границ (исключив разве что балтийский и скандинавский участки), и становилось ясно, какие страны постсоветского пространства являются главными поставщиками нелегалов в нашу державу.

По данным Федеральной миграционной службы МВД РФ, в стране тогда находилось около пяти миллионов «лиц без

определенного правового положения». А по некоторым экспертным оценкам, численность незаконных мигрантов достигала пятнадцати миллионов человек. К сожалению, миграционные процессы породили массу проблем, напрямую связанных с ухудшением криминогенной обстановки в том или ином субъекте Федерации, незаконным оборотом наркотиков и т. д. В повестках заседаний Комиссии, возглавляемой Олегом Емельяновичем (или, как ее еще называли, «кутафинской комиссии»), как раз и содержались подобные острые проблемы, решение которых требовало безотлагательных мер.

В первую очередь эти меры касались вопросов гражданства. К слову сказать, число этнических россиян, желающих переселиться в Россию из стран СНГ и Балтии, составляло в то время от двух до четырех миллионов человек.

В своей работе Комиссия, возглавляемая академиком Кутафиным, в рамках своих полномочий запрашивала и получала необходимые материалы от федеральных и региональных органов государственной власти, учреждений, организаций. В случае необходимости приглашала на свои заседания руководителей различных ведомств для выяснения обстоятельств, касающихся реализации российского законодательства о гражданстве. Кроме того, Комиссия направляла полномочным органам, ведающим делами о гражданстве, различные рекомендации и разъяснения, касающиеся порядка применения законодательства о гражданстве и предоставлении политического убежища.

Конечно, проблем хватало. В тот период газеты буквально пестрели объявлениями следующего содержания: «Российское гражданство. Быстро и дешево». Был поставлен на поток прием в российское гражданство за рубежом. Причем зачастую без какой-либо проверки. Были вопиющие примеры, когда гражданство РФ легко и быстро предоставляли отъявленным уголовникам. А люди, которые хотели служить и приносить пользу России, оказывались за бортом.

Олега Емельяновича такие факты возмущали. Любое уважающее себя государство, считал он, должно тщательно оберегать институт гражданства. Он был сторонником создания заслона перед нежелательной иммиграцией. По его мнению, необходимо было жестко противодействовать проникновению в Россию зарубежных криминальных структур и отдавать предпочтение людям одаренным, образованным, а главное — уважающим законы страны, которую они хотят избрать своей Родиной.

Задача Комиссии состояла еще и в том, чтобы новый закон «О гражданстве в Российской Федерации» реально заработал. Ведь его принятие стало итогом долгого кропотливого труда большого коллектива экспертов, ученых, законодателей. Закон прошел не одну правовую экспертизу и отвечал всем общепризнанным международным нормам. Тем не менее и в него пришлось вносить поправки. Правоприменительная практика показала, что в этом законе недостаточно была учтена необходимость дифференцированного подхода к различным категориям соискателей российского гражданства.

Без всякого преувеличения скажу, работа проводилась огромная. И в этом, безусловно, заслуга Олега Емельяновича. Глубоко знающий суть проблемы, он был «мозговым центром и генератором идей» Комиссии. Всегда тонко улавливал, какие доводы и аргументы привести в той или иной ситуации, чтобы убедить оппонентов.

Также большой вклад Олег Емельянович внес в разработку Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. В феврале 2006 года соответствующим распоряжением Президента России была создана межведомственная рабочая группа. Мне поручили ее возглавить, а Олег Емельянович, наряду с работниками Администрации Президента, Правительства, главами субъектов Федерации, представителями министерств и ведомств, вошел в состав рабочей группы.

Сроки на подготовку программы были определены достаточно жесткие: до 1 июня проект документа уже должен был быть представлен главе государства. Поэтому времени на раскачку не оставалось.

Мы поставили перед собой цель — привлечь в страну законопослушных, профессионально сформировавшихся и желающих трудиться иностранных граждан, в первую очередь из стран бывшего СССР. Безусловно, старались учесть все нюансы, и в первую очередь вопросы стимулирования и организации процесса добровольного переселения соотечественников.

Хочу отметить, что в тот период группа выполнила значительный объем работы. И большой вклад, как я уже сказал, внес Олег Емельянович. Ряд его предложений, касающихся вопросов нормативно-правового регулирования, нашли отражение в итоговом документе. 22 июня 2006 года Президент России

своим указом утвердил Государственную программу по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Вскоре она заработала.

В заключение добавлю еще несколько штрихов к портрету замечательного человека и ученого, академика Кутафина. Олег Емельянович никогда не делал длинных и пространных докладов. Многословие вообще было несвойственно его характеру. Он не увлекался отстраненным анализом или конструированием неких донкихотских моделей. Для него превыше всего был Закон, служению которому он посвятил всю свою жизнь. Таким он и остался в моей памяти.

Торшин Александр Порфирьевич,

1-Й ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РФ, КАНДИДАТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Я горд, что могу называть себя его учеником

опет Емельянович Кутафин... Человек с большой буквы, по-настоящему знаменитый и именитый ученый, замечательный педагог, высокий профессионал своего дела, чье имя по праву вошло в сокровищницу отечественной и мировой юриспруденции. Только одного из разнообразных талантов, коими с лихвой одарила его природа, многим хватило бы на всю жизнь.

И Олег Емельянович жадно спешил успеть в жизни все. Будучи еще совсем молодым исследователем, он стал пристально вглядываться в перипетии наших непростых будней, в которых право является символом законности и порядка. Обрел особый, «кутафинский» взгляд на жизнь: мудрый, глубокий, основанный на природной основательности и здравом смысле.

Для меня, как и для многих поколений молодых специалистов, окончивших Московскую государственную юридическую академию, ныне носящую имя О. Е. Кутафина, его лекции, семинары, практические советы стали блестящей школой. Что особенно важно, Олег Емельянович всегда и во всем призывал нас к высокому служению Отечеству, учил твердо следовать к поставленной цели. Я по-настоящему горд, что могу называть себя его учеником.

У всех, кто имел счастье общаться с этим удивительным человеком, в памяти остались его принципиальность, безупречность в стиле поведения, в речах и поступках. О таких людях

говорят: настоящий русский интеллигент, способный, не повышая голоса, заставить оппонента отступить перед ясностью мысли, образностью слова, энциклопедичностью образования, обворожительной, неповторимой кутафинской улыбкой...

Для многих и многих из нас Олег Емельянович был и навсегда останется символом учености, служения гражданскому долгу, верности высоким традициям отечественной юридической науки, хранителем которых он являлся всю жизнь.

«Давайте посоветуемся с Олегом Емельяновичем» — фраза, знакомая не одному поколению наших правоведов и политиков. Для каждого она всегда означала: тебя обязательно примут, выслушают, дадут мудрый совет. Иду — и знаю: Кутафин поможет разрешить любую, казалось бы, самую неразрешимую ситуацию. Не спеша, без суеты, разбавляя беседу ароматным чаем, утонченными разговорами о высоких материях, женской красоте, новостях искусства...

Я и впредь буду обращаться к нему, уважаемому учителю, в своих мыслях и поступках, вольно или невольно спрашивая себя: а как бы в этой ситуации поступил Олег Емельянович?

Искренне жаль, что люди, чье имя поистине знаковое для всей России, уходят так рано, так не вовремя!

Устинов Владимир Васильевич,

ПОЛНОМОЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПРЕЗИДЕНТА РФ ПО ЮЖНОМУ ФЕДЕРАЛЬНОМУ ОКРУГУ, МИНИСТР ЮСТИЦИИ РФ (2006—2008), ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПРОКУРОР РФ (1999—2006), ГЕРОЙ РОССИИ, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Он был настоящим ученым и педагогом

Имя этого человека знакомо каждому юристу России. Практически нет ни одного значимого события в правовой жизни современной России, у истоков которого не стоял бы Олег Емельянович. Развитие и реформирование российской юридической науки, создание Конституционного суда России, Ассоциации юристов России, Комиссии по гражданству при Президенте России — этот перечень можно продолжать и продолжать. По его учебникам, монографиям студенты и аспиранты изучают конституционное право, теорию государства и права, муниципальное право. Его ученики преподают во многих вузах страны, работают в органах государственного управления и правоохраны, судах, адвокатуре, нотариате, являются депутатами Государственной думы и сенаторами.

Для меня лично дружба с Олегом Емельяновичем Кутафиным была и большим подарком судьбы, и большой ответственностью — и в личном, и в профессиональном отношении. Так случилось, что познакомились мы с ним в 1997 году, когда я стал заместителем Генерального прокурора России и одновременно начальником Главного управления Генеральной прокуратуры по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности и межнациональных отношениях на Северном Кавказе. Наша первая встреча вылилась в многочасовой спор по проблемам борьбы с терроризмом. Как говорится, столкнулись теоретик и практик. Мы сразу же почувствовали взаимный профессиональный и человеческий интерес и симпатию друг

к другу. Чувствовалось, что ему, как государственнику и специалисту в области конституционного права, были тревожны процессы, происходящие на юге нашей страны, волновали вопросы, ответы на которые могла дать только правоприменительная деятельность.

Создание главка Генеральной прокуратуры было вызвано рядом серьезных причин, угрожавших самим конституционным основам нашего государства, среди которых, прежде всего, такая жуткая форма насилия, как терроризм. Северный Кавказ стал эпицентром этой беды. Сложно в это поверить, но еще чуть более полувека назад проявления терроризма во всем мире были достаточно редкими, тем более никто не мог предсказать современные масштабы и разрушительные последствия развития этого феномена, особенно в последнее десятилетие.

Россия, к несчастью, оказалась в числе основных целей международного терроризма, образовав первую линию фронта в международной борьбе с ним. Всему миру памятны взрывы жилых домов в Москве, Буйнакске и Волгодонске, захват заложников в буденновской больнице, нападение боевиков на город Кизляр, захват здания Театрального центра на Дубровке, трагедия в Беслане. Сегодня, когда я пишу эти строки, сообщают о двух взрывах в московском метро и гибели десятков людей...

За всеми этими трагедиями стоят хорошо подготовленные и скоординированные на международном уровне действия террористических сетей, включая печально знаменитую «Аль-Каиду». Все последние годы наша страна, ее силовые структуры, юридические службы, вся государственная машина и, конечно, весь народ проходили курс выживания в этой асимметричной войне нового поколения. На момент создания главка на Северном Кавказе я на собственном опыте убедился, как остро нуждались в то время практики в правовых основах противодействия этой новой угрозе.

Поэтому когда Олег Емельянович приезжал ко мне на Северный Кавказ, в Ессентуки, а я бывал в Москве по делам, то мы старались встретиться с ним и каждый раз обсуждали те проблемы, которые нас волновали: терроризм, его сущностные характеристики, закономерности возникновения и развития, направления его раннего предупреждения, новые правовые формы государственного реагирования на террористическую деятельность, выработка национальной антитеррористической стратегии и создание глобальной антитеррористической коалиции.

Когда я стал Генеральным прокурором России, дискуссии с О. Е. Кутафиным стали регулярными. Как правило, мы встречались у меня в кабинете на Большой Дмитровке, 15а, и за чаем беседовали о различных теоретических и практических проблемах — от реформы правовой системы до совершенствования системы юридического профессионального образования. Но тема борьбы с терроризмом по-прежнему оставалась в наших дискуссиях в числе приоритетных.

Он был настоящим ученым и педагогом в самом высоком смысле этого слова и по складу ума, психологии, отношениям с людьми. В меру демократичный, не допускающий панибратства, четко оценивающий возможности каждого, кому выпало счастье с ним работать и общаться. Все это я почувствовал на себе, и убежден, что, если бы не настойчивость Олега Емельяновича, я вряд ли бы начал работать над кандидатской, а потом и докторской диссертацией.

Он шаг за шагом с первой нашей встречи подталкивал, нет, пожалуй, направлял меня к мысли, что накопленный опыт, многолетняя юридическая практика должны быть систематизированы и обобщены. Рабочие заметки, выступления, статьи, копии материалов уголовных дел, стенограммы судебных процессов, приговоры по конкретным делам о преступлениях террористической направленности и многое-многое другое весь этот ворох бумаг перекочевал из Ессентуков в Москву. Здесь объем материала увеличился во много раз. В это время Генеральная прокуратура начала активно взаимодействовать в вопросах борьбы с терроризмом с другими странами, международными организациями. Зачастую именно Россия выступала инициатором международных дискуссий и обсуждений по этой проблематике на самом высоком уровне. Координационная роль Генеральной прокуратуры в вопросах борьбы с терроризмом побуждала меня в своих публичных выступлениях и в ежедневной рутинной работе к новому осмыслению антитеррористической деятельности на национальном и международном уровнях.

И в одну из наших очередных встреч на Большой Дмитровке Олег Емельянович как бы подвел черту и сказал: «У тебя готовая диссертация по проблемам борьбы с терроризмом». Тут же был составлен примерный план работы и определены сроки. Улыбаясь, Олег Емельянович заявил, что за сроками будет следить лично и строго. Я воспринял это как шутку, но, как выяснилось, зря. Контроль был действительно жестким, по сути ежедневным. Я ему признателен за это. Времени на себя — на науку — любому практику всегда не хватает, а Генеральному прокурору тем более. Но в том-то и дело, что Олег Емельянович убедил меня — теоретическое осмысление накопленного на государственной службе опыта в такой исключительно важной сфере, как пресечение терроризма и укрепление конституционной законности, вопрос далеко не личный. Именно это помогало мне найти свой «25-й час» в сутках и достаточно оперативно закончить написание сначала кандидатской, а затем докторской диссертации.

За прошедшие годы я пришел к твердому убеждению, что проблемы предупреждения и пресечения терроризма, как внутри государства, так и на международном уровне, относятся не только к сфере правоприменительной деятельности. Терроризм сегодня превратился в многоаспектный, в высокой степени опасный фактор развития современного общества, оказывающий серьезное дестабилизирующее воздействие на государства, ставящий под угрозу само их существование, а также существование таких основных ценностей человечества, как жизнь, свобода и демократия.

На всех постах, которые мне доверяло государство — Генерального прокурора России, министра юстиции России, — я ни на минуту не прекращал борьбы с терроризмом. И сейчас, когда я являюсь полномочным представителем Президента Российской Федерации в Южном федеральном округе, я продолжаю реализацию намеченных руководством страны задач по предупреждению и пресечению терроризма в данном регионе и одновременно — в учебных пособиях, статьях и монографиях — продолжаю анализ накопленного многими государственными органами практического опыта в этой области. При этом я неизменно вспоминаю наставления Кутафина о важности поступательного развития юридической науки и теоретиками, и практиками для укрепления российской государственности...

Последняя наша встреча с Олегом Емельяновичем состоялась в апреле 2008 года. Мы, как всегда, спорили и шутили. На этот раз темой стало качество подготовки современных юристов. Было видно, что Олег Емельянович готовит конкретные предложения по совершенствованию системы юридического образования. Прощаясь, мы наметили встречу на осень...

Жуйков Дмитрий Сергеевич,

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК РФ 1-ГО КЛАССА, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Свободною душой закон боготворил

Имя Олега Емельяновича Кутафина неразрывно связано со строительством правовой системы России и написанием главного закона страны — Конституции Российской Федерации. Этот документ открыл новую эпоху российской государственности, где высшей ценностью являются человек, его права и свободы. Говоря о Конституции, Олег Емельянович часто повторял слова А. С. Пушкина — «свободною душой закон боготворить». Он считал, что если власть и общество «свободны душой» — свободны от всех пороков, — лишь тогда они способны осознать право как самый надежный, долговременный стержень безопасности и основу основ нормальной жизни.

Одного участия Олега Емельяновича в разработке проекта Конституции России уже было бы достаточно, чтобы считать его патриархом отечественной юриспруденции. Но это лишь малая, хотя и знаковая, часть той миссии, которая выпала на долю этого скромного, умного и обаятельного человека. Особый вклад внес О. Е. Кутафин в формирование и становление института российского гражданства.

После принятия Конституции Российской Федерации Олегу Емельяновичу было доверено реализовывать в жизни ее положения, регулирующие вопросы гражданства. Начиная с 1996 года и до последних дней жизни он бессменно возглавлял Комиссию по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации. На этом посту ярко проявились индивидуальность и непо-

вторимость Олега Емеляновича. Его глубочайшие теоретические познания, умение применять их на практике, удивительный такт и человеколюбие позволяли решать неразрешимые, казалось бы, задачи, возникшие после распада СССР и затрагивающие судьбы миллионов людей.

В экстремальных для нашей страны условиях от взвешенности государственной политики зависело, как будут выстраиваться отношения гражданина и государства, какими правами и обязанностями по отношению друг к другу они будут обладать. И Комиссия по вопросам гражданства, являясь совещательным и консультативным органом при Президенте Российской Федерации, по сути, обеспечивает конституционные полномочия главы государства в вопросах гражданства. В ее состав на общественных началах входят не только ответственные должностные лица, но и яркие представители гражданского общества, науки и культуры нашей страны.

О. Е. Кутафин, как признанный мастер конституционализма, ведущий ученый в этой области, активный участник политических и общественных процессов в стране, смог и на этом направлении реализовать свой научный и человеческий потенциал. В период его руководства Комиссией было рассмотрено более ста тысяч заявлений и ходатайств о приеме в российское гражданство. Ее решения нашли отражение в указах Президента России, что позволило огромному числу людей стать полноправными гражданами России.

Государственная политика в сфере гражданства и деятельность Комиссии по ее реализации были и остаются под постоянным прицелом различных государственных и общественных органов, правозащитных организаций и наших соотечественников. По вопросу, кого и как принимать в российское гражданство, в обществе часто высказывались полярные мнения. Задачей Комиссии было оперативно и в то же время взвешенно и тактично реагировать на столь острый общественный интерес и находить сбалансированные решения.

На заседаниях Комиссии всегда возникали разного рода дискуссии, излагались возможные варианты решений, осуществлялось индивидуальное обсуждение заявлений каждого соискателя российского гражданства. И здесь Олегу Емельянову пригодился его опыт научного руководства, он хорошо чувствовал аудиторию и мог направить ход мысли в нужное русло. С присущим ему чувством юмора Олег Емельянович мог произнести какую-нибудь реплику или шутку и внести тем самым

оживление в формальный ход обсуждения или разрядить обстановку во время спора.

Под председательством Олега Емельновича Комиссией рассматривались взаимосвязанные с гражданством вопросы паспортизации, миграции, положения соотечественников за пределами Российской Федерации. По ее инициативе была начата разработка проектов указов Президента России о паспортах гражданина РФ («внутреннего» и «заграничного»). Это дело было поручено созданной при Комиссии рабочей группе, которой потребовалось немало сил, чтобы преодолеть ведомственные и финансовые препоны, возникшие на пути нового российского паспорта. В частности, весьма бурно велась дискуссия о том, указывать или не указывать в паспорте «пятый пункт» — национальность гражданина. Несмотря на деликатность проблемы, в короткие сроки удалось найти ее решение.

Таким образом, именно с подачи «кутафинской комиссии» граждане Российской Федерации получили возможность подтвердить свой правовой статус легитимными российскими документами. Следует отметить, что Комиссия не только стала инициатором паспортной реформы, но осуществляла и продолжает осуществлять контроль за процессом документирования граждан России, как на территории страны, так и за ее пределами.

Интерес к вопросам, связанным с правовым регулированием в области гражданства, проявлялся и далеко за пределами нашего государства. Осознавая важность правильного понимания нашими зарубежными партнерами происходящих в России процессов в сфере гражданства, Олег Емельянович активно участвовал в различных международных встречах, конференциях, форумах, где обсуждались вопросы защиты прав и свобод человека и гражданина. На встречах с представителями международных организаций (МОМ, ОБСЕ, Евросоюза, Верховного комиссара ООН по делам беженцев и др.) от имени Комиссии он разъяснял наше законодательство о гражданстве, а по сути, пропагандировал государственную политику Российской Федерации по вопросам гражданства и миграции.

Судьба многих наших соотечественников, оказавшихся за пределами Родины, особенно в период становления новых независимых государств, была очень сложной и, естественно, вызывала озабоченность Российского государства. В целях обсуждения и поисков решений наиболее острых проблем, с ко-

торыми они сталкивались, неоднократно созывались конгрессы российских соотечественников.

В своем выступлении на Конгрессе в Москве в 2001 году Президент России В. В. Путин обратил внимание на необходимость принятия законодательных актов, регулирующих права и свободы гражданина, а также совершенствования действующего законодательства о гражданстве, о выезде и въезде в Российскую Федерацию, о беженцах. Это целеуказание стало дополнительным политическим стимулом для той работы, которая велась по инициативе президентской Комиссии по вопросам гражданства с 1999 года по разработке новой редакции закона о гражданстве.

Перед созданной по решению Комиссии рабочей группой стояла нелегкая задача отразить в новом законе государственную политику в области гражданства, руководствуясь при этом конституционными положениями. А главное, надо было учесть необходимость решения проблем с гражданством многих миллионов людей. И в подготовке новой редакции закона наряду с отечественными специалистами и учеными по призыву О. Е. Кутафина приняли участие весьма именитые международные эксперты Совета Европы, которые знали Олега Емельяновича как последовательного сторонника подписания Российской Федерацией в 1997 году Европейской конвенции о гражданстве.

Трудно переоценить вклад О. Е. Кутафина в создание деловой и демократичной атмосферы при обсуждении правовых норм будущего закона о гражданстве. Вместе с тем Олег Емельянович не всегда был благодушен и миролюбив. В спорной ситуации он мог дипломатично, но настойчиво отстаивать позицию российской стороны в дискуссиях с иностранными коллегами и добиваться понимания своей правоты.

Вовлеченные в законотворческий процесс российские и европейские эксперты, познакомившись поближе с председателем президентской Комиссии по вопросам гражданства, были потрясены силой его логики, простотой изложения мысли, широчайшей эрудицией и свободой общения.

Однажды итальянский профессор Дж. Коянек (бывший член Комитета экспертов по вопросам гражданства Совета Европы), прервав ход заседания рабочей группы, пересказал разговор, который только что, в перерыве, у него состоялся с О. Е. Кутафиным. По его словам, заметив на груди Олега Емельяновича золотой значок, итальянский эксперт вспомнил, что в прошлый раз видел у господина Кутафина медаль

А. С. Пушкина. И решил уточнить, является ли этот знак медалью, которую он видел ранее. О. Е. Кутафин ответил: «Нет, нет. Это другая медаль» — и попытался перевести разговор на другую тему. Однако Дж. Коянек проявил настойчивость и узнал, что это — знак М. В. Ломоносова, который О. Е. Кутафин получил относительно недавно.

Рассказав об этом, итальянец заявил, что, поскольку считает эту награду весьма значимой, в том числе и «в контексте Совета Европы», он предлагает всем участникам заседания поздравить с ней Олега Емельяновича. Олег Емельянович с присущим ему чувством юмора был вынужден пояснить, что, в отличие от медали А. С. Пушкина, висевший у него на груди знак не является наградой, а лишь обозначает его членство в Российской академии наук. И добавил: если в «контексте Совета Европы» этот знак рассматривается как награда, впредь он будет его рассматривать так же.

После завершения работы над законопроектом о гражданстве и внесения его Президентом РФ на рассмотрение в Государственную думу предстояла важная работа по сопровождению законопроекта, разъяснению его положений обществу. И прежде чем проект превратился в федеральный закон, его зачитересованно обсуждали юристы, политики, чиновники, журналисты, правозащитники, российские граждане и их соотечественники за рубежом. Высказывались противоречивые мнения, давались противоположные оценки.

Так, на одном из заседаний Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Госдумы отдельные положения законопроекта вызвали острейшую полемику между депутатами из разных партийных фракций. Спор достиг такого накала страстей, что один из депутатов в знак протеста покинул заседание. Обсуждение оказалось на грани срыва. В сложившейся ситуации в полной мере проявился дипломатический дар Олега Емельяновича. Он сумел убедить не в меру разгорячившихся участников заседания в необходимости и возможности принятия компромиссного решения, чтобы продолжать работу над проектом. И это не единичный случай, когда авторитет ученого, многолетний опыт администратора и личностные качества Олега Емельяновича способствовали позитивному решению важного политического вопроса. Позже О. Е. Ќутафин изложил в концентрированном виде теоретическую базу российского института гражданства в изданной им в 2003 году монографии.

В своей деятельности председателя Комиссии по вопросам гражданства Олег Емельянович постоянно опирался на работу сотрудников соответствующего управления Президента РФ. Хорошо налаженные деловые контакты, основанные на взаимном уважении, способствовали решению многих правовых и практических проблем.

Как один из самых авторитетных юристов страны, О. Е. Кутафин участвовал в деятельности многих других совещательных органов. К его мнению по юридическим вопросам прислушивались первые лица государства.

Кроме того, Олег Емельянович находил время и силы принимать участие в работе многочисленных межведомственных рабочих групп при Президенте РФ. Его опыт научной и общественной деятельности, фундаментальные знания и трудолюбие были востребованы, в частности, при подготовке предложений по совершенствованию миграционного законодательства, при разработке Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. Неоднократно О. Е. Кутафин назначался официальным представителем Президента России для доклада законопроектов в Госдуме.

Как государственного деятеля Олега Емельяновича отличали высокий профессионализм, неизменная свежесть суждений, неординарность мышления, честность, неподкупность и справедливость. Он был блестяще образованным, высокоинтеллигентным, удивительно жизнелюбивым, с превосходным чувством юмора, отзывчивым и чутким Человеком с большой буквы.

Именно таким он сохранится в памяти своих друзей, коллег и многочисленных учеников. А для будущих поколений имя Олега Емельяновича Кутафина увековечено в его научных трудах, делах и основанной им Московской государственной юридической академии.

Брычева Лариса Игоревна,

ПОМОЩНИК ПРЕЗИДЕНТА РФ, НАЧАЛЬНИК ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РФ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КАНДИДАТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Он был неформальным человеком

М ы познакомились с ним очень давно. У меня такое впечатление, что это произошло, когда я еще училась в аспирантуре Института государства и права РАН после окончания МГУ.

На работу в аппарат Верховного Совета РФ я пришла в начале 1992 года. И вот тогда мы с ним уже точно были знакомы. Он привлекался в качестве эксперта Комитетом по законодательству ВС РФ, в аппарате которого я работала. Возникали самые разные вопросы, в том числе относящиеся к конституционному строительству. В то время достаточно часто вносились изменения в Конституцию. Это было тяжело, в том числе и для аппарата. Я сейчас говорю не о политической составляющей. Даже исключительно техническая сторона была очень непростым делом. И Кутафин периодически нам помогал как эксперт.

Но постоянные контакты с ним начались, когда я стала работать в Государственно-правовом управлении Администрации Президента РФ. Олег Емельянович очень помогал нашей работе. Общеизвестно, что он был председателем Комиссии по гражданству при главе государства. Это, напомню, орган, созданный для предварительного рассмотрения вопросов о гражданстве и вынесения рекомендаций Президенту. Проблемы с гражданством обострялись в определенные промежутки времени. Прежде всего после распада СССР, когда многие лю-

ди оказались в союзных республиках, ныне государствах СНГ. И тогда, и после этого у нас возникало большое количество разнообразных спорных ситуаций. Ведь сама тема гражданства — горячая, политизированная. Некоторые считают, что гражданство должно предоставляться достаточно широко, другие, наоборот, полагают, что этот процесс должен быть ограничен. Например, что гражданство может предоставляться лишь в том случае, если человек в достаточной степени владеет русским языком и родился в России.

Олег Емельянович помогал разбираться со многими действительно сложными, неоднозначными делами. Не только наше управление, но и другие подразделения администрации часто привлекали его для совместной деятельности. Кроме Комиссии по гражданству, Кутафин постоянно работал и в комиссии, дающей рекомендации Президенту по кандидатам в федеральные судьи. Его мнение было важно и при рассмотрении других вопросов, которые требовали высокой квалификации, широкого взгляда на вещи и вообще человеческой мудрости.

Великолепный специалист, он был одарен качеством, которое нечасто встречается у большинства юристов, — исключительным чувством баланса, умением взвесить противоположные интересы и найти то решение, которое будет в хорошем смысле компромиссом. Это проявлялось и в его профессиональной деятельности, и в житейских отношениях с людьми. Насколько мне известно, он никогда никому не отказывал в помощи. Всегда был внимателен к людям, заботился о них как мог. Но в то же время это никогда не противоречило общим интересам.

Олег Емельянович был действительно прекрасным человеком. По-настоящему мудрым. Очень веселым, жизнерадостным, приветливым. Очень разносторонним и эрудированным. С ним трудно было вести формальные переговоры. На мой взгляд, он вообще был человек неформальный. Не так, что пришел, сел — и началась торжественная часть мероприятия, в которой употребляются специфический язык и жесты, а потом с «официозом» закончили, подали чай, и все вдруг изменились. Он всегда был таким, каким был, — самим собой.

Очень любил рассказывать анекдоты, шутить, в том числе и на политические темы. Но это не означает, что зря тратил время на балагурство. Олег Емельянович всегда берег свое время и старался лишних слов не говорить.

Бывало, что-нибудь смешное рассказывал о тех, кого он учил, о том, какую они карьеру сделали, как относятся к нему и к России. У Олега Емельяновича ведь было много учеников из стран СНГ. Они получали юридическое образование в Москве, а потом уезжали к себе на родину, «росли», занимали высокие должности. Иногда Олег Емельянович рассказывал о них, иногда — о нынешних студентах.

Не скажу, чтобы ругал их, не скажу, чтобы хвалил. Скорее, как каждый опытный преподаватель, рассказывал всякие забавные истории. Как списывают, пытаются преподавателя обмануть, говорят разные глупости, думая, что говорят умные вещи. Иногда пытаются произвести впечатление. Когда сидишь с той стороны стола, будучи студентом, у тебя одно представление о том, какое ты производишь впечатление. Перемещаясь с течением жизни на другую сторону стола, начинаешь смотреть на все это совершенно другими глазами. Иногда студенты пытаются маскировать свое незнание: «Учил, но забыл, запутался», иногда на самом деле путаются. Поэтому у преподавателя с таким огромным опытом всегда есть запас историй, чтобы посмеяться. Но не ругал. Не говорил, что люди раньше были умнее. Да и не были, как мы все понимаем.

Должна сказать, что на моей памяти Олег Емельянович всегда проявлял лучшие человеческие качества, другого такого, как он, я просто не знаю. Поэтому скажу без всякого пафоса: с его уходом мы потеряли очень многое. До сих пор не можем найти специалиста, который бы стал председателем Комиссии по гражданству. Даже не скажу — заменил Олега Емельяновича. Ведь это невозможно.

Эбзеев Борис Сафарович,

ПРЕЗИДЕНТ КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ, ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА И КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ СГАП, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Юрист, не замкнутый в юриспруденции

от Емельянович Кутафин. Не берусь оценить масштабность личности и размах творчества этого светлого человека. Выдающийся ученый — конституционалист, крупный общественный деятель, замечательный организатор высшего юридического образования. Высокие нравственные идеалы, патриотизм, лишенный внешнего пафоса (за которым так часто скрываются фальшь и равнодушие), истинное государственничество, далекое, однако, от этатизма, наполняли особым смыслом каждый его шаг и поступок.

Всякий человек, быть может, сам того не сознавая, живет во времени и пространстве и ограничен ими. И нужны великая сила духа и провидческий дар, чтобы прозреть будущее и опередить время. Да и жизнь Олега Емельяновича, и его научные исследования, государственную и общественную деятельность также нельзя рассматривать вне эпохи, в которой он жил и работал. Но они сопрягались с замечательной способностью смотреть в будущее, прогрессивностью мышления, строгой выверенностью действий, адекватных тем глубоким формационным преобразованиям, которые претерпели общество и государство.

Эти изменения коснулись всех без исключения сфер нашего социального бытия и общественной мысли, оказали влияние на жизнь каждого человека. Далеко не все смогли найти себя в новой системе социальных отношений. Одни так и не смогли выбраться из прошлого. Другие в угоду новому с легкостью необыкновенной подвергли его нещадному поруганию, не за-

метив, что тем самым лишают великий народ, создавший уникальную цивилизацию, которая питала и питает весь мир, собственной истории. И надо было быть мудрым, интеллектуально свободным и критически мыслящим Кутафиным, чтобы в хаосе лихих 90-х видеть зачатки будущего и активно их поддерживать.

* * *

Отчетливо помню весенний день 1974 года, когда состоялось мое знакомство с Олегом Емельяновичем. Научная конференция в МГУ. Множество маститых и молодых ученых. Олег Емельянович к этому времени был доцентом кафедры государственного права и заместителем декана юридического факультета Московского государственного университета. Я же, находясь в шаге от защиты кандидатской диссертации, выступал с докладом. И со всем пылом молодого и достаточно самоуверенного, как я теперь понимаю, научного работника критиковал ряд доктринальных построений, которые развивались тогда в науке конституционного права. Объектом моей особенно красноречивой критики выступал сам Олег Емельянович.

И надо же было такому случиться, что во время перерыва в работе конференции ко мне подошел удивительно симпатичный человек. Он, посмеиваясь, представился: «Молодой человек, Кутафин, на котором ты оттачивал свое красноречие, — это я». Именно с этого момента между нами сложились отношения дружеской приязни и товарищеского понимания, на которые не влияли ни возраст, ни научный статус, ни те политические катаклизмы, которые позднее разделили немало людей.

Наши встречи стали доброй традицией, а с 1991 года общение с Олегом Емельяновичем приобрело постоянный характер. Он стал человеком, который оказал огромное влияние на мое мировоззрение и дальнейшее научное становление. Кутафин никогда не был мэтром, уверовавшим в свою непогрешимость, витающим в облаках и лишь изредка снисходящим до общения с простыми смертными. Его отличали спокойная мудрость и излучаемое им тепло, замечательный дар общения и добрый юмор, умение быть равным и с сильными мира сего, и с юными студентами, буквально влюбленными в своего ректора...

Конечно, между нами случались и споры. Особенно острыми они были в период 1992 года, когда Конституционный суд

рассматривал дело о конституционности указов Президента Российской Федерации о приостановлении, а затем и прекращении деятельности КПСС, КПРФ и их имуществе.

Немало было дискуссий и в ходе работы над проектом Конституции РФ. Вспоминаю наши ожесточенные споры с Кутафиным. Задира и блестящий полемист, готовый каскад аргументов, интеллектуальная свобода, не ограничиваемая ложными идеологемами, — таков был Олег Емельянович.

Полагаю, что для понимания сути наших разногласий нужно некоторое отступление. Ключевое значение для социального развития имеет проблема сочетания и взаимодействия индивидуального и коллективного (личного и общественного). Ее та или иная интерпретация составляет исходную точку исследования всего комплекса разрешаемых наукой права вопросов власти, суверенитета и устройства государства, собственности, свободы и прав личности.

Для нашей страны, вступившей в новое качественное состояние и вынужденной заново определять ориентиры государственно-правового строительства, эта проблема имеет особо важное значение. В силу собственного исторического опыта с присущими ему экономическими, политическими формами и социально-культурными традициями. Рациональность складывающихся форм общественного бытия и их стабильность, сама жизнеспособность общества в решающей степени зависят от умения найти адекватное решение многоаспектной — философской, социологической, экономической, психологической, наконец, юридической — проблемы взаимоотношений личности и общества, гражданина и государства, индивида и коллектива, соответствующих современным социально-экономическим, политическим и духовным реалиям и потребностям цивилизационного прогресса.

При этом уместно напомнить, что в историческом развитии представлений о взаимоотношениях индивидуального и социального, их государственно-правовом оформлении можно выделить две противоположные традиции — системоцентризм и персоноцентризм. Фундаментальное различие между ними состоит в полярности их ценностных шкал. Если в персоноцентризме именно человек является мерилом всех вещей, то в системоцентристской шкале индивид либо вообще отсутствует, либо рассматривается как нечто вспомогательное, способное принести большую или меньшую пользу лишь для достижения неких надличностных целей.

На известном этапе развития нашего общества и государства в теории и общественной практике приоритет отдавался извращенно истолковывавшимся коллективным началам в ущерб личным. Личность низводилась из цели в средство общественного развития. В развитии отечественной государственности, ее политико-юридических форм удивительным образом сочетались декларации о расширении демократии и развитии ее институтов с ее фактическим ограничением и отказом от конституционных гарантий народовластия и свободы личности в общественной практике, которые нередко приобретали крайний характер.

Все мы, участники Конституционного совещания, были едины в одном: именно преодолению этой второй тенденции призвано служить принципиальное обновление конституционного и текущего законодательства. Нужно реально утвердить народный суверенитет и привести масштаб прав и свобод личности в соответствие с уровнем общественного развития, потребностями современного этапа социального прогресса.

Но как достичь этой цели, какие конституционные гарантии предусмотреть? Здесь начинались различия. Не все сознавали, что, по большому счету, речь шла о поиске такой государственно-правовой организации общества, которая могла бы соединить существование стабильного государства и прочного правопорядка (необходимого условия поступательного развития общества) со свободой личности. Был и остаюсь глубоко убежденным в том, что для общества

Был и остаюсь глубоко убежденным в том, что для общества одинаково опасна гипертрофия как коллективного, так и индивидуального начала. Всякое преувеличение коллективного ведет к тоталитарным формам организации общества и отказу от индивидуальности с присущими такому отказу последствиями. В свою очередь, всякая гиперболизация роли индивидуального начала инициирует анархическое своеволие. А оно чревато разрушением государственности и принятых в обществе норм человеческого общежития.

Человек — не изолированный от общества индивид, не «винтик» огромного социального механизма, не имеющий самостоятельной ценности. Он существует и развивается в системе социальных связей, в сообществе людей, высшей формой организации которого выступает государство. Следовательно, социальный и юридический статус человека сам обладает индивидуально-социальным характером. Это означает, что именно согласование и сбалансированная интеграция индиви-

дуального и коллективного в этику, систему собственности, социальных, политических и юридических учреждений и институтов — гарантия нормального функционирования всего общественного организма, его саморегуляции и саморазвития. А это означает, что свобода индивида должна быть совместима с благом общества; в свою очередь, благо общества не может основываться на несвободе индивида.

Этатизм с характерным для него системоцентризмом или либертаризм с присущим ему персоноцентризмом? Между ними прошла линия в понимании сущности Конституции, разделившая участников работы над ее проектом. Мне казалось, что Олег Емельянович занимал более либертарные позиции, чем адекватно состоянию и перспективам развития Российского государства. Я же был убежден: не соподчинение, а сочетание интересов личности и общества — вот трезвый и не отягощенный идеологемами и старолиберальными мифами взгляд на проблему.

Слава богу, несмотря на юридический романтизм, которым в то время грешили многие, разработчикам Основного закона (а Кутафин был одним из них) удалось сформировать баланс коллективного и индивидуального. Мне же понадобилось время, чтобы понять, в чем истинная подоплека различия наших взглядов в этом ключевом для конституционного строительства России вопросе.

Права и человека и гражданина являются атрибутивным свойством всякого индивида. Они существуют и до, и вне признания их государством. Но социально-политическую и юридическую реальность они обретают только в государстве. Права человека — это обязанности государства по отношению к человеку, но индивид, коль скоро он является членом общества и именно в результате такой социализации обретает качество личности, не может быть свободен от обязанностей по отношению к другим сочленам общества, обществу в целом или государству.

Многоопытный Олег Емельянович, как я теперь полагаю, опасался, что традиционное для нашего прошлого забвение индивида и его прав, гипертрофия общественного начала в организации и жизнедеятельности социума (а именно в этом основной порок коллективистских доктрин, включая доктрину доведенного до крайности вульгаризаторской интерпретацией экономического материализма) может рецидивировать. И именно это опасение предопределяло некоторые — последовательно гуманистические — позиции, отстаивавшиеся

Олегом Емельяновичем на Конституционном совещании 1993 года.

Именно такой, повторюсь, последовательно гуманистический подход получил отражение в выдающихся научных трудах большого ученого. Так получилось, что Конституция РСФСР, в отличие от уголовного или уголовно-процессуального, гражданского или гражданско-процессуального кодексов, которые были способны обслуживать потребности Российского государства еще какое-то время, рухнула в одночасье. И вместе с нею вся советская конституционно-правовая доктрина. Поэтому перед наукой и наиболее выдающимися ее представителями стояла задача одновременно с учреждением новой Конституции для новой России сформировать современную доктрину конституционного права, адекватную переживаемому страной этапу демократического развития. Труды Олега Емельяновича (а их более 260) составляют тот фундамент, на котором развивается современная российская конституционная теория. Кутафин поистине является столпом российского конституционализма.

В связи с этим позволю себе еще одну оговорку: методология правового познания требует формальной строгости и определенности юридических понятий. Без этого право не в состоянии выполнить свое регулятивное назначение. Однако сама юриспруденция не может развиваться без учета реалий социальной действительности, подлежащих осмыслению иными общественными науками. Вне связи с ними она рискует превратиться в малоценную систему схоластических понятий. Юрист не вправе замыкаться только в юриспруденции, широта кругозора — критерий его научной состоятельности.

Превосходная философская подготовка и широта научных интересов Олега Емельяновича, которые отнюдь не ограничивались только юриспруденцией, предопределяли содержание тех книг, которыми академик Кутафин обогатил отечественную конституционно-правовую мысль. Его работы признаны мировой юридической наукой, изданы на английском, французском, немецком, испанском, арабском, чешском, болгарском, венгерском, вьетнамском, греческом и других языках. Многие из них с дарственными надписями автора я бережно храню, периодически к ним обращаюсь, всякий раз восхищаясь богатством содержания, и неизменно рекомендую для изучения своим ученикам.

Неравнодушие к судьбе Отечества обусловило самое активное участие Олега Емельяновича в том, что мы по старинке на-

зываем общественной работой. Олег Емельянович удивительно тонко чувствовал любые новые интересные веяния не только в науке, но и в общественной жизни. Мы, юристы, гордились тем, что нашим «полпредом» в Президиуме Академии наук, Общественной палате, Президиуме ВАК выступал именно этот, чуждый позе, внешне неторопливый, но все успевающий человек.

Выдающийся ученый и общественный деятель, Олег Емельянович Кутафин был одновременно блестящим организатором юридической науки и высшего юридического образования. Юристы моего поколения помнят, в каком состоянии он принял Всесоюзный юридический заочный институт. Олег Емельянович превратил его в выдающееся учебное заведение, которое сегодня по праву носит имя академика Кутафина. Это его личная заслуга, что сегодня МГЮА является вторым в мире по численности студентов юридическим вузом и входит в число лучших европейских вузов по качеству юридического образования. Органично соединяя в своей личности, казалось бы, противоположные аспекты человеческого бытия — духовного и материального, — Олег Емельянович благодаря своей энергии и присущей ему потрясающей хозяйственной жилке в течение короткого периода времени донельзя запущенное здание Академии привел в образцовый порядок.

Но верно и другое: и беломраморный дворец может оставаться юридическим ликбезом, а в лачуге могут творить настоящие мыслители. Ректор Кутафин превосходно понимал, что образование, не сопрягаемое с наукой и не оплодотворяемое практикой, способно плодить только схоластов и ремесленников. Он сформировал в Московской государственной юридической академии прекрасный коллектив — синтез блестящих преподавателей и выдающихся ученых. Глубокий ум, сопрягающийся с благородством помыслов, блестящий дар общения, удивительный оптимизм и обаятельность самой натуры Олега Емельяновича привлекали к нему людей. Он умел формировать дух научного творчества и, будучи профессионалом в самом высоком смысле этого слова, высоко ценил профессионализм других. Отрадно наблюдать, что его преемник на должности ректора академии В. В. Блажеев не только бережно сохраняет дух Кутафина, но и развивает и обогащает его традиции.

Мне много раз приходилось быть свидетелем того, как Олег Емельянович общался с молодыми учеными, только вступающими в науку. Предельно уважительное, спокойное и до-

стойное общение доброго наставника. Надо было видеть, как бережно Олег Емельянович относился к тем зернам нового, которые он находил в диссертационных исследованиях молодых ученых, и тем окрылял их! Под его руководством подготовлено 20 докторских и свыше 60 кандидатских диссертаций. Научная молодежь и известные ученые ходили «на Кутафина», ибо его выступления — а Олег Емельянович был превосходным оратором — всегда содержали удивительную россыпь новых идей, культивировали дух творчества и расширяли горизонты научного видения.

Речь Олега Емельяновича всегда была сплавом науки и тонкого юмора, она воспринималась не только разумом, но и сердцем. И той частью души, которая отвечает за оптимистичное восприятие нашего, наверное, не самого простого времени.

Легкий и теплый в общении человек, чрезвычайно любящий жизнь и людей, которые его окружали. Дружеская улыбка и грусть в глазах. И порядочность, великодушие и доброта сильного человека, которому не раз приходилось сталкиваться и с черной неблагодарностью, и даже предательством.

Тонкий воспитатель, он превосходно понимал студенческую молодежь и, будучи человеком в возрасте, сохранял удивительно свежее восприятие мира и людей в этом мире. После ухода Олега Емельяновича из жизни на одном из интернетблогов, которые сейчас так популярны среди молодежи, появились слова: «Не стало великого юриста, ученого и просто очень хорошего человека. Он сыграл важнейшую роль в жизни каждого студента Академии. Его авторитет распространялся на каждого. Отвечая на вопрос: "Какой вуз вы окончили?", я всегда видела улыбку на лицах собеседников, и ответ был одинаков: "У Олега Емельяныча..." Мне очень жаль, светлая память этому великому человеку. Мы его не забудем».

Этот комментарий выпускницы Академии тронул меня до глубины души. Мы тоже не забудем Олега Емельяновича. Его безвременная кончина была личной потерей для многих и многих из нас. И не только потому, что мы были близки с этим светлым человеком. Это потеря для всей российской юридической науки и для юридического образования. Он оставил после себя превосходный вуз, множество научных трудов, учеников и навсегда останется примером человека, беззаветно служившего не просто науке и юридическому образованию, но Отечеству. Светлая Вам память, дорогой друг!

Звягинцев Александр Григорьевич,

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА РФ, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ 1-ГО КЛАССА

Простой российский корифей

умерки одного московского вечера открыли мне в Олеге Емельяновиче Кутафине очень интересного человека и сблизили с ним навсегда.

За давностью лет сейчас уже не помню, какого числа и в какой день недели произошла эта встреча. Помню только то, что было это в конце сентября или в начале октября 1988 года.

Летом по предварительной договоренности я отправил О. Е. Кутафину рукопись первой книги семитомного издания истории прокуратуры в лицах под названием «Око государево», над которым мы тогда работали вместе с моим коллегой и соавтором Юрием Григорьевичем Орловым. Мы просили Олега Емельяновича ознакомиться с ней и, если он сочтет возможным, написать небольшое предисловие. Кутафин позвонил сам, сказал, что «сей труд он одолел» и готов к разговору. Предложил встретиться вечером у него.

Когда я вошел в кабинет, за окном таял короткий осенний день, а на столе лежала наша рукопись. Олег Емельянович с уважением отозвался о нашем труде, пообещал в ближайшее время подготовить и передать свое предисловие к книге. Он рекомендовал довести историю прокуратуры до наших дней и сделать документальное приложение к каждому тому будущего издания. Потом, посетовав на головную боль, предложил немного пройтись и подышать свежим воздухом.

Допив чай, мы вышли на улицу. Теплый осенний ветер гонял по пыльным тротуарам ржавые листья, а мы шли и вели не-

торопливую беседу — о Горбачеве, перестройке, демократии, гласности, юридическом всеобуче и совершенствовании юридического образования. Говорил он по-юношески пылко и увлеченно. Но в то же время в его рассуждениях совершенно отчетливо виделся отточенный талантливый ум, исполненный жизненной мудрости и научного знания.

Когда Олег Емельянович поднял вопрос об острой необходимости создания в России полноценного гражданского общества и правового государства, я увидел перед собой человека, который не только идет в ногу со временем, но и опережает его. Тревожным набатом в его рассуждениях звучала мысль о том, что в перестроечном порыве мы не должны потерять страну. Да, мы обязаны трудиться и над созданием сильного государства, и над тем, чтобы наши соотечественники исповедовали гуманные принципы сосуществования всех народов в единой стране, гарантирующей всем гражданам соблюдение их прав и свобод. Нельзя допустить, говорил он, чтобы в эпохуреформ и потрясений общество раскололось на корпоративные группы с изолированной моралью, чтобы законы и общепринятые нормы перестали влиять на поведение людей, чтобы они решали свои проблемы неправовыми способами...

Тему «острой правовой недостаточности» мы с Олегом Емельяновичем обсуждали еще не раз после этого. Однажды затронули ее на очередном заседании комиссии, которая работала над проектом закона о всеобщем юридическом образовании. Нас в целом поддержали, но дальше дело не пошло. Да и закон, который мы обсуждали, к великому сожалению, так и не был принят — государственная власть тогда стала уже дряхлой и бессильной. Ну а в тот памятный вечер мы долго говорили о тесной связи морали и права. О том, что государству предстоит очень многое сделать для того, чтобы поднять уровень правосознания в обществе...

Еще Олег Емельянович охотно поделился своими планами. Рассказал, что он хотел бы учредить юридический лицей, а лучшие его выпускники смогут затем поступать в высшие юридические заведения (и вскоре, кстати, такой лицей на базе 325-й московской школы им был создан). По всему ощущалось, что он уже приступил к радикальному переформатированию вуза, который не так давно возглавил.

Вечер мы закончили в ресторане Дома журналистов — по дороге встретили нашего общего знакомого, замечательного человека, которого уже тоже нет с нами, Владимира Викто-

ровича Капелькина, который долгое время был одним из руководителей Союза журналистов России; он нам и подкинул идею отправиться в Домжур, а мы особенно не сопротивлялись.

Уже прощаясь, Олег Емельянович в своей доброжелательношутливой манере сказал: «Если возражений не будет, предисловие к вашей книге я, пожалуй, на сей раз напишу без ссылок на решения очередных съездов партии и установки генсека речь все-таки идет о XVIII веке». Мы рассмеялись — его ирония была понятна.

Потом было еще много встреч — по поводу и без, возникало много разных ситуаций, порой весьма драматичных. Они позволили нам лучше присмотреться друг к другу. И теперь, после того как стали «одной звездой богаче небеса», все больше начинаешь ощущать, как не хватает ее животворящего для нашей юриспруденции света здесь — на земле.

Масштаб его личности невозможно уложить только в рамки научно-педагогической или общественно-государственной деятельности. Олег Емельянович прекрасно разбирался в искусстве — это была его вторая жизнь. Его можно было часто увидеть вместе с женой Натальей Николаевной на вернисажах, в театрах, на концертах классической музыки. Он был еще и очень большим книгочеем. Надо было видеть, как он радовался каждой новой хорошей книге!

Я любил Олега Емельяновича за высокую порядочность, обязательность, прирожденный оптимизм и легкость общения. И за то, что не мнил он себя мудрецом, а всегда был человеком, стремящимся побуждать в других движение к истине. В нем виден был человек, свободный от тщеславия, зависти и пристрастности. Ему были чужды всякая аффектация, всякий показушный пафос, всякий «академический» гонор. Я ценил его ясный ум, широкий кругозор, твердую державную позицию. То, что в своей повседневной деятельности он старался и сам постичь, и донести до многих из нас истинную сущность событий нашего времени.

Последний раз в семейном формате мы общались с ним за пять месяцев до его кончины — на моем 60-летии. Он пришел с Натальей Николаевной, был в хорошем расположении духа, как всегда галантен в общении с дамами, искрометно шутил. Я тогда предложил ему и Наталье Николаевне облачиться в наряды пушкинской эпохи и сфотографироваться. Фотография получилась замечательная!

В тот праздничный вечер 2008 года вместе с подарком Олег Емельянович вручил мне небольшой адрес, написанный им лично в дружеском шутливом тоне. При этом, блеснув улыбкой, он мне сказал: «Твою оду — эпиграмму к моему юбилею — я хорошо помню. Сегодня я долг отдал. Будем считать, что мы квиты».

А та самая эпиграмма, которую упомянул Олег Емельянович, была написана и вручена ему в 1997 году, в год его 60-летия. Она называлась «Ода сэнсэю»:

Есть у Кремля Кутафья башня, В юстиции свой столп имеется, И в юридическую пашню Идеи Ваши густо сеются.

Я не боюсь упреков ложных — Завистников не обуздать: В науке — основоположник, Вы наш сэнсэй — что ж тут скрывать?

Профессор, доктор, академик, Видны давно России всей. Вы рядом с нами и — над всеми, Простой российский корифей.

Учусь у Вас который год Уменью видеть суть проблемы (Не нарушая строй поэмы, Скажу: какой идей полет!).

Державный государствовед, Достав из недр архивной пыли Традиции прошедших лет, Меня на труд Вы вдохновили.

И я признать все это рад, Ведь правда гордость не уронит, Средь равных первый Вы собрат, Я ж с благодарностью — в поклоне.

Вот так с поклонной благодарностью я и сегодня склоняю голову перед памятью человека, образ которого был огнен и смиренен, а дух солнечен и целен.

Скоков Юрий Владимирович,

ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПАРТИИ «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ», ГЛАВА ПОО «ПАРТИЯ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ» (С 1998 Г.), СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РФ (1992—1993), СЕКРЕТАРЬ КОМИССИИ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РСФСР ПО РАЗРАБОТКЕ ПРЕДЛОЖЕНИЙ ПО СТАТУСУ, СТРУКТУРЕ И ПОРЯДКУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ РСФСР (1991—1992), ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК РСФСР — СЕКРЕТАРЬ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ ФЕДЕРАЦИИ И ТЕРРИТОРИЙ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РСФСР, ЧЛЕН ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РСФСР (1991), ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОВЕТА МИНИСТРОВ РСФСР (1990—1991)

«Он хотел одного: видеть Россию могучим, справедливым, правовым государством...»

Олег Емельянович Кутафин (для меня он был просто Олегом) всю жизнь работал над тем, чтобы сделать наше государство правовым. К сожалению, не все его инициативы были восприняты людьми, которые в России принимали и принимают решения. Многие предложения Кутафина неизвестны широкой общественности, хотя по-прежнему актуальны. О некоторых я хотел бы рассказать.

ЗАКОН О СОГЛАСОВАНИИ ИНТЕРЕСОВ

С Олегом мы познакомились в 1990-х, когда подходила к концу моя работа в команде Президента России Б. Н. Ельцина. Я пришел к мысли о необходимости создания закона «О согласованном уровне жизни» как своего рода стержневого закона. В группу разработчиков этого проекта входили в основном экономисты, но на определенном этапе понадобился еще и вы-

сококвалифицированный юрист, который бы правильно расставил акценты. Понятно, что требовался серьезный специалист, при этом желательно с именем. Дальше все происходило как обычно в подобных ситуациях: каждый из нас начал перебирать знакомых, прикидывать кандидатуры. И вот один из участников группы говорит: есть подходящий человек. К тому же сам изъявляет желание познакомиться.

Это и оказался Олег Емельянович Кутафин.

Мы встретились, и я изложил ему свою версию. «Смотрите, в советское время главным общественным контролером были профсоюзы, — рассказывал я и чертил схему на листке бумаги. — Без них советская система не смогла бы работать. Государство было хозяином. Оно создавало предприятия и назначало директоров. А потом стимулировало создание профсоюзов, которые должны были по определенным правилам контролировать эффективность деятельности директора по управлению государственной собственностью. Главной силой профсоюза было право повесить на производство амбарный замок, если оно не соответствует плановым заданиям, техническим требованиям и условиям. А директору план нужно выполнять, иначе — труба! Директор обязан и должен был договариваться с представителями профсоюза о разрешении конфликта. Профсоюз и директор разрабатывали перечень мероприятий, соглашаясь с которыми профсоюз снимал замок. Вся эта процедура — не что иное, как народный контроль за властью, процесс согласования интересов народа и власти».

«Полностью согласен, — сказал Олег. — Эта схема должна с поправками работать и в новых, постперестроечных условиях».

Я почувствовал, что мы сойдемся. Олег ведь и внешне располагал к себе. У него было удивительное выражение лица: доброе, при этом чуть ироничное — и постоянная полуулыбка, насмешливая, но очень симпатичная.

В общем, мы стали вместе писать проект закона. За основу взяли тезис Б. Н. Ельцина о том, что каждый гражданин должен жить достойно. Соответственно, в первой части проекта определили, что такое уровень жизни и что это такое — «жить достойно». Вторую часть посвятили тому, как организовать систему согласования интересов (а это ключевая проблема России!). В третьем разделе расписали механизм общественного контроля за этой системой. В частности, там было обозначено, каким образом следует следить за эффективным использованием бывшей государственной собственности.

В поддержку закона «О согласованном уровне жизни» массово выступили шахтеры и студенты. К сожалению, вся проделанная работа ни к чему не привела, и закон так и не был принят. Проект встретил яростное сопротивление бюрократии. Какой власти понравится, что над ней устанавливают контроль? К тому моменту, когда проект был готов, мои пути с Борисом Николаевичем Ельциным разошлись. Я активно занялся общественной работой, создал сильную общественную организацию, которая потом стала платформой для создания политических партий — КРО и «Родина».

НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

Следующий период нашего с Олегом плотного общения пришелся уже на времена президентства В. В. Путина. Владимир Владимирович через своего помощника поинтересовался разработанным нашей группой документом «Россия за 10 лет — экономика и возможные пути развития».

В тот период Кутафин выдвигал целый ряд социальноэкономических, политических, государственно-организационных предложений. В частности, были у нас предложения по
способам организации и технологии работы Общественной
палаты Российской Федерации, сделанные по поручению Владимира Владимировича. Мы полагали, что Палату нужно превратить в последнюю инстанцию, через которую гражданин
сможет достучаться до власти. Олег должен был возглавить
Общественную палату — при условии, что там все будет организовано согласно его видению решения поставленной задачи.
Увы, определенные политические силы помешали реализации
этого проекта в том виде, в котором он был предложен. Общественная палата стала тем, чем она стала.

А в ноябре 2007 года Путин присутствовал на заседании Президиума Академии наук. Позже в конфиденциальной обстановке он предложил Кутафину создать рабочую группу по подготовке предложений новой системе управления, новых методах стимулирования инновационной деятельности, попросил его подготовить соответствующие предложения и представить их после рождественских праздников.

Олег погрузился в работу, хотя как раз в середине декабря должен был лечь в больницу. Его предупреждали о плохом состоянии здоровья. Но он никого и ничего не слушал. И в больницу не ложился. Он готовился к встрече с Президентом.

В конце концов его увезла «скорая». В течение 2008 года Олег стал стремительно угасать, но продолжал активно работать. Последний раз я с ним встречался 1 декабря. Он сказал: «Юра, я должен закончить работу. Вчера заставил себя написать две страницы, но впереди еще много предстоит сделать». А 4 декабря ушел из жизни.

НЕ ДЛЯ ПРОТОКОЛА

Смерть Кутафина — огромная потеря не только для его близких, но и для всей страны. Это ведь был не просто интеллигент, академик, общественный деятель. Он был мыслителем, одним из лучших представителей элиты общества в полном смысле этого слова. Аристократ — если подразумевать не родословную, а дух человека, его поведение, значимость для государства.

Кутафин оставался самим собой в любой среде, в любой ситуации неизменно вызывая самое искреннее уважение окружающих. Никогда не стремился к власти ради власти. Ему не раз предлагали высокие должности, но Олег готов был принять назначение лишь в том случае, если пребывание на том или ином посту не будет противоречить его пониманию ситуации в стране и перспектив развития государства. Единственная государственная должность, которая, как мне казалось, ему соответствовала, — это пост председателя Конституционного суда. Но такого, который мог бы реально влиять на правовую ситуацию в стране.

Может, потому у него появилась собственная мечта — создать Академию. И он эту мечту реализовал, создав Московскую государственную юридическую академию. Ту, которая сегодня носит имя выдающегося российского правоведа Кутафина. Базовый, лидирующий в рейтингах правоведческий вуз России.

ЮРИСТ — КАК ВРАЧ

Конечно, есть люди, которые узнали его раньше меня. Выше я рассказал, как мы познакомились и наше деловое сотрудничество само собой переросло в дружбу. Нам было удивительно комфортно друг с другом — общаться, вместе думать, искать решения. Иногда водку вместе пили — но нечасто. Мы виделись не каждый день — но я словно все время его чувствовал. Чувствовал, что он где-то рядом.

Всегда очень трудно сформулировать, за что ты любишь человека. Симпатия возникает сама собой, складывается исподволь из каких-то мелочей, невольных наблюдений, житейских проявлений. За всем этим видны характер человека, его подход к жизненным вопросам, мировоззрение...

Олег был человеком очень ровным в общении. Даже если раздражался, голос не повышал. Просто начинал говорить быстрее. Подчеркну — не резко, а быстро. Темп речи выдавал его настроение. Чтобы он на кого-то орал, матерился — нет, такого не помню. Повторюсь: это был аристократ.

Кумиров себе Олег не творил. Может, потому что очень многих «наверху» знал накоротке. Другое дело, что он ко всем людям изначально относился доброжелательно. И эта доброжелательность была обусловлена не только его личными качествами, но и убеждениями. У Олега, мне кажется, главным был принцип: юрист — как врач. Если обратился к тебе кто-то за помощью, то нет права отказать. И к Олегу шли самые разные люди — потому что человек он был знающий, умеющий решать вопросы. Уровень тех, кто обращался к нему за советом, — министры, олигархи, чиновники, вплоть до самого высокого уровня и ранга.

Но чтобы Олег кому-то при случае сказал «Я вам как-то помог, так и вы для меня сейчас сделайте...» Нет, такого я не помню и думаю, это было невозможно по определению. Другое дело, если человек был ему действительно симпатичен, если отношения продолжались... Такого, даже нового знакомого Олег мог пригласить на свой день рождения. В результате на его дни рождения собиралась, как говорится, «вся Москва» — высшие государственные чиновники, политики, ученые. Элита страны. Кое-кто даже обижался, что не попал в число приглашенных. Его гостями были люди любых вероисповеданий, политических взглядов. Их очень многое разъединяло, а объединяло одно — они были друзьями Олега Емельяновича Кутафина. Както я ему сказал: ты, наверное, единственный человек в стране, который может таких разных людей собрать неформально вместе. А он просто был рад их всех видеть.

Имелись ли при этом у него недруги? Конечно — ведь он был деятельным человеком!

Были, кто ставил ему подножки по принципу «ничего личного». Например, Олега прочат на какую-то высокую должность, а кто-то на эту должность хочет провести «своего» кан-

дидата. И начинались интриги, неприятная, изматывающая нервы мышиная возня...

А дальше начались проблемы со здоровьем. И если возникала необходимость что-то обсудить, я старался сам приехать к Олегу. В его приемной сидели люди, на столе звонил телефон, и если я видел, что Олег измотан, то просто подходил к его помощнице Насте и говорил: гони всех, вези Олега Емельяновича домой, а то дела и чужие просьбы его доконают...

Потом Олега не стало. С мыслью, что его нет, я не мог свыкнуться, наверное, с полгода. Приходил домой, рука сама тянулась к телефону, чтобы ему позвонить, — и пронзала мысль: а звонить-то уже некому.

Мне кажется важным, что Олег не просто писал различные очередные статьи, а работал над созданием многотомного труда о становлении и развитии конституционного права в России. Анализировал, как, почему, в силу каких обстоятельств в России устанавливаются те или иные методы управления и порядок. Делал он это с целью выработать подход к разработке Основного закона страны, наиболее адекватно отражающего наш исторический опыт, текущие реалии и тенденции развития. К сожалению, закончить его он не успел и огласке этот вид своей деятельности не придал...

Батурин Юрий Михайлович,

ЛЕТЧИК-КОСМОНАВТ РФ, ГЕРОЙ РОССИИ, ЧЛЕН НАУЧНОГО СОВЕТА ПРИ СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (С 2005 Г.), ЗАМЕСТИТЕЛЬ КОМАНДИРА ОТРЯДА КОСМОНАВТОВ РГНИИЦПК ИМ. Ю. А. ГАГАРИНА ПО НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ИСПЫТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ (С 2000 Г.), СЕКРЕТАРЬ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ РФ, ПОМОЩНИК ПРЕЗИДЕНТА РФ (1993—1997), ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Человек шутки и перегрузки

За годы работы в разных профессиональных областях мне довелось познакомиться и сотрудничать с крупными руководителями, учеными, в том числе юристами. Среди них встречались яркие личности, обращающие на себя внимание интеллектом, знаниями, интеллигентностью, открытостью и обаянием. Таким был и академик РАН Олег Емельянович Кутафин. Не раз приходилось мне обсуждать с ним различные вопросы. Мы подружились, и я глубоко благодарен ему за советы и поддержку, которую он оказывал мне в сложных ситуациях.

Когда говоришь об Олеге Емельяновиче, масштаб его личности склоняет к перечислению высоких академических званий и научных заслуг. Я же хочу начать... с шутки как стиля мышления.

Олег Емельянович был очень приятным в общении человеком, с удивительно тонким чувством юмора. Разговор с ним никогда не был казенным. Что бы ни происходило, беседа обязательно перемежалась шутливыми замечаниями, в которых не только сквозила ирония, но и обнаруживалось глубокое содержание. Всегда к месту, короткой фразой, легко, в «одно касание».

Иногда трудно было понять, что он говорил шутя, а что — всерьез. Его приверженность к юмору, иронии была настолько

велика, что, как мне казалось, его первым откликом практически на любую ситуацию, поворот событий, проблему была шутка. Уже потом он делал краткие, но очень точные анализ и вывод.

Мне кажется, он шутил не только из-за одесского характера. Таков был склад его ума: ведь именно критические элементы жизни, которые и следует в первую очередь обнажить, попадают в анекдоты и становятся объектом осмеяния. Полагаю, Олег Емельянович размышлял через шутку. И один Бог знает, как все это способствовало остроте ума, быстроте реакции, умению сразу доходить до корня проблемы, когда другие толькотолько начинают ее обсуждать, а он говорит: «Все понятно».

Противоположную формулу можно было услышать только в одном случае. Нельзя сказать, что ему нравилось все происходящее вокруг, но никогда мне не приходилось видеть его опустившим руки. Высшей формой негативной оценки было: «Я не понимаю!»

Сегодня ни один мало-мальский серьезный политикоэкономический дискурс, претендующий на выявление необходимой доминанты государственной жизни нашей страны, не обходится без рассуждений о роли права для нового облика России. Право не только формирует мировоззрение и мировосприятие людей, но и задает правила движения к будущему.

В конце 1980-х годов в Советском Союзе был краткий с исторической точки зрения период глубокого общественного интереса и уважения к праву. Позже, уже в эпоху новой России, такого всплеска никогда не было. Но Олег Емельянович мечтал именно об этом. Он старался приблизить для России время правового государства — и своим авторитетом, давая практические советы высоким государственным деятелям, и помогая бизнесу обрести правовые рамки, и самое главное — подготовкой квалифицированных юристов.

И Олег Емельянович был подлинным Учителем. Он воспитал большое количество учеников, многие из которых сегодня играют заметную роль в жизни страны.

При этом Олег Емельянович, казалось, мог объять необъятное: помимо руководства юридической академией были и научные академические заботы, членство в многочисленных советах, комитетах, комиссиях, наконец, общественная работа. При такой востребованности, естественно, ему ежедневно доводилось контактировать с дискомфортно большим числом людей. Он был нужен всем и никогда никому не отказывал

в разговоре или встрече. Справиться с подобной нервной нагрузкой было бы невозможно без высочайшей организации своего времени. Правда, строжайше соблюдать такое расписание за годом год неимоверно трудно. И тем не менее всегда, когда я звонил ему с просьбой о встрече, слышал неизменно доброжелательное: «Ну подходи завтра в 12.30».

Все свои силы и свою жизнь Олег Емельянович Кутафин отдал служению своей стране и становлению права в ней. Не так много российских граждан награждены орденом «За заслуги перед Отечеством» всех четырех степеней. Олег Емельянович получил эти четыре ордена в течение всего лишь десяти лет, с 1997 по 2007 год, может быть, самой плодотворной и эффективной для него десятилетке — и потому самой напряженной. Этот пик перегрузки оказался далеко не первым, но, к несчастью, последним.

Хорошо, что государство успело высочайшим образом оценить его при жизни. Но более показательным представляется народная оценка уже ушедшего человека. Прибегнем к такому инструменту, как Интернет. По все поисковым системам — Яндекс, Google, Rambler, Yahoo — на имя «Кутафин Олег Емельянович» сегодня запросов примерно столько же, сколько на имена действующих ректоров Московского и Санкт-Петербургского университетов или Высшей школы экономики, и много больше, чем на имена руководителей других весьма достойных вузов. Возможно, это некий необычный ракурс, взгляд на значимость человека. Но, перелистав страницы Интернета, связанные с той или иной известной фамилией, получаешь четкое представление об интересе к нему, а значит, и о значимости личности.

Можно только удивляться, как этот человек упорно противостоял нарастающему течению — расширять число юридических институтов и зарабатывать деньги на выдаче дипломов правоведов при упрощенном образовании. Он занимался лишь одним вузом, но подтягивал его до уровня самых передовых. И победил!

Московская государственная юридическая академия — прекрасный памятник Олегу Емельяновичу Кутафину. Уже много лет ее неофициально называли кутафинской. Сегодня официально — имени О. Е. Кутафина. Важно, что памятник этот — не застывший мемориал, а живой организм, в котором чтут и продолжают традиции, заложенные Олегом Емельяновичем.

Гавриил Харитонович Попов,

ПРЕЗИДЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА, МЭР Г. МОСКВЫ В 1991— 1992 ГГ., ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК

Особая группа крови

Непросто найти человека, который был бы столь успешен, как Олег Кутафин. Ученые степени, почетные звания, высокие должности, главные награды страны... Но что считать критерием успеха?

Внешне достижения Кутафина огромны. Это числитель. Но если учесть потенциал Олега — человеческий, организаторский, научный, интеллектуальный — и поставить его в знаменатель, то общая величина окажется не столь большой, как могла бы быть.

Я пишу об этом с горечью, так как итог «дроби» — не только и не столько личная проблема Олега, сколько проблема всей нашей страны, всего ее народа в XX веке.

Эта проблема всегда состояла в том, что существовали две отдельные группы людей: представители власти и круг тех, кого можно назвать национальной элитой. Год за годом, десятилетие за десятилетием углублялся разрыв между теми, кто составлял элиту страны, и теми, кто страной управлял.

Мне мало известно среди элиты людей более способных и более пригодных, чем Олег, к тому, чтобы войти в круг высших государственных руководителей. И — с другой стороны — при всех талантах это ему не удалось. Ни в СССР, ни в постсоветской России перешагнуть через Кремлевскую стену Олег не смог.

Какая-то фантастическая интуиция была у нашей номенклатуры. «Чужаков» она чувствовала кожей: оттирала от «верха»,

выталкивала из аппарата в «прихожие» — в различные советы, комиссии и т. д.

В жизни Олега было два, как говорят математики, «приближения» к власти. Первый — в советское время, когда он в двадцать пять лет занял очень престижный и важный для старта пост первого секретаря комитета ВЛКСМ МГУ. Второй — когда началась эпоха новой России, с тогдашней колоссальной нехваткой кадров в руководящем звене, и когда Олег опять оказался «на старте». Оба раза его останавливали. В советское время — жестко и грубо, а во время новой России — культурно.

Думаю, судьба нашей страны и ее народа была бы иной, если бы люди типа Олега Емельяновича — а еще я мог бы назвать ректора МГУ Рэма Викторовича Хохлова и некоторых других — оказались у руля, взяли «вожжи» в свои руки.

Но — по порядку.

Мы познакомились в наше самое лучшее время — в далекой молодости. Вместе поступали в Московский университет. Оба из провинции, оба со школьными золотыми медалями. Оба поступили — он на юридический, я на экономический факультет. И дальше жизнь у нас шла во многом параллельными курсами.

Первое, что являлось общим для нас с Олегом, конечно, сам МГУ. Надо вспомнить, чем был Советский Союз в 1954 году, когда мы поступили. Это была страна, пережившая революцию, чистку 37-го, послевоенную борьбу с космополитизмом. Но, к счастью для нее (и для нас), какие-то обломки старой русской культуры все же уцелели. Местом, где это наследие более всего сохранилось, оставался Московский университет.

Да, нами командовали деканы, назначенные чуть ли не в ЦК КПСС. Функционировали, конечно, и парткомы. Но при всем том в МГУ работали выдающиеся преподаватели, которые воплощали собой старую российскую культуру даже своей манерой чтения лекций. На юрфаке еще продолжали преподавать специалисты старой школы по римскому праву, цивилисты и т. д. Как и на моем факультете были замечательные преподаватели по русской статистике, зарубежной экономике...

С ними можно было разговаривать. Иногда даже одна фраза, единственное замечание, произнесенные ими во время двухчасовой лекции, обретали для студентов огромное значение. Это оказывало на нас большое воздействие. Фактически, через МГУ к нам переходило наследие старой России. Поэтому для нас обоих университет значил гораздо больше, чем просто место получения знаний.

Второе общее для нас — разумеется, общежитие. Общежитие МГУ — университет в университете. Там приходилось учиться многому. Даже самой Москве — нужно было осваивать город, его традиции и культуру, многое из того, о чем в провинции и знать мы не могли. Кроме того, в общежитии жили люди из разных регионов страны, разных национальностей, традиций, специальностей, даже граждане других стран. Физики, математики, биологи, гуманитарии — у всех мышление организовано по-разному. Учились мы в разных аудиториях, а в общежитии оказывались вместе. Мы варились в общем котле, который, по сути, был гигантским механизмом взаимного интеллектуального и житейского обогащения. Это была серьезнейшая школа человеческого взаимодействия.

Третий общий у нас с Олегом момент — комсомол. Я немного раньше его перешел в комитет ВЛКСМ университета, он дольше работал на своем юрфаке. Но затем мы уже вместе отправляли ребят на целину, проводили Московский фестиваль молодежи и студентов, встречали Юрия Гагарина, организовывали ежегодную уборку картошки и многое другое. Кутафин стал первым секретарем комитета ВЛКСМ МГУ, а я руководил работой с иностранными студентами в качестве секретаря комитета.

Тогда комсомольская работа для нас значила очень много. Признаюсь, поступая в университет, я не очень-то собирался ею заниматься. Но в стране произошло грандиозное событие — состоялся XX съезд, на котором был разоблачен культ личности. Перед нами, как казалось, возникла реальная перспектива того, что общество изменится, если мы будем над этим работать. Мы верили, что обновление страны происходит, а комсомол — то место, где можно начать участвовать в реализации этого проекта. Первые годы хрущевской «оттепели» говорили: если в стране публикуют Дудинцева, если колхозники получают паспорта и перестают быть крепостными, если появилось жилищное строительство и т. д., то все идет в правильном направлении. Проблемы начались в конце нашей учебы, когда расстреляли демонстрацию новочеркасских рабочих, когда Хрущев начал поворот к «строительству коммунизма при жизни нынешнего поколения»...

 $\hat{\text{M}}\Gamma\text{У}$, общежитие и комсомол были для нас с Олегом общей школой, сближающим фактором.

Еще на наши отношения влияли и особенности характера Олега. Он был удивительно позитивно настроенным челове-

ком. Хотя ему, как комсомольскому руководителю, приходилось принимать трудные решения, его доброжелательность к людям оставалась неизменной.

Возвращаясь к нашей молодости, нужно вспомнить еще одно объединяющее наши биографии обстоятельство — мы оба выпали из партийно-комсомольской карьеры. И Олег, и я были секретарями комитета ВЛКСМ МГУ. Это значительные посты — практически мы подчинялись не райкому и даже не горкому, а напрямую ЦК ВЛКСМ. И карьерные перспективы были очень большие. Один из руководителей комсомола МГУ Лен Карпинский стал секретарем ЦК ВЛКСМ. Кто-то уходил секретарями горкомов, райкомов... Но наше окончание университета совпало как раз с тем поворотом, который в стране происходил, — заключительный этап хрущевского времени, начало брежневского периода...

Я должен был переходить на работу в ЦК ВЛКСМ. И на всю жизнь благодарен покойному Лену Карпинскому, секретарю ЦК, с которым у меня состоялся такой разговор.

- Ты как учишься?
- На «отлично», Ленинская и Сталинская стипендии.
- Диссертацию можешь написать?
- Что значит «можешь»? За год напишу, если надо.
- Тогда брось это все, иди пиши свою диссертацию.

У Олега перспективы были гораздо шире, чем у меня. И тут сама система постаралась. Она словно нутром учуяла, что такие люди, как Кутафин, для нее неприемлемы. И было сделано все, чтобы Олега из системы вышибить. Я деталей не знаю, но поработали большие специалисты в кадровой области. Карьеру ему просто сломали.

Пришлось начинать все заново, находить себя в новой сфере. И мы опять начинали вместе: занялись наукой, диссертациями. Способности для научной деятельности у Олега были огромные. Ему повезло с научным руководителем, С. С. Кравчуком, и как с человеком, и как с ученым. Но главное — сам Олег в полную силу занялся наукой.

Жалел ли он о том, что планировавшейся карьеры не случилось? Человека неудобно об этом спрашивать. Однако думаю, жалел. И именно поэтому попытался снова войти в эту реку — уже в постсоветскую эпоху.

И опять у нас получилось примерно одинаково. Я стал мэром — и раньше него понял, что и с новой властью каши не сваришь. Я ушел.

Олег все-таки пытался работать... В то время, в той ситуации, что имела место в России, найти для него пост, которого бы он заслуживал — министра, Генерального прокурора, Председателя Верховного суда и т. д., — было нетрудно. Несколько раз это назревало, и я даже был уверен, что Олега назначат. Однако власть по-максимуму использовала его знания и способности, по-максимуму и благодарила, и награждала, но, так сказать, за Кремлевскую стену не пустила. Удивительным образом срабатывала интуиция. Система опять почувствовала, что он — чужой. И опять не приняла.

Но важно добавить еще вот что. Отторжение Олега системой — это все-таки половина вопроса. Если бы Олег очень захотел, он, возможно, и согласился бы с «правилами игры» — ведь соглашались же многие. Но тут уж надо было поступиться многими вещами, принципиально важными для Олега. А он этого не хотел. А если б и захотел — то, думаю, и не смог бы. Все-таки у него с бюрократией были «разные группы крови».

Бюрократии нужен человек, который живет в первую очередь ее интересами. А Олег был российским интеллигентом. Интеллигенту во власти вообще делать нечего — очень редко бывают периоды, когда можно работать. Кроме того, Олег был по природе добр. Очень добр к людям. Рассматривать их как пешки он не мог, как бы этого ни требовала служба «во власти».

На мой взгляд, Олег Кутафин остался примером того, что и старая, и новая бюрократическая система людей его типа и масштаба ассимилировать не может. Они чужды и, более того, опасны той системе бюрократической власти, которая сложилась в мире в конце XX — начале XXI столетия. Но и такой человек, как Кутафин, все взвесив и осмыслив, в конце концов придет к мысли: нет уж, не надо. Мне лучше держаться своей линии.

Олег прожил достойную и интересную жизнь. Очень сильный, волевой организатор, он умел достигать того, что считал необходимым. При этом незаурядная воля в нем сочеталась с личной мягкостью и доброжелательностью. Внешне он мог показаться даже несколько медлительным, но это впечатление было обманчивым, не соответствовало внутренней сущности. И конечно, Одесса в нем чувствовалась всегда. Его элегантность, юмор, отношение к окружающим — все это одесский стиль Олега, неизменный, невытравимый.

У меня была непростая жизнь, и в трудные моменты Олег всегда помогал мне. Это был потрясающий человек, он делал

для других все что мог, и делал по-максимуму. К сожалению, так сложилось, что я мало чем смог его отблагодарить за долгие годы дружбы. Но одно большое дело я для него сделал. Будучи мэром Москвы, помог тому, чтобы бывшее здание Академии общественных наук при ЦК КПСС перешло к МГЮА. Должен сказать, что из гигантской собственности КПСС в столице российская бюрократия потеряла всего три здания, и это — одно из них.

Семигин Геннадий Юрьевич,

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПАРТИИ «ПАТРИОТЫ РОССИИ», ПРОФЕССОР, ДОКТОР ПОЛИТИЧЕСКИХ НАУК

Настоящий государственник

Мы познакомились с Олегом Емельяновичем Кутафиным в сложном для страны 1991 году. В то время я возглавлял Конгресс российских деловых кругов, а Олег Емельянович уже был ректором ВЮЗИ, впоследствии ставшим Московской государственной юридической академией (МГЮА).

С наших первых встреч мы прониклись огромной симпатией друг к другу. Именно в этот период зародилась наша настоящая, искренняя мужская дружба. Нас также объединяло и вза-имное стремление сделать все возможное для развития нашего родного вуза, превратив его в один из лучших в стране.

Близкие, доверительные человеческие отношения сложились не только у нас с Олегом Емельяновичем, но и между нашими семьями. Не могу не сказать о супруге Олега Емельяновича, Наталье Николаевне, и сыне Дмитрии, которые неизменно оставались его главной поддержкой и опорой в жизни. Надежные и теплые взаимотношения в этой семье были и остаются настоящим примером для многих людей.

Буквально с первых лет знакомства мы вместе с Олегом Емельяновичем принимали участие в ряде научных издательских проектов, многие из которых до сих пор не имеют аналогов ни в России, ни за рубежом.

Первой была «Антология российской правовой мысли» в пяти томах. Ее создавал прекрасный научный коллектив, с огромным интересом, с дискуссиями, научными спорами. Другой проект — шеститомное издание «Судебная власть

в России: история, документы», над которым мы потрудились втроем с О. Е. Кутафиным и В. М. Лебедевым. Это была сложная, но очень захватывающая работа. В 2003 году издание получило общественное признание и звание «Книга года».

Несколько слов хотелось бы сказать об общественнополитических взглядах О. Е. Кутафина. Он был настоящим, искренним государственником и большим патриотом своей страны. Олег Емельянович очень остро переживал те процессы и изменения, которые происходили в России в 90-е годы. Он довольно часто открыто излагал свою позицию, что в те времена было большой смелостью. Кутафин был одним из немногих, кто открыто выступал против грабительской приватизации государственного имущества. Он осуждал деградацию науки и многое делал для того, чтобы спасти ее, а вместе с ней — и систему образования в стране. Народные и национально-государственные интересы — вот та призма, через которую он рассматривал общественно-политические процессы 90-х годов прошлого века. Характерно, что на всех этапах моей общественной и политической деятельности я чувствовал с его стороны неизменную и искреннюю поддержку.

Не могу не отметить и нашу с ним совместную работу в Секции философии, социологии, психологии и права Российской академии наук в тот период, когда я возглавлял Институт сравнительной политологии РАН. Имея колоссальный опыт работы в руководстве научными учреждениями, Олег Емельянович неизменно помогал мне советами и поддерживал меня в этой работе. Наконец, О. Е. Кутафин был моим научным наставником, когда я готовил к печати монографию «Конституционные основы экономической политики».

Работать с О. Е. Кутафиным было потрясающе интересно. Его отличали глубокий профессионализм, колоссальные знания, научная принципиальность и одновременно деликатность. Мы все можем гордиться тем путем, который он прошел: сначала стал членом-корреспондентом РАН, затем академиком, позже — членом Президиума РАН и академиком-секретарем Отделения общественных наук РАН. Отрадно, что Российская академия наук по достоинству оценила вклад Олега Емельяновича в развитие права в стране, причем и как ученого, и как практика. И еще. Буквально в каждый свой приезд в МГЮА я видел огромное количество известных людей, желавших встретиться с ним, посоветоваться по различным вопросам.

У Олега Емельяновича было много потрясающих человеческих качеств. Одно из них — желание и умение прийти на помощь любому человеку, который в этом нуждался. Я был свидетелем тому, как он оказывал людям, независимо от их чинов и званий, помощь и поддержку. Многие шли к нему со своей бедой, понимая, что он не откажет, хотя временами эта помощь давалась ему очень непросто. Он действительно практически никому не отказывал.

На его похороны пришло столько известных и авторитетных в стране людей, что даже непосвященному становилось понятно — из жизни ушел величайший человек и величайший профессионал своего дела. Я считаю абсолютно справедливым то, что Московская государственная юридическая академия, его любимое детище, носит теперь имя Олега Емельяновича Кутафина.

Садовничий Виктор Антонович,

РЕКТОР МГУ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА, АКАДЕМИК И ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ РАН, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОЮЗА РЕКТОРОВ РОССИИ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК

Полвека дружбы

Я узнал Олега Емельяновича в 1958 году. Он в это время был первым секретарем комсомольской организации Московского университета. Я был в это время секретарем комитета ВЛКСМ на мехмате, но еще не всего механико-математического факультета (это было позже), а одного из курсов. Конечно, все мы знали нашего комсомольского лидера Олега Кутафина.

Мне кажется, первое впечатление, которое я составил о нем, заключалось в том, что это рассудительный, внимательный, внешне мягкий, но, с другой стороны, четкий человек, который умел отдавать распоряжения, управлять людьми и событиями. И это сочетание определенной мягкости, рассудительности и организационной четкости отличало его от других.

И разумеется, в комсомольской организации бывали и встречи, и дискуссии. Я присутствовал на его встречах с факультетскими активами, на комсомольских конференциях в университете, где он делал доклады. Он был очень успешным секретарем комитета ВЛКСМ МГУ. Я знал, что он в это время работал и в других, вышестоящих организациях — был членом райкома и т. д. Поэтому уже тогда Кутафин был признанным мэтром комсомольской работы.

Вторая страница нашего знакомства: он работал на юридическом факультете МГУ. Осознанно помню его в должности замдекана по научной работе. В это время я уже стал его начальником, так как был заместителем проректора университета. И могу сказать, что он реально вел все дела факультета. Там,

конечно, был декан — нужный, авторитетный руководитель. Но, как часто бывает, Олег Емельянович — очень энергичный, организованный зам — решал все оперативные вопросы, связанные с факультетом.

Вот в это время мы с ним часто встречались и тесно дружили. Перешли на «ты» еще с комсомольских времен. Он, как и я, был членом парткома университета и ярко выступал на партийных конференциях. Обычно в те времена большинство из ораторов на таких мероприятиях предпочитали «восславлять», а его выступления, как правило, были критическими. И в этом смысле руководители Кутафина в каком-то роде побаивались. Он мог довольно жестко высказаться в адрес ректората или парткома университета.

Вообще, он так быстро рос в это время, что было сразу понятно — он вырастает в лидера на юридическом факультете. Защитил докторскую, профессор, замдекана, много научных работ. Но где-то в 80-е годы у него возникли сложности с ректоратом. И я был тем посредником, который гасил эти сложности, и думаю, Олег Емельянович мне за это был благодарен. По крайней мере, у нас с ним были очень откровенные разговоры о том, почему он испытывает такой дискомфорт в университете. И в конце концов Кутафин не выдержал и ушел во Всесоюзный заочный юридический институт. Внешне это выглядело нормальным, обычным переходом на другую работу. Но он ушел с внутренней обидой. И повторюсь, в той ситуации в силу наших дружеских отношений я выступал неким демпфером его настроений, его перехода.

Когда позже он стал председателем Комиссии по гражданству при Президенте $P\Phi$, я уже был ее членом. И мы какое-то время работали вместе в этой структуре, обладавшей тогда весьма большими полномочиями. Надо сказать, что не всегда я соглашался с тем, что предлагал он, мы позволяли себе свободно высказывать друг другу свои точки зрения. Но всегда очень дружили.

Затем я из комиссии ушел, а Олег Емельянович тогда начал сильно набирать обороты в ВЮЗИ. На каком-то этапе заочный институт был преобразован в Академию. Ему удалось (и это — объективно) поднять ее роль, создать очень мощный научный центр, превратить в юридический вуз университетского уровня. Это его личная заслуга. Он сумел собрать хороший преподавательский состав. Был очень интегрирован во власть, имел хорошие личные отношения с высшим руко-

водством страны, что ему очень помогало в становлении МГЮА. И это мощное становление, мне кажется, стало в тот период его высшим достижением. Было признано всеми, что его юридическая академия стала сильным центром подготовки специалистов.

МГЮА стала настолько авторитетным вузом, что в какой-то момент Кутафин предложил мне, как ректору МГУ, создать совместное учебно-методическое объединение. По тем временам в этом был даже некоторый нонсенс. Ведь учебно-методическое объединение — структура, которая задает стандарты, вырабатывает программы высшего образования. Все учебнометодические объединения — по математике, физике, праву и т. д. — существовали тогда только при МГУ. А Олег Емельянович говорит: «Вот мы тоже мощные, давай работать вместе!» И приказом министра образования Филиппова Кутафин и Садовничий возглавили учебно-методическое объединение по юридическому образованию.

Это тоже была серьезная работа. Мы часто заседали — то в МГЮА, то в МГУ. Мне, конечно, очень помогал наш юридический факультет, но я понимал, что в нашей совместной с Олегом Емельяновичем работе есть сила. В то время очень дискредитировалось само юридическое образование, а Кутафин был сторонником жесткой позиции по сохранению его уровня. И в этом находил во мне надежного союзника. Мы вместе возглавляли учебно-методическое объединение по юридическому образованию до последних дней Олега Емельяновича.

Я хорошо знал Кутафина и его супругу. Как правило, на каких-то высоких приемах мы всегда сидели за одним столом. Очень много говорили. Что его отличало? Активное неравнодушие к судьбе высшего образования, к судьбе науки. Он ведь очень быстро вырос и в Российской академии наук — членкор, академик, член Президиума. Фактически заменил Владимира Николаевича Кудрявцева в роли представителя юридической науки в РАН. И стал очень знаковой фигурой не только в университетском, но и в академическом сообществе. И в государстве: я знаю, что те или иные руководители России обращались к нему за юридической помощью, консультациями, рекомендациями... Он всегда это делал охотно. И был очень вписан в истеблишмент нашей страны.

В то же время его отношения с друзьями отличались простотой. Он обладал прекрасным чувством юмора, любил шутить. И в этом мы тоже находили общие нотки.

105

Последний раз я его увидел в Кремле, по-моему — на заседании Госсовета или Совета при нем. Олег Емельянович подошел ко мне и сказал: «Кое-что мы с тобой в образовании не уберегли». Это прозвучало как заповедь.

Он был уже очень болен, после операции. Хотя мы все, конечно, говорили, что он хорошо держится, было заметно и понятно, что ему трудно. Вскоре он умер, и я приехал к нему прощаться...

Я очень обрадовался, когда МГЮА дали имя Олега Емельяновича. Это было справедливо.

Хабриева Талия Ярулловна,

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ РАН, ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РФ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Был талантлив во всем

Олег Емельянович был особенным человеком, всегда поражавшим меня уникальным сочетанием личных и профессиональных качеств. Другого такого, наверное, уже не найти.

Я узнала его очень давно. В семидесятые годы, студенткой занимаясь в научном кружке теории государства и права, я начала параллельно посещать заседания другого научного кружка — советского государственного права. Именно там мне порекомендовали для изучения работы Олега Емельяновича Кутафина. Тогда у меня его имя ассоциировалось с чем-то далеким. Это, наверное, как вершина айсберга — ты видишь ее и думаешь, как она недостижимо далека, а когда наконец оказываешься там, выясняется, что это совсем не так.

Олег Емельянович мне тогда тоже казался такой вот далекой вершиной. И когда через десять лет мы познакомились, первое, что меня поразило, — его доступность, неожиданная для ученого с таким именем.

На дворе стоял 1985 год. В Подмосковье проходила научная конференция, на которую собралось много известных ученых: Туманов Владимир Александрович — будущий председатель Конституционного суда РФ, Пиголкин Альберт Семенович, Казимирчук Владимир Петрович и многие другие. Это были наши корифеи. И тем не менее в этом созвездии Олег Емельянович выделялся — не только своими выступлениями, но еще и тем, что был очень внимателен к молодежи.

Я была молодым кандидатом наук, и он вступил со мной в практически равноправную полемику. Помню, что дискуссия у нас завязалась по вопросам теории суверенитета. Тогда эти проблемы ставились очень остро. Я убедилась в том, что Олег Емельянович считал необходимым даже в короткой беседе проповедовать свои идеи. И мне показалось, что он не был снисходителен ко мне. Он не посчитал для себя неважным мнение начинающего ученого. Даже в чем-то согласился с моими доводами.

Кстати, именно в ту встречу я заметила его добрую привычку шутить, даже когда речь шла о серьезных проблемах. Он был шутник просто потрясающий! Мог шутить по любому поводу, причем не обидно.

Поскольку я владею французским языком, меня охотно приглашают во франкоязычные страны. Однажды в Страсбурге в здании Совета Европы случайно столкнулись с Олегом Емельяновичем, приехавшим с другой группой российских экспертов. И когда при встрече он услышал, как я общалась с моими коллегами из Университета Париж-I Пантеон Сорбонна, сказал: «Ах ты, француженка моя». С тех пор часто так обращался ко мне. Вроде шутливое прозвище, но на самом деле он ценил это мое качество.

Было много встреч, которые остались в памяти. Часто они были связаны с выступлениями Олега Емельяновича на больших форумах, научных и государственных.

В 2001 году готовились акты, существенно корректирующие развитие России как федерации, появился четкий перечень полномочий субъектов РФ, началось формирование нового института федерального принуждения. Я возглавляла рабочую группу по подготовке поправок в Федеральный закон «Об общих принципах законодательных (представительных) и исполнительных органов субъектов Российской Федерации». И на одном из публичных слушаний (их было тогда много), где я делала доклад, именно Олег Емельянович имел смелость в присутствии руководителей государства высказаться довольно жестко. Ведь при всей своей деликатности, когда речь шла о принципиальных для него вещах, Кутафин непреклонно придерживался своей позиции.

Тогда Олег Емельянович предупредил о том, что разграничение полномочий между федеральными органами и органами субъектов Р Φ не должно однолинейно вести к утрате тех черт кооперативного федерализма, который был присущ Россий-

ской Федерации, что необходимо соблюдение баланса в системе этих отношений. Я ему очень благодарна за его позицию, за поддержку доктринальных положений, которые послужили основой деятельности нашей рабочей группы.

Олега Емельяновича постоянно привлекали к работе в различных консультативных органах при органах власти. Казалось, он должен был бы всегда во главу угла ставить некую официальную линию, даже если она не совпадала с его представлениями о праве и справедливости. Но он никогда не поступался теми идеалами, которым должен служить каждый юрист. Я могу это подтвердить.

Помню, на одном из заседаний редакционного совета «Журнала российского права», который издается нашим Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, мы обсуждали наши прогнозы по публикациям на будущий год. Наша политика такова: у нас есть редакционный совет (в него входят в основном очень известные люди, которые связывают нас с практической деятельностью, например Сергей Семенович Собянин, Сергей Вадимович Степашин, Вячеслав Михайлович Лебедев, Юрий Яковлевич Чайка) и есть редакционная коллегия, которая отвечает за наполнение нашего журнала интересными материалами и готовит его к изданию.

Олег Емельянович входил в редакционный совет. Члены редколлегии и сейчас с благодарностью вспоминают помощь Олега Емельяновича в работе над многими номерами «Журнала российского права».

Тогда прозвучали некий отчет и предложения, которые мы хотели реализовать в новом году. Олег Емельянович выступил с речью, которая нас удивила. Он предостерег нас тогда от излишнего увлечения публикациями, которые поддерживают официальную политику, указал, что нужны публикации, которые, как он выразился, «выражали бы другие мнения».

Еще один сюжет касается наших общих научных интересов. Олег Емельянович начал меня поддерживать, когда я была уже довольно зрелым специалистом. В тот период я работала в Институте государства и права Российской академии наук и заместителем министра по делам Федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации и увлекалась проблемами национально-культурной автономии — темой мало изученной, даже какое-то время табуированной, поэтому многим тогда казавшейся не имеющей особого потенциала для

юридической науки. Едва ли не единственный человек, который поддержал меня в том, что эти вопросы надо очень подробно изучать, был Олег Емельянович Кутафин. Более того, он мне сказал (и я этим горжусь): «Ты меня подвигла на подготовку моей новой работы». Он говорил о книге «Российская автономия». Я очень благодарна ему за то, что он поддержал это исследовательское направление. И горжусь тем, что при подготовке своей книги он часто обращался к моим работам и на них ссылался. А позже и я с ним советовалась, когда готовила свою книгу для перевода на болгарский язык. Кстати, наши болгарские коллеги использовали ее, когда готовили свои правовые позиции для Европейского суда по правам человека.

Вообще, его авторитет, влияние на коллег трудно переоценить. Так, в создании Ассоциации юристов России огромная заслуга принадлежит Олегу Емельяновичу. Я даже представить себе не могу, что он предпринимал для объединения разных уже существовавших союзов, каждый из которых имел свою организационную инфраструктуру и возглавлялся известными юристами. Пожалуй, Олег Емельянович был единственным, кому это было под силу.

Я помню первое заседание Ассоциации юристов России. Кутафин выступил с большим вступительным словом. Мы ждали Президента Российской Федерации, который обещал присутствовать на открытии. Но он сильно задержался, и Олегу Емельяновичу пришлось долго говорить самому. Я видела, что он устал. И тогда он сказал: «Я не могу так говорить бесконечно, давайте просто посидим и помолчим». Кто еще мог бы себе это позволить?

Нельзя не сказать и о том, что Олег Емельянович создал замечательный вуз. И если теперь меня спрашивают, где надо получать юридическое образование, я не колеблясь отвечаю: «В Академии Олега Емельяновича». Кстати, ее стали называть кутафинской задолго до официального переименования.

Время идет, и некоторые уже думают, что МГЮА всегда была такой, как сейчас. А ведь это — бывший ВЮЗИ, отношение к которому в профессиональной среде, прямо скажем, было весьма неоднозначным. А Олег Емельянович превратил его в самый современный юридический вуз: по набору специальностей, по составу высококвалифицированных преподавателей, по применению новых форм обучения. И то, что в составе Академии появились Институт прокуратуры, Институт адвокатуры, другие учебные и научные центры, полностью его заслуга.

Важно помнить, как Олег Емельянович приводил в порядок здания, которые занимает Академия: сначала он сделал ремонт во всем аудиториях и лишь в последнюю очередь — в своем кабинете. В этом весь Кутафин. Он всегда ставил интересы дела превыше всего.

Еще один момент, о котором нельзя не сказать, — трепетное отношение Олега Емельяновича к семье. Притом что Кутафин никогда не пропускал красивой женщины, не пошутив, не сделав ей комплимента, он был просто образцовым семьянином. Я много слышала о его семье, а потом и сама познакомилась с Наташей, супругой Олега Емельяновича, на юбилее МГЮА, который отмечали в бывшем здании СЭВ. Потом у нас установились очень теплые отношения. Позже я увидела и сына Олега Емельяновича, Дмитрия, прекрасно воспитанного, преданного, как и папа, своей профессии, очень внимательно относящегося к родителям.

По тому, как общались Олег Емельянович и Дмитрий, было видно, что у них очень добрые, не просто семейные, а дружеские отношения. И то, как трепетно сейчас Дмитрий Олегович относится к своей маме (а я это знаю), тоже результат влияния Олега Емельяновича. Причем я уверена, и Наташа это подтверждает, что Олег Емельянович Кутафин ничего специально для этого не делал — просто воспитывал сына своим примером. Позже, на похоронах, я увидела и его дочь, в ее глазах прочитала не только скорбь, но и глубокое уважение к отцу... Воистину, талантливый человек талантлив во всем.

Нельзя не сказать о научной деятельности Олега Емельяновича. Он всегда развивал классические темы теории конституционного права — конституционно-правовые отношения, источники конституционного права, конституционно-правовая ответственность и др., — проявляя бережное отношение к традициям отечественной конституционно-правовой науки и способствуя пониманию фундаментальных основ конституционного права с современных позиций. Вместе с тем он не был чужд нового, интересовался всеми передовыми разработками в области правовой науки. Он, например, уловил идеи, звучавшие в теме национальной культурной автономии в России, и, как было сказано раньше, написал работу на эту тему.

То новое, что должно найти отражение в праве, Олег Емельянович всегда тонко чувствовал. Известно, что конституционно-правовая наука была не вполне готова, когда разрабатывалась Конституция РФ 1993 года. Доктрина существенно

отставала от быстро меняющейся действительности. Тем не менее принимались новые законы, создавалась правоприменительная практика, а Олег Емельянович Кутафин был одним из тех, кто придал российской юридической науке необходимый динамизм. Но при этом он предостерегал от излишней поспешности в выводах, излишней «заземленности» исследований. Он утверждал, например, что комментирование нормативных документов, чем занимаются у нас многие ученыеправоведы, — это не наука, что теория предполагает другой уровень обобщения, использование более широкого спектра методов познания юридической действительности.

Таким были научное кредо самого Олега Емельяновича и его завет новым поколениям ученых-юристов.

Фортов Владимир Евгеньевич,

ДИРЕКТОР ОБЪЕДИНЕННОГО ИНСТИТУТА ВЫСОКИХ ТЕМПЕРАТУР РАН, АКАДЕМИК, ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА РАН, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ФИЗИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИХ НАУК

Вспоминая Олега Емельяновича Кутафина

Все, кто хотя бы однажды соприкасался с академиком О. Е. Кутафиным, согласятся с тем, что он был яркой, незаурядной личностью. И я до сих пор ощущаю его присутствие и одновременно отсутствие в своей жизни. После него осталась пустота, которую все мы, кто находился на его и соседних с ним «орбитах» существования, будем ощущать уже до конца.

Я услышал фамилию Кутафин задолго до того, как лично с ним познакомился. В то время «судьбы кривая линия» нашей перестроечной страны заложила очередной резкий вираж. Стало ясно, что траектория ее развития резко (ортогонально) отклоняется от курса «романтиков перестройки» и прямо ведет к «бандитскому» капитализму, в котором, ясное дело, нет места науке и образованию, да и настоящей интеллигенции. Одно из предельно упрощенных объяснений этих печальных трансформаций сводилось к тому, что власть в стране захватили гуманитарии, а естественники-де выпали из обоймы. В качестве контраргумента все чаще звучало имя юриста О. Е. Кутафина — человека порядочного, яркого, ответственного и положительно влияющего на решения власти.

Возникло желание познакомиться. Как выяснилось, оно было взаимным. Встретились мы в ресторане «Генацвали». И хотя я (да и он тоже) предпринимал в то время очередную безуспешную попытку похудеть, мы «хорошо посидели» и проговорили

около трех часов на самые разные темы — от исторических аналогий до влияния религии на науку и наоборот.

Этот человек сразу же произвел на меня сильное впечатление. Как у Бродского: «Любовь — это комбинация фотонов на сетчатке глаза». Не знаю (и теперь уже никогда не узнаю), каково было его первое впечатление. Но мне кажется, что, как говорят на Востоке, между нами возникла «химия». С тех пор в течение лет пяти-шести мы с разной частотой встречались с Олегом Емельяновичем, благо наше академическое начальство посадило нас рядом (занимается оно и этим!) в зале заседаний Президиума РАН.

Для меня общение и дружба с Олегом Емельяновичем имели очень большое значение — я всегда считал его одним из умнейших и порядочнейших людей. Он хорошо знал власть, многочисленное наше начальство, глубоко понимал мотивацию его поступков и не идеализировал людей власти, хотя относился к ним с уважением. Вместе с тем благодаря трезвому и цепкому уму, такту, широкой эрудиции ему удавалось эффективно влиять на мнения «верхов», защищать науку и образование перед лицом власти. Как нам не хватает Олега Емельяновича именно сейчас, когда наша академия и образование оказались под ударом безответственных авантюристов!

Олег Емельянович был человеком универсальных интересов, и, насколько могу судить, для него не существовало неинтересных тем. Он умел слушать и слышать. Я поражался глубине и точности его вопросов по поводу такой далекой от юриспруденции области знания, как физика экстремальных состояний веществ. Рад, что и я в чем-то оказался ему полезен.

Вообще же у Олега Емельяновича была загадочная особенность — с ним было легко и интересно даже тогда, когда он ничего интересного в данный момент не говорил и не делал.

Один из основателей кибернетики, Клод Шеннон, ввел понятие энтропии информации, равной логарифму степени неожиданности той информации, что вы получаете. Ценно то, что ты не знаешь и не можешь предсказать. Остальное болееменее тривиально. Так вот, все, что я и мои коллеги узнавали от Олега Емельяновича, было ново, неожиданно и поэтому (по Шеннону) весьма ценно. Его добрые советы, оценки и доброжелательное участие очень помогли мне в жизни и удержали от многих ошибок.

Олег Емельянович был великий труженик и очень любил юридическую науку. Он мог часами с равной увлеченностью

рассказывать о собственных и чужих научных результатах. У меня на полке стоят написанные им великолепные книги. Я как-то сказал ему, что хотел бы быть его студентом. Олег Емельянович ответил, как всегда с юмором, что «тоже хотел бы быть моим студентом, да и вообще, куда лучше быть молодым и голодным щенком, чем старой перекормленной собакой». Здесь прозвучал явный намек на наш возраст и вполне крупногабаритные размеры...

Я буду всю жизнь благодарен Олегу Емельяновичу Кутафину за то доброе, что он сделал для меня и моих коллег. За то, что судьба дала мне возможность общаться и дружить с этим замечательным человеком и гражданином.

Осипов Геннадий Васильевич,

ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН (ИСПИ РАН), АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК, ПРЕЗИДЕНТ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК (РАСН), ПРОФЕССОР, ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК

Честное зеркало времени

В жизни Олега Емельяновича Кутафина ярко отразилась жизнь поколения людей, родившихся в тридцатые годы прошлого столетия и прошедших вместе со страной все этапы ее бурной истории. Мне посчастливилось работать с ним многие годы. При этом нас связывали не только профессиональные и общественные дела, но и по-настоящему дружеские отношения.

Большинство составителей подобных мемориальных сборников, обращаясь к авторам воспоминаний, просят их поведать читателям о каких-то увлекательных, из ряда вон выходящих эпизодах в общении с героем публикаций. Считается, что нынешнего читателя следует завлекать какими-то парадоксальными историями, постоянно таким образом стимулировать интерес к главному персонажу воспоминаний.

Сразу признаюсь: в моих отношениях с Олегом Емельяновичем Кутафиным не было ничего сенсационного, парадоксального, ничего, что может пробудить повышенный и от этого зачастую нездоровый интерес. Мы много и плодотворно работали с Олегом Емельяновичем, пытались найти пути исправления ошибочных, научно необоснованных решений, помочь оптимизировать ситуацию, в которой оказалась наша страна. Рутина? Скорее всего. Но ведь рассчитанный не на эффектную позу, а на реальное дело труд — он чаще всего и бывает рутинным. Насколько нам удавалось решать самими же поставленные задачи — судить не нам: бесстрастная история проверит наши усилия и даст свои оценки.

Основные вехи жизненного пути О. Е. Кутафина хорошо известны. В 1954 году поступил на юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, который окончил с отличием в 1959 году. Прославленный вуз вооружил его фундаментальными знаниями в области юриспруденции, знаниями, которые он беспрерывно множил и совершенствовал в течение всей своей блестящей научной карьеры.

Но юридическая подготовка стала лишь частью его университетского багажа. Не менее значима, на мой взгляд, та школа живого неформального общения, «человековедения», которую успешно прошел комсомолец Олег Кутафин. В 1956—1961 годах он возглавлял комитет ВЛКСМ МГУ, избирался членом бюро Ленинского РК ВЛКСМ, МГК ВЛКСМ, членом президиума студенческого совета СССР, членом Комитета молодежных организаций СССР. Такая активная общественная деятельность в вузовском комсомоле в большинстве случаев перезанятых ею студентов с научной ориентировала общественно-политическую деятельность. Как по окончании вуза они становились освобожденными или выборными работниками комсомольских органов, продолжали свою карьеру в партийных комитетах, в органах государственного управления. Нередко, достигнув высоких ступеней в партийно-административной карьере, возвращались в науку, но уже, как правило, в качестве ее организаторов.

По сути, мне известно лишь два случая, когда подающий надежды молодой ученый, пройдя карьерную лестницу ЦК ВЛКСМ, Комитета молодежных организаций или иных органов подобного высокого уровня, сохранился как ученый и добился далее на научном поприще выдающихся достижений. Я имею в виду моего близкого друга академика Льва Николаевича Митрохина, к сожалению уже ушедшего от нас, и героя этих заметок Олега Емельяновича Кутафина...

В аспирантуре юридического факультета МГУ научным руководителем О. Е. Кутафина стал один из мэтров отечественной правовой науки профессор С. С. Кравчук. В 1965 году О. Е. Кутафин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Постоянные комиссии палат Верховного Совета СССР», а в 1979 году — докторскую диссертацию на тему «Плановая деятельность советского государства: государственно-правовой аспект».

Как видим, тематика научных интересов молодого ученогоправоведа находилась в так называемом мэйстриме — основ-

ном русле предпочтений советской юриспруденции, что гарантировало ему долгую и бесконфликтную исследовательскую деятельность, устойчивый карьерный рост.

К этому следует прибавить, что в Советском Союзе конституционное законотворчество, к которому выразил интерес О. Е. Кутафин еще как соискатель кандидатской диссертации, носило в подавляющем большинстве аспектов чисто умозрительный, абстрактно-теоретический характер. Конституция страны и ее практика правоприменения могли находиться и часто находились вовсе в различных плоскостях, развивались по своим отдельным векторам. Вспомним, что во второй половине 30-х годов, когда СССР переживал один из самых драматических периодов своей истории, связанный с разгулом авторитаризма, массовым нарушением прав личности, словно в насмешку над происходившим тогда, была принята одна из самых демократических в мире на тот период так называемая сталинская конституция, гарантировавшая объективно самые широкие права граждан, увы, лишь на бумаге.

То сознательно выбранное О. Е. Кутафиным направление юриспруденции, которое годы и годы брежневского застоя — самые перспективные в творческом плане годы жизни Олега Емельяновича — оставалось на обочине научного процесса, в период перестройки и особенно в годы формирования новой российской государственности оказалось необычайно востребованным.

Не знаю, в какой мере Олег Емельянович был задействован командой неолиберальных реформаторов для разработки новой Конституции Российской Федерации, приложил ли он руку к той ее редакции, по которой практически неограниченными полномочиями был наделен первый Президент РФ, что принесло немало бед нашей стране и ее народу. Думаю, что еще не настало время для этих основополагающих вопросов — слишком много личностного, кровоточащего в связанных с введением новой Конституции России обстоятельствах.

Одно мне известно точно: Олег Емельянович приложил много сил и таланта для устранения, сглаживания, минимализации негативного эффекта от тех юридических уложений в области конституционного права, федерального устройства и государственного управления, которые были впопыхах приняты под давлением команды неолиберальных реформаторов.

На этом поприще мы часто общались с ним, обсуждали проекты документов, докладных записок в органы власти по кон-

кретным вопросам реформ, ломали головы, как минимальными поправками исправить положение, вернуть конституционный процесс, процесс формирования российского федерализма в естественные, освещенные многовековой историей государства Российского русла. Составили не один документ «в инстанции», где убеждали власть предержащих в необходимости более выверенного, взвешенного государственнического реформирования правовых основ новой России.

Он с большим интересом и доверием относился к результатам исследований, проводимых социологами, Института социально-политических исследований в том числе. Именно благодаря его добровольному, а зачастую и инициативному посредничеству эти результаты попадали по нужному адресу (к Президенту РФ, в его Администрацию или в Правительство).

Многие годы своей творческой жизни О. Е. Кутафин посвятил Московской государственной юридической академии. Учебное заведение, благодаря его усилиям, стало крупнейшим юридическим вузом страны, который теперь занимает одно из ведущих мест среди европейских юридических вузов. Свою педагогическую деятельность О. Е. Кутафин всегда успешно сочетал с большой научной работой. Свыше 60 кандидатов и десятки докторов наук обязаны ему помощью в подготовке диссертаций.

Как я уже отметил выше, О. Е. Кутафин являлся крупнейшим специалистом в области конституционного и муниципального права России. Им опубликовано более 260 научных трудов, в том числе свыше 20 монографий, свыше 20 учебников и учебных пособий, фундаментальных исследований по проблемам теории конституционного и муниципального права России, общественного строя, федерализма, конституционализма. Учебник «Конституционное право Российской Федерации», соавтором которого вместе с Е. И. Козловой являлся O. Е. Кутафин, удостоен премии Президента Р Φ в области образования. Его научные работы хорошо известны за рубежом. Они изданы на английском, французском, немецком, испанском, арабском, чешском, болгарском, венгерском, вьетнамском, греческом и других языках. Блестящие лекции О. Е. Кутафина слушали студенты Карлова университета в Праге, Будапештского и Боннского университетов.

Невзирая на свою огромную загруженность, он согласился (не скрою, не без моего дружеского нажима) стать академиком — секретарем Отделения общественных наук РАН в очень

непростое для Академии время. Главным внутренним побудительным мотивом для него при этом было стремление не на словах, а на деле включить общественные науки в систему государственного управления и помочь Академии отразить череду непрекращающихся атак на нее недобросовестных чиновников и завистников.

У всех работавших рука об руку с Олегом Емельяновичем вызывала искреннее уважение его гражданская позиция, чего бы это ни касалось: шла ли речь о расстреле российского парламента по приказу Б. Ельцина или бомбардировке американцами и их натовскими партнерами Югославии — он активно выступал против произвола и разбоя.

Кстати, как мне недавно стало известно, не без его участия назревало решение первого российского Президента уйти в отставку накануне 2000 года.

Возглавляя Комиссию при Президенте РФ по вопросам гражданства, он много сделал для того, чтобы оптимизировать условия и процедуры возвращения соотечественников на родину, повысить их статусность и социальную защищенность. Не без его содействия вернулся в страну выдающийся философ и социолог А. А. Зиновьев.

Олег Емельянович поражал всех своей работоспособностью, неистощимой активностью, своим творческим горением. Казалось, он успевал все и всего достигал своим собственным трудом. Наш общий друг, лауреат многих литературных премий поэт Вилен Иванов, удачно отразил это в эпиграмме на Олега Емельяновича:

В общении с коллегами — внимательный И не бывает, кажется, сердит. Вокруг него всегда народ бурлит, И он с улыбкой обаятельной Всем ободряюще что-то говорит. В юриспруденции — большой мудрец, В полемике — за истину борец, А в целом — сам своей судьбы творец. Все, кто его по службе знают, Единодушно это подтверждают.

Кстати, сам Олег Емельянович был не чужд поэтическому творчеству. Он часто любил цитировать поэтов-классиков (А. С. Пушкина, А. Блока, В. Маяковского), а иногда в кругу

друзей читал и свои собственные стихи. Олег Емельянович навсегда остался в памяти всех, кто близко знал его и кому довелось с ним вместе работать. Его заслуги перед Отечеством велики, и они были оценены по достоинству.

Олег Емельянович Кутафин получил множество почетных званий и наград. Но, наверное, самой высокой из них можно считать то, что светлое имя его теперь носит Московская государственная юридическая академия, становлению и развитию которой он отдал так много душевных и физических сил.

В свое время замечательный русский поэт В. В. Маяковский в стихотворении «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» воспел светлую и гордую традицию называть именами отличившихся в труде и бою сограждан большие океанические корабли, которые на мощных бортах своих и капитанских рубках несут по Мировому океану светлые имена героев, прославляя их во времени и пространстве. Для Олега Емельяновича Кутафина теплоход его памяти — это Юридическая академия: многопалубный светлый фрегат науки, который год от года выводит в мир научного поиска его учеников и последователей, истовых служителей закона, тружеников на ниве юриспруденции, активных граждан великой России.

Лекторский Владислав Александрович,

АКАДЕМИК РАН, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА ЖУРНАЛА ПРЕЗИДИУМА РАН «ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ», ЗАВЕДУЮЩИЙ СЕКТОРОМ ТЕОРИИ ПОЗНАНИЯ И ОТДЕЛОМ ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ЛОГИКИ ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК

Одним существованием своим

Наверное, я общался и взаимодействовал с Олегом Емельяновичем Кутафиным меньше и не так тесно, как другие мои коллеги. Мне приходилось участвовать вместе с ним в различных мероприятиях, обсуждениях происходящих у нас событий, работать несколько раз в комиссиях, которые наше отделение Российской академии наук создавало. Бывал в его Юридической академии, которой он так успешно руководил. Позже, когда я сам избирался академиком в 2006 году, для меня много значила поддержка Олега Емельяновича (он стал им примерно тремя годами раньше).

И встречи с ним, и то, как он вошел в жизнь Академии наук, Отделения общественных наук, нашей секции философии, психологии, социологии и права, привели меня к тому мнению, что Олег Емельянович был одним из самых интересных и значимых людей, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться в жизни.

Уж не помню, кто нас познакомил. Было это лет за десять или даже более до его смерти. Но тогда я Кутафина почти не знал. Узнал получше, когда его избрали членом-корреспондентом РАН по отделению философии, психологии, социологии и права. Сразу же я понял, что Олег Емельянович человек очень необычный. Он очень быстро завоевал авторитет в Академии, просто мгновенно.

Это были сложные годы для Российской академии наук. Шли реформы, постоянно что-то объединялось, что-то разделялось, происходили необычные события, и не все были к этому готовы. Олег Емельянович во всех этих ситуациях всегда оказывался на первом плане. И я довольно быстро понял, чем он отличается от остальных наших уважаемых ученых, моих коллег.

Человек он был не только умный и знающий. Таких много, а в Академии наук — тем более. В наше время вообще, если ты не очень умный, трудно прожить. А Олег Емельянович был еще и мудрым человеком, а таких гораздо меньше. Он не просто какую-то отдельную сторону дела хорошо понимал — он всегда видел проблему в очень широком контексте возможных последствий. У него было огромное знание ситуации, людей. И, ко всему, это мудрое отношение к жизни.

Он обладал большим чувством юмора, он все делал с юмором. А это ведь очень важная вещь! Когда что-то в жизни серьезно меняется и перемен таких много, люди часто теряют голову, им кажется, что все кончено. Поэтому иногда возникали какая-то суета, паника, споры. В такие моменты Олег Емельянович оставался предельно спокоен, умел посмотреть со стороны на себя, на других. И мягко, с шуткой успокоить людей. Он воздействовал словом, самим своим присутствием на окружающих. А еще, самое главное, предлагал решение проблемы, которое, как правило, оказывалось исключительно плодотворным. Таких решений было много. И рядом с ним все успокаивались. Понимали, есть у нас такой человек, значит, можно жить и работать, не трепыхаться, не паниковать. Все проблемы, которые возникают и кажутся очень сложными, разрешимы.

В этом смысле он играл очень важную роль в нашем отделении в те годы, когда шла реформа РАН. Она и сейчас идет, и по-прежнему неизвестно куда. Поэтому все с ней связанное вызывало, да и вызывает у нас большое волнение. И в острых ситуациях именно Кутафин своей мудростью, юмором, спокойствием, умением убеждать оказывал благоприятное влияние на все, что происходило у нас.

Вместе с тем Олег Емельянович был человеком глубоко порядочным, очень стойким в своих принципах. Кутафин никогда их не выпячивал, не провозглашал, но они определяли его поведение, стиль жизни, отношение к окружающим. Много людей известных были его близкими знакомыми, но Олег Емельянович свои связи не афишировал, никогда ничем не подчер-

кивал свою значимость. Как-то просто держался, спокойно рассуждал, с неизменным чувством юмора.

Я помню, как несколько лет назад возникла идея превратить прежние отделения РАН в секции и влить их в состав более крупных отделений. Тогда встал вопрос — в какое отделение вольется наша секция философии, психологии, социологии и права? Многое в ее будущем зависело от решения этого вопроса. Дело было новое и неожиданное, кипели страсти, возникали разные предложения. Например, некоторые предлагали войти в отделение истории и филологии. И когда шло обсуждение, мнение Олега Емельяновича о том, что нам все-таки нужно входить в Отделение общественных наук, быть вместе с экономистами и международниками, как мне кажется, оказалось решающим. И как показал опыт, это было самое мудрое, самое правильное решение. Историки и филологи, конечно, уважаемое отделение, но дело они имеют в основном с текстами. А мы — еще и с реальными процессами. Поэтому взаимодействие с экономистами, международниками идет очень плодотворно и для философов, и для социологов, и для правоведов. У нас оказалось много общего.

Это один пример, а их было много.

Ушел Кутафин рано и неожиданно. Когда я был на его 70-летии, мне показалось, что Олег Емельянович себя чувствует неплохо, он был таким бодрым, энергичным. Через год выяснилось, что он болен, а через полгода он умер. Это стало очень тяжелой утратой для близких, для тех, кто его знал, для МГЮА, для нашего Отделения.

За год до смерти Олег Емельянович стал академиком-секретарем Отделения общественных наук. Отделение большое включает в себя три секции, несколько десятков ученыхакадемиков. Избрание академика-секретаря проходило в непростой ситуация, было много кандидатов, но когда появилась кандидатура Кутафина, то выбрали подавляющим большинством голосов. Причем — тайным голосованием.

Олег Емельянович, хотя он уже сильно болел, очень достойно руководил нашим Отделением. Много сделал для того, чтобы жизнь Академии наук шла так, как она должна была идти. То, что он в этот сложный момент был среди нас, я считаю очень важным. Олег Емельянович Кутафин сыграл огромную позитивную роль в истории Отделения общественных наук и РАН в целом.

Таций Василий Яковлевич,

РЕКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ УКРАИНЫ ИМ. ЯРОСЛАВА МУДРОГО, ПРЕЗИДЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ ПРАВОВЫХ НАУК УКРАИНЫ, АКАДЕМИК НАН УКРАИНЫ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ И ТЕХНИКИ УКРАИНЫ, ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРЕМИЙ УКРАИНЫ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

«Единственным утешением служит преемственность...»

4 декабря 2008 года не стало выдающегося ученого и организатора высшей школы Олега Емельяновича Кутафина. Во всех отношениях это был удивительный, редкий человек. Возможно, его уникальная жизненная сила, энергичный задор в ежедневной деятельности были связаны и с тем, что Олег Емельянович родился и рос не где-нибудь, а в Южной Пальмире, коей по праву считается его родная Одесса. Всем известен «национальный характер» одесситов, а более всего их непревзойденное чувство юмора.

Меня же в первую очередь поражает проделанная Кутафиным длительная и кропотливая робота по созданию Московской государственной юридической академии на основе Всесоюзного заочного юридического института. Олегу Емельяновичу довелось возглавить это учебное заведение в сложный для страны период, когда высшее образование не рассматривалось государством в качестве приоритетного направления в своем развитии. Перед Кутафиным стояла непростая задача — за короткий промежуток времени сделать из учебного заведения, которое профилировалось исключительно на предоставлении заочного образования, полноправный стационарный вуз. И это он сделал блестяще.

Я вспоминаю встречу с Олегом Емельяновичем, которая состоялась в старом корпусе Академии на Старокирочном, 13.

Мы, как молодые ректоры, обсуждали с ним планы развития своих вузов, и, честно говоря, я думал, что его планы во многом так и останутся проектами. Мне казалось, что в условиях Москвы и учитывая, что Московский юридический институт — бывший Всесоюзный юридический заочный институт, имеющий специфическую структуру и систему управления, очень не просто трансформировать в кратчайшее время.

В нашем разговоре, который незаметно продолжался несколько часов, я помню, мы затронули высокую миссию юридического образования в современном обществе, колоссальное значение юридических вузов в жизни общества и государства, необходимости модернизации их статуса. Мы обговорили и вопрос о целесообразности трансформации юридических институтов в академии. Нам удалось это сделать в 1991 году, когда Харьковский юридический институт стал Украинской государственной юридической академией. Буквально через год-полтора, в 1993 году, Московский юридический институт получил статус Московской государственной юридической академии.

Так случилось, что некоторое время сотрудничество наших вузов носило в большей степени формальный характер. И вот однажды я позвонил Олегу Емельяновичу — он был искренне рад этому — и предложил возобновить сотрудничество.

Мы обговорили идею заключения договора о сотрудничестве с участием Саратовской и Свердловской академий. Эта идея ему понравилась, более того, он сделал все, что касалось участия в этом проекте других вузов России. Это дало нам возможность встретиться в Харькове в 2002 году и подписать договор. Он, к сожалению, приехать не мог, поскольку был в командировке, и от МГЮА представлял академию Виктор Владимирович Блажеев. Этот проект оказался очень интересным и результативным. Прежде всего, первый выпуск совместного журнала «Юридическая наука и образование» был издан в Москве в Московской государственной юридической академии. Второй, в 2009 году, издан в Харькове нами. Проведено немало разных мероприятий, но главное — наметился серьезный обмен студентами.

А сейчас мы планируем начать совместно с Московской государственной юридической академией им. О. Е. Кутафина учебный проект, основанный на взаимном признании учебных курсов, программ и квалификаций, что будет весьма интересно для развития сотрудничества.

Сейчас, я уверен, многие вузы считали бы за высокую честь иметь такого партнера, как Московская государственная юридическая академия им. О. Е. Кутафина.

Впечатляют бурные темпы роста этого центра юридического образования нового типа. На сегодняшний день в Академии учится более 17 тысяч студентов; в составе МГЮА функционируют 27 кафедр, на которых работают более 100 докторов наук и 300 кандидатов наук, из них 42 имеют почетные звания. Кутафином О. Е. было создано 5 филиалов МГЮА по всей России (Вологодский, Кировский, Оренбургский, Магаданский и Махачкалинский).

Академия знаменита также своими научными школами: школа историков права (проф. Исаев И. А.), школа гражданского процесса (проф. Боннер А. Т.), школа сравнительного конституционного права (проф. Страшун Б. А.), школа европейского права (проф. Кашкина С. Ю.) и многие другие. В этом контексте нельзя не отметить выдающийся вклад Олега Емельяновича в становление школы современного конституционного права. Будучи воспитанником таких ученых с мировым именем, как С. С. Кравчук, Г. В. Барабашев, Л. Д. Воеводин, Д. Л. Златопольский, А. А. Мишин, К. Ф. Шеремет, Олег Емельянович сумел не только сохранить лучшие традиции государственно-правовой науки советского периода, но и модернизировать конституционно-правовые знания с учетом провозглашенного курса на становление в России правовой и демократической государственности.

Вообще-то говоря, удивительна широта исследований Олега Емельяновича. Им было написано 24 монографии. Все эти фундаментальные работы отличают высочайший научный аппарат, глубина исследования затронутой проблематики и доктринальность для науки и практики сделанных автором выводов.

Его монографии стали основой для построения общей теории конституционного права не только в самой России, но и на всем постсоветском пространстве. Они задали тон в сложнейшей области государственно-правовой науки. Свидетельством этого является цитируемость его монографических исследований в украинских кандидатских и докторских диссертациях. Он одним из первых поднял и сумел успешно решить проблему ответственности в конституционном праве.

Отдельной, очень интересной сферой научных интересов Олега Емельяновича является институт гражданства. Опубликованная им в 2004 году монография «Российское граждан-

ство» стала первым фундаментальным исследованием конституционно-правового регулирования отношений между человеком и государством в форме гражданства. Вообще вопросы гражданства интересовали Олега Емельяновича не только как ученого, но и как видного государственного деятеля. Достаточно вспомнить, что он длительное время работал председателем Комиссии по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации, руководил экспертной группой по подготовке Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации». Примечательным является то, что в формулировке Указа Президента о присвоении Кутафину О. Е. ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (26 июня 2002 года) значилось, что эта высокая государственная награда присуждается Олегу Емельяновичу «за выдающийся вклад в развитие института гражданства Российской Федерации и многолетнюю плодотворную научную и общественную деятельность». Поэтому неслучайно упомянутая нами монография о российском гражданстве является такой популярной в юридическом мире. Ведь в нее вложен не только талант Олега Емельяновича как ученого-конституционалиста, но и многолетний практический опыт.

Потенциал Олега Емельяновича раскрывался и в его научноорганизаторской деятельности. Им, как членом президиума Высшей аттестационной комиссии России, было многое сделано для аттестации научно-педагогических кадров. И как академиком-секретарем Отделения общественных наук РАН — для координации исследований в этой области. Учениками Олега Емельяновича могут себя назвать более 20 докторов и более 60 кандидатов юридических наук. Ведь именно такое количество диссертационных исследований было выполнено под его руководством.

Отдельного внимания заслуживают его усилия по созданию надлежащего учебно-методического обеспечения преподавания конституционно-правовых дисциплин в вузах России. Под его редакцией в 1996 году увидел свет первый на постсоветском пространстве курс лекций по государственному праву, основанный на современных концепциях конституционного правопонимания. Особо следует отметить фундаментальный учебник «Конституционное право Российской Федерации», написанный Олегом Емельяновичем в соавторстве с еще одним выдающимся ученым-конституционалистом Е. И. Козловой. За этот учебник О. Е. Кутафин был удостоен Премии Президента России в области образования.

Одной из отличительных особенностей развития государственно-правовых знаний стало активное изучение и доктринальное обоснование существования такой научной отрасли, как муниципальное право. Именно Олег Емельянович (в соавторстве с профессором В. И. Фадеевым) в 1997 году издал один из первых учебников по муниципальному праву. Концепция изложения учебного материала, положенная в основу этого издания, в дальнейшем неоднократно использовалась российскими и украинскими учеными при написании подобного рода учебников.

Общее количество написанных им работ (свыше 260) является еще одним ярчайшим свидетельством незаурядного научного таланта и высокой работоспособности.

Вспоминая о заслугах Олега Емельяновича в построении в России правового и демократического государства, нельзя не сказать о его вкладе в утверждение в Российской Федерации принципиально нового конституционного строя — Кутафин принимал самое активное участие в разработке проекта Конституции России 1993 года. Будучи сам членом Конституционной комиссии, которая занималась разработкой украинского Основного закона 1996 года, могу отметить значимость как самого конституционного текста, выработанного в России, так и дискуссий в российских юридических кругах относительно каждого положения будущей Конституции. Этот бесценный материал был использован и нами при подготовке проекта Основного закона Украины.

Отдельно следует упомянуть и об общественной деятельности О. Е. Кутафина. Он был членом важных совещательных органов при Президенте Российской Федерации, Совете безопасности России. Кроме того, Олег Емельянович работал в Общественной палате РФ, будучи заместителем секретаря Палаты и членом ее Совета.

То, что нет сейчас среди нас этого замечательного человека и ученого, — потеря невосполнимая. Единственным утешением служит преемственность: его начинания продолжает воплощать в жизнь талантливый и сплоченный коллектив Московской государственной юридической академии им. Олега Емельяновича Кутафина.

Интервью А. К. Голиченкова,

ДЕКАНА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА (С ЛИРИЧЕСКИМИ, В ТОМ ЧИСЛЕ РИФМОВАННЫМИ, ОТСТУПЛЕНИЯМИ)

Стать вторым Кутафиным невозможно!

— А лександр Константинович, расскажите, пожалуйста, когда и где Вы познакомились с Олегом Емельяновичем Кутафиным?

— Когда — точно не скажу. Да и нужно ли? «Я помню чудное мгновенье...» применительно к Кутафину! Вот бы он посмеялся! Кажется, что он был всегда. Настолько велико его влияние на меня, на происходившее вокруг. А вопрос, где познакомились, — риторический. Конечно, на юрфаке — юридическом факультете МГУ.

Олег Емельянович старше почти на пятнадцать лет. Он в 1959 году юрфак с отличием закончил, а я только в школу пошел. В 1971 он на факультет вернулся (был на комсомольской работе, преподавал в ВЮЗИ), доцентом, в 1973 он стал уже заместителем декана, а я в 1972 только поступил. Уж не сверстники точно. Тем не менее мы пересекались по общественной работе: я был заместителем секретаря комитета комсомола факультета, секретарем факультетской комсомольской организации аспирантов, членом партбюро цикла, где отвечал за научную работу. Он — заместителем декана по науке.

Но одна из первых личных встреч, после чего я запомнил Кутафина, была, казалось бы, случайной. Кто учился или работал на Герцена, 11 (до 1979 года по этому адресу располагался юрфак), тот наверняка помнит, что, если пройти прямо от входа мимо большого старинного зеркала в раме черного дерева

(благополучно кем-то украденного после переезда факультета на Ленинские горы), оставив его по левую руку, можно было попасть в небольшой коридор. Там располагались кабинеты декана, его заместителей, партком. Так вот, Олег Емельянович шел по этому коридору, надо полагать, в свой кабинет. А я — навстречу. И судя по тому, что я был при галстуке, возвращался я из одного из этих важных кабинетов. Он остановился, поздоровался за руку, очень внимательно посмотрел на меня и сказал: «Саша! Очень тебя прошу. Ты НАШ галстук без предупреждения на факультет не надевай!» И тут я замечаю, что у нас с ним галстуки одинаковые!

Лирическое отступление, первое. Надо сказать, одевался он всегда очень элегантно, а галстуки подбирал особенно тщательно, пользовался любым случаем, чтобы пополнить свою коллекцию. Помню, он пригласил меня на «круглый стол» по юридическому образованию в Совет Федерации. Так первым делом привел в небольшой магазинчик на первом этаже Совфеда и из всего многообразия вывешенных там галстуков почти мгновенно выбрал великолепный шелковый, зелено-молочного цвета, экземпляр. Как оказалось, даже не последний, а единственный! Мне оставалось только корить себя за нерасторопность.

— Александр Константинович, а каким Олег Емельянович был в отношениях с коллегами?

— Внешне он был очень добродушным человеком, не просто с хорошим, а я бы сказал, уникальным молниеносным чувством юмора. Никогда не отказывал в помощи. А помог он очень многим, даже тем, кого недолюбливал. Но мог быстро измениться, стать жестким, когда дело касалось принятия решений или их выполнения. Очень не любил, когда люди меняли свои позиции. Это был для него, по-моему, один из самых больших смертных грехов: если человек сказал «да», а потом не сделал. Не дай бог! Он менял свое отношение к таким людям. И тогда его юмор становился язвительным.

— А в неформальном общении?

Олега Емельяновича невозможно распластать на две личности, формальную и неформальную. Он настолько органично сочетал в обе эти черты — был профессионалом, организатором великолепным, но и очень веселым, компанейским человеком, душой компании. Мы общались как все нормальные люди: и за столами рабочих совещаний, и за «круглыми столами» научных дискуссий, и за обеденно-банкетно-фуршетными. Он

оставался лидером и в неофициальной обстановке. Но уважали его уже не по должности, ех officio, а как незаурядного человека. Он был, как говорят психологи, лидером малой социальной группы. Прирожденным. От Бога! Поэтому зачастую рабочая обстановка переходила в нерабочую, причем тут же после одной-двух его фраз, шутки или анекдота.

— Говорят, анекдоты были его хобби?

— Анекдоты он действительно любил. Рассказывал их хорошо, при каждом удобном случае, обо всем и обо всех (что позволялось ему и не было позволено кому-либо другому). И очень любил их слушать.

Лирическое отступление, второе. Мы поехали как-то во Владивосток, это было выездное заседание Президиума Учебно-методического объединения по юридическому образованию. Закончили работать, сели в хорошем ресторане с видом на океан. Он сидел не как всегда во главе стола, а в центре, лицом к океану. А я — прямо напротив него. Он произнес вступительный тост. Все сидели еще немножко скованноофициальные, ножами-вилками стучали, закусывали. Пауза слегка затянулась. Тут он мне говорит через стол: мол, расскажи анекдот, что ли. Я рассказал. Все посмеялись. Через пару минут опять — расскажи! Неудобно, говорю, Олег Емельянович, как-то получается, люди не анекдоты пришли слушать, а пообщаться. Но он опять — расскажи да расскажи. А отказать-то ему было невозможно, все знают. Одним словом, раскрутил он меня по полной программе: я весь вечер на арене, с анекдотами. На следующий день в аэропорту настроение у всех «чемоданное». Я сижу, так получилось, опять напротив него. Молчу. Он мне — чего, мол, сидишь и молчишь? Я спрашиваю: а что я должен делать? А он на весь зал заявляет: вы посмотрите, вчера весь вечер травил скабрезные анекдоты, никому слова не дал сказать, а сейчас сидит и молчит! Все расхохотались. Из ничего получился анекдот.

А что касается хобби... У него было характерное хобби — интересные люди. Когда он общался с интересным ему человеком, он забывал обо всем. Мог пропустить из-за этого важные мероприятия. Он любил играть на скрипке. Увлекался классической музыкой, особенно Вивальди и, насколько я знаю, в последние годы Генделем.

Лирическое отступление, третье. Не так давно выпускники нашего факультета участвовали в организации благотворительного концерта юных музыкантов. Он назывался «Возвращение. Детский альбом», но включал серьезные произведения Шумана, Бетховена, Пуленка (соответственно «Фантастические пьесы» для виолончели и фортепьяно, Аллегро и менуэт для двух флейт, Трио для гобоя, фагота и фортепьяно). Концерт проходил в Рахманиновском зале Московской государственной консерватории на ул. Герцена, 11. Да-да, в том самом зале, в котором мы слушали лекции. Сколько себя помню, на сцене там всегда стоял рояль и кто-то из студентов, а то и преподавателей перед началом лекции, в короткие минуты перерыва, музицировал. Так, для себя. Так вот именно в этом зале, рассказывают, играл на скрипке юный Олег Кутафин.

Я живо представил его стоящим на этой сцене со скрипкой (почему-то в слегка коротковатых брюках на подтяжках и в белоснежной рубашке?). Вспомнил профессоров, читавших нам с этой сцены лекции, и рассказ одного из них, О. И. Чистякова, как он оказался на юрфаке. Он вышел на улицу Герцена и задумался, куда идти. Ему было все равно, Москву-то он тогда не знал. Если бы он повернул направо, то попал бы на журналистику или психологию. Но он пошел налево, а попал на «право»!

Отступление рифмованное, первое и последнее.

Все тот же зал, и та же сцена, И тот же вон рояль! Нет — два! И вроде все обыкновенно, Но сознаешь едва-едва,

Что прожитое смыли флейты, Под струнные и под гобой, Ты стал опять двадцатилетним, Опять в согласии с собой.

Под «Фантастические пьесы», И под «пуленковский» фогот Мы стали вдруг опять — повесы, И не стары́, наоборот!

Мы снова молоды. Всем браво (Ведь дорог золотник, хоть мал), Кто много лет назад на «право», Пришел в Рахманиновский зал!

В этих строчках мое отношение к факультету, к моим учителям, к Олегу Емельяновичу.

— А как он к Вам относился?

— Как-то по-особому, выделяя среди коллег. Подшучивал, мол, у нас много общего, мы с тобой оба крупные, в смысле толстые. Он был руководителем очень высокого уровня, очень занятым, в последние годы еще и очень больным человеком. Но всегда находил время для встречи со мной. Каюсь, я иногда злоупотреблял его отношением: не договаривался о встрече заранее, а звонил ему на подъезде к Академии, просился на 10—15 минут. И всегда ответ был один: «Ну заходи!» Он был очень рад, когда меня избрали деканом факультета. Может быть, он связывал со мной свои несбывшиеся планы развития факультета. Наверное, ему претило постоянное противопоставление Академии и факультета. Для него-то это были две составляющие его жизни.

— Чем, по Вашему мнению, были для Олега Емельяновича юридический факультет, Московский университет?

— Частью его жизни. Он закончил юрфак. Честно отслужил ему 16 лет в качестве преподавателя. В последние годы, будучи заместителем декана, фактически руководил факультетом. Да плюс 5 лет на общественной работе в МГУ. Здесь прошли его юность, лучшие годы, здесь он сформировался как педагог, ученый, организатор. Как личность! «Бывших» университетских, «бывших» юрфаковцев не бывает!

Возглавляя Академию, он по логике вещей не мог и не должен был заниматься делами другого вуза, да еще юрфака МГУ, объективно — вуза конкурента! Но вот ведь факт, о котором, кстати говоря, мало кто знает: Олег Емельянович был членом Попечительского совета юридического факультета с момента основания этого совета. И пекся о факультете по-настоящему.

— Вы сказали, что МГЮА и юридический факультет МГУ объективно являются конкурентами. А Вы с Олегом Емельяновичем тоже конкурировали?

— На этот вопрос он однажды ответил отрицательно и в своей манере: хотя мы оба крупные, но выступаем в разных весовых категориях. Что точно он имел ввиду, не знает никто. А я скажу так, чтобы конкурировать с юрфаком, нужно быть им или стать им. Это возможно, но очень сложно и оченьочень долго. Чтобы конкурировать с КУТАФИНЫМ, нужно быть КУТАФИНЫМ или стать КУТАФИНЫМ. Это невозможно!

Исаев Игорь Андреевич,

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Два дня из жизни ректора

Активный участник партийного строительства. Член различных президентских и правительственных комиссий. Эксперт и советник власти. Но прежде всего — ученый и учитель. Проницательный и заботливый научный руководитель, готовящий молодые кадры ученых. И всегда авторитетный ректор ведущего вуза, готовящего для будущего страны кадры профессиональных юристов. Все это в одном лице — Олег Емельянович Кутафин.

Здравый смысл в политике — большой дефицит. Сохранить его помогает только уважение к закону и к традиции. Кутафину это всегда удавалось, как никому другому. Политика быстротекуща, иррациональна и спонтанна. Закон устойчив и продуман (как правило). И не случайной была любовь Олега Емельяновича к истории права — в ней уже было все, в том числе и рецепты для настоящего и будущего. Отдельные моменты политической истории — только вехи и пути права. Важно верно оценить значение этих моментов, соотнести их с главной тенденцией.

Олег Емельянович это умел.

19 АВГУСТА 1991 ГОДА

Солнечный день. По телевизору идет «Лебединое озеро». В вузах каникулы, в нашем — тоже. Работают только руководители подразделений и ректорат. Олег Емельянович на работе.

По улицам Москвы передвигаются танки и бэтээры. В центре столицы вооруженные солдаты. Демонстранты собираются у Белого дома. Странно, но опасности не ощущается, хотя она конечно же присутствует.

Я возвращаюсь из редакции журнала «Советский Союз», куда относил для публикации статью о политических партиях в России. Угрюмый редактор статью не принял и молча показал на окно. За окном танки... «Странная революция». Граждане кормят танкистов мороженым. На гостинице «Москва» транспоранты, а ораторы призывают граждан сообщать «куда следует» о начальниках, не отпускающих их на защиту Белого дома. Везде продают пиво. Анархисты, взобравшиеся на памятник Дзержинского, пытаются раскачать и опрокинуть его без помощи тяжелой техники. Раскачивают «систему»...

В институте (тогда Академия еще была институтом) страшно напряженная обстановка. По радио транслируется обращение ГКЧП, со стороны Белого дома поступают воззвания к сопротивлению.

В нашем партийном руководстве и среди ветеранов партии обсуждается вопрос о сборе подписей в поддержку ГКЧП. Основная масса еще не определилась со своей позицией. К Олегу Емельяновичу обращаются как к авторитету и оракулу. Не забуду его грустной и иронической улыбки: «Все это дня на три, не дольше».

Его высокопоставленные знакомые тем временем играют в большую политику. Договоры, переговоры. Бывшие комсомольские лидеры «спасают страну», строят баррикады. Олег Емельянович с грустью говорит, что огромная и великая страна переживает свои последние дни. Наступает новое время. И его нужно принять. Главная задача — сохранить здравый смысл и высшую школу, в которой мы много лет работаем. Нужно сохранить высокие академические стандарты и уровень преподавания. Не поддаваться демагогии ни «справа», ни «слева». Революции проходят, наука и студенчество остаются...

Вскоре Академия переезжает в новое здание (бывшую Академию общественных наук при ЦК КПСС). Разворачивается работа дневного факультета, увеличивается набор студентов. Новые российские и московские власти (где, слава богу, сохранилось довольно много здравомыслящих и высококвалифицированных людей) поддерживают настойчивые и обоснованные предложения ректора МГЮА по повышению качества образования. Академия становится ведущим юридическим вузом страны.

4 ОКТЯБРЯ 1993 ГОДА

После расстрела возле Останкино ситуация в Москве крайне напряженная... МГЮА территориально оказалась в центре конфликта. Когда на Смоленской жгут автомобильные покрышки, черный дым проникает в окна аудиторий и кабинетов. Омоновцы с перевязанными после столкновений 3 октября головами собираются у поврежденных автомобилей, стоящих у стен Академии. Возбужденные демонстранты проходят рядом. Смущенно улыбающиеся торговцы торопливо закрывают ларьки по ходу продвижения колонны по Садовому кольцу. Прямо под окнами Академии цепи спецназовцев перегораживают улицу. Со стороны захваченной мятежниками мэрии Москвы на полном ходу мчатся грузовики с людьми и красными флагами. Кажется, столкновение неизбежно. Но демонстранты расступились и пропустили машины, которые двинулись в сторону Останкино. Некоторые преподаватели, побывавшие на месте событий, рассказывают страшные вещи.

Утром 4-го в ректорском кабинете смотрим по телевизору CNN, прямую трансляцию от Белого дома... Танки выходят на позиции перед парламентом и открывают огонь. В кабинете дребезжат оконные стекла. От нас до Белого дома метров девятьсот. Помню мрачное лицо Олега Емельяновича: «стреляют по демократии», говорит он.

Он, ученый-юрист и педагог, лучше других понимает, что происходит на самом деле. Опасный прецедент, демонстрация правового нигилизма, угроза гражданской войны. Ведь должны же быть другие, законные способы решения конфликта!

По приказу ректора отменяют занятия на всех факультетах Академии, ведь вуз находится в опасной близости к месту событий. В потоке листовок, поступающих из Белого дома и с площади перед Моссоветом, студентам трудно разобраться. И их ни в коем случае нельзя втягивать в ставший уже кровавым конфликт.

На крыше Академии, по слухам, расположился снайпер. Две пули залетели в окно кабинета одного из заведующих кафедрой. Он заклеил дырочки в пробитых стеклах красными звездочками...

В ректорате нас остается всего трое. Всех отправили по домам. С трудом уговариваем уйти Олега Емельяновича.

Прямо у входа в Академию — раненый, которому случайные прохожие оказывают помощь, делают перевязку... Мы идем

по опустевшему Садовому кольцу в сторону Маяковской. Танки по-прежнему бухают за нашими спинами. Москва ждет перемен.

* * *

Вклад Олега Емельяновича Кутафина в эти перемены был значительным. Конституция 1993 года, в создании которой он принимал участие, становится отправной точкой для нового государственно-правового строительства. Это родная стихия для Олега Емельяновича. Как конституционалист и по профессии, и по призванию, он понимает, что пришло время конструктивности, положительного права, что кризис в обществе и сознании должен быть преодолен. И целиком уходит в общественную и научную работу.

Появляются новые монографии, переиздания его учебника. Одновременно он входит во многие совещательные органы при Президенте РФ: Совет по вопросам совершенствования правосудия, Совет по науке и высоким технологиям, Научноконсультативный совет при Совете безопасности РФ, возглавляет Комиссию по вопросам гражданства, становится членом Совета и заместителем секретаря Общественной палаты РФ. Олег Емельянович становится президентом Союз юристов России, а позже во многом усилиями и авторитетом Кутафина была создана Ассоциация юристов России, объединившая несколько профессиональных общественных организаций. При этом работа в Российской академии наук, последний год — академиком-секретарем Отделения общественных наук.

Олег Емельянович не просто жил в одном ритме со своей страной, ведь он любил ее по-настоящему — без громких слов, вне зависимости от перемен идеологических ветров. Он отвечал на вызовы времени, предвидел многое и многое сделал для будущего, которого, к несчастью, не увидит.

Интервью Д. Б. Кривицкого,

СТАРШЕГО ПАРТНЕРА ЮРИДИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ЮРАКАДЕМИЯ: КУТАФИН И ПАРТНЕРЫ», ПРЕДСЕДАТЕЛЯ СОБРАНИЯ УЧРЕДИТЕЛЕЙ АНО «СОДРУЖЕСТВО ВЫПУСКНИКОВ МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА», ЧЛЕНА КОМИССИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ В СФЕРЕ ОБОРОНЫ, БЕЗОПАСНОСТИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ

«Он давал простор для творчества всем, кому доверял, и как сильный человек умел прощать ошибки»

- Дмитрий Борисович, когда Вы познакомились с Олегом Емельяновичем Кутафиным?
- Впервые я увидел Олега Емельяновича, когда поступил в Академию. Для нас, молодых студентов, Кутафин был недосягаемой вершиной, и не только из-за того, что занимал высокий пост, но и потому, что являлся общепризнанной величиной в юриспруденции.

В то время он уже не преподавал, но нам доводилось его наблюдать на общественных мероприятиях и торжественных церемониях.

Наше личное общение началось, когда у Олега Емельяновича возникла идея создания Содружества выпускников МГЮА. Мы неоднократно обсуждали ее, а в 2004 году он сделал мне предложение возглавить Содружество.

Моя миссия заключалась в том, чтобы из множества учащихся Академии выделить наиболее одаренных, проследить их развитие, оказывая необходимую помощь, и в конечном итоге эффективно использовать как для страны, так и для них самих.

— Олег Емельянович активно участвовал в становлении Содружества?

— Форма работы Олега Емельяновича, как у любого большого художника, была своя. Он намечал некий контур, а все остальное отдавал подмастерью, которому доверял то или иное направление, кафедру и тому подобное. Он был человек, очень объемно видящий проблему, понимающий ее, но в то же время требовательный к своему окружению. Его имени было достаточно, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки.

Важно отметить, что он давал простор для творчества всем, кому доверял, и, как сильный человек, умел прощать ошибки. С ним было легко работать.

— А как бы Вы охарактеризовали роль Кутафина в создании Ассоциации юристов России?

— Это тоже, наверное, относится к его человеческой мудрости. Как говорил Толстой, «хорош поступок тот, который ведет к объединению людей». Олег Емельянович это понимал прекрасно.

И Ассоциация юристов, которая является его детищем, тому подтверждение. Кстати сказать, она была важной ступенью в жизни действующего Президента России. Секрет любого человека, добившегося многого, в том, что он видит чуть дальше, чем другие.

— Как, на Ваш взгляд, Олег Емельянович относился к студентам Академии?

— Он понимал, что работа со студентами необходима. Они не должны быть брошенными, не должны просто находиться в стенах вуза, пусть даже вуза с очень громким названием. Студенческий коллектив — это живой организм, который иногда болеет, и его надо лечить, направлять. К этому Кутафин прикладывал большие усилия.

— С ним легко было найти общий язык?

— У меня было немного встреч с Олегом Емельяновичем, но каждая имела особую ценность. Он был уникальным человеком. С одной стороны — это ректор, академик, политический деятель, сыгравший не последнюю роль в становлении молодой демократии, а с другой — неожиданно легкий в общении, обладающий удивительным чувством юмора. Вспоминается один такой интересный эпизод.

Так сложились обстоятельства, что мы должны были с ним срочно переговорить. В этот день я вылетал из Москвы вместе с Владимиром Теодоровичем Спиваковым, нашим прославлен-

ным музыкантом. По дороге в аэропорт я предупредил Спивакова, что мне надо на пару минут заскочить к ректору. Когда мы подъехали, я предложил Владимиру Теодоровичу зайти вместе со мной.

До этого момента они не были знакомы. И я никак не мог предположить, что наше общение затянется на полтора часа.

Это были полтора часа совершенно неповторимого диалога двух людей, которые не были знакомы ранее, но которые в разные периоды времени жили в Одессе и сейчас вспоминали об этом. Беседа сопровождалась бесконечными анекдотами. Передо мной сидел совершенно другой человек, абсолютно не тот ректор, которого я себе представлял. Это был человек с блестящим чувством юмора. К сожалению, то была одна из последних встреч.

Маэстро после этой встречи вышел и признался мне, что был потрясен. Поехав на гастроли, он специально купил подарок Олегу Емельяновичу, настолько его поразил этот человек.

- Многие считают Олега Емельяновича уникальным конфликтологом. Вы согласны с этим?
- Я не знаю, конфликтологом ли только это довольно узкая специализация. Уверен, что он был блестящим политиком, у которого было чему поучиться. Ведь политик это человек, тонко понимающий психологию людей, предугадывающий общественные тенденции и тренды. И Олег Емельянович знал, как с кем общаться, всегда находил общий язык с любым человеком. Это позволяло ему добиваться потрясающих результатов. В том числе превращения заочного института в МГЮА, один из ведущих вузов страны, по праву носящий его имя.

Лучин Виктор Осипович,

СУДЬЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ОТСТАВКЕ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РФ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РФ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Выдающийся юрист, ученый, педагог, организатор науки

В замечательной плеяде отечественных юристов имя доктора юридических наук, профессора, академика О. Е. Кутафина по праву занимает достойное место. Олег Емельянович оставил заметный след в юридической науке, прежде всего — в теории конституционного (государственного) права. Каждая его статья, монография, выступление поражали смелостью идей, фундаментальностью постановки научных проблем, новизной подходов к оценке явлений правовой и социальной действительности.

Долгие годы О. Е. Кутафин возглавлял кафедру конституционного и муниципального права Московской государственной юридической академии. Являясь одновременно ректором МГЮА, он обеспечил поступательное развитие академии. Под его руководством Московская государственная юридическая академия стала крупнейшим и авторитетнейшим вузом страны, центром научной юридической мысли и педагогической деятельности, готовившей юристов высокой квалификации. Выпускники Академии востребованы и успешны. В своей практической деятельности они реализуют тот высокий уровень профессионализма, который был заложен в будущих юристов в стенах родной Академии, возглавляемой О. Е. Кутафиным.

В центре научных интересов О. Е. Кутафина находился широкий спектр актуальных проблем конституционного права, и в первую очередь это были проблемы государственного строи-

тельства, повышения эффективности функционирования государственной власти.

О. Е. Кутафиным опубликовано свыше 200 научных работ. Основные выводы его исследований нашли отражение в подготовленных им лично или при его участии 22 монографиях, посвященных фундаментальным проблемам конституционного развития страны. В их числе особенно хотелось бы выделить такие работы, как «Конституция и закон: стабильность и динамизм», «Предмет конституционного права» (М., 2001); «Источники конституционного права Российской Федерации» (М., 2002); «Российская автономия» (М., 2006); «Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица» (М., 2007); «Российский конституционализм» (М., 2008).

Пытливый, творческий подход к изучению поставленных проблем, острота научной мысли отличают все работы Олега Емельяновича. Квинтэссенцией его исследований стал поиск путей гуманизации власти и права, утверждения суверенитета народа как источника власти, демократизации государственных институтов, подчинения государства обществу. Ó. É. Кутафин видел свой долг ученого в том, чтобы своей деятельностью всемерно приближать социальную действительность к идеалам конституционного государства, построение которого в Российской Федерации осуществляется при решающем воздействии конституционно-правовых норм; содействовать становлению народа как демократически конституированного сообщества, социально ориентирующегося на защиту человека как высшей ценности; утверждать принцип верховенства права, обеспечивая тем самым реальность и незыблемость прав и свобод граждан, их надежный правовой статус, юридическую защищенность.

Для современной России, отмечал О. Е. Кутафин, характерно расширение объема конституционно-правового регулирования, возрастающее влияние на конституционное право общегуманитарных ценностей в результате изменения содержания ранее существовавших норм и институтов конституционного права России и появления новых. Эти вызовы времени нашли адекватный ответ в трудах О. Е. Кутафина. Он не замыкался в кругу академической науки. Теоретическое осмысление правовой и политической действительности имело ярко выраженную практическую составляющую. Так, в частности, обращаясь к проблемам автономии, О. Е. Кутафин подчеркивал ее важ-

ную роль в сохранении единства Российского государства. Им был дан твердый отпор тем, кому автономия представлялась своего рода атавизмом, недостаточно престижной формой национального или территориального существования регионов. О. Е. Кутафин убедительно доказал, что для России как многонационального государства автономия позволяет сохранить единство страны, основанное на ее демократической централизации, обеспечивающее регионам с населением различных национальностей возможность подлинного самоуправления, наиболее полный учет региональных интересов, включая национально-региональные.

Политический суверенитет государства не может быть обеспечен без учета его материальной составляющей. В последнее время очень много говорится о необходимости защиты государственного суверенитета страны, однако он зачастую понимается несколько односторонне. Его важным компонентом является экономический суверенитет, материальная база демократии и властного ресурса. От того, в чьих интересах и насколько эффективно власть будет распоряжаться природными ресурсами страны, ее экономическим и производственным потенциалом, в конечном счете будут зависеть сила и мощь Российского государства, благосостояние российского народа, а значит, и успех демократических преобразований. Коренное переустройство экономического уклада страны существенно пошатнул позиции государства как крупнейшего собственника, призванного действовать в интересах трудящихся. Гримасы рыночной экономики привели к обнищанию значительной части населения, усилили социальное неравенство и расслоение общества, породили экономическое неравенство граждан, вызвали понятное и оправданное недовольство населения. Однако идеалы конституционализма, которые так горячо отстаивал Олег Емельянович, требуют иного, более широкого понимания права на жизнь как высшей конституционной ценности. Право на жизнь в России как в государстве, конституционно провозгласившем себя социальным, должно пониматься как право на достойную жизнь, гарантирующее соответствующий уровень материального благополучия.

Необходимость корректировки экономического развития страны побудила О. Е. Кутафина обратиться к проблемам, которые традиционно в конституционно-правовой литературе обходились молчанием. Так, он обратил внимание на то, что конституционные правоотношения в определенных сферах

и обстоятельствах не могут не сочетаться с гражданскими правоотношениями, которые дополняют или являются иногда даже обязательным условием их возникновения и развития. Это послужило причиной пристального внимания О. Е. Кутафина к вопросам конституционно-правового анализа участия Российской Федерации, ее субъектов, муниципальных образований и их органов, а также общественных и религиозных организаций в гражданских правоотношениях. Более того, анализ статуса субъектов конституционного права, участвующих в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, в качестве юридических и приравненных к ним лиц, позволил существенно обогатить понимание статуса, полномочий, функций вышеназванных субъектов конституционного права как активных участников гражданских правоотношений. Данный подход отразил объективную тенденцию последнего времени к конституционализации всех отраслей российского права.

Вместе с тем конституционное право структурировано и имеет четко очерченный предмет правового регулирования. Вне этого понимания конституционное право может утратить роль несущей конструкции правовой системы страны, а значит, не сможет должным образом выполнять свою социальную роль. Одна из фундаментальных работ Олега Емельяновича, имеющих непреходящую ценность, посвящена предмету конституционного права России. Нужно отметить, что вопрос о предмете любой отрасли права всегда вызывает большой интерес и порождает горячие споры, в процессе которых высказываются подчас противоречивые мнения. Особенно длительная и острая дискуссия велась о предмете государственного права. Это объясняется сложностью решения многих теоретических проблем данной отрасли права, особенностью ее положения как отрасли, занимающей ведущее место среди иных отраслей российского права, регулирующей базовые, основополагающие общественные отношения. Подчеркивая многофункциональность конституционного права и учитывая его специфику, О. Е. Кутафин полагал, что предметом конституционного права являются общественные отношения, которые определяют организационное и функциональное единство, целостность общества: основы конституционного строя Российской Федерации, основы правового статуса человека и гражданина, федеративное устройство, систему государственной власти и местного самоуправления.

О масштабности мышления О. Е. Кутафина как ученого свидетельствует то, что он сквозь призму отдельной проблемы рассматривал весь спектр вопросов, оказывающих прямое или косвенное влияние на понимание предмета конституционного права, его специфику, отличительные черты, позволяющие, с одной стороны, четко определять границы отрасли, а с другой — выявлять пути и средства ее определяющего воздействия на содержание и структуру иных отраслей и правовой системы России в целом. Так, в частности, анализируя предмет конституционного права, Олег Емельянович обратился к таким вопросам, как система конституционного права России; роль конституционного права в демократических преобразованиях в России; понятие, содержание, особенности, виды, реализация и толкование норм конституционного права; источники конституционного права; конституционно-правовые отношения и конституционно-правовая ответственность.

Подобный подход подчеркивает системное видение проблем, которое было присуще О. Е. Кутафину. Именно системный, комплексный взгляд на наиболее значимые и актуальные проблемы конституционно-правовой действительности обеспечивал достоверность выводов ученого. Следует отметить, что Олег Емельянович не считал свое мнение истиной в последней инстанции, о чем он сам неоднократно писал. Он подчеркивал, что его задача состоит в том, чтобы систематизировать, обобщить научный и практический материал, предложить собственное видение проблемы и предложить решение, доступное для последующего обсуждения. В этом виден стиль маститого ученого, понимающего, что односторонний подход к осмыслению юридической действительности обречен на поражение. Жизнь всегда богаче теоретических конструкций, и выдвигаемые научные теории должны быть открытыми, то есть позволяющими по-иному расставлять акценты вслед за обновляющейся общественной практикой и изменяющимися потребностями личности, общества, государства. Вместе с тем О. Е. Кутафин умел быть убедительным, сверяя свои научные гипотезы с юридической и общественной практикой как с критерием их истинности.

Динамизм научной мысли, новаторство творческих подходов Олега Емельяновича имели глубокую философскую основу, базовый идеологический стержень, прочные убеждения, которыми он никогда не поступался. Это те правовые ценности и максимы, которые призваны обеспечить воплощение идей конституционализма в стандарты Российского конституционного государства: народовластие; разделение властей; самостоятельность местного самоуправления; политическое многообразие; государственный суверенитет; верховенство, единство и независимость государственной власти; господство права; верховенство закона; социальная справедливость. Казалось бы, очевидные истины. Однако их забвение, искажение, пренебрежение приводит к том, что всеобщий подъем, определяемый большими достижениями в сфере политических прав и свобод, уступает место разочарованию, вызванному резким обнищанием части населения, неспособностью государства обеспечить достойное существование не защищенным в социальном плане гражданам, усилением нестабильности, ростом конфликтности в обществе. Олег Емельянович своими работами неустанно напоминал, что человек — мера всех вещей, а не средство проведения социальных экспериментов. Оценивать эффективность проводимых реформ следует по уровню благополучия населения. По сути, О. Е. Кутафиным была всесторонне разработана концепция современного российского конституционализма, учитывающая национальную специфику, отвергающая слепое следование западным моделям политического устройства.

Как одну из ключевых, определяющих задач современной России О. Е. Кутафин называл формирование, упрочение и развитие на отечественной почве конституционной и правовой государственности. И в рамках этой задачи он с упехом брался за решение таких нетривиальных проблем, как поддержание суверенитета государства без ущерба для демократии и обеспечение его открытости, не влекущее за собой потери идентичности. Конституционная идентичность Российского государства нашла глубокое и всестороннее освещение в трудах Олега Емельяновича. И возможно, в первую очередь — в его трудах, посвященных проблемам источников конституционного права.

Конституция — не только властный инструментарий, но и мерило легитимности государственной власти. Ценностный подход к Основному закону страны позволил О. Е. Кутафину в полной мере раскрыть демократический, гуманистический потенциал Конституции и показать пути его практического обеспечения.

Острый, полемический характер выводов, содержащихся в работах О. Е. Кутафина, в значительной мере обусловлен тем, что он стремился выявить, показать существующие нега-

тивные явления и процессы и предложить наиболее оптимальные пути и средства их устранения.

Так, О. Е. Кутафин справедливо отмечал, что российский конституционализм в значительной мере носит незавершенный характер, поскольку отличается неустойчивостью, возможностью обращения вспять, вероятностью перехода конституционных по происхождению и политической терминологии феноменов в свою противоположность — авторитаризм. Слабость российского конституционализма — отсутствие широкой социальной опоры в виде растущего среднего класса с присущими ему политическими интересами. В России, отмечал Олег Емельянович, социальным носителем конституционной идеологии постоянно являлись представители правящих классов — различных элитных групп, по тем или иным причинам выступающих за конституционное ограничение власти. Пожалуй, одной из главных заслуг Олега Емельяновича Кутафина является то, что вся его многогранная деятельность была направлена на расширение социальной базы конституционной идеологии, увеличение числа граждан, исповедующих базовые ценности конституционализма.

В этой связи серьезное научно-практическое, воспитательное значение имеют учебники и учебно-методические пособия, подготовленные при участии О. Е. Кутафина. Среди них особо следует отметить учебники «Конституционное право России», «Муниципальное право России», выдержавшие много изданий и являющиеся настольными книгами многих поколений студентов. О. Е. Кутафин настойчиво подчеркивал общегражданское значение усвоения студентами курса конституционного права. Каждый гражданин, а тем более юрист, полагал он, должен иметь правильные представления о сущности и основных устоях государства, в котором он живет, гражданином которого является. Особое внимание обращал на важность уяснения студентами исторических аспектов развития конституционно-правовых институтов, совершенно справедливо полагая, что без знания динамики развития того или иного института нельзя уяснить его сущность на современном этапе.

Олегу Емельяновичу были присущи целеустремленность, принципиальность, трудолюбие и неукротимая энергия, настойчивость в достижении цели. Он по призванию был лидером и ярко проявил себя как крупный организатор науки. Его деловые качества находились в полной гармонии с тем, что это

был обаятельнейший, порядочный и благородный человек. Его искренне любили и ему доверяли. Он был надежным и верным в дружбе. К нему шли за помощью и справедливостью, и он никому не отказывал, если это было не в ущерб интересам дела.

Деятельность О. Е. Кутафина, талантливого педагога, прошедшего большой путь и посвятившего себя воспитанию юридических кадров, получила высокую оценку. О. Е. Кутафин являлся академиком РАН и членом его Президиума, Заслуженным деятелем науки Российской Федерации, почетным работником высшего профессионального образования Российской Федерации, почетным работником прокуратуры Российской Федерации, почетным адвокатом.

Высокая профессиональная квалификация Олега Емельяновича, его нравственные качества стали залогом успешной общественной деятельности. О. Е. Кутафин являлся Председателем Комиссии по вопросам гражданства и ряда других комиссий при Президенте РФ, членом Президиума ВАК РФ, членом научно-консультативного совета при Совете безопасности, руководителем ряда объединений юристов, членом редколлегий и редакционных советов крупных юридических журналов России, председателем научного совета по правовым вопросам в области образования Российской академии образования, вице-президентом Всероссийского общества «Знание», президентом Ассоциации российских юристов.

Заслуженные государственные и общественные награды являются не только воплощением его профессиональных успехов. Они отражают авторитет Олега Емельяновича Кутафина, его огромное влияние на развитие российской конституционной теории и практики. Он был и остается гордостью юридической науки. Долгую и благодарную память об Олеге Емельяновиче Кутафине сохранят все, кому довелось жить в его время и общаться с ним.

Грачева Елена Юрьевна,

ПРОРЕКТОР ПО УЧЕБНОЙ И ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ЗАВЕДУЮЩАЯ КАФЕДРОЙ ФИНАНСОВОГО ПРАВА И БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Избранный судьбой

от глянувшись на прожитые годы, каждый из нас может сказать, какое событие, встреча с каким человеком оказались знаковыми, повлияли на его судьбу. Для меня таким Событием (именно с большой буквы) стала встреча с Олегом Емельяновичем.

Сначала это было заочным знакомством — через его работы, ставшие основой развития не только конституционного права нашей страны, которым он занимался всю жизнь, но и иных отраслей юриспруденции, опирающихся на его взгляды о предмете правового регулирования, системе построения отраслей права, правовом статусе и многих других правовых категориях и явлениях.

Впоследствии многое о характере этого человека, масштабе личности узнавалось из бесед с коллегами, которые были знакомы, работали или учились с Олегом Емельяновичем. О нем как о неординарной личности в кругу юристов ходили многочисленные легенды, рассказывались истории о его независимых суждениях, поступках, таланте, невероятной трудоспособности, яркости и оригинальности мышления, умении дружить, помогать даже своим недругам, если им была нужна поддержка.

Наконец несколько лет назад состоялась моя встреча с этим великим, без лести и преувеличения, человеком. Мне предложили перейти на работу в МГЮА. При личной встрече с Олегом Емельяновичем сразу же обратили на себя внимание его

проницательность, доброжелательность и мудрость. Создалось впечатление, что он заранее знает, какие именно вопросы мне хотелось ему задать, какие у меня есть сомнения. Он рассказал о том, почему решил пригласить на работу в Академию, какие видит в этом для меня преимущества, почему мне стоит поменять свою жизнь. Заметив некоторую нерешительность с моей стороны, не стал настаивать на немедленном переходе в Академию, но предложил сначала поработать по совместительству, с тем чтобы осмотреться и принять окончательное решение. Эта уверенность в правильности предложенного выбора передалась и мне — решение о переходе в Академию было мной принято. Так бывает, что после очень краткого разговора с человеком его внутренняя сила и надежность сразу влияют на тебя и меняют очень многое в твоей жизни. «Вы не пожалеете», — сказал тогда Олег Емельянович и оказался, как всегда, прав.

Потом был год (кто-то скажет — ВСЕГО год, а для меня это был ЦЕЛЫЙ год) ежедневных встреч и разговоров. Могу только сожалеть, что на мою долю выпало совсем немного времени для такого общения, когда я с огромным интересом слушала о самых ярких событиях в жизни этого удивительного человека, понимая, сколько трудностей выпало на его долю и сколько мудрости, труда, мужества ему понадобилось для их преодоления.

Говорят, на земле среди нас живут особые, будто избранные судьбой для великих свершений люди. Некоторые считают, что им везет, живется легко, без забот, все достается без труда. А я думаю, что таким избранным, к которым, несомненно, и относился наш Олег Емельянович, живется гораздо сложнее. На их долю выпадает больше испытаний и трудностей. Но вся прожитая ими жизнь — свидетельство и пример остальным того, что можно многое преодолеть, перетерпеть, добиться своих целей, не навредив и не обидев никого вокруг. Наверное, для этого и нужны на земле такие люди, чтобы показать миру, как можно и нужно прожить свою жизнь достойно и совершив многое.

Спасибо, Олег Емельянович, за то, что Вы были в моей жизни, и за все, что Вы для меня сделали.

Гусов Кантемир Николаевич,

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ТРУДОВОГО ПРАВА И ПРАВА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РФ, АКАДЕМИК РАСН, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Мой учитель и друг

Олегом Емельяновичем я познакомился в свои студенческие годы, когда он был молодым, талантливым преподавателем кафедры государственного права юридического факультета МГУ. Преподавал он увлеченно, с глубокой любовью к своей профессии. Мы, студенты, очень это ценили. Было видно, что Олег Емельянович далеко пойдет: все отмечали его организаторские способности, интеллигентность, высокую эрудицию. Мне запомнилось, как проходила избирательная кампания по Ломоносовскому округу г. Москвы. Олег Емельянович был председателем комиссии. Мы работали всю ночь — считали голоса, бюллетени... Эта работа нас очень сплотила.

После окончания аспирантуры в 1974 году я защитил кандидатскую диссертацию на юридическом факультете МГУ и был направлен по распределению во Всесоюзный юридический заочный институт, где ранее Олег Емельянович работал старшим преподавателем кафедры конституционного права. Мы стали довольно тесно общаться.

Думаю, значительную роль в нашем сближении сыграл тот факт, что мой научный руководитель, крупнейший ученый в области трудового права профессор Николай Григорьевич Александров, и Олег Емельянович играли вместе на скрипках в оркестре МГУ. Кутафин был замечательным музыкантом. Любовь к музыке он пронес через всю свою жизнь. Он обожал классику, с удовольствием разговаривал на музыкальные темы, всегда чутко распознавал фальшивые ноты в чьем-нибудь

не слишком удачном выступлении и порой сам, когда был в отличном настроении, весьма приятно напевал.

После того как Олега Емельяновича в 1986 году выбрали ректором, наши связи стали еще прочнее. Мы вместе летали в командировку в Японию. Это были замечательные 9 дней!

С 1987 года вся жизнь и деятельность Олега Емельяновича была неразрывно связана со Всесоюзным юридическим заочным институтом, Московским юридическим институтом и далее Московской государственной юридической академией (что, впрочем, не помешало Кутафину сделать потрясающую карьеру и ученого, и государственного деятеля). Достижения и успехи МГЮА — результат профессиональной, общественной и научной деятельности академика Кутафина. Об этом красноречиво говорит тот факт, что еще при его жизни нашу Академию называли кутафинской.

МГЮА — настоящее детище Олега Емельяновича. Он искренне, как ребенок, радовался каждой приятной мелочи, связанной с нашим вузом. Каждый день он добивался чего-то нового для Академии — и получал от этого колоссальное наслаждение. Помню, какая была радость, когда Олег Емельянович привез в ВЮЗИ приказ министра высшего и специального образования СССР Геннадия Ягодина о создании в институте очного отделения! Ректор светился от счастья. Это был принципиальный шаг. Из вуза, педагоги которого вели занятия по арендованным школам, мы превращались в институт с собственным стационарным отделением.

Я продолжал работать с Кутафиным, стал заведующим кафедрой трудового права и права социального обеспечения. Работать с Олегом Емельяновичем было очень приятно. Он давал ценные советы, поддерживал инициативы. Всегда приветствовал привлечение новых профессоров, докторов наук на нашу кафедру. Олег Емельянович часто мне говорил:

— Кант! (*Так он меня называл*.) Время бежит безумно быстро. Поработай над докторской диссертацией. Не откладывай в дальний ящик.

Надо сказать, что в советское время было такое негласное правило: докторами наук становились не раньше 50 лет. Считалось, что до этого возраста ученый еще не может должным образом созреть, набраться опыта. Таким образом, профессура не пускала молодых в науку. Олег Емельянович и сам рано защитился, и своих коллег всячески стимулировал работать над собой, писать диссертации. В МГЮА было столько молодых

докторов, сколько не было ни в одном другом вузе. Олег Емельяновчи собрал великолепный научный коллектив и был прекрасным его «дирижером».

Кутафин выстраивал свои отношения с людьми независимо от их социального и должностного положения, титулов, званий, регалий, был для всех одинаково открыт и доступен, демократичен в общении. Поэтому его так любили и уважали коллеги. Олег Емельянович более 20 лет руководил вузом. За этот период он, как и любой руководитель, естественно, должен был принимать в том числе непопулярные решения. Всем мил не будешь, это нормально. Тем не менее я никогда — ни при его жизни, ни после смерти — не слышал, чтобы про Кутафина кто-то сказал грубое слово. Олег Емельянович никогда не поступал не по закону и не делал ничего, что бы шло вразрез с моралью.

Кутафин был очень добрым человеком. Он ни на кого не держал зла. Знаю несколько случаев, когда он протягивал руку дружбы и давал дорогу тем, кого называли его врагами.

Олег Емельянович был замечательным советчиком. Любой мог подойти к нему и попросить о помощи — и он никому не отказывал. Он умел рассудить всех по чести: кого похвалить, кого поругать. Его критика носила конструктивный характер. Другой человек бы и промолчал. Но это бы означало, что он равнодушен к чужим проблемам. А Олег Емельянович безразличным никогда не был.

Нередко критику он облекал в форму безобидной шутки. Вообще чувство юмора у Олега Емельяновича было блестящее. Бывало, он скажет мне:

- Кант, ну ты зануда! Не надо студентам так много двоек ставить.
- Олег Емельянович, они не ходили на занятия. Я хочу, чтобы они почувствовали, как важно юристу знать трудовое право.
  - Я же говорю, Кант, ты зануда!

И мы вместе смеялись.

Я часто бывал у Кутафиных дома, мы дружили семьями. Меня всегда приглашали на дни рождения, юбилеи, праздники. Олег Емельянович умел и любил праздновать. День рождения Кутафина — 26 июня — мы ждали целый год. Это всегда был такой праздник, о котором можно только мечтать! Олег Емельянович на следующий день обычно меня спрашивал:

- Как ты думаешь, Кант, все довольны?
- Безусловно, отзывался я.

С огромным уважением отношусь к жене Олега Емельяновича Наталье Николаевне, сыну Дмитрию. А его дочь Галина закончила под моим руководством аспирантуру. Диме и Гале степени кандидатов юридических наук были присвоены в один год — перед 70-летием Олега Емельяновича. Он был счастлив.

Я очень ценил нашу с Олегом Емельяновичем дружбу. В моей душе он навсегда занял особое место. Разница в возрасте между нами — 11 лет. Олег Емельянович для меня был старшим товарищем: одновременно очень близким и отделенным от меня преградой взаимного уважения. Он обращался ко мне на «ты», я к нему — на «вы». Мы могли говорить на любые темы — и мне ничего не стоило заменить одно местоимение на другое... Но я не хотел и не мог перейти эту грань.

Я живу недалеко от Новодевичьего кладбища и часто прихожу на могилу Олега Емельяновича. Стою у ограды, поправляю цветы. Нередко встречаю там кого-нибудь из тех, кто тоже приходит почтить его память. Я очень благодарен Олегу Емельяновичу. Он много значил в моей судьбе. Трудно верится, что уже более года его нет среди нас. Хочется с ним посоветоваться, поговорить. Но этого, к сожалению, больше не будет никогда.

Зернов Владимир Алексеевич,

РЕКТОР РОССИЙСКОГО НОВОГО УНИВЕРСИТЕТА, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА АССОЦИАЦИИ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ВУЗОВ РОССИИ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

Жизнь огромного масштаба

Уже более года с нами нет Олега Емельяновича Кутафина. С каждым днем я все больше понимаю, какой подарк судьбы — дружба с этим мудрым человеком. Олег Емельянович был чрезвычайно интеллектуальным, эрудированным, наполненным стратегическими идеями и, благодаря этим качествам, незаменимым, выдающимся лидером нашего общества. Его стиль мышления, умение видеть перспективу проявлялись не только на государственном уровне, но и в качествах руководителя ведущего отечественного вуза в области юриспруденции. Он пользовался огромным (без преувеличения) авторитетом среди ректоров вузов, юридической общественности, да и у всех, кто его знал.

Общаясь с высшими чинами, он всегда отстаивал свою точку зрения, серьезно аргументируя ее. Однажды я стал случайным свидетелем разговора Олега Емельяновича с одним из руководителей нашего государства. Ему позвонили на работу и очень настойчиво рекомендовали принять неправомочное решение. Видя остроту разговора, я попытался выйти из кабинета, но Олег Емельянович жестом остановил меня. Тогда он твердо остался при своем мнении и сразу же после разговора попросил объявить конкурс на должность профессора кафедры в вузе, кандидата на которую ему, похоже, пытались навязать «свыше». Тогда мы все были убеждены, что такой поступок не останется без серьезных последствий. Но время расставило все на свои места. И стало ясно, что жизненные принципы

Олега Емельяновича — его жизненная сила. Да, это был поступок сильного, уверенного в себе человека. Это была его позиция.

Мне довелось работать в составе совета при Президенте РФ, и я не могу припомнить, чтобы кто-нибудь, кроме него, мог себе позволить вставить слово во время выступления лидера государства. Олег Емельянович делал это исключительно тактично и вежливо. К его мнению всегда прислушивались не только потому, что это был он — О. Е. Кутафин. Думаю, руководству страны необходимо знать точку зрения мудрого человека, который способен аргументированно оппонировать и «первым лицам». Редко у кого находились такая смелость и настолько веские аргументы. Олег Емельянович их умел находить — неожиданные, оригинальные — даже в совершенно проигрышных, казалось бы, ситуациях. Но при этом старался в споре не обижать и переживал, когда оппоненты на него сердились.

Хотя Кутафин был близок к руководству страны, имел тесные контакты в высших эшелонах власти, его недооцененность на государственном уровне все же бросалась в глаза. Во многом это было связано с тем, что, ставя стратегические цели и зная пути их достижения, он не всегда соглашался с руководителями государства, четко, твердо и последовательно обозначая свою позицию. И нередко руководители страны (что делает им честь) публично соглашались с Олегом Емельяновичем в спорных ситуациях.

Наверное, когда неформальный лидер становится формальным — это и есть эффективность государственного управления, это и есть синергетический эффект личности в общественной сфере. Убежден, что недооцененность Кутафина как государственного деятеля — это потеря темпов развития страны, что не раз подчеркивали многие из его друзьей. Для меня это такая же серьезная потеря, как несостоявшийся Пленум ЦК КПСС 1975 года по экономической реформе, как слишком ранний уход из жизни Юрия Андропова. Потеря огромного потенциала, направленного на благо страны.

Я не знаю ни одного человека, который мог бы так шутить. Как настоящий одессит, Олег Емельянович обладал отменным чувством юмора. Его шутки были достаточно острыми, но в них не было ни злой насмешки, ни попытки унизить. Он мог разыграть, подколоть, но это никогда не вызывало негативной ответной реакции. При этом как-то в голову не приходило заговорить с Кутафиным в неуважительном тоне.

Однажды, во время подготовки Совета по науке, образованию и технологиям при Президенте РФ, шла дискуссия по многим острым вопросам. Накануне заседания Олег Емельянович зашел в комнату, где готовился проект решения. Увидев, как мы отчаянно спорим о положениях проекта, он с видимым удовольствием «прошелся» по всем спорщикам, но особенно досталось мне и очень крупному кремлевскому чиновнику. Желая угодить последнему, один из присутствующих решил поставить самого Кутафина в неловкое положение, спросив: «Неужели Вы и над Президентом сможете подшутить?» Этот вопрос, заданный к тому же в Кремле, поставил бы в тупик многих — но только не Олега Емельяновича. Остановившись на мгновение, он коротко бросил: «А что, Президент, по-вашему, не человек?» Ответил как настоящий одессит, не оставляя ни тени сомнения в том, что тягаться в остроумии с ним не стоит. Многие из присутствующих Олегу Емельяновичу зааплодировали.

Еще запомнился сюжет, который Олег Емельянович рассказывал своим друзьям, объясняя причину недопонимания между ним и руководителем одного из министерств. Необходимо отметить, что его прекрасно знали и уважали не только у нас, но и в других странах, прежде всего в Германии. А с учетом того, что он хорошо знал немецкий язык и историю этой страны, его часто приглашали туда с делегациями разного уровня. В одной их таких поездок он оказался вместе с руководителем одного из федеральных ведомств.

Когда делегацию после длительного переезда из одного города в другой, уже к вечеру, потчевали длительными рассказами о великих музыкантах, всем, включая высокого чиновника, хотелось хоть немного отдохнуть и перекусить. К Кутафину подошел его немецкий коллега и поинтересовался — почему у этого министра такой грустный вид? На что Олег Емельянович, с присущей ему находчивостью и остроумием, ответил, что тот, наверное, не знает, кто такой Бетховен. Ну не объяснять же немецким друзьям, что если человека с утра не покормить, то к вечеру у него, как правило, грустный вид! И когда вся делегация начала угощаться пивом и сосисками, немцы битый час рассказывали министру, кто же такой Бетховен. Этой шуткой и объяснялось последующее охлаждение отношения этого чиновника к Олегу Емельяновичу. Однако оно очень быстро прошло, так как министр тоже оказался человеком с чувством юмора.

Фантастическая черта Кутафина — то, что он вообще не умел завидовать. Я ни разу не замечал в нем даже намека на это недостойное чувство. Как лидер сильного коллектива, Олег Емельянович никогда не старался завладеть тем, что не мог бы удержать и полноценно использовать его вуз. Уже в начале 90-х, обладая огромным авторитетом, он мог выбить для своей Академии престижный комплекс зданий. Но выбрал полуразрушенное здание бывшей Академии общественных наук. Аргументировал это так: «Большой комплекс — слишком лакомый кусочек, который со временем, может быть уже и не у меня, отберут. А в полуразрушенном здании только стены, мыши и крысы. Кому оно может быть нужно?!»

И вот как-то глубокой осенью выходим вместе из Академии. Только что получили здание, еще его в порядок не привели. Я иду немного впереди — света почти нет — и довольно сильно оступаюсь в коридоре на первом этаже. Кричу, что надо осторожно, так как в полу дыра. В ответ слышу: «Спасибо, через год все здесь будет шикарно, не забудь приехать убедиться». В этом и был весь Кутафин — без искрометного оптимизма его и представить невозможно. Даже когда он болел, никто не слышал от него жалоб. Я крайне редко видел его расстроенным, а сильно расстроенным, оглушенным — только после событий начала 90-х, когда распался Советский Союз. Он воспринял это событие как огромную трагедию, катастрофу.

Несмотря на все житейские проблемы, которые приходилось решать О. Е. Кутафину, он буквально ежедневно создавал что-то новое в науке. У меня до сих пор вызывает изумление то, что Олег Емельянович прочел буквально каждую книгу в своей огромной библиотеке — это говорит о высочайшей работоспособности.

А еще он был очень скромным. Вспоминается, как однажды мы с Олегом Емельяновичем стояли не менее часа в огромной очереди, чтобы пройти в здание МГУ, где начинался съезд Российского союза ректоров. Когда подошли к охране (в мероприятии участвовал Президент — отсюда такая система проверки), Олег Емельянович предъявил удостоверение работника Администрации Президента РФ. Руководитель охраны проинформировал Кутафина, что он мог бы пройти на форум с другого входа, где нет очереди. Одег Емельянович ответил, что здесь он присутствует как ректор МГЮА и проходить вместе с другими ректорами ему интереснее и приятнее.

У меня, кстати, создалось впечатление, что он лично знал всех сотрудников, обслуживавших здание МГЮА, и ко всем относился с исключительным уважением. Приезжая на работу, он всегда здоровался с теми, кто шел навстречу. «Труд надо уважать», — любил повторять Олег Емельянович.

Отмечу, что стиль его поведения оказывал самое серьезное влияние на всех, с кем он общался. Друзей он не только хвалил, но и откровенно высказывался об их недостатках. Наверное, это и есть самое ценное в дружбе — когда тебе в глаза могут сказать правду о тебе. Олег Емельянович сыграл огромную роль не только в моей педагогической и научной деятельности, но и в личной жизни. В определенный момент он заставил меня задуматься, фактически «поставил мозги на место». Он никогда не ждал, чтобы у него просили совета, а говорил все напрямую. Наверное, это и есть самое главное в дружбе — услышать о себе откровенное мнение, да еще и от мудрого человека. Как подчас не хватает нам таких людей!

В нашей памяти О. Е. Кутафин остался человеком высочайшего интеллекта, юмора, мудрости, нравственности и теплоты. Да, многие из нас обладают некоторыми из перечисленных качеств, но чтобы всеми вместе — такое случается крайне редко.

Кубеев Еркин Кинаятович,

РЕКТОР КАРАГАНДИНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. АКАДЕМИКА Е. А. БУКЕТОВА (КАЗАХСТАН), ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Навсегда в памяти

Есть люди, встреча с которыми наполняет жизнь особым содержанием, открывает новые горизонты и остается в памяти одним из самых значимых событий. Таким человеком для меня стал Олег Емельянович Кутафин, с которым я познакомился при поступлении в аспирантуру Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, где он тогда работал. До личной встречи Олег Емельянович был мне знаком как автор классических учебников, по которым училось не одно поколение юристов. Встретиться воочию с корифеем юридической науки было не просто удачей, а знаком судьбы.

Тогда, в далекие теперь восьмидесятые годы прошлого века, Олег Емельянович проявил по отношению ко мне, молодому ученому из Казахстана, удивительное внимание и терпение. Позже я убедился, что таковым было его отношение ко всем ученикам и коллегам. Качества характера, присущие Олегу Емельяновичу: скромность, участие в чужой судьбе, готовность оказать помощь, высокий профессионализм, тонкая ирония, научная прозорливость, — несомненный признак выдающегося ученого и прекрасного человека!

Будучи ректором Московской государственной юридической академии, Олег Емельянович находил время и для нас, своих учеников. Он искренне переживал не только за нашу научную карьеру, но и личную, семейную жизнь. В этом, несомненно, проявлялось его отношение к собственному дому, семье. Когда мы бывали у Олега Емельяновича, нельзя было

не заметить ту атмосферу любви и согласия, которая создавалась его супругой Натальей Николаевной. Нас, его учеников, восхищали мудрость и доброта этой женщины, ее умение разделять заботы, интересы, устремления Олега Емельяновича. Для каждого из нас она находила приветливое слово, укрепляла нашу веру в успех.

Мудро опекая нас, своих учеников, Олег Емельянович помогал нам постичь не только профессиональные, но и жизненные ценности. Став ректором университета, я на собственном опыте убедился, как сложны и многочисленны обязанности руководителя вуза, как непросто выкроить время для занятия наукой, чтения, руководства аспирантами и докторантами. Однако, помня уроки Олега Емельяновича, всегда нахожу возможность для научных консультаций, интересуюсь проблемами коллег, радуюсь успехам учеников.

Поражают масштаб личности Олега Емельяновича, всесторонность его интересов, перспективность мышления. Доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии наук, ректор Московской государственной юридической академии, Олег Емельянович Кутафин — автор выдающихся научных трудов, создатель большой школы, воспитавшей многочисленных учеников. Под его научным руководством было подготовлено свыше 80 кандидатских и докторских диссертаций. Для меня годы работы над собственной докторской диссертацией под его руководством стали настоящей школой научного, профессионального мастерства.

С гордостью относя себя к ученикам Олега Емельяновича, не могу не сказать о том вкладе, который он внес в отечественную юридическую науку, в развитие современного российского общества. Олег Емельянович Кутафин являлся одним из создателей действующей Конституции Российской Федерации, автором более 260 научных трудов, членом ряда совещательных и консультативных органов при Президенте РФ и органах государственной власти. Благодаря трудам Олега Емельяновича конституционное право получило новый импульс в своем развитии, доказав перспективность научных разработок, их важность в формировании фундамента российской государственности. Творческие интересы О. Е. Кутафина затрагивают все важнейшие институты конституционного права Российской Федерации, что подчеркивает глубокое знание проблем государственного строительства, комплексный и разносторонний характер научных исследований.

Научные публикации 70—80-х годов посвящены вопросам развития конституционных основ общественно-политического строя, взаимоотношения государства и личности, национальногосударственного и административно-территориального устройства Российской Федерации. В те годы высоко ценились среди юридической общественности страны такие труды О. Е. Кутафина, как «Плановая деятельность Советского государства: государственно-правовой аспект» (1980), «Компетенция местных советов» (1986), «Советы народных депутатов» (1978), «Конституция РСФСР — основной закон жизни республики» (1980), «Конституционные основы общественного строя и политики СССР» (1985).

В его творческой проблематике и научных интересах последних десятилетий преобладают актуальные вопросы становления суверенной и демократической России в новых условиях социально-политического развития государства. Большое место в научном творчестве О. Е. Кутафина, помимо учебников по конституционному праву, занимают монографические исследования, посвященные проблемам обеспечения эффективности государственной власти и управления, демократизации и реформированию избирательного законодательства. Среди них можно отметить крупнейший историко-правовой памятник — шеститомный сборник документов «Судебная власть в России» (2003), в котором раскрываются все этапы развития отечественной судебной власти.

Он одним из первых в науке конституционного права акцентировал внимание на вопросах федерализации государственной власти и совершенствования муниципального управления. Так, многие проблемы оптимизации взаимоотношения центра и субъекта Федерации нашли отражение в монографии «Российская автономия» (2006).

Важнейшим приоритетом развития конституционного права в условиях построения правового государства у Олега Емельяновича всегда выступают права и свободы личности, которые государство должно не только признавать, но и гарантировать. Отдельным аспектам этой многогранной конституционно-правовой проблемы посвящены труды О. Е. Кутафина «Российское гражданство» (2003), «Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации» (2004), «Адвокатская деятельность и адвокатура в России» (2006).

Определяя ведущую роль конституционного права в развитии национально-правовой системы российского государства,

Олег Емельянович важное место в своей научной деятельности уделил разработке теоретических основ конституционной науки в трудах «Предмет конституционного права» (2001) и «Источники конституционного права» (2002).

Не менее весома деятельность Олега Емельяновича по раз-

Не менее весома деятельность Олега Емельяновича по развитию образовательного пространства наших государств. Постоянной заботой Олега Емельяновича было сохранение высокого уровня юридической науки, юридического образования не только в России, но и на всем постсоветском пространстве. Идеи Олега Емельяновича о недопустимости правового нигилизма были поддержаны его учениками, многие из которых сегодня составляют интеллектуальную элиту общества. Конституционалист с огромным стажем, Олег Емельянович живо интересовался правовыми реформами в Казахстане и уже тогда выражал уверенность в том, что наши страны выработают общую позицию по всем принципиальным вопросам.

Еще одна грань личности Олега Емельяновича служит высоким примером для подражания — это его гражданственность. Олег Емельянович неоднократно высказывал мысль о том, что настоящий ученый не имеет права оставаться в стороне от решения общественных проблем. В своих интервью и публицистических статьях он рассуждал о вопросах, которые живо интересовали многих: политическое переустройство общества, суд присяжных, преемственность в образовании. Его публикации отличают яркий, эмоциональный стиль, глубокое содержание, за печатным словом — живая интонация умного, неравнодушного человека. Сейчас многое из сказанного Олегом Емельяновичем представляется очевидным, но еще несколько лет назад откровенность, смелость, неординарность его мыслей поражали. Время подтвердило правоту Олега Емельяновича. Законы, в разработке которых он принимал участие, направлены на благо общества.

Тяжело осознать, что этого человека, который поражал желанием жить, молодой энергией, душевной щедростью, сегодня нет с нами. На протяжении 27 лет знакомства с Олегом Емельяновичем наша связь никогда не прерывалась. Возможность общения с ним — одна из моих самых больших жизненных удач. Он всегда находил время для содержательной беседы, щедро делился опытом и планами, никогда не выказывал усталости, остроумно шутил. Мудрый наставник, талантливый ученый, настоящий человек, Олег Емельянович навсегда останется в моей памяти, в памяти всех его благодарных учеников.

Авакьян Сурен Адибекович,

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА, ПРОФЕССОР, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Лидер нашего поколения

М ногим путь Олега Емельяновича Кутафина в науке кажется не только блестящим, но и гладким. Это далеко не так. Время нашей аспирантской молодости и начала научнопреподавательского пути было нелегким по разным причинам.

Уже на первом этапе своего научного взлета Кутафину пытались нанести сильнейший удар. Олег Емельянович выпустил в 1972 году свою монографию о постоянных комиссиях палат Верховного Совета СССР. Она чем-то не понравилась чиновникам из аппарата Президиума ВС СССР. Один из них, заместитель заведующего отделом, прикрывшись степенью кандидата юридических наук, в газете «Известия», втором после газеты «Правда» официозе страны и органе Верховного Совета СССР, опубликовал статью-рецензию с серьезными, правда необъективными, обвинениями в адрес молодого ученого Кутафина, «не так» оценившего практику и высказавшего «не те» суждения. К счастью, «организационных выводов» на кляузу не последовало.

Не могу в связи с этим не сказать еще об одном давнем эпизоде. Дело в том, что наши учителя и старшие коллеги много времени и внимания отдавали научным спорам. А именно доказыванию преимуществ государственного права перед конституционным и наоборот. В МГУ главным идеологом государственного права был наш с Олегом Емельяновичем учитель — профессор Степан Степанович Кравчук. В Институте государства и права АН СССР работал его главный оппонент

Виктор Фомич Коток. В Саратове заведовал кафедрой профессор Исаак Ефимович Фарбер — тоже предпочитавший конституционное право государственному. На каждой стороне были уважаемые и авторитетные ученые, которые не только спорили о научных проблемах, но и терпеть не могли друг друга.

Наши воинствующие учителя пытались и нас втянуть в эти бесконечные «разборки». Сопротивляться этому было нелегко. И как раз О. Е. Кутафин, не обращая внимания на стычки между мэтрами, поддерживал добрые, товарищеские отношения с ровесниками — учениками оппонентов своего научного руководителя. Конечно, он делал это не демонстративно, но последовательно. И благодаря ему у нас — представителей нашего поколения в науке — сформировались прекрасные личные отношения. Они продолжаются до сегодняшних дней. И наши ученики даже не представляют тех корпоративных проблем, в решении которых Олег Емельянович много лет назад стал для нас примером.

Чувство человеческого участия всегда было свойственно Олегу Емельяновичу. Вспоминаю печально известные события сентября — октября 1993 года. Президент разгоняет парламент, 4 октября по зданию Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации стреляют из танков. Депутатов и сотрудников силой выводят из здания, руководителей отправляют в Лефортовскую тюрьму. Мы переживали все эти события не только как граждане своей страны, но и как ученыеконституционалисты. Я написал по этому поводу статью «Создан прецедент. Неконституционная власть не имеет перспективы», которую 15 октября 1993 года опубликовала «Независимая газета». В телефонном разговоре Олег Емельянович сказал, что я — молодец. И тут же поинтересовался, какую еду я люблю. Объяснил: на тот случай, если придется мне носить передачи. Мы посмеялись. Все обошлось, хотя на тот момент казалось, что плохо кончится. Он это понимал...

Оглядываясь на пройденные годы, я, бывший воспитанник, а сейчас профессор Московского университета, думаю, что МГУ должен испытывать чувство неловкости перед О. Е. Кутафиным. Радуясь успехам своих коллег из МГЮА, не могу не сказать, что наш университет мог и должен был бы удержать Олега Емельяновича в своих стенах.

И уверен, часть его души оставалась в МГУ. Олег Емельянович сохранял с нами дружеские отношения. Он всегда знал, что происходит у нас на факультете и тем более на его родной ка-

федре. Наши юбилеи неизменно проходили с его участием. Так же как и, увы, грустные мероприятия, связанные с потерей коллег.

Последний этап жизни О. Е. Кутафина — это удивительный образец страстного служения науке конституционного права. В самом деле, больше десятка должностей, где надо было не просто присутствовать, а решать серьезные вопросы. Ректор МГЮА, председатель Комиссии по вопросам гражданства при Президенте РФ, член Президиума РАН, член Президиума ВАК, сопредседатель Ассоциации юристов России...

Тем не менее именно на этот период пришелся вал монографий О. Е. Кутафина. Причем написаны они не только на традиционные, но и на новые в конституционном праве темы. Несмотря на свои высокие карьерные достижения, Олег Емельянович был прозрачен и доступен именно как ученый. Очевидно, что на многие десятилетия вперед определяющими в публичной характеристике О. Е. Кутафина станут его достижения в конституционно-правовой науке.

Больно и горестно говорить в прошедшем времени об этом очень жизнерадостном человеке. Он располагал к себе всем — душевной теплотой, глубокой образованностью, незаурядным чувством юмора, фундаментальностью мышления, свойственной настоящему ученому. Мы, представители его поколения, без раздумий признавали лидерство Олега Емельяновича. И он был лидером во всяком деле, за которое брался.

Перевалов Виктор Дмитриевич,

ПРЕЗИДЕНТ УРАЛЬСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ, ПРЕЗИДЕНТ МЕЖРЕГИОНАЛЬНОЙ АССОЦИАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ВУЗОВ, ЧЛЕН БЮРО ПРЕЗИДИУМА АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ, ПРОФЕССОР, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РФ, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Мы очень дорожили дружбой с ним

В середине 80-х годов судьба свела меня с Олегом Емельяновичем Кутафиным, что называется, лоб в лоб. Решался вопрос о преобразовании Всесоюзного юридического заочного института в Московский юридический институт как полноценный вуз со всеми формами обучения. Одновременно шел отбор кандидатов на должность ректора.

На первом этапе было выдвинуто десять кандидатур от научных и образовательных юридических заведений страны. К финишу пришли двое — Олег Емельянович и я. Естественно, что окончательный выбор пал на Олега Емельяновича, так как он уже был известным ученым и опытным руководителем. И это правильно, судя по сегодняшним результатам деятельности МГЮА, по авторитету Олега Емельяновича, который он завоевал у студентов, профессорско-преподавательского состава, руководства страны.

А в конце 80-х предыдущего столетия в среде юристов самых различных специальностей все острее стала проявляться потребность в создании общественно-профессиональных организаций. Они могли бы объединить юристов для решений актуальных социально-нравственных задач, минимизировать профессиональную деформацию и ведомственную разобщенность, активизировать работу по правовому воспитанию молодежи, правовой помощи гражданам и, наконец, защитить любого юриста от различного рода инсинуаций, клеветы, чиновничьих гонений. Этому способствовали и сложившаяся

социально-политическая обстановка в стране, реанимация идеи правового государства и субъективная готовность, зрелость самих юристов. Первыми были созданы Ассоциации юристов Свердловской и Нижегородской областей. Затем возник Союз юристов СССР, затем преобразованный в Международный союз юристов. Через некоторое время появились Союз юристов России и Российский союз юристов. В то же время существовал еще ряд областных, краевых и межрегиональных объединений юристов.

Ведущие юристы страны, и в их первых рядах — Олег Емельянович Кутафин, приложили все силы для того, что создать единую, мощную, жизнеспособную Ассоциацию юристов России. Олег Емельянович стал одним из трех сопредседателей АЮР и до конца своих дней словом, делом и примером укреплял единство и авторитет нашего общественно-профессионального объединения.

Кроме того, Олег Емельянович Кутафин стал председателем первого в российской истории Учебно-методического объединения по юридическому образованию вузов РФ. Путь к созданию УМО по юриспруденции был длинным. Это означало поворот Министерства образования и науки (не знаю, добровольный или вынужденный) лицом к юридическим вузам. Объединение сразу же заняло принципиальную позицию по всем направлениям и проблемам развития юридического образования. Характерно то, что эта структура сразу же показала свою эффективность. Были созданы Учебно-методические советы по юриспруденции во всех федеральных округах, избран Президиум УМО, сформирован корпус экспертов.

В качестве Председателя УМО Олег Емельянович координировал деятельность учебно-методических советов в федеральных округах, инициировал подготовку и реализацию совместных проектов УМО Ассоциации юридических вузов и Ассоциации юристов России. Именно при нем эта деятельность пробрела весьма значимый и реальный характер. К решениям УМО и общественно-профессиональных организаций стали прислушиваться Агентство по образованию, Министерство образования и науки РФ, руководители региональных исполнительных органов власти.

В ходе общественных дискуссий удалось выработать принципиальные позиции по основным направлениям развития высшего профессионального юридического образования. Мы все были солидарны в том, что главным в стратегии модерниза-

ции высшей школы является повышение качества обучения. Олег Емельянович и другие руководители ведущих юридических вузов страны неоднократно, аргументированно, с учетом отечественного и мирового опыта выступали за сохранение государственного юридического образования, введение трехступенчатой модели подготовки юристов: бакалавр — специалист — магистр, разработку общероссийского перечня юридических профессий, требующих определенного уровня образования, независимую экспертизу и аттестацию вузов, оптимизацию $E\Gamma \Theta$, использование психодиагностики при поступлении на некоторые юридические специальности, введение преподавания основ права в общеобразовательной школе и многое другое.

А познакомились мы с Олегом Емельяновичем еще в середине 70-х годов прошлого столетия на одной из научных конференций в Звенигороде, в пансионате Академии наук СССР. В те времена Институт государства и права регулярно организовывал различного рода симпозиумы. Там вместе с публичным обсуждением научных проблем шли дискуссии в рамках неофициального общения. Значение последнего трудно переоценить, так как здесь на равных дискутировали молодые преподаватели с мэтрами науки, встречались представители различных отраслей юриспруденции, выявлялись неофициальные лидеры. Одним из таких лидеров был Олег Емельянович. После этого наши встречи с той или иной периодичностью продолжались в разных городах и даже странах.

Олег Емельянович был многогранным, разносторонним и одновременно оригинальным человеком. Назвать и раскрыть все его черты не представляется возможным, так как даже только при перечислении можно пропустить какую-либо грань его характера. Да и простое перечисление не может отразить всю гамму чувств по отношению к нему. Наверное, это смогут сделать только родные или биографы. Поэтому я подчеркну лишь некоторые личностные качества Олега Емельяновича, оставляя за рамками этих воспоминаний его профессионализм ученого, руководителя, его заслуги, награды и т. п.

Прежде всего он мне запомнился как очень добрый по сути своей человек. Не добренький, а именно добрый. Я неоднократно был свидетелем проявления этого качества как по отношению к своим сотрудникам, так и к людям посторонним.

Хотя слова о патриотизме человека такого уровня, каким был Олег Емельянович, могут показаться тривиальными, все

же я скажу и об этом. Его патриотизм охватывал и страну, и малую родину, и вуз, в котором он работал. Это не было восхваление всего советского или российского. Он весьма критически относился к некоторым структурам и порядкам, к людям во власти. Его патриотизм сочетался с гражданской позицией, стремлением сделать что-то позитивное для людей, общества.

Следует также отметить профессиональную коммуникабельность Олега Емельяновича, умение найти общий язык с любым собеседником и расположить его к себе острой шуткой, коротким анекдотом. Он всегда был в центре внимания. Я, да и мои коллеги, очень дорожил дружбой с ним. И всегда с большим нетерпением ждали после окончания совещания или конференции возможности общения с Олегом Емельяновичем. Он умел дружить, а это великое человеческое качество и искусство. Мне кажется, что у него не было и не могло быть врагов в полном смысле этого слова.

Кашкин Сергей Юрьевич,

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ ПРАВА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Перманентная революция академика Кутафина

лега Емельяновича Кутафина всегда отличало комплексное, системное видение основополагающих проблем, которые ему предстояло решать. Он умел выделить и то, что более всего затрагивало жизненные интересы людей, с которыми и ради которых он работал.

Так, его главное детище — Московская государственная юридическая академия строилась им постепенно, логично, строго поэтапно. Не было попыток забежать вперед или перепрыгнуть через ступени естественного развития. Олег Емельянович принял штурвал устаревавшего, абсолютно «советского» Всесоюзного юридического заочного института и превратил его в Московский юридический институт, полноценный вуз, где на первое место вышло современное очное образование.

Используя весь свой талант руководителя, авторитет ученого и подлинно государственного человека, О. Е. Кутафин обеспечил своему вузу принципиально новый уровень материальной базы для обучения — престижное здание бывшей Академии общественных наук (Института печати) при ЦК КПСС. Уже в новом здании, которое было при нем существенно модернизировано, он создал Московскую государственную юридическую академию.

Олег Емельянович проделал громадную кадровую работу — подобрал и лично подготовил все высшие управленческие кадры Академии, привлек для работы в вузе лучших в юридической профессии преподавателей, профессоров и доцентов. Это

позволило продолжить осуществляемые им изменения, подлинную революцию в сфере юридического образования.

Как педагог, ученый, философ и юрист, Олег Емельянович объективно видел достоинства и недостатки национальной высшей школы юриспруденции. Он достаточно высоко ценил «классическую» общеправовую и культурную базу того образования, которое давал МЮИ—МГЮА начального периода. Но, обладая широчайшими знаниями о состоянии, тенденциях развития высшего профессионального образования в мире, не мог не признавать, что в некоторых зарубежных вузах более высока специализация по все более разнообразным современным юридическим профессиям.

И тогда у него появилась мысль совершенствования правового образования в нашей стране на примере одного отдельно взятого вуза, который к тому времени уже был крупнейшим в России по числу студентов-юристов (их в МГЮА было уже 18 000). Интересно, что такие крупные свершения редко заметны вблизи и сразу — большое видится на расстоянии и через некоторое время...

Этот план состоял из двух взаимосвязанных этапов. Первый — расширение перечня дисциплин и кафедр. Второй — структурная реорганизация Академии на уровне специализированных институтов.

Первый этап (он совпал с первым десятилетием перестройки) коснулся прежде всего содержания юридического образования в МГЮА. Ректор усилил внимание кафедр Академии к частному праву в целом, сравнительному правоведению. Одновременно шли процессы деидеологизации и практической профессионализации по каждому существовавшему предмету.

Кроме того, в каждой учебной дисциплине, преподаваемой в Академии, акцентировали составляющую зарубежного правового опыта, чтобы эффективно его использовать. Значительные силы и средства были брошены на использование достижений правовой информатики, компьютеризацию всего педагогического и управленческого процесса в МГЮА. Принципиально изменилось отношение к иностранным языкам и преподаванию их будущим юристам. Кафедры стали больше уделять внимания практическим аспектам современных юридических профессий, активизировали научную работу. Аспирантура МГЮА выросла в самую обширную и эффективную в стране школу подготовки современных научно-педагогических кадров по новейшим дисциплинам права.

Стали появляться новые кафедры и научные направления. Так, из кафедры международного права выделилась кафедра конституционного права зарубежных стран. Затем кафедра международного права разделилась на кафедру международного публичного права и кафедру международного частного права. Приказом ректора была организована первая в России кафедра финансового права и бухгалтерского учета, стало преподаваться банковское право. Появились в МГЮА кафедра адвокатуры и кафедра судебных экспертиз. Из кафедры конституционного права зарубежных стран выделилась кафедра права Европейского союза. Каждая из новых кафедр, созданных в Академии по инициативе О. Е. Кутафина, заняла видное место в системе правового образования России.

Все это в комплексе вывело Академию на новый, магистерский уровень преподавания по многим, в том числе ранее не существовавшим в России, дисциплинам. Так выстраивалась перспектива системы обучения «бакалавр — магистр».

Второй этап реализации проекта О. Е. Кутафина состоял

Второй этап реализации проекта О. Е. Кутафина состоял в переходе к принципиально новому университетскому уровню специального образования, созданному Олегом Емельяновичем на практике, но не получившему еще официального названия. Его можно сформулировать как «Академический правовой университет».

Речь идет о сочетании широты и теоретической обстоятельности университетского образования с глубиной деятельности академического научно-исследовательского института, обучении детальным профессиональным знаниям в сравнительно узкой сфере юридической специализации. Для закрепления этих новых качеств правового образования О. Е. Кутафин ввел в МГЮА не факультеты, как в обычном университете, а специализированные институты.

Такие новые организационные структуры были сформированы на базе недавно созданных кафедр: Институт прокуратуры, Институт международного частного права, Институт адвокатуры, Институт спортивного права и права в области рекламы и шоу-бизнеса, Институт судебных экспертиз, Институт банковского права.

Одновременно с происходившими изменениями менялась система управления вузом. Преобразовывались старые и создавались новые структуры, обеспечивающие современное системное руководство образовательным и воспитательным про-

цессом посредством единого и слаженного организационного механизма МГЮА.

Была существенно изменена и скоординирована в соответствии с новыми целями и задачами уникальная система филиалов и региональных институтов Академии. Эта система обеспечивает передачу позитивного опыта организации юридического образования практически по всей территории России.

Для углубления подготовки студентов и соблюдения преемственности системы профессионального юридического образования от среднего до высшего были созданы Центр довузовской подготовки и Институт непрерывного образования. А чтобы создать возможность популярного в зарубежных странах обучения в течение всей жизни, появились Институт целевой подготовки (второе высшее образование) и Институт дополнительного образования (повышения квалификации). Параллельно совершенствовались и приобретали новое содержание традиционные формы образования: дневная, вечерняя (очно-заочная) и заочная (дистанционная).

Таким образом, была сформирована уникальная, новаторская, единая в своем разнообразии структура высшего юридического образования.

По вертикали она начинается со среднего и среднего специального, высшего, послевузовского образования и завершается возможностью непрерывного повышения квалификации на любом уровне и по любой специализации. По горизонтали — обеспечивает углубленную профессиональную подготовку практически по всем существующим, наиболее востребованным современной наукой и практикой юридическим специальностям.

Все эти революционные преобразования Олег Емельянович Кутафин осуществлял в тесном сотрудничестве с созданной им командой единомышленников, составляющей ныне ректорат МГЮА. Излишне говорить, что Олег Емельянович в своих реформах опирался и на большой сплоченный коллектив Академии: профессорско-преподавательского, учебновспомогательного и административно-хозяйственного состава работников, студентов, аспирантов, докторантов и соискателей. Именно этот человеческий фактор и является главным в той перманентной революции в юридическом образовании, которую начал О. Е. Кутафин, продолжают его соратники.

Это и есть тот «нерукотворный памятник», который построил себе выдающийся человек нашего времени — академик РАН Олег Емельянович Кутафин.

Мирзоев Гасан Борисович,

ПРЕЗИДЕНТ ГИЛЬДИИ РОССИЙСКИХ АДВОКАТОВ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Он был способен на мальчишество

Есть два рода людей, занимающих важное общественное положение. Про одних коллеги и подчиненные всегда судачат, выискивают на них компромат, подмечают их недостатки. Словом, уважают, боятся, но недолюбливают.

А есть другие — их принимают без всяких условий и оговорок. Уважение и народная любовь к таким людям практически сливаются. Их ценят за то, что они авторитетны и важны для большого количества граждан страны. Такими не становятся по блату. И таким был Олег Емельянович Кутафин. Когда осознаешь, человеком какой духовной величины и исторической значимости он был, мурашки бегают по коже, словно ты заглянул в вечность. Ведь «личность государственного масштаба» — это твой близкий друг, твой коллега, представитель твоей профессии.

...В памятном 1987 году, когда вся Москва гудела, как улей, от новости: «Борис Ельцин назначен Первым секретарем МГК КПСС», меня утверждали на сессии Моссовета в должности государственного арбитра города Москвы. Во время перерыва в заседании я увидел группу из нескольких людей, оживленно беседующих друг с другом. Я подошел к ним, и тогда-то посчастливилось мне познакомиться с Олегом Емельяновичем. Дружба, завязавшаяся в те дни, продлилась более 20 лет.

Меня всегда поражала его удивительная способность оживить любой разговор, перевести его от демагогии к делу, «заземлить», а особо острые проблемы разрешить с помощью искрометной шутки. И при всей своей серьезности как ученого,

общественного деятеля, он был способен на мальчишество. Эта его способность шутить в самых, казалось бы, неожиданных ситуациях поначалу меня удивляла. Однажды на одном из съездов КПСС, где мы оба находились в качестве гостей, наши места оказались рядом. Олег Емельянович отпускал одну шутку за другой. Дело дошло до того, что я задыхался от смеха. Сидящие слева и справа партийные чиновники различных рангов цыкали на нас, призывая к тишине...

Так сложилось, что всегда, какими бы ни были изгибы моей судьбы, Олег Емельянович принимал в ней непосредственное участие советом, поддержкой... Относился по-отечески, но всегда предупреждал, что, приняв то или иное решение, я должен всецело прочувствовать свою личную ответственность за результат, просчитать последствия.

Так я советовался с Олегом Емельяновичем Кутафиным, когда после долгих хождений по чиновным коридорам добился создания первой в стране юридической структуры нового типа. Это был Государственный юридический центр правовой помощи предприятиям по предупреждению правонарушений Мосгорисполкома, ставший прообразом первой в стране альтернативной коллегии адвокатов. Создание этой организации было выстраданной мною идеей, которая дошла до комиссии Политбюро ЦК КПСС по правовой реформе и после принятия решения Московским горкомом партии была реализована постановлением Исполкома Моссовета. Однако некоторое время я колебался, стоит ли оставлять важную в моей судьбе должность государственного арбитра города Москвы ради руководства никому не известной организацией. И совет Олега Емельяновича сыграл очень важную роль.

Добрые слова и поздравления Олега Емельяновича Кутафина имели место и при создании по моей инициативе Отделения прав человека Международной академии информатизации ООН (1992), Гильдии российских адвокатов (1994).

А в 1995 году постановлением Исполкома Гильдии российских адвокатов было принято решение учредить Российскую академию адвокатуры. В конце 1995 года мы приняли это решение, но только в декабре 1997 года Академия была зарегистрирована и получила лицензию на осуществление образовательной деятельности. На приеме в честь нового, 1997 года у Президента РФ я обратился к Виктору Степановичу Черномырдину, который тогда возглавлял Правительство РФ, с вопросом, можно ли через Правительство РФ провести постановление о созда-

нии Государственной академии адвокатуры РФ. На это Черномырдин ответил: «Зачем адвокатам государственная академия? Адвокаты — люди негосударственные, вопрос не ко мне».

В итоге решающее заключение экспертного совета, необходимое для создания юридического вуза, подписал не кто иной, как ректор МГЮА, мой друг и старший товарищ профессор Олег Емельянович Кутафин.

Поэтому награждение его одним из первых знаком «Почетный адвокат России» (1998), а вскоре и Золотой медалью им. Ф. Н. Плевако (1998) стало заслуженным жестом признательности от всей российской адвокатуры.

Неизгладимый след Олег Емельянович Кутафин оставил не только в юридической науке. Ни от кого не скрывалась и личная жизнь этого почтенного государственного мужа, ректора. И можно назвать великими и вечными те чувства, которые Олег Емельянович питал к своей супруге Наталье Николаевне и к сыну Дмитрию. Бывало, когда я приходил к ним в дом поздравить с праздником или просто пообщаться, удивительно заботливая Наталья Николаевна поражала меня своим трепетным, нежно-заботливым отношением к Олегу.

И вот год назад его не стало. И я чувствую, что даже сейчас, спустя год после того, как он ушел из нашей жизни, тяжело переживают не только его жена, родные и близкие, но и друзья, ученики и даже люди, которые знали его издалека...

23 декабря 2008 года Президент Российской Федерации издал Указ об увековечении памяти Олега Емельяновича Кутафина. 12 февраля 2009 года распоряжением Правительства Москвы Московской государственной юридической академии присвоено его имя. В память о великом юристе постперестроечной России установлены мемориальные доски, но главная память — все созданное его пытливым умом и кропотливым трудом.

Когда-то вождь пролетариата В. И. Ленин писал (ПСС, т. 49, с. 156): «Юристов надо брать ежовыми рукавицами, ставить в осадное положение, ибо эта интеллигентская сволочь часто паскудничает». Это невежественное отношение к нашей профессии — отношение и к праву как таковому. Для того чтобы изменить его в сознании людей, поставить все с головы на ноги, иногда требуется целая жизнь. Россия наконец пытается с уважением относиться к закону и к юристам. В этом — большой вклад Олега Емельяновича Кутафина. Он с честью осуществил свое предназначение на этой земле.

Пастухов Борис Николаевич,

СТАРШИЙ ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЙ ПАЛАТЫ РФ, БЫВШИЙ ПЕРВЫЙ СЕКРЕТАРЬ ЦК ВЛКСМ

Его мысль не брала выходных

Жизнь неумолима. Все чаще, к сожалению, приходится браться за перо, вспоминая ушедших от нас близких и дорогих друзей.

Годы нашей молодости были искренним временем. Мы жили и работали много и честно. Память возвращает к тому неповторимому времени, когда комсомол был нашей жизнью, нашей судьбой. Мы не служили в нем, мы искренне служили ему.

Как давно это было. Но главное — было.

В шестидесятые годы прошлого века Московский горком комсомола располагался в прекрасном особняке в Колпачном переулке, дом 5. Здесь в 1941 году комсомольскую путевку в партизанский отряд получала Зоя Космодемьянская. После трагической гибели Советского Союза это прекрасное здание переходило из рук в руки, но даже «олигархи», владельцы «МЕНАТЕПА», которым оно досталось фактически «за так», не отважились снять памятную доску, посвященную Зое.

Бюро МГК ВЛКСМ тех времен — сильные, яркие и талантливые люди. Кроме штатных секретарей, в него входили и руководители крупных комсомольских организаций. Всех этих людей ждала потом большая и яркая судьба ученых, партийногосударственных и общественных деятелей, руководителей крупных производств и организаций.

Среди них — комсорг МГУ Олег Кутафин.

В те времена (что бы ни писали о них теперь «борзые журналисты») прежде всего сам коллектив решал, кто достоин встать

во главе его комсомольской организации, парткомы лишь тактично «присматривали» за этим процессом. Ребята и девушки приходили на комсомольскую работу не по решению свыше, не по чьему-то «звонку». Как правило, это был выбор коллективов. Личные качества, порядочность, ум, чувство товарищества, принципиальность ценились больше всего. В весьма своеобразном, «норовистом» коллективе Московского университета это чувство демократичности, свободного и справедливого выбора было весьма обострено.

И среди собиравшихся за столом бюро МГК ВЛКСМ тех лет Олег Кутафин был заметен. Его умение вникнуть в суть обсуждаемого вопроса, почувствовать остроту в обычных, казалось бы, делах, организовать и повести за собой товарищи ценили очень высоко. Олега отличало и чувство юмора, и внимание к людям, особенно когда рассматривались непростые персональные дела комсомольцев.

За секретарем ВЛКСМ Московского университета стояли большие и интересные свершения этого коллектива. Вот один из примеров. Осенью 1958 года на комсомольской конференции физического факультета принимается решение летом следующего года организовать студенческий строительный отряд и поехать на целину. Отряд этот был среди первых, стал той искрой, из которой разгорелось яркое пламя всесоюзного движения ССО — общественно полезного труда на благо Родины. И не случайно это доброе дело возрождается в наши дни.

Дружбу, которая тогда начиналась, мы пронесли сквозь годы. И Олег, превратившись в маститого ученого и ректора престижного вуза Олега Емельяновича, оставался таким же надежным товарищем и другом. Простым, открытым и доброжелательным, всегда откликавшимся на беду, товарищеские просьбы, кого бы это ни касалось. Внимательным к памяти друзей. Примеров тому не счесть. Но при этом он всегда оставался строго принципиальным, особенно когда кто-то хлопотал не по делу за свое чадо.

Олега Емельяновича отличала удивительная работоспособность. Из-под пера академика Кутафина одна за другой появлялись серьезные научные труды, умные книги. Он постоянно был окружен своими учениками, аспирантами и докторантами.

Я как-то спросил его: «Как ты все это успеваешь?» Ответ был простым и спокойным: «А ты попробуй в день написать хотя бы одну страницу». Эти страницы стали его постоянными спутниками, его мысль не брала выходных.

Он всегда был в гуще политических, общественных и государственных дел и событий, имел свое мнение, свою позицию. Его рекомендации, да и он сам, были востребованы высшим руководством страны. Еще будучи членом-корреспондентом РАН, он получил поручение от Президиума РАН вести весь блок юридических наук и ряда гуманитарных дисциплин. Этот факт говорит о многом.

Последние годы на практику к нам в Торгово-промышленную палату приходят студенты Московской государственной юридической академии. Они весьма неплохо себя показывают. Общаясь с ними, всегда ловлю себя на мысли о том, что в них как бы живет и, надеюсь, будет жить дух и частицы сердца их большого Учителя — Олега Емельяновича Кутафина.

Осенью 2008 года он был уже тяжело болен, но на эту тему не распространялся никогда. 29 октября, в день 90-летия ВЛКСМ, я позвонил ему, трубку взяла Наталья Николаевна.

Я прошу к телефону комсомольца Кутафина!

После короткой паузы прозвучало:

— Комсомолец Кутафин слушает! Боря, спасибо за приглашение, но на торжественном заседании в Кремле меня не будет. Поговорим, отметим потом...

Не поговорили...

Олега Емельяновича вскоре не стало.

Я безгранично благодарен судьбе за возможность знать Олега Емельяновича и дружить с ним многие годы.

Аминов Вячеслав Маркович,

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ПРАВЛЕНИЯ ПОЧТОВОГО БАНКА

Кутафину было не принято отказывать

Наша семья из Одессы, и мой отец учился с Олегом Емельяновичем Кутафиным в одной школе. Папа всегда много о нем рассказывал. О том, например, что когда он приходил к нему домой, то всегда удивлялся обилию книг, а это по тем временам было редкостью.

И всю свою жизнь Олег Емельянович был библиофилом. Позже я и сам убедился в этом, когда, учась на юрфаке МГУ, впервые попал к нему домой. Он жил тогда на юго-западе Москвы, в Матвеевском. По советским меркам квартира была большая, и практически все ее пространство занимали книги. Меня, как когда-то отца, поразило то, что они были везде, даже на кухне. Книги нужны были для работы.

Именно на юрфаке МГУ мы стали с тесно общаться с Олегом Емельяновичем. Хотя он всегда был очень занятым человеком. В молодые годы стал замдекана по учебной, а потом по научной работе, преподавал на кафедре государственного права и советского строительства. Поэтому была одна характерная черта — он постоянно задерживался, начинал занятия немного позже. У него просто не хватало времени: всегда было много работы и «штатной», и общественной.

Учиться у Кутафина нам нравилось. Я бы сказал, что хоть Олег Емельянович и ценил порядок, но в то же время был очень демократичным преподавателем. Если ты оставался в рамках того, что он понимал под дисциплиной, можно было

много чего себе позволить. Однако стоило выйти за эти известные рамки — и Кутафин мог зарвавшегося резко осадить.

Он весьма неформально строил преподавание и в общении был легким, отзывчивым человеком с большим чувством юмора. Лекции и семинары Олег Емельянович вел очень интересно, сопровождая их анекдотами, притчами и смешными замечаниями. Я помню, что занятия у него почти не прогуливали, потому что было интересно его слушать. А его юмористические истории потом несколько месяцев передавались студентами друг другу. И становились «народными» — в то, что их рассказал профессор-юрист, да еще на лекции, кроме очевидцев, мало кто верил.

При всей демократичности экзамены ему было сдать непросто. Кутафин и сам много знал, и требовал того же от студентов. Он не переносил равнодушного отношения к своему предмету. Еще он не любил дураков, мог иронично высмеять некомпетентность и ограниченность. Единственным «неформальным» фактором, который влиял на оценку у Олега Емельяновича, были «девичьи слезы». То есть когда девушка начинала рыдать на экзамене, он всегда быстро подписывал зачетку: «Не плачь, вот тебе зачет».

Впрочем, для меня Олег Емельянович стал в большей степени учителем по жизни, чем преподавателем права. Он хорошо знал механизмы, которые движут государственной машиной, управляют людьми и общественными деятелями. Он умел дать правильную рекомендацию. Эти выводы могли быть не совсем приятны, но всегда были правдивы. Когда я работал помощником главы Администрации Президента России, мы часто говорили о политике, о власти. Обсуждали законодательства разных стран, выборные системы, партии. Суждения Олега Емельяновича всегда были независимы, точны и авторитетны.

Неоднократно и глава Администрации, и сам Президент приглашали его на совещания. Я помню, как по вопросу о гражданстве Кутафин занял позицию, отличную от тех проектов, которые подавались в Госдуму. Он считал, что законы о гражданстве у нас необоснованно жесткие. У него были рекомендации, как их смягчить. Не знаю, прислушались к ним или нет...

Олег Емельянович всегда стремился быть лидером, работать на грани возможного. Когда он возглавил ВЮЗИ, я конечно же сразу к нему приехал поздравить. Но был шокирован увиденным. Учебный корпус на Бауманской находился в плачев-

ном состоянии. Контингент — плохо организованные студенты-заочники, которые учились постольку-поскольку.

Заметив мою реакцию, Олег Емельянович сказал: «Слава, конечно, это слабо. Но, во-первых, здесь я — главный. И вовторых, зная опыт юрфака, зная опыт других вузов, сделаю из ВЮЗИ конфетку».

Так и вышло. Он фактически с нуля построил роскошное учебное заведение. МГЮА стала главным юридическим вузом в нашей стране и, пожалуй, даже в СНГ. Он этим очень гордился.

У Олега Емельяновича были большие связи, которые он умел нарабатывать и использовать во благо Академии. Умел убеждать людей, привлекать деньги частных компаний. Сформировал представительный Попечительский совет. Куда бы он ни обращался за помощью, ему не отказывали. Ведь Кутафину не принято было отказывать.

Мы были в близких отношениях. Часто праздновали вместе дни рождения, какие-то личные события. Он любил такие застолья, так как и сам был человеком праздника — легким, веселым. Ему нравилось рассказывать по-восточному длинные тосты — цветистые, забавные, с притчами. Делал это настолько аутентично, что в Баку, где у МГЮА есть филиал, как мне рассказывали, у Олега Емельяновича иногда даже спрашивали: «А вы не из Азербайджана?»

Он был очень разноплановым человеком, и все, что он делал, было индивидуально и талантливо.

Масляев Иван Алексеевич,

ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ, НАЧАЛЬНИК ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОАО «ПУКОЙЛ»

Всегда на острие процесса

На юридическом факультете МГУ я учился с 1975 по 1980 год, потом — еще три года в аспирантуре. Но первая моя мимолетная встреча с Олегом Емельяновичем Кутафиным произошла на втором курсе, в 1976 году.

Повод сейчас может показаться смешным. А тогда для меня это было серьезное дело. Я то ли болел, то ли по какой-то иной причине отсутствовал. И мне понадобилось сдать экзамен по военной подготовке после сессии. Требовалось разрешение высокого руководства. Олег Емельянович в то время был заместителем декана по учебной работе, и я со своим заявлением пришел к нему «на поклон».

Олег Емельянович меня очень демократично принял, написал положительную резолюцию. Но надо понимать, что военная кафедра в МГУ — независимое от факультетов подразделение. И несмотря на разрешение Олега Емельяновича, у меня оставались некоторые сомнения. Все-таки на военной кафедре свои порядки, там люди при погонах, с определенной манерой общения со студентами. Особенно с теми, кто не служил в армии.

Однако, когда я пришел на военную кафедру, к ее руководителю, тот просто сказал, когда увидел резолюцию: «Раз Олег Емельянович подписал, никаких вопросов быть не может». По его реакции понял, что О. Е. Кутафин не просто замдекана, а очень значимая фигура в МГУ, обладающая огромным авторитетом за рамками статуса и должностных полномочий.

Неудивительно, что в ВЮЗИ, когда его возглавил О. Е. Кутафин, произошли очень существенные перемены. Мне это известно, что называется, из первых рук. Дело в том, что мой отец, Алексей Иванович Масляев, профессор кафедры гражданского права, всю жизнь посвятил преподавательской деятельности в ВЮЗИ, МЮИ, а ныне МГЮА. И сам я после окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации несколько лет преподавал гражданское право в этом вузе.

При О. Е. Кутафине обычный заочно-вечерний институт превратился в престижное учебное заведение: появились очное отделение, прекрасный комплекс зданий в центре Москвы, серьезная библиотека, общежитие. Олег Емельянович сумел создать в вузе такие порядки, что сегодня в образовательных и научных кругах считается общепризнанным: лучшие условия для работы преподавателей-юристов в Москве (а может быть, и в России!) именно в МГЮА. Правомерно даже говорить об определенном «перетоке» преподавательских кадров в Академию из других вузов. Олег Емельянович всегда ценил ветеранов преподавательского цеха, мотивировал труд достойным образом, никогда не отмахивался от обращений сотрудников.

Это очень важно, потому что такой подход дает гарантию высокого уровня образования, самым положительным образом сказывается на качестве знаний студентов. И теперь выпускники МГЮА весьма востребованы во всех сферах юридической деятельности. Их берут на работу в крупнейшие бизнес-структуры. Например, только в центральном аппарате ЛУКОЙЛа из 70 сотрудников юридической службы свыше 20 человек получили образование в МГЮА.

А в стенах ЛУКОЙЛа я встретился с Олегом Емельяновичем в то время, когда он еще не вошел в состав Совета директоров. Он работал советником президента компании В. Ю. Алекперова по совместительству с февраля 1996-го по январь 2001 года. Вот в 1996 году я увидел его после долгого перерыва. Тогда основной офис ЛУКОЙЛа размещался во Втором Неглинном переулке. Там проходило заседание Правления компании. Вижу, человек сидит, похожий на Олега Емельяновича. Но О. Е. Кутафин вроде бы никакого отношения к ЛУКОЙЛу не имел.

«Надо же, какое совпадение, — думаю. — Наверное, кто-то из наших директоров». Потом глава компании В. Ю. Алекперов, который вел заседание, говорит: «Я хочу представить членам Правления и всем присутствующим моего нового совет-

ника — Олега Емельяновича Кутафина, ректора нашего ведущего юридического вуза». И тут я понял, что был не так уж далек от истины. Меня-то Кутафин тогда вообще не знал, хотя потом сказал: «Как похож на отца. Я сразу понял, что вы — сын Алексея Ивановича».

В качестве советника Олег Емельянович в основном занимался бизнес-политикой, потому что круг его общения был чрезвычайно широк. Тогда я не знал, но потом из разговоров с ним и с другими людьми понял, что О. Е. Кутафин вхож в самые высокие государственные круги. Он консультировал российских президентов, премьер-министров по вопросам государственного строительства. Тогда формировалась российская государственность, и он был на самом острие этого процесса.

Олег Емельянович пользовался поразительным авторитетом. На протяжении своей жизни я ни разу не слышал о нем не то что плохого, но даже мало-мальски критического отзыва. Этот человек всем всегда помогал, все всегда помнил обо всех. Поразительный человек. Феномен. Это от Бога, наверное.

С 2003 года Олег Емельянович стал председателем Комитета по аудиту Совета директоров ОАО «ЛУКОЙЛ». Руководить Комитетом по аудиту — значит общаться с профессионалами высокого уровня (бухгалтерами, аудиторами, финансовыми контролерами), которые, как и любые специалисты, говорят на своем, «птичьем» языке. И юристу Кутафину нужно было, как минимум, понимать, о чем идет речь, чтобы направлять их деятельность.

Но Олег Емельянович очень быстро освоил эту тематику. Сначала я замечал, что он вникает, присматривается, больше слушает, чем говорит. Но спустя недолгое время О. Е. Кутафин начал совершенно свободно общаться с финансистами на их языке. Он, как рыба в воде, ориентировался в этой специальной сфере. То, что Олег Емельянович так быстро освоился в новой для себя области, свидетельствует о его таланте организатора и огромных способностях.

Он всегда демонстрировал удивительную эрудицию — и правовую, и общекультурную. Было очень интересно с ним общаться. К тому же Олег Емельянович обладал редким чувством юмора. Но его шутки — острые, смелые — никогда не были злыми.

У нас много бывает выездных заседаний Совета директоров. Там поневоле довольно часто вместе проводили время. Олег Емельянович всегда что-то интересное рассказывал. И вокруг

него всегда собирались люди, которые могли и сами много чего поведать, и поговорить любили. А тут, как правило, все сидели с открытыми ртами и слушали его. Другого такого рассказчика не было. Однажды у нас была деловая поездка в Волгоград. Этот город вытянут вдоль Волги на десятки километров. Заседание собирались провести во Дворце культуры одного из заводов. Дорога до него из центра города оказалась долгой и утомительной. Но Олег Емельянович начал что-то рассказывать — и время в пути пролетело незаметно.

Он всегда вел себя очень демократично. Никакого апломба, который, к сожалению, иногда свойственен людям при больших регалиях. Это простота в самом-самом положительном смысле слова.

Вспоминается, как Олег Емельянович отмечал свои дни рождения. Я, когда первый раз собирался приехать в МГЮА его поздравить, спросил:

- Может, надо как-то время заранее обговорить?
- Приезжайте в любое время.

Как сказали, так и приехал. Вижу, в его кабинете открыты двери, накрыт стол. Люди заходят, поздравляют. Олег Емельянович никого не задерживает, не подгоняет.

Вот входит преподаватель, а сразу же за ним, например, ктото из руководителей Администрации Президента РФ. Я там встречал и представителей Президента в регионах, видел както Павла Павловича Бородина. То есть это были такие люди, которых принято пускать вне очереди. А тут шел человеческий поток без каких-либо ограничений или регламентов.

Особенностью О. Е. Кутафина было то, что он решал очень серьезные задачи, просто общаясь с людьми. Здесь уместно вспомнить о заслугах Олега Емельяновича в возникновении Ассоциации юристов России. Ранее существовали две общественные организации — Российский союз юристов и Союз юристов России. Это было в определенной степени нелепо и создавало значительные неудобства в профессиональном общении юристов. Олегу Емельяновичу принадлежит значительная роль в процессе создания единой мощной структуры, сопредседателем которой он являлся в последние годы своей яркой жизни.

Павлова Ольга Константиновна,

ДИРЕКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА «НОРМА», КАНДИДАТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Две страницы как правило жизни

Научное литературное наследие академика РАН Олега Емельяновича Кутафина составляет сотни опубликованных работ — статей, монографий, учебников и учебных пособий. Цикл из семи монографий, которые с 2001 по 2008 год Олег Емельянович выпускал ежегодно, занимает среди них особое место. Оно определяется авторским замыслом: осветить все важнейшие, ключевые вопросы современного конституционного права, опираясь на достижения не только современной, но и советской, и дореволюционной науки. Фактически О. Е. Кутафиным был задуман полный научный курс конституционного права, и большая часть этого замысла была с блеском воплощена в жизнь.

Первые четыре из этих семи работ — «Предмет конституционного права» (2001), «Источники конституционного права» (2002), «Российский конституционализм» (2003, 2004 — с изменениями), «Неприкосновенность в конституционном праве» (2004) — вышли в свет в издательстве «Юристъ» в 2001—2004 годах, последняя — «Российский конституционализм» — в издательстве «Норма» в 2008 году. Я называю здесь именно эти работы, потому что имела к их изданию непосредственное отношение — сначала в качестве главного редактора «Юриста», позже — в качестве директора «Нормы».

Близкие Олегу Емельяновичу люди, его коллеги и сотрудники знали о его твердом правиле: каждый день, без исключений, писать не меньше двух страниц очередной работы. Это

правило он установил для себя давно, и если бы оно не выполнялось с такой пунктуальностью, юриспруденция не смогла бы отнести в свой актив столько первоклассных научных трудов, принадлежащих перу Кутафина.

Олег Емельянович любил научную работу, он писал увлеченно, можно даже сказать, азартно. Работая над очередной монографией, планируя ее, обдумывая структуру и какие-то отдельные сюжеты, он обсуждал, «проговаривал» свои мысли с окружающими. Мне посчастливилось: в качестве издателя я довольно часто была таким собеседником Олега Емельяновича. Иной раз беседа становилась увлекательной лекцией. Блеск его мысли, эрудиция, широчайшие знания не только своего предмета и иных отраслей права, но и государственного управления, истории, экономики, статистики, государственническое начало и патриотизм, так отчетливо выраженные в его размышлениях вслух, внушали огромное уважение.

Начиная работу над книжкой, Олег Емельянович тщательно изучал всю доступную ему литературу по теме исследования. Он был не просто добросовестен, но исключительно щепетилен в отношении чужих работ. Цитаты в его книгах, как и полагается, всегда сопровождались подробными ссылками на источник опубликования. Причем признавались Кутафиным только первоисточники.

Однажды Олег Емельянович сказал, что не может закончить работу над очередной главой, потому что не удается найти брошюру, на которую нужно сослаться. Названная фамилия автора работы была мне незнакома, и я спросила, кто он. Кутафин ответил: «Это мой аспирант, он защищался как раз по этой теме». На мои осторожные слова, что, может быть, на работу вчерашнего аспиранта можно не ссылаться, Олег Емельянович возразил в том смысле, что не сослаться никак нельзя, ведь человек занимался темой, есть опубликованная работа, неплохая. Этот маленький эпизод много говорит о личных качествах и научной этике выдающегося ученого-конституционалиста О. Е. Кутафина.

Рукописи будущих книг — а это на первом этапе были всегда именно рукописные тексты, выполненные весьма сложным для наборщика почерком, — представлялись в издательство по мере подготовки. После набора Олег Емельянович еще раз прочитывал и правил текст. Затем с отпечатанной рукописью работал редактор. Причем вопросы и замечания редактора всегда встречали самое внимательное отношение автора.

Выходу каждой новой книги Олег Емельянович всегда радовался искренне, почти по-детски. Всякий раз получалось так, что она выходила в июне, к его дню рождения, и авторские экземпляры были лучшим подарком к праздникам. И всегда он воспринимал новую книгу именно как подарок себе, хотя на самом-то деле это был его щедрый подарок всем нам: издательству, будущим читателям — коллегам, аспирантам и студентам.

Румянцев Олег Германович,

УПРАВЛЯЮЩИЙ ПАРТНЕР КОНСАЛТИНГОВОГО АГЕНТСТВА «РУМЯНЦЕВ И ПАРТНЕРЫ», ПРЕЗИДЕНТ ФОНДА КОНСТИТУЦИОННЫХ РЕФОРМ, КАНДИДАТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, НАРОДНЫЙ ДЕПУТАТ РФ, ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ КОНСТИТУЦИОННОЙ КОМИССИИ РФ (1990—1993), АСПИРАНТ (1993—1994) И ДОКТОРАНТ (1997—1998, 2008) О. Е. КУТАФИНА

Дни Конституции

Олегу Емельяновичу Кутафину я обязан яркими моментами сотрудничества и своего рода попечительства в мире юридической науки и практики с начала 90-х годов и до последних лет его жизни. Вот несколько таких эпизодов.

ВЕСНА 1990 ГОДА

В первый раз я услышал фамилию Кутафин весной 1990 года, когда еще совсем молодым политиком я с головой окунулся в бурный конституционный процесс на рубеже двух исторических эпох. Сама энергетика времени и бившая через край политическая воля нации потребовали юридически оформить переход от одной стадии развития российского государства и общества к другой.

4 и 18 марта прошли два тура первых действительно свободных демократических выборов, и лидеры демократического блока приступили к интенсивной подготовке к первому Съезду народных депутатов РСФСР. Группа социал-демократических политиков вышла с продуманной идеей скорейшего создания конституционной комиссии. В ее прообраз в качестве экспертов моим коллегой и старшим товарищем по клубу «Перестройка», СДПР и депутатскому корпусу Л. Б. Волковым были привлечены его знакомые — ученые-юристы Л. С. Мамут и В. А. Кикоть. По-

следний привел с собой профессора Б. А. Страшуна, который в то время только пришел работать в $BO3U^1$ в качестве заведующего кафедрой конституционного и международного права².

От конституционалиста Страшуна я услышал о ректоре этого института, ученом-государствоведе широкого профиля О. Е. Кутафине. Хорошего мнения о Кутафине был и Л. Б. Волков (выпускник юрфака МГУ), а также другой мой товарищ по креативному ядру «Перестройки» и СДПР Кирилл Янков³, в ту пору получавший второе образование в ВЮЗИ.

Однако, поскольку Олег Емельянович занимал высокий административный пост и причислялся демократами к консервативному лагерю, а у меня сохранялся флер, унаследованный от предыдущего оппозиционного периода, мое знакомство с ним на первых порах оставалось косвенным. Я в основном ограничивался работой с его сотрудниками по МЮИ Б. А. Страшуном и В. А. Кикотем.

ОСЕНЬ 1990 ГОДА

Через короткое время (это по обычным меркам, а по тогдашним — спустя месяцы законотворческого труда и политической борьбы), осенью 1990 года, мы обратились в Московский юридический институт за экспертизой. По решению Конституционной комиссии первый проект Конституции Российской Федерации 12 октября 1990 года был принят за рабочую основу, и ее Рабочая группа начала собирать замечания к проекту. В ту пору конституционным творчеством были увлечены многие — идей, проектов и поправок поступало немало; но мнениям и предложениям профессионалов было уделено особое внимание.

Одними из самых содержательных оказались поправки в проект Конституции, присланные из МЮИ от О. Е. Кутафина ^{4} .

Когда 12 ноября 1990 года проект Конституции Российской Федерации был повторно внесен на рассмотрение Конститу-

 $^{^1}$ Таковым было название института до 1990 г.; в 1990—1993 гг. — МЮИ; с 15 июня 1993 г. — МГЮА.

 $^{^2\,}$ С 1990 г. — заведующий кафедрой конституционного права зарубежных стран.

³ В 1990—1991 гг. — эксперт Конституционной комиссии.

⁴ Подробнее см.: «Из истории создания Конституции Российской Федерации. Конституционная комиссия: стенограммы, документы, материалы (1990—1993 гг.)». М., 2007—2010. Т. 5, С. 270, 275, 293.

ционной комиссией, в списке давших заключение значился Московский юридический институт, а представивших предложения к проекту — доктор юридических наук, профессор О. Е. Кутафин. Под опубликованным массовым тиражом проектом Конституции среди участников работы над проектом Конституционной комиссии была закономерно помещена фамилия Кутафина¹.

Примечательную активность развили основные оппоненты демократического конституционного проекта — коммунисты, привлекшие к работе над своим проектом немало ученых-конституционалистов. Фамилии Кутафина в пространном списке экспертов и научных консультантов, перечисленных под проектом «Коммунистов России», не было.

ОСЕНЬ 1991 ГОДА

После бурных событий, развернувшихся вокруг ГКЧП, в конце лета 1991 года со всей остротой встал вопрос о рассмотрении проекта новой Конституции Российской Федерации на внеочередном Съезде народных депутатов РСФСР. В Конституционной комиссии мы были убеждены, что созыв высшего органа государственной власти РСФСР непреложен и является делом ближайшего времени.

В начале сентября 1991 года в экстраординарном порядке я направил актуальную версию проекта Конституции ключевым членам Рабочей группы и экспертам Конституционной комиссии с целью сбора замечаний и предложений для скорейшей доработки проекта. Среди тех, кто оперативно ответил, был и О. Е. Кутафин. «Уважаемый Олег Германович! Подтверждая свою неизменную приверженность проекту Конституции Российской Федерации, могу констатировать, что в нынешнем виде он выглядит совершеннее прежних знакомых мне вариантов проектов, разработанных Вашей комиссией», — писал он 10 сентября 1991 года, высказывая конкретные и содержательные соображения по первым пяти разделам проекта².

Съезд же в итоге был созван с существенным опозданием, лишь 2 ноября 1991 года. Чтобы убедить Б. Н. Ельцина представить на нем проект Конституции, было потрачено немало усилий и времени, однако исторический момент был упущен.

¹ Там же. Т. 1. С. 664—666.

² Там же. Т. 2. С. 727—729.

В немалой степени на прохладную позицию Президента, как выяснилось лишь недавно из архивных документов, повлияла позиция некоторых политиков, считавшихся демократами и имевших вес в глазах Ельцина. В частности, члена Конституционной комиссии В. П. Лукина, который вообще не считал задачу «быстрого прохождения Конституции — главной, неотложной» и предложил вообще не представлять проект Конституции на Съезд. И, увы, получил согласие Ельцина¹, вразрез с мнением большинства членов и экспертов Рабочей группы — ядра Конституционной комиссии...

ВЕСНА — ЛЕТО 1992 ГОДА

Весной 1992 года перед решающим рассмотрением проекта Конституции на VI Съезде в Конституционной комиссии были предприняты усилия по сближению официального проекта с проектами левых фракций. К этому нас подталкивала не только активная позиция нового парламентского большинства.

Я стал часто бывать у гостеприимного ректора МЮИ, всецело разделявшего стремление сделать проект Конституции плодом согласия. Мы детально обсуждали ход и перспективы конституционного процесса. Я нашел в Олеге Емельяновиче нового единомышленника.

Профессор Кутафин был включен в качестве эксперта в состав Рабочей группы, трудившейся над доработкой раздела пятого проекта Конституции РФ «Система государственной власти. Основы местного самоуправления» (руководитель группы — В. Л. Шейнис). В марте — апреле 1992 года эта группа при прохождении проекта Конституции РФ на Верховном Совете и Съезде народных депутатов Российской Федерации занималась рассмотрением поправок к нему². После Съезда статус О. Е. Кутафина как официального эксперта Конституционной комиссии был закреплен в утвержденном 22 июля 1992 года Председателем комиссии Б. Н. Ельциным Плане мероприятий по выполнению Постановления VI Съезда народных депутатов РФ «О проекте Конституции Российской Федерации и порядке дальнейшей работы над ним»³.

¹ Там же. Т. 6. С. 537—538.

 $^{^2}$ Другими экспертами стали профессора Страшун Б. А., Пискотин М. И., Савицкий В. М. и Барабашев Г. С.

³ Там же. Т. 3. С. 46—51

1993 ГОД

В начале 1993 года шел напряженный поиск выхода из нараставшего в Российской Федерации конституционного кризиса, вызванного спором между Президентом и парламентским большинством по вопросу о распределении власти. Выходом, найденным в результате компромисса на VII Съезде народных депутатов РФ в декабре 1992 года, должен был стать референдум по основным положениям проекта Конституции.

В начале января 1993 года Конституционная комиссия официально обратилась к О. Е. Кутафину и его сотрудникам с приглашением к активному участию в выработке проекта таких положений для всероссийского референдума, намеченного на 11 апреля 1993 года (не путать со случившимся в итоге 25 апреля голосованием «Да. Да. Нет. Да» о слепой любви к отдельной взятой ветви государственной власти!).

Сотрудничество с Кутафиным и его Институтом стало регулярным.

31 мая 1993 года я сообщил членам Президиума Верховного Совета, а также членам Конституционной комиссии, что в соответствии с решением парламента о завершении работы над проектом Конституции Российской Федерации из числа членов и экспертов Комиссии определены ответственные за доработку проекта. По упомянутому ключевому пятому разделу проекта — о форме правления — было определено пятеро ответственных: народные депутаты Российской Федерации О. Г. Румянцев, В. Л. Шейнис и В. Д. Мазаев, а также эксперты О. Е. Кутафин и Б. А. Страшун¹.

Позиция Кутафина по вопросу противостояния законодательной и исполнительной властей в ситуации весны — лета 1993 года вызывала уважение.

При наличии двух официальных проектов Конституции: разработанного Конституционной комиссией, возглавляемой Президентом, с учетом его же поправок, поправок Съезда народных депутатов, Верховного Совета, субъектов Российской Федерации, и альтернативного ему, созданного по поручению Б. Н. Ельцина группой юристов в недрах исполнительной власти, — О. Е. Кутафин подчеркивал: «...если наше общество действительно заинтересовано в принятии новой Конституции, у него нет иного пути, как добиться создания нового Основного закона путем поиска компромиссов по всем изложенным в опу-

Там же. Т. 4. С. 413—415.

бликованных документах вопросам... Если уж страна вовлечена в конституционный процесс, то должен быть создан такой Основной закон, который действительно помогал бы строить демократическое общество, стоял бы выше интересов отдельных личностей и политических группировок. Это должна быть Конституция, созданная в интересах всего российского народа. Иначе это будет путь в никуда»¹.

...Во время одной из встреч Олег Емельянович вдруг спросил: «Олежек, Вы (он обращался ко мне всегда именно так, потоварищески тепло и уважительно) понимаете, что работа над проектом Конституции — это готовый материал для интересной диссертационной работы, быть может, сразу докторской?»

Я несколько опешил, ибо уже несколько лет почти все 24 часа в сутки посвящал политическому процессу, а на чистую науку времени просто не оставалось. Тем более, отношение к чинам и степеням у меня было прохладным («призыв» в реальную политику случился в 1987 году как раз вместо защиты уже написанной мною в ИЭМСС АН СССР кандидатской диссертации). Однако Кутафин настоял и предложил себя в качестве научного руководителя. В редкие спокойные паузы боевитого лета (шло соревнование проектов Конституции на конституционных совещаниях в Москве и в регионах) я уединялся на государственной даче Верховного Совета «Снегири» для написания диссертации о важнейшем и сложнейшем комплексном правовом институте — основах конституционного строя. Глава за главой ложились на просмотр Олегу Емельяновичу на его рабочий стол...

ОКТЯБРЬ 1993 ГОДА — ВЕСНА 1994 ГОДА

Трагические события остановили деятельность Конституционной комиссии Съезда народных депутатов Российской Федерации. Когда наступили трудные времена, Олег Емельянович проявил человеческое участие, познакомил меня с членами своей семьи. Сопереживание было почти отеческое (они с моим отцом родились в одном и том же, 1937 году).

Научная работа под руководством Кутафина помогала уйти от отчаяния и горьких мыслей при виде всего того, что творилось в России. Зимой и весной 1994 года при посещениях Олега Емельяновича у него дома либо в санатории в Барвихе мы

¹ Там же. Кн. 1. Т. 4. С. 1014—1020.

обсуждали текст диссертации и план защиты на диссертационном совете МГЮА. В той душной политической атмосфере защита (успешно прошедшая 6 апреля 1994 года) могла бы и не состояться, если бы не твердая гражданская позиция О. Е. Кутафина.

Когда я подписываю работы как «к. ю. н.», я всегда вспоминаю Олега Емельяновича. И не столько из-за присуждения ученой степени, сколько из-за провидческого его решения, заставившего меня научно и системно проанализировать и отразить суть нашего замысла конституционной реформы 1990—1993 годов, оставить в последовавшей монографии все оценки ее итогов по горячим следам и без самоцензуры¹.

...Спустя годы, в 2008 году, рассказывая о своей, оказавшейся последней, монографии по российскому конституционализму, Кутафин заметил: «Олежек, Вы знаете, я ведь исчеркал всю Вашу книжку про основы конституционного строя, ту самую, с оранжевой бумажной обложкой; помогает в этой моей работе!» Я поблагодарил его, поправив, что обложка-то была красной, но наверняка выгорела, и — поразившись, что он вообще помнит ту работу, — сказал, что писал ее в спаррингпартнерстве со своим научным руководителем.

1995-1998 ГОДЫ

В 1995-м вместе с О. Е. Кутафиным мы с задором поучаствовали в реализации многообещающего политического проекта «Третья сила», попытавшись создать на поле между Ельциным и Зюгановым левоцентристскую коалицию вместе с С. Федоровым, Д. Рогозиным, С. Глазьевым, С. Говорухиным и другими политиками. Не получилось: «добрые» люди раскололи коалицию на несколько мелких блоков, лишь один из которых преодолел пятипроцентный барьер на выборах депутатов Государственной думы в декабре 1995 года. Воздвигнутая после декабря 1993 года стена казалась неприступной. Кто сегодня вспомнит об этом?

В 1997 году, занимаясь развитием Союза Белоруссии и России в качестве заместителя ответственного секретаря Парламентского Собрания СБР, я поступил в докторантуру МГЮА. По согла-

¹ «Основы конституционного строя России: понятие, содержание, вопросы становления». М.: Юрист, 1994. Рекомендована к использованию в вузах в качестве дополнительного материала по курсу конституционного права. См. также в: http://www.rumiantsev.ru/book/

сованию с О. Е. Кутафиным темой работы на соискание степени доктора юридических наук стала «Основы права Союза Беларуси и России. Международно-правовые и конституционно-правовые аспекты участия Российской Федерации в союзе государств». Замах был на комплексное исследование на примере Союза Беларуси и России, со сравнением его модели с СНГ и Европейским союзом и анализом путей возможной реинтеграции. Прошли годы, но поставленные тогда вопросы ждут как научного, так и практического ответа.

Однако в конце 1998 года, в разгар накрывшего страну дефолта, я решил в одночасье уйти из мира политики и права в иной, корпоративный мир. Диссертация, как и многое другое, казалось, была оставлена в прошлой жизни. На годы наступил перерыв и в общении с Олегом Емельяновичем.

2006-2008 ГОДЫ

Лишь спустя 8 лет, в 2006 году, я вернулся к вопросам конституционализма. Не давала покоя идея издания полной и правдивой истории создания Конституции РФ, основанной на документах эпохи.

Одним из пятидесяти общественных деятелей и правоведов, к которым я обратился с просьбой подписать обращение к Президенту В. В. Путину, был О. Е. Кутафин.

Я рассказал ему, как по случаю 10-летия Конституции министр энергетики Игорь Юсуфов представил меня, работавшего в его отрасли, к государственной награде. И как высокие чины в Кремле высокомерно указывали ходатайствовавшему В. Д. Зорькину и другим коллегам: «Вы не знаете, где он был осенью 93-го?», или «Что же, один из создателей Конституции работает в иностранной компании "Шелл"?», или, наконец: «Я думал, что Конституцию написал Анатолий Александрович Собчак!»...

Кутафин сетовал, что я не обратился за поддержкой к нему. «Почему тогда не назвали и Ксению?» — спрашивал я у него. Мы сошлись на том, что, спасибо, нас подтолкнули к обнародованию подлинной истории создания Конституции.

Все последние годы своей жизни Олег Емельянович живо интересовался ходом реализации нашего уникального научно-исследовательского и издательского общественного проекта по истории создания Конституции Российской Федерации.

Как только мы получали из типографии тираж очередного тома, я отправлялся в его кабинет на Садовую-Кудринской с экземплярами свежих книг. Кутафин всей душой поддерживал издание и даже высказал убеждение, что сей многотомный труд достоин выдвижения на премию. «Завершайте серию, и мы посмотрим, что и как сделать», — говорил он.

И вдруг — состояние дежавю. Получив очередной том, внимательно изучив его, Е. О. говорит: «Олежек, Вы понимаете, что это готовый материал для докторской!» Я не поверил, услышав те же самые слова, что и весной далекого, 1993 года. Он предложил себя в качестве научного консультанта: «Пишите немедленно структуру диссертации и первую главу. Тема такая: Конституционный процесс в Российской Федерации в 1990—1993 годах».

Вскоре предварительный план диссертации на соискание степени доктора юридических наук в четырех частях и девяти главах на указанную тему был у него. Но работа над многотомной историей затягивалась, и с диссертацией я, увы, не торопился. На наших встречах о ней мы уже не говорили, зато детально обсуждали новые тренды в российской политике, Путина, Медведева, Суркова и все происходящее со страной.

Смерть О. Е. Кутафина поставила точку на планах с докторантурой.

В заключительной редакционной статье, в последней, десятой книге многотомной «Истории создания Конституции Российской Федерации», от имени всего Редакционного совета издания я говорю слова искренней признательности президенту Московской государственной юридической академии, академику Олегу Емельяновичу Кутафину за оказывавшуюся им поддержку нашему научному изданию.

...В моей памяти О. Е. Кутафин остается ярчайшим примером сочетания двух порою трудносовместимых ипостасей: талантливого ученого, педагога и прекрасного руководителя, организатора. Но главное, остается моим старшим товарищем.

Предположу, что многие мои коллеги так же уверенно причислят О. Е. Кутафина к своим товарищам, и в этом я вижу закономерность: такова была суть этого замечательного человека.

Кабышев Владимир Терентьевич,

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ КОНСТИТУЦИОННОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА САРАТОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АКАДЕМИИ ПРАВА, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Большой ученый друг

4 декабря 2008 года ушел из жизни один из последних могикан советской и российской науки конституционного (государственного) права.

Время неумолимо движется, и как-то не хочется верить, что, приезжая в Москву, больше не смогу встретиться с Олегом Емельяновичем, пообщаться, обсудить как научные, педагогические, так и иные жизненные проблемы.

Наше знакомство относится к 1969 году. Дело в том, что мы не только жили в разных городах (он в Москве, я в Саратове), но и принадлежали к разным (по тем временам) научным школам.

Он — ученик профессора С. С. Кравчука, зав. кафедрой государственного права юрфака МГУ. Эта кафедра по праву считалась главной кафедрой государственного права Советского Союза. На ней работали выдающиеся ученые-государствоведы: профессора Г. В. Барабашев, Л. Д. Воеводин, Д. Л. Златопольский, Н. Я. Куприц, А. А. Мишин, К. Ф. Шеремет. Каждый из них являлся автором многочисленных учебников и монографий, по которым я учился в институте, а впоследствии и в аспирантуре. Несомненно, это созвездие крупных ученых-государствоведов, среди которых начинал свой творческий путь Олег Емельянович, было той питательной средой, которая способствовала формированию Кутафина как личности.

Моим же учителем был выдающийся педагог и ученый — теоретик права, а впоследствии и конституционного права, доктор юридических наук, профессор Исаак Ефимович Фар-

бер. Когда в 1966 году я поступил в аспирантуру по кафедре государственного права Саратовского юридического института, О. Е. Кутафин уже был кандидатом юридических наук. Он защитился в 1965 году.

До личного знакомства мы внимательно следили за успехами друг друга. И в 1969 году Олег Емельянович попросил выслать ему сборник нашего университета «Проблемы конституционного права», вышедший в Саратове в том же году. В нем были опубликованы две мои статьи: «Элементы понятия государственной власти», «Выборы в Советы и избирательное право». Именно они особенно интересовали О. Е. Кутафина. Пишу об этом подробно, потому что впоследствии мы обменивались научными работами постоянно.

В 1974 году, когда я проходил обучение на ФПК юрфака МГУ, читал нам лекции и О. Е. Кутафин, который в то время еще был кандидатом юридических наук, доцентом. Запомнилась его манера общения: открытость, уважительное отношение к слушателям, среди которых были преподаватели, как молодые, так и в возрасте, и среди них — фронтовики, такие как А. В. Зиновьев и В. А. Сивов из Ленинградского университета. Его лекциям было присуще глубокое знание как теории вопроса, так и анализа практики реализации конституционноправовых норм.

Помню, как с фирменным кутафинским юмором он рассказывал о том, что чиновники из аппарата Верховного Совета СССР боялись предоставлять ему для ознакомления материалы деятельности постоянных комиссий палат ВС СССР. Как известно, в тот период Олег Емельянович опубликовал солидную монографию, посвященную правовому статусу этих государственных институтов.

О том, каким уважением среди нас пользовался О. Е. Кутафин, говорит следующий эпизод. Мы вместе с профессором Л. А. Григоряном, с которым меня связывали не только творческие отношения, но и личная дружба, сидели в одном московском ресторане и, как договорились заранее, ждали Олега Емельяновича. В зале было много коллег — юристов из Москвы и других городов. Вдруг за соседним столиком раздался возглас: «Олег Кутафин пришел». Я в это время посмотрел в зал и увидел, как все, сидящие в нем, повернулись к Олегу Емельяновичу, приветствуя его. Он был душой компании, шутил, приковывал к себе внимание. Впрочем, в тот вечер Кута-

фин подбросил нам один интересный вопрос, и разговор быстро перешел на научные темы.

Хотел бы отметить эту черту характера Олега Емельяновича: энергичный, коммуникабельный, он всегда старался, несмотря на свою огромную занятость, встречаться с коллегами из других городов нашей огромной страны, общаться, обсуждать с ними передовые научные проблемы.

Мне приятно, что Олег Емельянович с теплотой, поотечески относился к моему сыну Сергею. Когда тот переехал в Москву, О. Е. Кутафин пригласил его на работу на свою кафедру. И позже всегда поддерживал его — они вместе учредили издательство «Формула права», выпускали одноименный журнал, работали в избирательном штабе В. В. Путина.

...Смотрю на книжные полки, где стоит целый ряд книг Олега Емельяновича. Мне дороги его посвящения: «Дорогому Владимиру Терентьевичу Кабышеву с дружескими чувствами». Но на одной из монографий, а именно «Источники конституционного права Российской Федерации» (М.: Юристъ, 2002), Олег Емельянович сделал особенно памятную и ценную для меня надпись: «Моему дорогому другу Володе Кабышеву с любовью».

Дело в том, что накануне выхода этой книги мне сделали очень сложную операцию. И Олег Емельянович подарил мне свою новую монографию после моей выписки из больницы, при встрече в его кабинете (он еще был ректором МГЮА). Тогда он произнес слова, которые запали мне в душу: «Нам нужно держаться. Вот и В. А. Ржевский, и Ю. П. Еременко ушли. Остались мы».

Между нами — Олегом Емельяновичем, профессором В. А. Ржевским (г. Ростов), профессором Ю. П. Еременко (г. Волгоград) и мною была особая общность. Мы дружили, были практически ровесниками в годах и единомышленниками в науке. Олег Емельянович говорил мне, что мечтал собрать нас всех на одной кафедре. Увы, но судьба распорядилась иначе! Они, мои коллеги по науке и друзья, были, несомненно, талантливыми учеными и педагогами, оставили заметный след в истории конституционно-правовой мысли СССР и России. Но Олег Емельянович выделялся среди них.

Олег Емельянович вообще очень берег память о своих учителях, коллегах, ушедших из жизни. На первой странице его монографии «Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации» (М.: Юристъ, 2004 г.) написано: «Па-

мяти моих учителей и коллег посвящается эта книга». Эти слова — еще одно свидетельство высокой нравственности ученого. Того, как Олег Емельянович уважал своих, ценил светлую память коллег, с которыми дружил, и дорожил их добрым отношением к себе. В нынешнее время переоценки нравственных, социально-политических, конституционных ценностей это дорогого стоит.

О. Е. Кутафин был ярким, разносторонним, высокообразованным человеком, ученым, организатором высшего юридического образования в России. Коллеги-москвичи, общавшиеся с ним чаще, чем мы, жившие в других городах, могут больше сказать о различных чертах, гранях этого неординарного человека, к сожалению так рано ушедшего из жизни.

Особого анализа требует научное наследие академика О. Е. Кутафина. Думаю, что это вряд ли под силу одному человеку — столь разносторонними, многоплановыми были научные интересы Олега Емельяновича в последние годы.

Начиная с 2001 года он ежегодно издавал солидную монографию, посвящая ее исследованию одной из фундаментальных проблем науки конституционного права. 2001 год — монография «Предмет конституционного права»; 2002 год — «Источники конституционного права Российской Федерации»; 2003 год — «Российское гражданство»; 2004 год — «Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации»; 2006 год — «Российская автономия»; 2007 год — «Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица»; 2008 год — «Российский конституционализм». И в эти же годы несколько изданий учебников по конституционному праву России в соавторстве с профессором Е. И. Козловой. Один из них удостоен премии Президента РФ в области образования.

Олег Емельянович, чувствуя, что годы уходят, спешил сказать свое слово в науке конституционного права. Эксклюзивно анализируя то, что было сделано в науке конституционного права в постсоветский период, в одной из наших с профессором Е. В. Колесниковым рецензий мы отмечали: «В каждой из своих книг (о предмете конституционного права, источниках конституционного права, гражданстве) О. Е. Кутафин дает глубокий и детальный анализ исторического развития исследуемых категорий конституционного права, делая, безусловно, свои выводы. Образно говоря, историю науки конституционного права, а точнее, ее отдельные разделы се-

годня можно изучать исключительно по монографиям О. Е. Кутафина» ^{1} .

Приведу еще несколько фрагментов из этой рецензии, чтобы будущий читатель смог понять ценность, глубину исследования проблемы в этой монографии Олега Емельяновича.

«Данная монография О. Е. Кутафина написана в классическом, академическом стиле без различных идеологизмов, политических экскурсов, сопровождаемых скороспелыми выводами и обобщениями. Автор придерживался юридического направления в науке конституционного права. Такой подход вполне приемлем, так как в последнее десятилетие наблюдается не всегда оправданная политизация конституционных исследований. Работу отличают информационная насыщенность и наличие широкой источниковедческой базы. Достаточно полно представлены труды русских дореволюционных и советских государствоведов.

Достоинством монографии является то, что при исследовании конкретного вида источников делаются весьма удачные экскурсы в историю конституционного права. В методологии проведенного исследования обнаруживается нечасто встречающаяся в наши дни преемственность в развитии конституционно-правовой мысли. Ценно, что книга, подводя своего рода итог предшествующему этапу исследования этой темы, одновременно насыщена новым и новейшим материалом, интересными и обоснованными суждениями по многим аспектам развития конституционного права и конституционно-правового регулирования в современной России.

О. Е. Кутафин внес существенный вклад в разработку проблемы источников конституционного права Российской Федерации».

А вот цитата из другой рецензии на другую книгу Олега Емельяновича, «Российская автономия»:

«Автономия личности, автономия науки, автономия государства, автономия территориального сообщества. Этот термин настолько многогранен, что исследование его феномена на протяжении многих веков занимает умы известных политиков, философов, историков, юристов... Особым событием в развитии отечественной юридической науки можно с уверенностью назвать выход в свет еще одной монографии извест-

¹ *Кабышев В. Т., Колесников Е. В.* Рецензия на книгу Кутафина О. Е. «Источники конституционного права Российской Федерации». М.: Юристъ, 2002.// Правоведение, 2002, № 6. С. 246—249.

ного российского ученого академика О. Е. Кутафина "Российская автономия"...

Монография написана по проблеме одной из основополагающих во всей конституционно-правовой теории... Автор монографии стремится не только придать термину "автономия" сущностную определенность, но и раскрыть конкретность прикладных аспектов его использования, необходимых для видения стратегических направлений развития государства. Автономия в России всегда играла и играет особую роль, поскольку является своеобразным способом сохранения ее государственного единства...

Энциклопедический и обстоятельный подход к исследованию поставленных в книге проблем лежит в основе творческого успеха данной работы...

Основное предназначение автономии автор видит в том, что с ее помощью устанавливаются определенные принципы решения отдельных вопросов, составляющие суть развития государственности. В той или иной форме она объективно необходима на таких территориальных пространствах, как Россия с ее многонациональным по составу населением. Впервые в отечественной литературе анализ советских форм автономии произведен на основе новых, современных подходов к исследованию роли и значения автономии, и в этом видится еще одна заслуга автора монографии... Особого внимания заслуживают положения монографии, касающиеся новейших процессов в этой сфере, в частности объединения автономных округов с областями...

Кризис российской государственности, имевший место в России в начале и середине 1990-х годов, в известной степени был связан и с кризисом в разработках теории понятия самого государства как такового и ряда других, близких к нему понятий, в том числе и такого понятия, как автономия. Необходимо было внести ясность в теорию автономии и исключить из нее ненужный политизированный подход. Поэтому российская наука вернулась к анализу таких основополагающих понятий.

Данная работа представляет собой первое современное комплексное исследование накопленного к настоящему времени правового, исторического и теоретического материала по проблемам автономии, в котором раскрыты основные тенденции и наиболее перспективные с точки зрения демократического развития государств направления дальнейшего совершенство-

вания правового регулирования отношений, связанных с применением различных форм автономии в России»¹.

Уместно, по-моему, назвать одну из последних монографий академика РАН О. Е. Кутафина «Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица». В данной работе Олег Емельянович исследовал проблему хозяйственной деятельности субъектов Федерации и муниципальных образований и их органов, а также общественных и религиозных организаций в контексте конституционного и гражданско-правового регулирования. Безусловно, в этой монографии исследовался чрезвычайно важный и в то же время новый вид конституционных отношений современной России.

Позволю привести выдержки из рецензии В. Е. Чиркина: «Рецензируемая работа О. Е. Кутафина — новаторское исследование в российской, да, пожалуй, и в мировой юридической литературе по вопросу об участии публично-правовых образований в гражданско-правовых отношениях...

...По широте обсуждаемых вопросов, объему использованного законодательства (включая акты субъектов РФ и муниципальных образований), привлечению юридической практики, разносторонности и качеству научной дискуссии эта книга занимает выдающееся место в научной юридической литературе. Такого целостного монографического исследования, насколько нам известно, не существует и в зарубежной литературе...

...Монография О. Е. Кутафина — уникальная комплексная работа, целостное разностороннее исследование, подобного которому нет в юридической литературе...

...Закрывая замечательную книгу О. Е. Кутафина, еще долго остаешься под впечатлением прочитанного. Она отвечает на многие вопросы, но, может быть, еще большая заслуга автора в том, что такой труд намечает новые вехи в правовых исследованиях, открывает дальнейшие горизонты для юридической мысли»².

Замечательно сказано! Неподдельный пафос рецензии — глубокая дань светлой памяти выдающегося государствоведа-

 $^{^1}$ Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В. Особенности автономии в России: взгляд ученого // Журнал российского права, 2006, N° 4. С. 147—152.

² Чиркин В. Е. Субъекты конституционного права в частноправовых отношениях (Кутафин О. Е. Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица) // Журнал российского права, 2007, № 2. С. 151, 152, 154.

конституционалиста, доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки $P\Phi$, академика PAH Олега Емельяновича Кутафина.

Следует отметить, что анализ ряда проблем теоретического наследия О. Е. Кутафина уже обозначен в публикациях членов кафедры конституционного и муниципального права России МГЮА, которую он возглавлял долгие годы¹. И автор этих воспоминаний, анализируя развитие идей конституционализма постсоветской России (в частности, вопросы конституционной ответственности, конституционного строя гражданства и др.), не мог не анализировать работы О. Е. Кутафина в контексте исследуемых им проблем².

Наши вышеизложенные фрагментарные суждения конечно же не дают полной картины всего многообразия, богатства идей творческого наследия Олега Емельяновича.

И если судьба подарит мне еще несколько лет жизни и достаточно сил, я постараюсь более подробно проанализировать научные проблемы из огромной сокровищницы идей дорогого моему сердцу Олега Емельяновича Кутафина.

Светлая ему память!

¹ См. статьи проф. Е. И. Козловой и Н. А. Михалевой в сб. тезисов: Материалы международной научно-практической конференции «Государство и право: вызовы XXI века (Кутафинские чтения)» Сборник тезисов. — М.: ООО «Изд-во «Элит», 2009. С. 3—13.

² Кабышев В. Т. К вопросу об истории науки конституционного права постсоветской России // Конституционное развитие России: межвуз. сб. на-уч. ст. Саратов, 2004, 2005, 2006, 2007, 2008.

Страшун Борис Александрович,

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ КОНСТИТУЦИОННОГО (ГОСУДАРСТВЕННОГО) ПРАВА ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Не забуду никогда

Олегом Емельяновичем меня познакомил профессор В. Т. Кабышев, заведующий кафедрой конституционного права Саратовского юридического института (ныне Саратовская государственная академия права). По каким-то делам он находился в Москве и у своей сестры в доме напротив Моссовета (ныне мэрии Москвы) устроил ужин для небольшой группы профессоров-юристов, на который пригласил среди прочих Олега Емельяновича и меня. Об О. Е. Кутафине я раньше, конечно, слышал, но мы никогда не встречались. А здесь познакомились. Было это то ли в конце 1987-го, то ли в начале 1988 года, сейчас точно не помню. Незадолго до этого О. Е. Кутафин стал ректором ВЮЗИ. За ужином он сказал примерно такую фразу: «Я постараюсь, чтобы у меня в институте работали звезды юридической науки». Я себя к звездам никогда не относил и не отношу и какого-либо значения этим словам не придал.

Но через несколько дней Олег Емельянович позвонил мне и предложил возглавить кафедру. Речь шла о кафедре международного права, которая вела преподавание также курса государственного права буржуазных и развивающихся стран (или стран, освободившихся от колониальной зависимости, точно не помню тогдашнего названия этой учебной дисциплины). Надо сказать, что примерно в то же время в аппарате Президиума Верховного Совета СССР была создана группа научных консультантов, руководитель которой, профессор В. И. Васильев, пригласил меня войти в ее состав, суля «кремлевку» и прочие блага, кроме,

правда, квартиры. Работал я в то время в Институте государства и права АН СССР, где реальная зарплата все более сокращалась, а личное отношение ко мне заведующего сектором профессора Б. Н. Топорнина, ставшего вскоре директором Института и позднее академиком РАН, оставляло желать много лучшего. Хотя ранее я, проработав в Институте более 20 лет, полагал, что доработаю там до могилы, теперь оба приглашения на работу оказались весьма кстати. Завершался 59-й год моей жизни, и, поразмыслив, я решил, что идти в чиновники мне уже поздно. И в итоге принял приглашение Олега Емельяновича, спросив лишь: может ли он подождать меня месяца два? Он ответил, что готов ждать сколько угодно. Так в апреле 1988 года я поступил на работу в ВЮЗИ (позднее МЮИ, а ныне МГЮА).

Олег Емельянович в первой же нашей беседе сказал, что, если у меня будут возникать какие-либо кадровые проблемы, он по моему обращению будет решать их сам. Я не представлял себе, насколько окажутся значимы для меня эти слова. Дело в том, что в течение примерно двух лет до моего прихода на кафедру ею руководил временно исполнявший обязанности заведующего доцент Γ . М. Мелков (ныне профессор), и она была расколота на две группировки — сторонников и противников Γ . М. Мелкова.

В течение почти двух лет руководства кафедрой я старался никого не ущемлять, тем более что каждый преподаватель независимо от его симпатий и антипатий был вполне квалифицированным. Но, видимо, моя мягкость по контрасту с диктатурой Мелкова привела к ослаблению дисциплины на кафедре. Когда я высказал коллегам упрек в этом, Мелков обрушился на меня, обвинив, по существу, в неспособности руководить кафедрой. Причем сделано это было в довольно грубой форме. И тогда Олег Емельянович предложил мне разделить кафедру — создать отдельную кафедру конституционного права зарубежных стран, которая и была учреждена 15 марта 1990 года А кафедру международного права, вопреки ожиданиям Мелкова, возглавил не он, а профессор К. А. Бекяшев, с которым Мелков вскоре стал враждовать, и в конце концов он оказался вынужден покинуть стены МГЮА.

Я не входил в ближний круг Олега Емельяновича. Но наши отношения всегда отличались взаимным дружелюбием, чему немало способствовали присущее ему в огромной мере чувство юмора и необычайное обаяние. С ним всегда было очень интересно общаться, и каждое из редких посещений ректорского

кабинета обогащало меня не только новой информацией, но и зачастую научными идеями и всегда — хорошим настроением. Как правило, он положительно откликался на мои просьбы, связанные с работой кафедры (с другими просьбами я старался не заходить), а если и отказывал (крайне редко), то всегда по обоснованным причинам.

Как-то при переизбрании на должность я не был вполне уверен, что большинство сотрудников кафедры поддержат мою кандидатуру на следующий срок (хотя бы просто потому, что надоел). Олег Емельянович сам вызвался провести заседание кафедры по этому вопросу в мое отсутствие, а потом с явным удовольствием сообщил мне положительный результат обсуждения и голосования. По его инициативе я получил почетное звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

Не буду подробно останавливаться на том общеизвестном факте, как Олег Емельянович превратил третьестепенный вуз для заочников в первоклассную школу юристов, выпускники которой идут нарасхват. Высокий рейтинг МГЮА сегодня вне сомнений, и вполне заслуженно Академия ныне носит имя своего создателя — Олега Емельяновича Кутафина. Думаю, что и в других сферах своей деятельности, которые мне не были видны, он тоже оставил благотворный след. Не случайно О. Е. Кутафин стал полным кавалером ордена «За заслуги перед Отечеством».

Меня всегда поражала исключительная работоспособность Олега Емельяновича. Перечень его публичных функций я в последнее время не мог даже упомнить. Но при этом он умудрялся писать почти каждый год по крупной монографии, для чего требовалось изучить горы литературы. Когда я спросил у него, как ему это удается, он сказал, что для сна ему нужно не более четырех-пяти часов. Я мог лишь позавидовать. Но недавно прочитал, что длительный сон способствует долголетию, и подумал, что, возможно, Олега Емельяновича погубило именно то малое время, какое он выделял для сна.

Конечно, Олег Емельянович был хорошим человеком. Но хороших людей много, а Олег Емельянович, если можно так выразиться, «штучный товар», такие одаренные люди рождаются весьма редко. И я благодарен судьбе, что Олег Емельянович встретился на моем жизненном пути, что два десятка лет я работал под его крылом. Очень жаль, что, будучи на 8 лет моложе меня, он ушел из жизни раньше. Эта утрата невосполнима, и я, как и многие-многие другие, буду помнить его, пока жив.

Попов Лев Леонидович,

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ЮСТИЦИИ, АКАДЕМИК РАЕН, АКАДЕМИК АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РФ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РФ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Мы одной крови

Очень тяжело и ответственно писать воспоминания об Олеге Емельяновиче Кутафине — об этом замечательном человеке. Память забывчива, а то, что написано, остается на века. Поэтому хочется вспомнить детали, черточки, раскрывающие облик О. Е. Кутафина, и оставить их потомкам.

Начну с того, что мы с Олегом Емельяновичем «одной крови». Он учился и окончил юридический факультет МГУ, я — юрфак ЛГУ. В этих старейших и ведущих университетах страны были особая аура, особые традиции, созданные поколениями профессоров и студентов. Нам преподавали выдающиеся ученые-юристы еще той, «старой» школы. Их отличали высочайшая эрудиция, интеллигентность, доброжелательность, деликатное, заботливое отношение к студентам. Они воспитывали в нас уважительное отношение к человеку, к праву, закону, законности в самом широком смысле этого понятия. И эти замечательные качества, впитанные нами, Олег Емельянович пронес через всю свою жизнь.

Неудивительно, что, приехав в 1959 году из Ленинграда в Москву поступать в аспирантуру (в то время на юрфаке ЛГУ аспирантура была ликвидирована, а рекомендацию в науку, которую мне дал академик Анатолий Васильевич Венедиктов, использовать не удалось), я первым делом пришел на юридический факультет МГУ, где и познакомился с заместителем декана по научной работе Олегом Емельяновичем и заведующим

кафедрой административного права Юрием Марковичем Козловым, с которыми и проходила моя научная жизнь в Москве. Я стал ученым-административистом, защитил кандидатскую и докторскую диссертации и постоянно встречался с этим замечательными наставниками.

В последующие годы, будучи уже на пенсии, я работал на должности профессора в Академии управления МВД России. И вот однажды, в 1997 году, раздался звонок по телефону, и меня пригласили на беседу к Олегу Емельяновичу. Я зашел в его кабинет, он, как всегда, встал из-за стола, и мы обнялись. Я говорю: «Здравствуйте Олег Емельянович». А он мне в ответ: «Давай договоримся сразу, я для тебя Олег, а ты для меня Лева». Так мы и общались до конца его дней.

Олег Емельянович рассказал, что ушел из жизни его заместитель по научной работе и одновременно заведующий кафедрой административного права Геннадий Анисимович Туманов. И предложил мне занять эти должности. Я подумал и ответил, что административная работа меня не прельщает, поскольку уже десять лет работал проректором в двух крупных вузах. А вот кафедру я бы возглавил с большим удовольствием. На том мы и порешили.

Вскоре Олег Емельянович представил меня коллективу кафедры и поставил задачи, которые нам необходимо было решать. Одна из главных — написание учебника по административному праву, которого, к сожалению, на одной из старейших кафедр Академии до сих пор не было.

Я считал это поручение Олега Емельяновича важнейшим и приложил все свои знания и опыт, чтобы выполнить его наилучшим образом. И в 1999 году учебник вышел в издательстве «Юристъ». С тех пор его тираж достиг 150 тысяч экземпляров, получив среди коллег и студентов высокую оценку.

Эту иллюстрацию я привел для того, чтобы показать, что Олег Емельянович всегда видел главное в работе и ставил перед своими сотрудниками такие задачи, которые могли бы помочь им раскрыть весь свой творческий и научный потенциал. У меня к приходу в МГЮА уже был издан ряд учебников и монографий. Но труда такого масштаба и качества, который разошелся по всей нашей стране, не было. И я до конца своих дней буду благодарен Олегу Емельяновичу за его решающую роль в достижении этого результата, поскольку мне очень хотелось выполнить его поручение и сделать тем самым ему что-то приятное.

Зная огромную занятость Олега Емельяновича, я не докучал ему своими визитами, так как привык сам решать возникающие в работе проблемы. Но я постоянно чувствовал его присутствие в Академии, на нашей кафедре, в моей душе и, интуитивно чувствуя его поддержку, решал кафедральные дела настойчиво, терпеливо и, если надо, решительно.

Получал я от Олега Емельяновича и важные задания, относившиеся к делам российской власти. Так, он дал мне для подготовки экспертного заключения проект решения Президента РФ о совершенствовании правоохранительной системы. Прочитав его, я пришел к выводу, что если принять такое решение, то оно приведет не к совершенствованию, а к развалу этой системы. Было подготовлено аргументированное заключение, в котором доказывалась неприемлемость этого проекта, за исключением только одной позиции — целесообразности создания Следственного комитета федерального уровня. Олег Емельянович остался доволен моим заключением, несмотря на содержащуюся в нем весьма резкую экспертную оценку. И здесь в очередной раз проявилось глубокое понимание, ценность для него научной позиции коллеги, ее поддержка.

Хотелось бы отметить, что Олег Емельянович занимался не только текущими делами Академии. Он, как государственный деятель, много внимания уделял проблемам общероссийского масштаба: повышению качества образования вообще и юридического в частности, подготовке юридических научных кадров высшей квалификации и их аттестации, месту ВАК Минобрнауки РФ в системе государственных органов страны.

В этой связи вспоминается еще один эпизод, свидетельствующий о масштабе личности и высочайшем авторитете Олега Емельяновича.

Однажды я был приглашен в его кабинет, где находились председатель ВАК, директор Института государства и права РАН, декан юридического факультета МГУ. Обсуждался вопрос о судьбе ВАКа, о повышении роли этой структуры в совершенствовании аттестации научно-педагогических кадров и повышении их качества. По итогам обсуждения Олег Емельянович поручил мне подготовить проект указа Президента РФ, постановления Правительства РФ и новое положение о ВАКе. Главная идея этих правовых актов состояла в том, чтобы возродить Высшую аттестационную комиссию (комитет) в качестве самостоятельного государственного органа. Олег Емельянович одобрил подготовленные документы, и они

«пошли по верхам». Где они и сейчас, увы, лежат и ждут своего часа.

Вспоминается и наша командировка с Олегом Емельяновичем в Болгарию. Мы прилетели туда по приглашению декана Правно-исторического факультета Юго-Западного университета в Благоевграде профессора Александра Воденичарова. В университете в торжественной обстановке ректор университета вручил диплом почетного доктора наук «Доктор honoris causa» Олегу Емельяновичу, который по традиции выступил на этом торжественном собрании преподавателей и студентов университета с докладом о проблемах конституциализма.

Затем нас принимали в Генеральной прокуратуре, Верховном суде, пригласили на прием к Президенту Болгарской Республики по случаю государственного праздника просветителей славян равноапостольных Кирилла и Мефодия. И я от души радовался, что такой, по сути, государственный прием в Болгарии был связан с именем Олега Емельяновича, авторитетом, которым он пользовался не только в родной России, но и в других государствах.

И в России, и в своих многочисленных зарубежных поездках Олег Емельянович испытывал огромные физические и психологические нагрузки. Он целиком отдавал себя делу, которому посвятил всю свою жизнь.

Сердце не выдержало. И выступая на сороковой день после кончины Олега Емельяновича (я попросил дать мне слово первому), я сказал, что мы собрались в этот день не только для того, чтобы грустить и печалиться, но и для того, чтобы порадоваться по христианскому обычаю за Олега Емельяновича. Его мятущаяся душа нашла наконец упокоение в Царствии Небесном. Вечная ему память.

Однако жизнь продолжается. Московская государственная академия им. О. Е. Кутафина является на сегодняшний день не только ведущим, но и самым престижным юридическим вузом страны. Срок успешного существования нашей Академии говорит сам за себя — ей исполнилось почти 80 лет. Когда существовал ВЮЗИ, конечно, пальму первенства отдавали юридическому факультету МГУ. Но с тех пор многое изменилось. И как бы ни был престижен юрфак МГУ, все-таки теперь пальму первенства по праву заслуживает именно Академия имени О. Е. Кутафина.

Олег Емельянович, как управленец высочайшего уровня, готовил из своих помощников профессиональных руководите-

Мы одной крови 215

лей, пестовал их. И усилиями Олега Емельяновича Академия, которую он создал, не разрушилась, не ослабела с его уходом. Ее возглавили ученики Кутафина, которые твердо и свято сохраняют то, что создал Олег Емельянович, и ведут Академию вперед.

Бекяшев Камиль Абдулович,

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РФ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Никогда не говорил «никогда»

В 1968 году я переехал из Ленинграда в Москву и устроился на работу в НИИ морского транспорта. Сотрудники отделения морского права этого института были в основном выпускниками юрфака МГУ. От них я много хорошего услышал о заместителе декана факультета О. Е. Кутафине. И конечно, читал до этого его книги и словари.

А встретились мы впервые осенью 1977 года в кабинете декана юридического факультета МГУ Г. В. Иванова. Меня, в то время старшего исследователя Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, пригласили на работу доцентом кафедры аграрного и природоресурсного права. В советское время при трудоустройстве в МГУ нужно было пройти собеседование на комиссии факультета, в которую входил и замдекана О. Е. Кутафин. Хотя Олег Емельянович активно защищал мою кандидатуру, в штат МГУ я не попал — слишком влиятельными оказались «доброжелатели». И тогда вряд ли можно было предположить, что позже мне доведется проработать целых 20 лет рядом с этим замечательным человеком.

Началось с того, что в январе 1989 года я получил должность профессора кафедры международного права в ВЮЗИ, где до этого долго работал совместителем. Кандидатура моя была заочно согласована с О. Е. Кутафиным, которого два года назад избрали ректором института. А в конце февраля 1990 года

мне позвонил сам Олег Емельянович и попросил срочно подъехать к нему в ректорат.

По дороге я пытался сообразить, зачем меня, рядового профессора, затребовал ректор. Занятий не срывал, тесты сдал на «отлично», план научно-исследовательских работ перевыполнил, принимаю участие в партийной работе. Словом: «В порочных связях не замечен, характер — нордический...»

Так, ничего не надумав, приехал в Старокирочный переулок. Зашел в кабинет ректора. После пары общих фраз Олег Емельянович сделал неожиданное заявление: «Предлагаю вам, Камиль Абдулович, возглавить кафедру международного права. Не скрою, я встречался с кандидатами на эту должность. Были звонки и от других профессоров. Все они опытные и крупные специалисты. Но выбрал вас». Я, естественно, несколько опешил и попросил немного времени, чтобы обдумать это предложение. Кутафин неохотно разрешил.

Думал я несколько дней. Заведование кафедрой — дело ответственное, хлопотное и в значительной мере приспособленческое (как в отношении «верхов», так и «низов»). А я, вопервых, не имел опыта управленческой работы в вузе. Вовторых, кафедра была сложным и противоречивым коллективом (порою заседания завершались вызовом «скорой»). В-третьих, я перешел в ВЮЗИ из отраслевого НИИ, чтобы передохнуть, оглядеться и начать более углубленное изучение международного права, писать учебники, монографии и научные статьи...

В назначенное время я вновь приехал в главное здание ВЮЗИ и сразу же был принят ректором. Поблагодарил Олега Емельяновича за предложение, но от заведования отказался. Сослался на то, что есть более подходящая кандидатура. Но О. Е. Кутафин нашел весомые аргументы, заставившие меня пересмотреть решение.

Тогда же Олег Емельянович высказал несколько советов и пожеланий: «Вы должны обдумывать свои замыслы так, чтобы даже неудачи приносили кафедре известные выгоды. При этом вы никогда не должны программировать себя на поражение. И всегда помните слова Наполеона: "Плохих солдат не бывает — есть плохие генералы"». Думаю, Олег Емельянович предложил мне те же установки, которыми руководствовался сам.

15 марта 1990 года, открывая заседание кафедры международного права, ректор пригласил меня пересесть в президиум. «Мне прислали письма доценты В. Д. Логунов и Г. С. Стародубцев, — невозмутимо сообщил собравшимся Олег Емельянович. — Они рекомендуют назначить заведующим К. М. Бе-

кяшева. И я с ними согласился. Если будете вести себя так, как вели при предыдущем руководителе, то кафедру расформирую. А все ее члены будут уволены. Камиль Абдулович, ведите заседание. Приказ о вашем назначении подписан. Поздравляю вас!» После чего О. Е. Кутафин покинул аудиторию, а я без обсуждения и голосования стал заведующим кафедрой на долгие годы.

Однажды я поинтересовался у Олега Емельяновича, не были ли при моем назначении нарушены какие-то инструкции. Он ответил, что это не имеет значения: заведующие кафедрами — его люди. И обсуждать их он ни с кем не намерен...

Я никогда не слышал от него часто произносимые иными руководителями слова «нельзя», «недопустимо», «невозможно». Думаю, он в своей работе следовал высказыванию известного английского профессора, основоположника науки управления Сирила Паркинсона: «Руководитель, твердящий "это невозможно", — тяжелая обуза для подчиненных».

Вместе с тем у Олега Емельяновича была неповторимая манера общения с людьми, независимо от их статуса, — мягкая, доброжелательная и доверительная. Еще раз сошлюсь на Сирила Паркинсона: «Слова, сказанные в гневе, причиняют ущерб, на возмещение которого уйдут многие месяцы. Несколько сердитых, неосторожных слов могут навеки разрушить отношения между людьми». Уверен, что Олег Емельянович это прекрасно понимал.

Он неизменно руководствовался принципом: то, что было актуальным вчера, завтра устаревает. Поэтому постоянно совершенствовал структуру МГЮА и учебный процесс в Академии. Как-то в начале 2000-х годов он пригласил меня на беседу об улучшении преподавания международного частного права (тогда этот предмет был на нашей кафедре). В результате мы оба пришли к выводу о целесообразности создания института международного частного права и базовой кафедры с одно-именным названием. Я согласился с тем, что часть моих сотрудников необходимо перевести на новую кафедру.

Вообще, Олег Емельянович постоянно интересовался нашими делами. Не было ни одного случая, чтобы он отклонил мою просьбу или мои предложения. А проблем за эти 20 лет было немало.

Дважды формировать кафедру — дело нешуточное. Мои просьбы касались укрепления преподавательского состава, увеличения учебной нагрузки, издания учебника и сборников до-

кументов, приема перспективных молодых людей в аспирантуру. Мастерски О. Е. Кутафин решил проблему с нормализацией морального климата в коллективе. Я всегда буду благодарен Олегу Емельяновичу за то, что он привел на кафедру известных профессоров Л. П. Ануфриеву и Э. Л. Кузьмина, старшего преподавателя Л. И. Захарову. Дал добро на приглашение из Иркутска доцента Н. А. Соколовой. Все они известны как ведущие специалисты, крупные ученые в соответствующих областях международного права и порядочные люди. На нашей кафедре работает профессор Е. Г. Моисеев — уникальный специалист по праву СНГ и замечательный человек. Могу без бахвальства сказать, что наша кафедра по многим показателям является ведущей в стране.

Олег Емельянович с уважением относился к науке международного права. Гордился тем, что дружил с выдающимся юристом-международником членом-корреспондентом АН СССР Г. И. Тункиным. О. Е. Кутафин часто принимал участие в работе важнейших органов Генеральной Ассамблеи ООН, Совета Европы, ОБСЕ и других международных институтов. В своих многочисленных научных трудах он всегда затрагивал дискуссионные вопросы международного публичного права.

За период работы с О. Е. Кутафиным у нас сложились теплые и доверительные отношения. Я много раз бывал у него дома на Ленинградском проспекте и на даче в Серебряном Бору. Бывал он и у нас в Чертанове. Я хорошо знаком с его очаровательной супругой Натальей Николаевной, а его сыну Дмитрию преподавал в МГЮА международное право.

...В день похорон на поминальной трапезе в Храме Христа Спасителя многие коллеги и друзья Олега Емельяновича с благодарностью вспоминали, какую помощь он оказал им в мирских делах и заботах. Я тоже отношусь к тем, кому Олег Емельянович оказал неоценимую поддержку в очень трудный период жизни.

Несколько лет назад я серьезно заболел. В результате мне стало тяжело вести аудиторные занятия. А без контакта со студентами нельзя считать себя полноценным преподавателем. Я стал думать, что мне следует уйти из Академии. В один из осенних дней 2007 года президент МГЮА О. Е. Кутафин пригласил меня в свой рабочий кабинет. Спросил, как я себя чувствую. Заверил, что здоровье и голос у меня восстановятся. А пока этого не произошло, запретил мне читать лекции и вести спецкурсы.

«Обязанности заведующего кафедрой сводятся не только и не столько к чтению лекций и ведению семинарских занятий. За сорок лет преподавания вы свое отчитали, — сказал Олег Емельянович. — Вы должны заниматься формированием политики кафедры. Растить молодые кадры. Совершенствовать учебно-методическую литературу. Вы нужны Академии и кафедре, так что берегите себя. Болезнь не щадит никого. Еще неизвестно, что будет завтра с любым из нас». Скажу честно, эти слова О. Е. Кутафина растрогали меня до слез. Я понял, что должен остаться в МГЮА и работать так, чтобы оправдать его доверие.

Олег Емельянович Кутафин знал, чего он хочет в жизни, и верил в это. Всегда добивался желаемого. Цели, которые он ставил перед собой, непременно были дерзкими, но и правдоподобными, достижимыми. Своей неутомимой работой он приносил радость и нам, сотрудникам Академии, которая по праву носит имя академика РАН О. Е. Кутафина.

Рарог Алексей Иванович,

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ УГОЛОВНОГО ПРАВА МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РФ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Вспоминая Кутафина

НА ЦЕЛИНЕ

Тосле окончания второго курса юрфака МГУ в составе комсомольского отряда факультета я был направлен на освоение целинных земель Казахстана. Мои однокурсники образовали студенческую бригаду Илийского совхоза. Наш полевой стан располагался далеко не только от больших городов, но и от центральной усадьбы совхоза. И питались мы далеко не лучшим образом, и питьевая вода была не лучшего качества. Работали напряженно, а отдых между трудовыми вахтами сводился к коротким молодежным посиделкам и желанному сну.

Тем не менее каждого из нас не покидал дух комсомольских первопроходцев, здоровое стремление вырваться вперед по трудовым показателям. И в этом высоком уровне боевого духа была большая заслуга нашего комсомольского вожака Олега Кутафина. Во всем он был первым, хотя никогда не пытался подчеркнуть свое лидерство и всегда был готов протянуть руку товарищу, даже если тот оступился, дать еще один шанс.

Один такой случай запомнился особенно. За время нашей работы на целине не раз случались степные пожары. А когда горит хлеб на корню, это настоящее стихийное бедствие, бороться с которым без раздумий бросаются все без исключения, независимо от должностей и рангов. И однажды один из наших однокурсников не вышел на ликвидацию пожара, сославшись на усталость после смены. В тот же день было созвано комсомольское собрание, на котором «уклонисту» предъявили вполне справедливые претензии. Поступило предложение исклю-

чить провинившегося студента из комсомола. Олег Кутафин внес другое предложение — поручить обсуждаемому студенту работу копнильщиком на зерноуборочном комбайне Героя Социалистического Труда Хана, который работал практически без остановок круглые сутки. И если копнильщик не выдержит и сбежит, то вернуться к вопросу о его пребывании в рядах ВЛКСМ. А если справится со своей работой в таком тяжелом режиме, то инцидент с его невыходом на борьбу с пожаром будет исчерпан...

Работа нашего комсомольского отряда на целине получила высокую оценку. Многие из нас были награждены медалью «За освоение целинных и залежных земель», некоторые (в том числе и я) — Почетной грамотой Илийского РК ВЛКСМ. Но только Олег Кутафин удостоился Почетной грамоты ЦК Комсомола Казахстана.

Как раз перед поездкой в Казахстан меня выселили из студенческого общежития, поскольку я тогда еще не научился подавлять авантюрно-анархистские черты своего характера и дал повод для рассмотрения вопроса о грубом нарушении мной правил внутреннего порядка. После возвращения с целины Олег Кутафин обратился в деканат факультета с просьбой о том, чтобы мне снова предоставили общежитие. Считаясь с его авторитетом, администрация это ходатайство удовлетворила.

А в 1957 году студенты нашего курса тоже не поехали по домам на летние каникулы, а остались в столице, чтобы в составе комсомольского отряда поддерживать порядок в центральном здании МГУ и на улицах города во время проведения Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Отряд нашего курса возглавил член комитета ВЛКСМ факультета Олег Кутафин, который с присущим ему юмором окрестил нашу дружину «отрядом по борьбе с фарцовщиками и проститутками».

В ВЮЗИ

После блестящего окончания юридического факультета в 1959 году Олег с учетом его комсомольских заслуг был назначен освобожденным секретарем комитета ВЛКСМ МГУ (что по рангу соответствовало должности первого секретаря райкома комсомола в г. Москве). Он поступил в аспирантуру. С этого времени наши пути ненадолго разошлись.

Когда я после пятилетней работы в прокуратуре Рязанской области поступил на очное отделение аспирантуры ВЮЗИ,

Олег Емельянович Кутафин, уже защитив кандидатскую диссертацию, работал доцентом кафедры государственного права ВЮЗИ. И там, будучи избранным секретарем партийного бюро института, Олег Емельянович проявил себя зрелым и принципиальным человеком. Он последовательно отстаивал свои позиции, не стал избегать открытой конфронтации с ректором ВЮЗИ, в которой коллектив института поддержал не ректора, а парторга.

В 1967 году после окончания аспирантуры меня направили на работу в Камчатский учебно-консультационный пункт ВЮЗИ, и некоторое время мы с Олегом Емельяновичем не встречались. Он возвратился на работу в МГУ, а я вскоре после возвращения в Москву был направлен в заграничную командировку в Южный Йемен, где работал в течение пяти лет.

В 1987 году О. Е. Кутафин, уже доктор юридических наук и профессор, выставил свою кандидатуру на выборы ректора ВЮЗИ, где его хорошо знали не только как бывшего сотрудника и партийного руководителя, но и как заместителя декана юридического факультета МГУ по научной работе. Благодаря взвешенным программным заявлениям, своему авторитету ученого и организатора, он одержал убедительную победу, не оставив шансов двум кандидатам из числа штатных сотрудников института, и Министерством образования СССР был утвержден в должности ректора.

В АКАДЕМИИ

Более двух десятилетий Олег Емельянович возглавлял наше учебное заведение и сделал для него столько, сколько не смогли сделать прежние руководители за все время существования ВЮЗИ. Он хорошо понимал, что при сохранении роли методического центра юридического образования в стране институт нуждается в открытии, а в дальнейшем — в расширении и развитии дневного отделения. И такое отделение было открыто, а затем преобразовано в самостоятельный факультет и, наконец, в обычную теперь форму обучения почти во всех институтах МГЮА.

Существенными вехами в биографии нашего учебного заведения стало преобразование ВЮЗИ в Московский юридический институт, а затем — в Московскую государственную юридическую академию. И в этом была большая личная заслуга ректора. Как и в том, что власти приняли решение о передаче

нашему вузу зданий на ул. Садовой-Кудринской и на ул. Бакунинской. С именем академика О. Е. Кутафина связаны существенное повышение рейтинга МГЮА среди юридических высших учебных заведений страны и значительный рост ее авторитета на международном уровне. Этому немало способствовала мудрая и рациональная кадровая политика ректора, который при назначении на должности проректоров, директоров институтов и руководителей других подразделений Академии руководствовался только деловыми качествами претендентов и смело выдвигал на руководящие посты молодых и перспективных сотрудников.

При решении кадровых вопросов Олег Емельянович всегда учитывал мнение своих старых соратников. Помню, как я обратился с робкой просьбой принять на работу, хотя бы на полставки, преподавателем на нашу кафедру моего ученика Дениса Семенова, который перед этим блестяще защитил кандидатскую диссертацию. И был приятно удивлен, увидев на моем представлении резолюцию ректора: «Оформить на полную ставку». Вскоре успешно защитили диссертации мои аспирантки Рагулина А. В. и Юрченко И. А. На кафедре в тот момент не было вакансий, поэтому я не рискнул обратиться к О. Е. Кутафину с просьбой взять молодых кандидатов наук на работу. И как же приятно я был удивлен, когда Олег Емельянович сам предложил мне написать представление о приеме недавних аспиранток на должность преподавателей кафедры. С тех пор я не раз обращался к ректору с кадровыми вопросами и неизменно получал его поддержку.

СРЕДИ ЛЮДЕЙ

Ни высокое академическое звание, ни должностное положение, ни ответственные посты в Российской академии наук, в Комиссии по гражданству при Президенте Российской Федерации, в Общественной палате и других государственных и общественных учреждениях не мешали Олегу Емельяновичу оставаться простым и скромным в личном общении человеком. Каждому сотруднику Академии независимо от его ранга была открыта дверь в кабинет ректора, который с неизменным вниманием относился ко всем нуждам своих работников. Олег Емельянович всегда принимал взвешенные решения, и они никогда не были подчеркнуто непререкаемыми. Более того,

О. Е. Кутафин всегда старался подчеркнуть самостоятельность руководителей подразделений.

Например, как-то летом он позвонил мне по телефону и спросил, нет ли у меня возражений против принятия на работу профессором кафедры Шишова Олега Федоровича. Естественно, никаких возражений у меня быть не могло, поскольку с О. Ф. Шишовым меня связывали многолетние дружеские отношения. К тому же в то время я был исполняющим обязанности заведующего кафедрой и не имел большого желания занимать эту должность. Поэтому был готов к приходу на нее кандидата со стороны, о чем и сказал ректору. В ответ Олег Емельянович пояснил, что имеет в виду должность профессора кафедры и не хочет назначать на нее Шишова «через мою голову». Такое подчеркнутое уважение ректора к самостоятельности руководителя кафедры было очень приятно.

Олег Емельянович, несмотря на необыкновенную занятость, находил время для общения со своими бывшими однокурсниками. Эти встречи, если ректор находил хотя бы несколько свободных минут, превращались в задушевные беседы с ностальгическими воспоминаниями о годах юности и молодости. И в такой обстановке однокурсники ректора забывали о разнице в должностном положении и называли его только по имени и на «ты». К слову сказать, и О. Е. Кутафин иногда обращался к своим товарищам на «ты» и по имени не только в приватной, но и в публичной обстановке (например, на заседании Ученого совета). Но делал это только для того, чтобы подчеркнуть свое одобрение той позиции, с которой выступил коллега.

Олег Емельянович принимал близко к сердцу и горестные события в жизни своих товарищей. С присущим ему тактом предлагал любую возможную в такой ситуации помощь. А уход кого-либо из жизни он воспринимал как личную драму, старался освободить родственников ушедшего хотя бы от части материальных расходов и организационных хлопот за счет Академии.

Смерть самого Олега Емельяновича Кутафина нанесла тяжелый удар по МГЮА и явилась личной утратой для каждого ее сотрудника. В первую очередь — для его сокурсников по юридическому факультету МГУ, работавших вместе с ним долгие годы в ВЮЗИ, МЮИ, МГЮА. И от их имени хочу сказать: «Дорогой Олег! Ты навсегда останешься в памяти и в сердце каждого из нас».

Симкин Лев Семенович,

ПРОФЕССОР РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, АДВОКАТ, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Он умудрялся не замечать дистанции

Простое перечисление заслуг и фактов его биографии, способное впечатлить кого угодно, не дает представления об этом замечательном человеке.

О. Е. Кутафин написал множество монографий и учебников, но его ум выходил за границы его книг. По темпераменту мало походил на кабинетного ученого, но, как ни странно, был им. Все выходные он проводил за рабочим столом с книгами и рукописями. При этом жил со вкусом, хорошо одевался и, как говорится, ничто человеческое не было ему чуждо.

Он был признанным государственным деятелем, но та миссия, которую Олег Емельянович на себя взял, была много шире. К нему прислушивались политики противоположных взглядов — Кутафин знал то, что было важно и тем, и другим, умел видеть общее, не отвлекаясь от частного. Из года в год непримиримые политические противники мирно сидели за его столом, ведя дружескую беседу. Когда Олега Емельяновича не стало, на первой же годовщине они сцепились между собой.

Между прочим, я затруднился бы сформулировать собственные политические воззрения Кутафина, хотя часто спрашивал его мнение по вопросам на злобу дня. Может, он был слишком умен и трезв, чтобы безоговорочно принять ту или иную идеологическую доктрину? Одно ясно — Олег Емельянович никогда не имел иллюзий в политике.

Это не значит, что он ни во что не верил. Будучи выдающимся юристом, Кутафин верил в мощь права — и сделал все, чтобы

подготовить для России специалистов, которые, надеюсь, когданибудь помогут нашему государству стать правовым.

Много есть что вспомнить, но расскажу об одном эпизоде. В ноябре 1990 года мы оказались участниками одного семинара в Бонне. Это была уникальная поездка, поскольку она совпала с объединением Германии, и немцы от счастья не знали, как нас за это благодарить. Именно нас, нескольких советских (тогда еще) профессоров, случайно оказавшихся в тот исторический час в нужном месте. С нами встречались высокопоставленные германские чиновники, из города в город мы перелетали на вертолете и в конце концов были приглашены на главное торжество — прием в правительственной резиденции в честь великого для немцев события. Входя в знаменитую «Ротонду», мы пожимали руки Гельмуту Колю с супругой и Горбачеву с Раисой Максимовной, а после дефилировали среди вершителей судеб тогдашней Европы.

Кутафин был, пожалуй, единственным из нас, кто вел себя непринужденно. Германия была ему хорошо знакома: в молодости он провел здесь на стажировке целый год, знал язык, традиции. В библиотеке университета Гейдельберга компьютер выдал больше десятка наименований его трудов. Но дело было не в этом.

Везде и со всеми, с сильными мира сего, президентами и олигархами, он чувствовал себя естественно, был самим собой. И они внимали ему как мудрецу и философу. А если ктото пытался поставить себя над ним, Кутафин мог с любого сбить спесь острым и точным словом.

Тогда в Германии Олег Емельянович был, кажется, счастлив. Вставало на ноги его детище — Академия. Была причина для радости и сугубо личного плана — он любил и был любим. Что еще нужно для зрелого мужчины? В Шереметьеве его встречала Наталья Николаевна, и надо было видеть, с каким мальчишеским трепетом он шел ей навстречу...

Олег Емельянович обладал редким даром дружить. В течение сорока лет я смотрел на него снизу вверх, а он умудрялся не замечать дистанции.

...Проводить его в последний путь собралось пол-Москвы — и если это преувеличение, то совсем небольшое. Прежде мне никогда не доводилось видеть его на чьих-либо похоронах — кажется, он избегал ходить на эти печальные мероприятия. Будучи философом, он должен был размышлять о смерти, но никогда не говорил о ней, со мной по крайней мере.

Эти два слова — Кутафин и смерть — трудно поставить рядом.

Струкова Лилия Григорьевна,

ЗАСЛУЖЕННЫЙ РАБОТНИК КУЛЬТУРЫ РОССИИ

Парадокс Кутафина

Как появляются среди нас великие люди? Будто бы извне кто-то вторгается в культурный процесс и направляет его в новое русло. У древнеримского историка Веллея Патеркула читаем: «Поистине достойно бесконечного изумления, что самые выдающиеся умы в каждой области человеческих свершений предпринимали сходные усилия в один и тот же узкий промежуток времени. Одна-единственная эпоха продолжительностью всего в несколько лет породила пышный расцвет в творчестве... Эсхила, Софокла и Еврипида...»

Получается, что ученые уровня Олега Емельяновича Кутафина появляются в науке в период великого подъема какой-то конкретной области знаний. Мы знаем, что на протяжении последних 50 лет в каждой отрасли юридических знаний были свои расцветы и затухания. И всякий раз ученым, ушедшим от нас, не оказывалось равнозначной замены. С утратой Кутафина большую потерю понесли не только люди, знавшие и любившие его, но и наука конституционного права...

Я поступила на юрфак МГУ после окончания сельской школы. Из Ленинграда на село занесла моих родителей война. Олег Емельянович приехал из Одессы поступать в МГУ с золотой медалью, когда ему было 16 лет. Из-за юного возраста ему предложили сдать экзамены в следующем году, что он и сделал.

Я прожила в студенческом общежитии МГУ девять лет. На каждом курсе в то время было по 150 человек, из них — всего по 25 вчерашних школьников. К тому же все мы были деть-

ми войны, многие находились на оккупированной территории (я в том числе). С нами училось много участников ВОВ.

Поэтому все мы были не просто знакомы — дружили. И пронесли эту дружбу через всю жизнь. Выражалась она впоследствии не только в совместных «посиделках», хождении в гости, а в конкретной заботе друг о друге. В то время было очень трудно устроиться на работу, была мизерная заработная плата, ни о каких машинах не было и речи. Единственный в нашей компании автомобиль — «Москвич» — был куплен приятелем Олега Емельяновича по аспирантуре А. С. Пиголкиным на деньги, занятые у коллег-ученых. У каждого он ссудил по 500 рублей. И потом возил на ней наших детей к бабушкам в деревни и обратно. Мы помогали друг другу как могли, радовались успехам.

У Олега Емельяновича было обостренное чувство чести, сострадания к чужой неустроенности. Однажды, когда он уже был председателем приемной комиссии юрфака МГУ, приехал из сибирской глубинки инвалид ВОВ, окончивший юрфак еще в первые годы после войны. Он обратился к Кутафину с просьбой позаботиться о его сыне. Помню, как Олег Емельянович позвонил мне уже после двенадцати ночи и сообщил уставшим голосом о том, что мальчик поступил: «Теперь все в порядке, пойду домой. До проверки сочинения не мог уйти».

Когда приезжали абитуриенты с Камчатки, Севера и из других далеких уголков страны, Олег Емельянович старался сделать все возможное для их поступления на факультет.

Он заботился и о своих студенческих друзьях: знал все об их семьях, о том, что происходит на работе... При необходимости помогал как мог. А когда друзья уходили из жизни, он брал на себя заботу об их детях и внуках, как бы «доводил их до ума».

Последние 20 лет я знала, что у меня есть друг, который поможет в «черный» день. Олег Емельянович решал мои проблемы, а их было много. Всегда можно было опереться на его широкое плечо, рассказать все сокровенное. И он, впрочем, делился со мной своими надеждами, успехами и неудачами. Советовался, когда работал над очередной книгой. Обсуждал политические будни страны. Сложившиеся между нами отношения зародились в юности, были чистыми, и мы пронесли их через всю жизнь. И это — счастье.

В своей публичной жизни Олег Емельянович никогда не забывал, что он — ректор. Любой его поступок, любое его слово

в печати, книге, на форуме, в Общественной палате и в любом другом месте должны были поднимать престиж Академии. Он всегда думал о том, чем оно отзовется для дела его жизни.

В последнее время Олег Емельянович долго и тяжело болел, но об этом знали только очень близкие люди. Остальные не переставали удивляться его неизбывной, казалось бы, кипучей энергии и зажигательному оптимизму. В рабочем кабинете Кутафина беспрестанно звонил телефон и практически не закрывались двери. Люди шли и шли к Олегу Емельяновичу со своими проблемами, надеждами и планами.

Именно эти, последние годы стали самыми продуктивными для Кутафина-ученого. В 2006 году вышли его учебник «Конституционное право России» (в соавторстве с Е. И. Козловой) и крупная монография «Российская автономия». В 2007 году — исследование «Субъекты конституционного права Российской Федерации как юридические и приравненные к ним лица». В 2008-м — книга «Российский конституционализм».

В этих работах Олег Емельянович вернул юридической общественности забытые имена отечественных ученых, живших на протяжении последних 150 лет, охватил период истории российского права примерно с 1850 года. Такое огромное дело мог совершить только счастливый человек, а он был счастлив и в своей семье, и на работе.

Потом Олега Кутафина не стало. И это оказалось немыслимым и непостижимым. Мы осиротели без него, но при этом он все еще остается с нами.

Эминов Владимир Евгеньевич,

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ КРИМИНОЛОГИИ, ПСИХОЛОГИИ И УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА МГЮА, Д.Ю.Н., ПРОФЕССОР, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РОССИИ

Неожиданно, с улыбкой

В 1987 году в ВЮЗИ должны были состояться выборы ректора, первые в системе высших учебных заведений г. Москвы. Будучи заместителем секретаря партийного бюро Института, я участвовал в подготовке и проведении этого важного и неординарного события.

Тогда я и познакомился с Олегом Емельяновичем Кутафиным. Общаясь с ним, сразу же отметил его естественную доброжелательность, внимательность и неиссякаемое чувство юмора.

Кстати, последнее качество ярко проявилось непосредственно на решающем выборном собрании коллектива. После выдвижения кандидатуры Кутафина, неожиданно для всех, свою кандидатуру на должность ректора, с явным и требовательным вызовом, предложил профессор В. С. Мартемьянов. Реакция Олега Емельяновича была мгновенной: «Молодец Валентин, теперь уже никто не сможет упрекнуть ВЮЗИ в тенденциозности, предвзятости и однобокости!»

Все последующие годы нас с Олегом Емельяновичем связывали теплые, искренние и самые дружеские отношения, которые во многом предопределили и обусловили мой дальнейший преподавательский и научный путь.

В январе 1988 года я был приглашен к ректору. Олег Емельянович легко, с улыбкой сделал мне, доценту кафедры криминалистики, неожиданное предложение — возглавить первую среди гражданских вузов страны самостоятельную кафедру кри-

минологии. И в феврале 1988 года решением Ученого совета Московского юридического института кафедра криминологии и уголовно-исполнительного права была образована и успешно функционирует по настоящее время.

Столь же неожиданным был разговор с ректором в начале 1996 года. С неизменной улыбкой Олег Емельянович поведал о важном решении — образовать на базе МГЮА Институт прокуратуры. Эта инициатива уже была согласована с Генеральным прокурором РФ Ю. И. Скуратовым и одобрена Министерством образования.

Строго глядя мне в глаза, ректор произнес: «Вот ты, как верное дитя системы прокуратуры, и займись реализацией этого проекта».

Становление института проходило под постоянным контролем и повышенным вниманием со стороны Олега Емельяновича. Это позволило в сжатые сроки успешно решить множество неизбежных проблем: получить достойное помещение, создать оптимальные условия набора студентов и организовать эффективное взаимодействие с органами прокуратуры на всех уровнях.

Не могу не вспомнить памятную встречу в сентябре 2001 года, когда со своей доброй улыбкой, но не без лукавинки, Олег Емельянович сообщил мне: «В нашей Академии в должности профессора в ближайшее время начнет работать выдающийся российский ученый, вице-президент РАН, академик Кудрявцев Владимир Николаевич. И как ты думаешь, какую кафедру он избрал?» И ответил на мой вопросительный взгляд: «Твою! Так что радуйся выдающемуся кадровому пополнению!»

Естественно, я ответил — сделаю все, чтобы этот выбор был максимально оправданным. Олег Емельянович, впрочем, не преминул напомнить мне тот факт, что в свое время (с 1963 по 1980 год) я под непосредственным руководством академика В. Н. Кудрявцева имел счастливый и уникальный опыт работы во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР.

За время своей жизни Олег Емельянович Кутафин справедливо получил множество почетных и научных званий, государственных и общественных наград. О его богатейшем научном наследии и иных творческих, служебных и общественных достижениях написано и сказано немало. Но следует обязательно подчеркнуть то, что Олег Емельянович относился к той редчайшей плеяде личностей, по отношению к которым все высо-

кие награды и похвалы абсолютно естественны, закономерны, оправданны и ни в коей мере не могут восприниматься как какое-либо, даже малейшее, преувеличение.

В заключение не могу не сказать о том, что сам Олег Емельянович говорил и повторял неизменно: все его, как он выражался, «скромные заслуги и достижения» во многом обусловлены тем, что судьба подарила ему любимого и беззаветно преданного человека — Наталью Николаевну Кутафину.

Фадеев Владимир Иванович,

ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА РФ МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

У истоков муниципального права

алант истинного ученого проявляется в умении увидеть ■ в поднимающихся ростках нового перспективы и формы его будущего развития, его грядущее значение для науки, ценность для общественной практики. Таким талантом, такой научной прозорливостью обладал Олег Емельянович Кутафин. Он был весь устремлен в будущее и видел то, что для многих еще было сокрыто за горизонтом или только лишь едва проявлялось в виде расплывчатых и неясных контуров и очертаний. Дар стратегического мышления позволял Олегу Емельяновичу прогнозировать развитие событий и процессов во всех сферах, в которых находила свое воплощение его многогранная деятельность, проявлялся его яркий талант ученого, организатора, общественного деятеля. В своих прогнозах и предвидениях Олег Емельянович был далек от маниловского прожектерства. Он основывался не на игре воображения, а опирался на творческий сплав теоретического и практического знания, составляющий прочный фундамент его научной и жизненной позиции, принимаемых им решений, касалось ли это перспектив развития выпестованной им Московской государственной юридической академии или теоретических проблем конституционного права, практики реализации принципов российского конституционализма, местного самоуправления.

Вслед за своим учителем и научным наставником профессором С. С. Кравчуком О. Е. Кутафин называл государственное (конституционное) право наукой не менее точной, чем математика, добиваясь в своих научных работах четкости формулировок и правильности терминологии. Он так же, как и С. С. Кравчук, выступал против засорения науки², когда в погоне за оригинальностью, стремлением сказать новое слово в науке выдвигаются предложения, строятся теоретические конструкции, о значении и ценности которых можно сказать словами поэта: «Творю из пустоты ненужные шедевры». Будучи исключительно требовательным к научной обоснованности выводов и предложений, Олег Емельянович постоянно находился в научном поиске и стремился, чтобы и его ученики, коллеги по кафедре находились в таком же состоянии: вводили в оборот новые материалы, новые источники, выдвигали новые научные идеи. Одной из таких научных идей стала идея муниципального права как новой отрасли российского права, призванной обеспечивать правовое «обслуживание» сферы местного самоуправления. Эта идея постепенно вызревала как плод научного осмысления, системного анализа событий, происходящих в сфере организации и осуществления местной власти в период перестройки.

Вся предшествующая творческая деятельность О. Е. Кутафина подготовила его к восприятию и объективной оценке новых явлений и перемен во властной структуре государства. В круг научных интересов Олега Емельяновича с самого начала его научной и преподавательской работы входили вопросы организации и функционирования власти в государстве, включая ее устройство и деятельность на местном уровне. Его связывали общие научные интересы и дружеские отношения с крупнейшими учеными, работавшими в этой области и заложившими основы для развития муниципального права в нашей стране: Барабашевым Г. В., Шереметом К. Ф., Пертциком В. А. и др. Олег Емельянович был признанным специалистом по вопросам организации и деятельности Советов. Свою преподава-

 $^{^1}$ См.: Козлова Е. И., Михалева Н. А., Фадеев В. И. Памяти Степана Степановича Кравчука // ВЮЗИ —МЮИ — МГЮА. Труды. Т. 1. — М., 2006. С. 12—22.

² В одном из интервью газете «Московский университет» (от 7 ноября 1982 г.) С. С. Кравчук посетовал, что «молодые ученые стремятся побыстрее сказать свое новое слово в науке, но не всегда оно бывает верным, не всегда новым. Важно, чтобы идеи молодых обогащали, а не засоряли науку».

тельскую деятельность он начал в 1964 году на кафедре советского строительства ВЮЗИ, на которой проработал 7 лет до перехода на юридический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова в 1971 году Вместе с Барабашевым Г. В. и Шереметом К. Ф. им было подготовлено и издано учебное пособие «Основы советского строительства» в котором освещались ключевые вопросы организации и деятельности Советов, их компетенции; в соавторстве с Шереметом К. Ф. была написана книга «Компетенция местных Советов» і под редакцией Г. В. Барабашева и О. Е. Кутафина выходит «Юридический справочник депутата местного Совета народных депутатов» (1981), а также издаются многие другие созданные при активном участии О. Е. Кутафина работы, посвященные вопросам функционирования местной власти.

В конце 80-х — начале 90-х годов начался процесс радикального переустройства всей системы организации управления государством и обществом на принципиально новых началах формирующегося российского конституционализма. Перед наукой государственного (конституционного) права встали масштабные задачи теоретического осмысления совершающихся перемен в государственном и общественном строе страны и их адекватного отражения в системе государственного (конституционного) права России, в структуре и содержании его преподавания. Требовали своего выявления и научного анализа основные тенденции развития ведущей отрасли российского права в изменяющихся условиях государственной и общественной жизни. Особое внимание в тот период было приковано к проблемам самоуправления, принципам и формам его реализации в системе государственной власти, в деятельности Советов. Этим вопросам была посвящена, в частности, работа О. Е. Кутафина и М. А. Шафира «Социалистическое само-

¹ После окончания аспирантуры юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

² При этом в период с 1968 по 1970 г. О. Е. Кутафин работал на кафедре советского государственного права и советского строительства юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова по совместительству.

³ См.: Барабашев Г. В., Шеремет К. Ф., Кутафин О. Е. Основы советского строительства. — М., 1976.

⁴ В 1973 г. в издательстве ВЮЗИ была издано учебное пособие: К. Ф. Шеремет, О. Е. Кутафин. «Компетенция местных Советов депутатов трудящихся»; в 1982 г. в издательстве «Юридическая литература» выходит новое учебное пособие: О. Е. Кутафин, К. Ф. Шеремет. «Компетенция местных Советов».

управление народа» (1987), в которой авторы рассматривали представительные органы власти — Советы — в качестве главного звена системы самоуправления народа¹. Теоретическая разработка идей самоуправления народа подготовляла почву для выделения местного самоуправления в качестве особого направления, особой формы реализации народовластия, а в дальнейшем — объективной основы для формирования муниципального права.

Среди многочисленных проблем, возникших в период перестройки, были и вопросы о месте и роли в системе управления государством и обществом местной власти, о принципах ее организации и деятельности, специфике правового регулирования и соотношении с федеральными и региональными уровнями государственной власти. Кроме того, надо было решать также вопрос о науке советского строительства, в рамках которой традиционно особое внимание уделялось особенностям устройства власти на местах — местным Советам и их исполнительным комитетам. В эти годы я занимался историкотеоретическими проблемами науки советского строительства и не раз беседовал с О. Е. Кутафиным на эту тему. Именно в ходе этих бесед с Олегом Емельяновичем пришло окончательное понимание того, что процессы, происходящие в системе представительной власти (предмете науки советского строительства), ведут к «муниципализации местной власти и парламентаризации Верховных Советов», что создавало объективную основу для формирования, как тогда представлялось, двух новых научных дисциплин (вместо науки советского строительства), которые могли бы именоваться: «Теория и практика парламентаризма в СССР» и «Местное самоуправление в СССР»². В этот же период предпринимались попытки создать единую научную дисциплину «Организация народного представительства и местного самоуправления в Российской Федерации»³. Вопрос о необходимости внесения изменений не только в со-

¹ См.: *Кутафин О. Е., Шафир М. А.* Социалистическое самоуправление народа. — М., 1987. С. 34.

 $^{^2}$ См. об этом: *Фадеев В. И.* О науке советского строительства // Самоуправление: теория и практика. Сборник научных трудов МЮИ. — М., 1991. С. 66—76.

³ См.: Программа учебного курса «Организация народного представительства и местного самоуправления в Российской Федерации» и План лекций «Организация народного представительства и местного самоуправления» (1992/93 учебный год)// *Барабашев Г. В.* Местное самоуправление. — М., 1996. С. 342—350.

держание традиционных учебных курсов, но и в сам учебный план с включением новых учебных дисциплин был тогда предметом обсуждений и острых дискуссий во многих юридических вузах страны¹.

Переход местных органов власти на начала самоуправления на основе принятых союзного (в 1990 г.) и российского (в 1991 г.) законов о местном самоуправлении, по сути, подводил черту под эпохой советского строительства, хотя формально эти законы использовали понятие «Советы». Однако советские принципы построения некогда незыблемой и монолитной системы представительных органов государственной власти уходили в прошлое. Утрачивала свой предмет и наука советского строительства: ее преподавание было прекращено в начале 1991/92 учебного года, ибо «вино молодое вливают в новые мехи». В соответствии с учебным планом факультета правоведения Московского юридического института (так именовалась в тот период МГЮА), утвержденным в 1992 году на основании решения Ученого совета института приказом ректора О. Е. Кутафина, в 1992/93 учебном году началось преподавание муниципального права, при этом на дневном отделении на изучение этой дисциплины отводилось 60 часов (из них лекций — 34 часа, семинарских занятий — 26 часов). Однако в силу многих обстоятельств студентам читался только лекционный курс муниципального права; семинарские занятия (4 часа) проводились только со студентами заочной формы обучения. Олег Емельянович понимал, что для качественного преподавания новой учебной дисциплины требуется ее углубленная теоретическая разработка, а также необходим учебник, необходимы новые специалисты. Эти задачи были им поставлены в самом начале 1992 года перед кафедрой, которую он возглавлял. При этом им обращалось внимание на вопрос о преемственности науки, о необходимости изучения земского опыта самоуправления и его теоретического обоснования и осмысления дореволюционными учеными, а также теории и практики зарубежного муниципализма. Кроме того, следовало внимательно относиться и к накопленному за десятилетия опыту научных исследований организации и деятельности

 $^{^1}$ См., например: От советского строительства — к муниципальному праву: история и современность (Кафедре муниципального права и управления ЮФУ (РГУ) — 20 лет). Сборник материалов, посвященных юбилею кафедры муниципального права и управления ЮФУ / Отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. — Ростов-на-Дону, 2008. С. 18—20.

местных Советов: его полное и безусловное игнорирование явилось бы повторением прежних ошибок, когда после 1917 года целиком и полностью отвергался опыт дореволюционной школы отечественного государствоведения. Историческая преемственность — один из существенных признаков и принципов развития науки — во всей своей полноте проявилась в процессе утверждения идеи местного самоуправления, идеи самоуправленческого (муниципального) права. Этот принцип научного исследования основных институтов государственного (конституционного) права лежит в основе практически всех фундаментальных работ О. Е. Кутафина. Не случайным также было и его решение пригласить на кафедру для участия в работе над кафедральным учебником по муниципальному праву профессора В. А. Пертцика — одного из зачинателей науки муниципального права, пытавшегося еще в советский период обосновать и утвердить ценности муниципального управления и самоуправления в рамках существовавшей системы Советов народных депутатов — единой системы органов государственной власти¹. К сожалению, тяжелая болезнь и последовавшая затем кончина В. А. Пертцика не позволили в кратчайшие сроки (как планировал О. Е. Кутафин) реализовать этот проект. В 1994 году на кафедре была подготовлена монография «Муниципальное право России»², которая во многом и восполнила существовавший тогда пробел в обеспечении студентов учебной литературой по муниципальному праву. Ответственным редактором этой монографии был О. Е. Кутафин, по настоянию и поддержке которого она была написана и издана в 1994 году. Вместе с тем Олег Емельянович предпринимает новые усилия для подготовки полноценного учебника по муниципальному праву: такой учебник был написан им совместно с автором настоящих строк и издан в 1997 году³. Это был первый в истории нашей страны учебник по муниципальному праву: он был рекомендован Министерством образования в качестве учебника для студентов по специальности «Юриспруденция». В 2006 году вышло третье его издание (переработанное и дополненное). Таким образом, была реализована одна

¹ См.: *Пертцик В. А.* Проблемы местного самоуправления в СССР. — Иркутск, 1963.

 $^{^2}$ См.: Фадеев В. И. Муниципальное право России / Отв. ред. О. Е. Кутафин. — М., 1994.

³ См.: *Кутафин О. Е., Фадеев В. И.* Муниципальное право Российской Федерации: Учебник. — М., 1997.

из выдвинутых О. Е. Кутафиным в начале 1992 года задач. Другая задача касалась разработки теоретических проблем муниципального права как новой отрасли права и отрасли научных знаний, подготовки научных специалистов в этой сфере. О том, как решалась эта задача на кафедре, возглавляемой О. Е. Кутафиным, говорят, в частности, следующие данные. В 1994 году на основе упомянутой выше монографии «Муниципальное право России» на кафедре была подготовлена и защищена первая в стране докторская диссертация по проблемам формирования муниципального права как отрасли права¹. À всего на кафедре, руководимой О. Е. Кутафиным, начиная с 1994 года было подготовлено 6 докторских диссертаций по проблемам местного самоуправления и целый ряд кандидатских диссертаций². При этом у половины докторантов научным консультантом выступал непосредственно Олег Емельянович. Он являлся также и научным руководителем у многих соискателей кандидатской степени, защищавших диссертации по проблемам муниципального права.

Таким образом, Олег Емельянович и возглавляемая им кафедра не только были первопроходцами в разработке учебного курса муниципального права, его программы, в подготовке и издании учебника по муниципальному праву, но и внесли весомый вклад в теоретическую разработку актуальных проблем местного самоуправления, в развитие муниципального права как новой отрасли научных знаний. Поэтому имя Олега Емельяновича Кутафина навсегда связано с истоками муниципального права, его зарождения и становления в нашей стране.

 $^{^1}$ См.: Φ адеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации: проблемы становления и развития. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. — М., 1994.

² См.: Фадеев В. И. Муниципальное право Российской Федерации: проблемы становления и развития (1994); Уваров А. А. Местное самоуправление в соотношении с государственной властью в Российской Федерации: проблемы развития и взаимодействия (2002); Фабричный С. Ю. Муниципальная служба в Российской Федерации: проблемы теории и практики (2005); Баранчиков В. А. Правовые проблемы становления и развития местного самоуправления в Российской Федерации (2005); Шугрина Е. С. Гарантии права на осуществление местного самоуправления (2008); Алпатов Ю. М. Организация местного самоуправления в городах федерального значения (2009).

Кучерена Анатолий Григорьевич,

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ АДВОКАТУРЫ МГЮА, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Рыцарь вечной профессии¹

Прошло немного времени с тех пор, как неожиданно и скоропостижно ушел из жизни Олег Емельянович Кутафин — выдающийся ученый, правовед, яркий общественный деятель, юрист в самом высоком значении этого слова — неустрашимый борец против беззакония и несправедливости. С этой потерей невозможно смириться, и боль утраты с течением времени не только не утихает, но обостряется снова и снова. Не стало человека, общение с которым было не просто неиссякаемым источником новых знаний, нестандартных идей и подходов, но и своего рода нравственным камертоном. В нем не было ни грана фальши. А это качество — будем честны перед собой — весьма редко встречается в нашей теперешней жизни, наполненной не только откровенным обманом, но и разного рода притворством, имитацией и лицедейством.

Мне довелось близко знать Олега Емельяновича по совместной работе в Московской государственной юридической академии, ректором которой он был, и в Общественной палате Российской Федерации. Он был моим учителем, но, честно говоря, не решаюсь сказать, достоин ли я высокой чести называться его учеником. Наверное, это звание мне еще предстоит заслужить, как, впрочем, и многим из тех, кто учился у Олега Емельяновича.

¹ Опубликовано 15.05.2009 в журнале «Юридическое образование и наука», 2009, $\mathbb{N}^{2}$ 2 .

Ему шел 72-й год... Трудно объективно сказать, много это или мало. Кто-то в этом возрасте уже давно пребывает на заслуженном отдыхе: удит рыбу, собирает грибы, возделывает приусадебный участок, читает романы, смотрит телевизор и не помышляет ни о каком общественном служении. Кто-то может сказать о себе и себе подобных словами из песни А. Галича:

Мы на пенсии теперь, на покое, Наши койки, как суда на приколе, А под ними — на паркете из липы — Наши тапочки, как дохлые рыбы...

Лично меня страшит подобная судьба, но какое у меня право кого-то осуждать? В то же время, общаясь с Олегом Емельяновичем, я каждый раз убеждался, что есть люди, над которыми годы не властны. Просто невозможно было поверить, что он уже давно достиг пенсионного возраста: его кипучей энергии, неиссякаемому интересу к жизни, безграничным творческим и общественным планам мог бы позавидовать любой из его юных студентов.

Поразительно, как много он успел сделать за свою сравнительно недолгую жизнь — создать более 260 замечательных научных трудов, в том числе 20 монографий, подготовить более 20 прекрасных учебников, опубликовать огромное количество статей и интервью по самым острым и злободневным вопросам современности. Благодаря его громадному научному авторитету и блестящим организаторским талантам Московская государственная юридическая академия вошла в число лучших высших учебных заведений, ее выпускники всегда востребованы и в государственных учреждениях, и в частном бизнесе. Будучи заместителем секретаря Общественной палаты, Олег Емельянович внес немалый вклад в становление этого нового для нашей страны института, призванного служить развитию гражданского общества, выступать своего рода посредником между народом и государством. Во многом благодаря его работе деятельность Общественной палаты, первые шаги которой были встречены в обществе с осторожностью и даже некоторым недоверием, сегодня получает все более позитивные оценки, в том числе со стороны общественных и политических деятелей, занимающих критические позиции в отношении действуюшей власти.

Кажется, Анатоль Франс заметил: «Чины и награды нужно презирать. Но лучше презирать их имея, чем не имея». Как и всякий афоризм, эта фраза содержит элемент гротеска. Зачем же презирать то, что заслужено подлинным талантом, упорным трудом, самоотверженным служением государству и обществу? Важно только, имея чины и награды, не проникнуться чувством самоуспокоенности и самодовольства, не начать «носить себя на руках».

У О. Е. Кутафина было немало заслуженных званий и наград. Он был профессором, академиком Российской академии наук, был удостоен звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» всех четырех степеней и многими медалями. И при этом груз этих наград никогда не давил ни на него самого, ни на его учеников, коллег и собеседников: со всеми Олег Емельянович был прост, открыт и демократичен.

«Прост, как правда», — сказал Максим Горький о В. И. Ленине, и эта фраза затерлась от частого употребления и даже приобрела иронический оттенок. А если по сути, то она как нельзя лучше характеризовала Олега Емельяновича.

В любых, самых острых спорах у него никогда не возникало искушения подменить аргументы и логику собственным, что и говорить, громадным авторитетом. Он всегда помнил, что в науке аргумент «от авторитета» — самый последний.

Будучи крупным ученым, Олег Емельянович не уставал подчеркивать решающее значение науки для перспектив развития нашей страны. Он не раз говорил, что «Россия веками стояла не на нефти, не на газе, а на науке и умах российских».

Его искренне огорчало, что ни средства массовой информации, ни многие представители власти не представляют себе подлинную роль науки в жизни современного общества и мало что делают для ее поддержки и повышения ее престижа. «Без науки, — говорил он, — никакие успехи в развитии государства невозможны». Особую роль в утверждении престижа науки, по его мнению, играет Российская академия наук, которая, как подчеркивал Олег Емельянович, всегда была гордостью России. Никакие непродуманные преобразования Академии, тем более осуществляемые мало что смыслящими в науке чиновниками, категорически недопустимы, считал он.

Вообще же его глубоко огорчал тот факт, что наукой в России зачастую руководят бюрократы, которые, не имея о ней ни малейшего представления и ничего не делая для ее развития,

предъявляют к науке абсурдные требования, вроде немедленной практической материальной отдачи от фундаментальных исследований.

Олег Емельянович возмущался тем, что ученые в России до сих пор как будто работают в «шарашке»: у них нет возможности продать результаты своего труда, они скованы абсурдными требованиями соблюдения «секретности», они нередко подвергаются необоснованным преследованиям по обвинениям в разглашении «государственной тайны», а на деле — сведений, которые уже давно известны всему миру и никакой тайной не являются. Но еще более возмущало его, что сегодня для молодых людей идеалом для подражания становятся представители «воинствующего гламура», которые прожигают жизнь в распутстве на дорогостоящих заграничных курортах, в то время как ученые прозябают в нищете.

Из сказанного выше, казалось бы, можно сделать вывод, что Олег Емельянович был диссидентом или оппозиционером, категорически не приемлющим современные порядки в стране. Вовсе нет! Он не был ни тем, ни другим ни в морально тяжелую позднесоветскую эпоху, ни в наше непростое время. Более того, Олег Емельянович был руководителем инициативной группы, выдвинувшей Владимира Владимировича Путина на второй президентский срок, у него сложились конструктивные и доброжелательные отношения с Дмитрием Анатольевичем Медведевым, чьи высказывания о роли закона в жизни общества он охотно цитировал.

И здесь я не могу не сказать несколько слов о проблеме, которая меня уже давно занимает: о взаимоотношениях власти и интеллигенции в нашей стране. К сожалению, уже на протяжении двух последних веков наша интеллигенция, как правило, делится на два лагеря: тех, кто готов демонстративно прогибаться перед властью, и тех, кто столь же демонстративно высказывает этой власти свое презрение и порой даже откровенную ненависть. Спору нет, в истории нашей страны бывали периоды, когда для того, чтобы высказать презрение к власти, требовалось незаурядное мужество, в то время как преклонение перед ней едва ли было совместимо со званием порядочного человека.

Но сегодня, как мне кажется, обе эти крайности плохи. Сегодня нам надо учиться у настоящих русских либералов XIX века, таких, например, как Б. Н. Чичерин, которые поддерживали власть в ее конструктивных начинаниях и выражали свой про-

тест в тех случаях, когда власть действовала недальновидно, своекорыстно или попирала достоинство своих подданных.

Именно так и поступал О. Е. Кутафин. Он очень резко и при этом аргументированно критиковал негативные стороны современных российских властных структур, среди них — правовой нигилизм, страх перед развитием гражданского общества, давление на СМИ, ограничения демократии, несуразное законотворчество. Но при этом он не просто критиковал, а всеми силами старался внести свой вклад в изменение сложившегося положения дел, прекрасно понимая при этом, что процесс становления правового государства и демократизации России в лучшем случае займет несколько десятилетий и вряд ли кому-либо из нас доведется вкусить его плоды.

Он был одним из разработчиков действующей Конституции. Этот документ выдержал проверку временем. Во многом благодаря Конституции общество не скатилось в пропасть гражданского конфликта, у края которой оно стояло в октябре 1993 года, вышло на путь относительно стабильного политического развития, устранило непримиримую конфронтацию между ветвями власти.

Конечно, есть и те, кому достигнутая стабильность кажется сродни застою. И сегодня мы много спорим о том, как изменилось состояние прав и свобод в России за последние годы. Американский Госдеп и Freedom House выставляют нам с каждым годом все более низкие оценки; мы, в данном случае Общественная палата, не соглашаемся с таким подходом, указывая в то же время, что США не могут брать на себя роль «мирового судьи», а тем более «жандарма» и «палача».

К сожалению, в этих бурных спорах мы порой забываем важную деталь: свобода — это еще и внутреннее состояние человека. Вспомним, что наши замечательные ученые — академики И. П. Павлов, В. И. Вернадский, П. Л. Капица и ряд других оставались внутренне свободными даже в самые страшные годы тоталитарной диктатуры. В то же время сегодня, когда внешние репрессивные механизмы, карающие за инакомыслие, по сути дела, отсутствуют (если не считать криминальный террор), многие почему-то сами ограничивают свою свободу, исходя из бессмертного постулата: «Как бы чего не вышло». Это относится и к политикам, и к журналистам, и к общественным деятелям, и, наверное, к некоторым юристам, хотя немало среди нас и тех, кто ради отстаивания своих принципов и убеждений готов пожертвовать даже жизнью.

Олег Емельянович был внутренне глубоко свободным человеком. Он никогда не отказывался от того, чтобы высказать свое мнение по любому вопросу из опасения, что это мнение может не совпасть с мнением какого-то «высокого начальства». Столь же чужд был он стремлению подстроиться под какие-то модные «общественные настроения». У настоящего ученого, каким был Олег Емельянович, один Бог — истина, ему он и служил — страстно, преданно и бескомпромиссно.

Порой отдельные политические суждения О. Е. Кутафина шокировали его учеников, «воспитанных» в последние годы на странной «теории» о том, что вся наша послеоктябрьская история — это сплошная цепь ошибок и преступлений, «черная дыра» и «путь в никуда». Как и многие из нас, Олег Емельянович был «родом из СССР». Но, в отличие от некоторых «либеральных революционеров», он никогда не забывал этого родства и не отказывался от него. Олег Емельянович считал, что мы обязаны ценить и приумножать позитивные советские традиции, особенно в том, что касается заботы государства о развитии науки и системы образования, что мы должны всегда помнить такие подвиги советского периода, как победа в Великой Отечественной войне, создание ядерного оружия, полет человека в космос, исследования Луны и других планет.

Для Олега Емельяновича распад СССР стал личной трагедией. Он резко осуждал Президента СССР Михаила Горбачева за то, что тот не предотвратил подписания Беловежских соглашений, а также авантюристический лозунг Ельцина, обращенный к регионам: «Берите суверенитета столько, сколько проглотите». Фактически, считал он, личные амбиции руководителей того периода привели к развалу страны.

Неудивительно, что Олег Емельянович весьма отрицательно оценивал либеральные реформы эпохи Ельцина. Для него главным критерием успешности реформ была не реализация тех или иных абстрактных принципов, а то, как они отразились на жизни простых людей. «Любые реформы, — говорил он, — должны быть направлены на то, чтобы улучшить жизнь и положение населения или укрепить государство... У нас же реформы свелись к тому, чтобы ограбить страну... Зачем это было сделано? Ради обогащения. Причем это обогащение было преступным, потому что если покопаться в той приватизации, то всех, кто этим занимался, нужно посадить. И ссылаться на то, что тогда были такие законы, тоже никуда не годится.

Можно подумать, что у нас когда-нибудь были законы, которые позволяют воровать».

Конечно, не надо думать, что Олег Емельянович не понимал значимости перехода к демократии или недооценивал воздействия этого процесса на жизнь общества. Но при этом он полагал, что та демократия, которую мы получили, не стоила той цены, которую за нее заплатила Россия. Думаю, в этом с ним согласится подавляющее большинство наших сограждан.

Олег Емельянович был не только теоретиком демократии, но и, если можно так выразиться, стихийным демократом. Для него были органически неприемлемы любые нарушения прав человека, проявления ксенофобии, проповедь расового превосходства и социального неравенства, снобизм и надменность так называемой элиты. В то же время он отдавал себе отчет, что существующая в России демократическая система нуждается в серьезном совершенствовании в направлении усиления контроля за властью со стороны граждан. В частности, ему импонировала существующая в ряде стран практика отзыва депутатов парламента в том случае, если они не оправдывают ожидания избирателей. Между тем, как представляется, осуществленная недавно реформа избирательной системы пошла по несколько иному пути. В этом, конечно, нет никакой трагедии. Демократия — это не какое-то завершенное состояние, а непрерывный поиск, обретение гражданами все новых прав и свобод, и этот процесс ни в одной стране мира не был свободен от неудач и ошибок.

О. Е. Кутафин неоднократно указывал, что демократия может полноценно функционировать только в условиях правового государства. Россия же, полагал он, пока что таковым не является: люди у нас не равны перед законом, закон действует избирательно. Сами же законы порой отражают интересы олигархов и крупных чиновников, но отнюдь не простых людей. В то же время он не идеализировал правовую систему и демократию за рубежом, в том числе и в США, в истории которых, как подчеркивал Олег Емельянович, были и концлагеря для японцев, и использование атомного оружия против мирных жителей, и маккартизм, и многочисленные акты агрессии против суверенных государств.

Говорят, что художником, певцом, музыкантом, артистом, спортсменом нужно родиться, и это правда. Бесполезно учиться играть на флейте человеку, которому медведь на ухо наступил, равно как и поступать в медицинский институт тому, кто

падает в обморок от вида крови. Я не знаю, можно ли родиться юристом, наверное, это звучит странно. На юриста нужно учиться — долго, упорно и настойчиво. Но есть люди, которые, будучи юристами по образованию и по должности, по сути дела, таковыми не являются, ибо нет в их душе главного — врожденного уважения к закону, понимаемого как порядок, основанный на справедливости, и самого чувства справедливости. Олег Емельянович был именно Юристом — с большой буквы. «Юрист, — говорил он, — это ведь как врач. И если плохой врач убивает одного человека, то плохой юрист убивает тысячи. Неужели мы забыли, что такое 1937 год?»

Ему органически претило «наплевательское отношение к исполнению законов» как среди чиновников, так и среди рядовых граждан, и особенно — деятельная пропаганда «криминальной романтики». «Телевидение, — говорил он, — воспитывает преступников и проституток, сплошь пропагандирует технологию преступлений. Подобного не позволяют себе даже стабильные государства, а реформируемое тем более не должно допускать ничего подобного! У нас на государственных федеральных каналах про бандитов снимаются целые сериалы, а про нобелевского лауреата Алферова — сюжет по случаю, да и то потому, что он депутат. А другого нобелевского лауреата Гинзбурга вовсю ругают. Почему? Потому, что телевидением управляют дилетанты. Ленину они приписывают слова о том, что любая кухарка может управлять государством. А Дарвину — что человек произошел от обезьяны. Все это додумали дилетанты не говорили ни тот, ни другой таких слов!»

О. Е. Кутафин немало сделал для организации в стране системы правового просвещения, для подготовки квалифицированных юридических кадров, для консолидации лучших юридических сил России. Качество юридического образования вызывало у него глубокое беспокойство. Существующие в стране частные вузы, по численности которых Россия опережает весь мир, нередко только приумножают юридическую неграмотность. «Вуз, — говорил он, — это не лекторий, где, сменяясь, читают лекции пришлые преподаватели. Вуз должен формировать человека, специалиста, в том числе воспитывая его в определенных традициях».

Усилиями О. Е. Кутафина была создана Ассоциация юристов России, которую Олег Емельянович рассматривал как своего рода профсоюз юристов, призванный защищать их независимость, права и законные интересы. Одной из задач Ассоциа-

ции, по его мнению, должно стать преодоление правового нигилизма, повышение правовой культуры граждан. На мой взгляд, это важнейшее направление всей нашей работы. К сожалению, люди в большинстве случаев не знают своих прав, а отсюда их абсолютная беспомощность перед лицом произвола надменной бюрократии, руководствующейся не просто ведомственными, но и чаще всего корыстными интересами.

«Правовой нигилизм, — говорил О. Е. Кутафин, — это не только полная неосведомленность населения в вопросах права, но и, я бы сказал, нежелание интересоваться этими вопросами. А отсюда полная или частичная незащищенность наших граждан, их прав и интересов». В идеале, полагал Олег Емельянович, «у любого человека должен быть свой адвокат, который располагает полной информацией о финансовых делах клиента, его имущественных проблемах. Конечно, для этого нужен определенный материальный уровень, пока же в нашей стране подобная практика не распространена. Малообеспеченные граждане, которые не в состоянии оплатить услуги юристов, могут получить лишь бесплатную юридическую консультацию, да и то не всегда. Надеюсь, со временем эту ситуацию удастся изменить». Выход из этой ситуации лично мне видится в создании социальной адвокатуры, осуществляющей правовое просвещение граждан, в том числе при содействии сопиально ответственного бизнеса.

Важнейшую роль в деле правового просвещения О. Е. Кутафин отводил Общественной палате, которая, по его словам, не только знает нужды нашего населения лучше, чем другие общественные объединения, но и обладает вполне весомыми организационными возможностями.

Одной из задач Общественной палаты он считал проведение общественной экспертизы вносимых в Государственную думу законопроектов. Ведь именно скороспелость, непродуманность и, я бы сказал, индифферентность к нуждам простых людей некоторых законодательных инициатив во многом спровоцировали и массовые выступления против монетизации льгот, и протесты обманутых дольщиков, и события в Южном Бутове. А сегодня, в условиях кризиса, деятельность законодателя и вовсе подобна работе сапера. Только чувствуют ли сами законодатели всю меру своей ответственности? Боюсь, что далеко не всегда.

«Иногда меня удивляют приоритеты Государственной думы, — говорил О. Е. Кутафин. — Есть много проблем, начи-

ная с коррупции, которыми нужно активно заниматься. Между тем обсуждения этих вопросов тянутся годами. В то же время депутаты Государственной думы с увлечением обсуждают проблемы производства меда, ограничения курения и т. п. И это вызывает недоумение».

К числу задач созданной им Ассоциации Олег Емельянович относил и правозащитную деятельность. У него был собственный взгляд на роль правозащитников в обществе.

«Мое мнение, что задача правозащитника — добиваться вместе с государством защиты прав граждан, а не добиваться грантов». Заметьте, «вместе с государством», а не ведя с ним непримиримую борьбу!

Однажды Олег Емельянович высказал очень важную мысль, которую автор этих строк целиком разделяет: «Полагаю, суть современной правозащитной деятельности отличается от той, которая велась в СССР в условиях тоталитарного строя, когда правозащитники противостояли ограничениям цензурного и иного порядка, ущемлению прав и свобод, особенно политических. С утверждением демократии положение коренным образом изменилось, и хотя многие права, включая политические, по-прежнему нарушаются, государство в этом уже не заинтересовано. Поэтому сейчас правозащитники могут стать союзниками государства. Ассоциация российских юристов одной из своих целей видит совместное с государственными органами решение вопросов нарушения прав и свобод граждан».

Не меньшей опасностью, чем правовой нигилизм, Олег Емельянович считал и правовой фетишизм, т. е. убеждение в том, что достаточно принять хороший закон, как жизнь сама собой изменится к лучшему, без всяких к тому усилий со стороны государства и общества. Между тем реальная российская действительность демонстрирует как раз обратное: многие хорошие законы, по сути дела, «аннулируются» недостатками правоприменительной практики или же отсутствием необходимых подзаконных актов, которые бюрократические ведомства порой не могут «родить» годами.

Основным институтом, обеспечивающим соблюдение законности в стране, безусловно, является суд. От того, насколько законными и справедливыми будут выносимые им решения, по сути дела, зависит и судьба страны, и повседневная жизнь каждого из нас. О. Е. Кутафин был не только крупным теоретиком, но и деятельным практиком судебной реформы, сторонником возвращения к базовым принципам правосудия, за-

ложенным во времена Великих реформ Александра II. Это относится, в частности, к учреждению суда присяжных. Олег Емельянович был сторонником суда присяжных, но при этом он не идеализировал этот институт и не считал его панацеей от всех бед и пороков нашей судебной системы. По большому счету, полагал он, решающее значение имеет качество того «человеческого материала», который осуществляет правосудие. Присяжные должны быть людьми чести, свободными, мыслящими и ни от кого не зависящими. К сожалению, после 70 лет тоталитарной диктатуры и разнузданного «бала беззакония» периода либеральных реформ такие люди встречаются не так часто, как нам всем того хотелось бы. Но это не довод в пользу ограничения суда присяжных, напротив, мы должны стремиться к расширению его юрисдикции. И опять же предпринятые в последние время шаги, исключающие из юрисдикции суда присяжных ряд составов преступлений, не представляются мне ни глубоко продуманными, ни своевременными. И не случайно Общественная палата выступила с их критикой. Хотя проблемы здесь есть, и проблемы очень сложные.

Несколько лет назад Олег Емельянович произнес замечательные слова: «Я уверен, что юридическая профессия будет вечной, и чем дальше, тем более популярной». Безусловно, так и будет, иного, что называется, просто не дано.

Сам Олег Емельянович был рыцарем этой вечной профессии, рыцарем без страха и упрека. Он был верным продолжателем тех прекрасных, благородных традиций, которые сложились в российском праве в 60—70-е годы XIX столетия, человеком высочайшей культуры и изумительных душевных качеств. Светлая память о нем останется с нами навсегда.

Филимонова Марина Викторовна,

ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА МГЮА, ВЕТЕРАН МГЮА, ПОЧЕТНЫЙ РАБОТНИК ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, КАНДИДАТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Мы кутафинский курс

В 1954 г. сложилось и ныне существует некое сообщество, которое, по сути, можно назвать «курс Олега Кутафина». Олег остается его душой и лидером, память о нем для нас свята, его благоговейно будут помнить наши дети и даже внуки.

Такова истинная величина этого необыкновенного человека. В жизни государства — как государственника и политика. В науке — как выдающегося ученого. И в формировании российской системы юридического образования Олег уникален и незаменим. Но особое его измерение — отношение к окружающим ЕГО людям, к каждому из них в отдельности.

Можно сказать, что и сформировалось наше сообщество благодаря его особым качествам, проявившимся с самого начала избрания его комсоргом курса. Надо сказать, что наш курс был чрезвычайно сложным, неоднородным по возрасту и жизненному опыту студентов. Мало того что Олег был моложе большей части однокурсников (а их было чуть менее полутысячи человек), но среди них были и члены партии, и боевые офицеры, и воспитанники партизанских отрядов, и просто впервые допущенные к юридическому образованию без рабочего стажа десятиклассники.

Понятно, каким должен был быть человек, сумевший завоевать подлинное уважение такого коллектива. В этой непростой обстановке проявились его основные качества в отношении к людям — внимание, доброжелательность, адресованные каж-

дому отдельному студенту. Какое, казалось бы, ему было дело до того, что я не была принята в школе в комсомол и это в то странное время могло отразиться на моей будущей работе юриста? Что кому-то не дали места в общежитии? Что кому-то нужна материальная помощь? Что с кем-то просто нужно поговорить или даже подраться? А ведь и самому Олегу было непросто — в ранние студенческие годы он потерял отца.

Секрет не в том, что он был хорошим комсоргом, безусловным авторитетом в учебе, командовал на целине, играл на скрипке, ходил в походы, жил, как все, в общежитии. Прошли студенческие годы, у всех началась новая жизнь в разных концах страны. Наш курс разбросало от Москвы до берегов Тихого океана, но опять мы оставались с ним, «нашим Олегом», а он — с нами.

Как же так получалось, что, когда кому-то из наших было трудно, Олег неизменно оказывался рядом? Мы всегда были для него узнаваемы и близки. Фраза «нужно идти к Олегу» стала для нас привычной, если сложности, трудности настигали кого-то. Делая свое большое дело, неся нелегкое бремя ответственности на тех постах, которые занимал, О. Е. Кутафин своей заботой и дружеским отношением сплачивал наш курс. Так что в том, что мы сейчас вместе и держимся друг друга, есть его несомненная заслуга.

Точно так же складываются отношения в академическом кругу бывших студентов нашего, кутафинского, курса, оставшихся без своего лидера.

Безусловно, дело не только в том, что Олег Емельянович был внимателен к нам, как и ко всем окружающим его людям. Он был наделен таким редким качеством, как умение оставаться самим собой всегда, в любых условиях. Для него, среди прочего, это означало быть искренним и доброжелательным. Он вызывал невольное уважение к себе всех, кто имел возможность и счастье общаться с ним. И даже просто беседа с ним вызывала интерес — Олег Емельянович был энциклопедически образованным человеком, хорошо знал мировую литературу, музыку, живопись, что создавало особую атмосферу нравственности и духовности.

Я, так же как, полагаю, и все наши сокурсники, особенно работающие в Академии, прожила основную часть своей жизни под его покровительством, с его поддержкой и участием. Более того, он «выправил» в известной мере направление моей нынешней жизни, вернув меня в русло моей исходной специаль-

ности — создав первую в России кафедру международного частного права, он включил меня в ее состав. При каждой нашей встрече Олег Емельянович никогда не забывал передать привет моей маме, с которой вместе когда-то работал в МГУ, поинтересоваться ее здоровьем. Уверена, это было не формальное проявление вежливости и дружелюбия, а деликатное предложение помощи. Стоит ли удивляться, что и мысли о том, чтобы отправить своих детей учиться куда-либо, кроме Академии, выстраданной и выстроенной Олегом Емельяновичем Кутафиным, ни у кого из наших сокурсников, думаю, не возникало.

Конечно, такую утрату, как безвременный уход Олега Емельяновича, пережить трудно, если не невозможно. Все, что делается сейчас и будет делаться впредь его соратниками для сохранения его памяти, мне кажется, делается для того, чтобы еще какое-то время побыть с ним, не верить в это жестокое расставание. Никто из нас к этому не готов. Мы будем вместе с ним столько, сколько сможем.

Жмурова Тамара Васильевна,

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ АСПИРАНТУРЫ И ДОКТОРАНТУРЫ МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА

Дорогой наш человек

М в познакомились с Олегом Емельяновичем Кутафиным, когда учились в Московском государственном университете. Он окончил юридический факультет в 1959 году, я — на год раньше. Будучи секретарем комитета комсомола университета, он пользовался любовью и уважением студентов, аспирантов. Уже тогда все отмечали его прекрасные организаторские способности, умение работать с людьми, стремление довести до конца начатое дело. В университете каждый год проводились конкурсы творческой самодеятельности студентов и по факультетам. Олег Емельянович (даже работая заместителем декана юрфака) всегда принимал участие в них — он хорошо играл на скрипке. И не было случая, чтобы юридический факультет не занял одно из призовых мест.

В 1966 году мы вновь встретились с ним на юридическом факультете университета, когда он пришел работать на кафедру государственного права и советского строительства, а я работала инспектором отдела аспирантуры. К тому времени он уже защитил кандидатскую диссертацию, а через 10 лет его назначили сначала заместителем декана факультета по учебной, а затем по научной работе. Так я стала работать под его непосредственным руководством (заведующей аспирантурой). Наша совместная деятельность с самых первых и до последних дней приносила огромную радость. Находиться рядом с этим удивительным человеком, бесконечно фонтанирующим идеями, постоянно борющимся за их осуществление, — большое сча-

стье. Олег Емельянович был человеком, который никогда не пасовал перед трудностями.

Казалось, они даже вдохновляли его, заставляли сконцентрироваться. Он сосредотачивался на цели и начинал бороться. Эти качества, бесспорно, достойны восхищения и уважения.

Создав нашу Юридическую академию, Олег Емельянович сделал из нее вуз с высочайшим рейтингом. А если вспомнить, каким был ВЮЗИ к приходу Кутафина... Ютились в каких-то школах, для вуза это было что-то неприличное. И ведь до Олега Емельяновича в институте работали и другие ректоры, с такими же связями, возможностями. Но никто из них даже не попытался сделать то, что удалось Кутафину. Он добился здания в центре Москвы, он добился дневного отделения. Старался привлечь самых талантливых преподавателей с большими научными заслугами. Очень многие пришли к нему с юрфака МГУ, потому что верили в Олега Емельяновича.

Когда он в 1989 году пригласил меня тогда еще в ВЮЗИ, я проработала в МГУ около 20 лет. И я согласилась, ведь большую часть этого времени проработала с ним. Первое время было очень тяжело: студентов дневного отделения, естественно, еще не было, учились одни заочники, с непонятной мне мотивацией. Вскоре, когда стали приходить преподаватели с юрфака МГУ, стало намного легче. Это были люди, с которыми мы хорошо друг друга знали, ведь при Олеге Емельяновиче на юрфаке МГУ многие кафедры дружили, тесно общались. Он сам очень любил вспоминать то время.

В период работы в МГУ у него часто собиралась его любимая кафедра государственного (затем — конституционного) права. Эти встречи могли заменить и театр, и книги. Юмор, ум, знания как из рога изобилия изливались в непринужденном разговоре, которым было невозможно не заслушаться. Беседа могла продолжаться часами, но время проходило совершенно незаметно. Состав той кафедры был потрясающий.

Он любил эти встречи с друзьями. Так, Олег Емельянович, никогда не ходивший на лыжах, когда его друзья выезжали в лес, «на лыжню», выбирался с нами только ради общения. Он мог бросить все и отправиться куда угодно. А на это, при его занятости и нагрузках, мог бы пойти не каждый. Около этого общительного и жизнерадостного человека было много друзей.

И здесь нужно отметить умение Олега Емельяновича дружить. Дружить с большой буквы. Это качество, на которое многие просто не способны, к сожалению. Он был предан

и верен тем людям, с которыми его связывали теплые отношения. В его присутствии он не позволял ни одному человеку даже намекнуть на что-то плохое, касающееся его друзей, он просто пресекал подобные разговоры.

Проработав с Олегом Емельяновичем около сорока лет сначала в МГУ, затем в МГЮА, я хочу сказать о его отношении к людям, трудившимся вокруг него. Я ни разу не слышала, чтобы он на кого-нибудь повысил голос (лишь взглядом мог показать свое недовольство), поскольку был глубоко интеллигентным и воспитанным человеком. Никогда не шел на обострение, конфликтные ситуации старался уладить компромиссом. Будучи руководителем, он очень бережно и деликатно относился ко всем сотрудникам, умело сочетая при этом требовательность с доброжелательностью, доверием к людям. Для него самым важным было, чтобы работа была сделана, а на какие-то мелочи при этом, обладая широкой натурой, он мог просто не обращать внимания.

Поэтому работать с ним было легко, он многое брал на себя. Я помню, еще в МГУ мы получили какую-то бумагу из ректората, касающуюся факультета повышения квалификации, который подчинялся Кутафину (он тогда был замдекана юрфака). Я читала ее вдоль и поперек, чуть ли не вверх ногами. Показывала нашим профессорам. Но никто не мог понять, о чем идет речь. А исполнять ведь надо. Тогда было тяжело — постоянные справки, в ректорат, в ЦК КПСС. Куда мы только не писали... я была просто в панике. Пришла к Кутафину: Олег Емельянович, вот такой непонятный документ «спустили» из ректората, что делать? Он сказал — оставь мне, загляни через часок.

Честно говоря, не верилось, что в этом бюрократическом новоязе вообще кто-нибудь сможет разобраться. Но через час Олег Емельянович вынес мне уже готовый ответ, который я переслала в ректорат. Где после этого наш юрфак постоянно ставили в пример.

Кутафин был демократичен: при своем высочайшем уровне интеллекта абсолютно на равных общался как с руководством, так и с подчиненными, как с профессорами, так и с рядовыми сотрудниками. Многие обращались к Олегу Емельяновичу со всевозможными просьбами, и он, очень внимательно относясь к судьбам других людей, был рад прийти на помощь в трудные минуты. Неважно кто просил — профессор или уборщица. Дверь его кабинета всегда была открыта.

Проблемы попасть на прием к Кутафину не существовало: его дверь всегда была открыта. Если она была заперта, все знали — Олега Емельяновича просто нет в здании. Люди так устроены: если дверь руководителя открыта — они идут, не задумываясь, сплошным потоком. Олег Емельянович воспринимал это без раздражения. Он понимал людей с полуслова. И сколько тепла и радости доставляло общение с ним, сколько сердец он согревал своим дружеским участием, как ценили, уважали и любили его окружающие!

Олег Емельянович обладал неповторимым даром — уникальным, потрясающим чувством юмора, мгновенной реакцией на любое слово, высказывание. Он умел в трудную минуту поднять настроение. Отвлечь от проблем. Иногда мы даже терялись: он скажет — ты не успеваешь задуматься. У него была моментальная реакция на ситуацию. Мгновенная. Возможно, поэтому с ним все было легко и просто.

В МГУ, когда мы сидели в одном помещении, в конце тяжелого рабочего дня он, случалось, поворачивался и говорил что-то вроде: «Том, извини, что я к тебе спиной сижу». И сразу все становилось легко и просто. В МГЮА я видела его практически каждый день, хотя здесь наши кабинеты находились не рядом. Даже при встрече на бегу, в коридоре, он не просто здоровался, но обязательно говорил что-нибудь приятное, обязательно делал комплимент. После такой случайной встречи — настроение хорошее еще неделю, работается легко.

Он был очень внимателен к людям даже в мелочах. Если кому-то нужно поехать куда-нибудь в командировку или по своим делам — Кутафин обязательно все устроит, позвонит, чтобы встретили, поселили и помогли. Или, например, Олег Емельянович, часто бывая за рубежом, никогда без сувениров не приезжал — друзьям, коллегам. Не знаю, составлял он для этого специальный список, но никогда никого не забывал.

Его заботливость распространялась не только на друзей, но и на всех, с кем он работал. Например, в 90-е было тяжело с продуктами. И он эти талончики, по которым все отпускалось, где-то доставал и приносил нам. Было трудно и с финансированием, но мы, сотрудники Академии, находились в лучшем положении, чем наши коллеги в других вузах. Я помню, как он приходил ко мне, садился и говорил: «Тома, всю ночь не спал. Думал, как изыскать возможность, чтобы всем повысить зарплату». Это была не поза — он действительно все время стремился улучшить условия нашей работы и находил

какие-то способы этого добиться. Причем повышал зарплаты одновременно всем: и уборщицам, и профессорам, и академикам. И когда мы, например, увеличивали коммерческие надбавки, он всегда считал, что начинать это делать нужно снизу. Такое отношение руководителя к коллективу встречается очень редко. Какой еще ректор так опекал своих сотрудников? Мы за ним были как за каменной стеной. Идеальный руководитель. Я других таких примеров не знаю. Его любили все.

Аспиранты к Кутафину относились просто с обожанием. Еще в МГУ приходили к Олегу Емельяновичу и днем и ночью, в любое время. У ректора такого серьезного вуза, как МГЮА, занятость конечно же несравнимо выше, чем у замдекана юрфака. Но он все равно находил время для аспирантов, сидел с ними часами. Очень важно подсказать тему, помочь написать план будущей диссертации. У Олега Емельяновича было огромное количество идей, которыми он делился с учениками. Старался всегда присутствовать на защите. И девяносто процентов его аспирантов блестяще защищались. А это очень хороший результат. Их было много, и не только из России. Поэтому немало учеников Кутафина живут в разных странах мира. И со всеми у него сохранились добрые отношения.

Он любил талантливых людей, старался собирать их вокруг себя. Например, Катя Шугрина, с которой Олег Емельянович познакомился на конференции, кажется, в Красноярске. Приехал, сказал: я поговорил с ней, талантливая девочка, нужно прикрепить ее к нашей аспирантуре. Сейчас Екатерина Сергеевна Шугрина преподает в МГЮА на кафедре конституционного и муниципального права $P\Phi$ — доктор наук, профессор.

Я не знаю, как он находил, выбирал таких людей, но их было немало из самых разных уголков России. Он помогал им перебраться в Москву, старался создать комфортные, насколько было возможно, условия. У нас в Академии работают профессора, которые защищались у него, которых он убедил приехать из Хабаровска, Оренбурга. Если Олег Емельянович видел, что человек достоин внимания, любые преграды — материальные, бюрократические — значения уже не имели. Он собирал их под своим крылом.

Кутафин многих побуждал к личному росту — и своих бывших аспирантов, сотрудников и даже людей, вполне состоявшихся в профессии. У нас, с подачи Олега Емельяновича, защищались крупные государственные чиновники, депутаты Госдумы. Но при этом никаких компромиссов, поблажек им

не предоставлялось. Олег Емельянович, возможно, помогал с темой, с планом, консультировал во время написания диссертации, но все его аспиранты и соискатели защищались честно.

Олег Емельянович был примером и для нас всех. Он обладал удивительным качеством — люди рядом с ним становились лучше, хотели этого. Он умел из врагов делать друзей.

Вот, например, на юрфаке МГУ в одно время с Кутафиным (он был тогда замдекана по научной работе) работал профессор Юрий Маркович Козлов. Ученый действительно большого масштаба, основатель целой научной школы, очень заслуженный человек. Но в отношении Кутафина он сделал некоторые некрасивые вещи. Не секрет, например, что Олег Емельянович хотел стать деканом МГУ, имея для этого все основания — большие, чем у кого-либо еще. Но Юрий Маркович его обошел благодаря административному ресурсу. Один звонок «сверху» решил дело, и деканом назначили Козлова. Через некоторое время после этого Кутафин ушел работать в ВЮЗИ, стал ректором.

Прошло лет пятнадцать — двадцать, и однажды я увидела Козлова в МГЮА. Спрашиваю: Юрий Маркович, что вы здесь делаете? Он отвечает: я здесь работаю. Хорошо помня ту историю с деканством, я не удержалась, пошла к Кутафину: Олег Емельянович, как же так? А он мне спокойно объяснил, что у Козлова сейчас сложная жизненная ситуация, вокруг него сложилась тяжелая обстановка на факультете в МГУ, начались проблемы со здоровьем, к тому же живет недалеко от Академии... Я, говорит, все ему простил — что было, то прошло, а голова у него осталась превосходная.

И последние пять лет своей жизни Юрий Маркович проработал в МГЮА профессором кафедры административного права. Более того, он часто говорил о том, что наша Академия стала для него вторым домом.

Мало кто в такой ситуации поступил бы так, как Олег Емельянович. Хотя с тем же Козловым они не были близкими товарищами. А в окружении Кутафина и здесь, и в МГУ попадались и так называемые друзья, для которых он сделал очень много, в итоге подставившие или предавшие его. Некоторых он уволил. Но шел на это всегда тяжело: ночи не спал, мучился, страдал. Он вообще не любил увольнять людей. Но если принимал жесткое решение, оно оставалось неизменным. Но, по большому счету, он не помнил зла. К себе был более требователен и щепетилен, чем к окружающим. Поэтому, наверное,

и на большинство окружающих его личный пример действовал лучше любых нравоучений, которых от него никто не слышал.

Показательно, что когда в МГЮА учился Дима Кутафин, сын Олега Емельяновича, то он не давал себе ни малейшей поблажки, чтобы не бросить тень на отца. Он вел себя очень достойно. Никогда не опаздывал, ходил на все занятия. Ему было тяжелее, чем другим студентам. Причем нельзя сказать, что Олег Емельянович как-то давил на Диму или воспитывал его иначе, чем собственным примером. Но этого примера было достаточно для того, чтобы Дима вырос очень достойным человеком. Конечно, огромную роль сыграла и его мама — Наталья Николаевна Кутафина. Но то, как Дима восхищается отцом, в какой степени его уважает, встречается очень редко.

Нужно сказать, что Олег Емельянович мог стать кем угодно, достичь любых высот и должностей, которые счел бы для себя необходимыми. И это видно по той огромной образовательной, научной, государственной деятельности, которую он вел. Больше всего мы, сотрудники МГЮА, боялись того, что он куда-то уйдет от нас. Бывало, при возникновении слухов о его каких-то государственных назначениях я приходила к нему и спрашивала: «Олег, скажи честно — уходишь?» Он улыбался и отвечал: «Сидите спокойно». И мы работали спокойно, зная, что Олег Емельянович остается с нами.

При всех высоких связях Олега Емельяновича, при том, как к нему хорошо относилось руководство страны, он был очень неудобным человеком для всяческих министерств. Он был прям, всегда высказывал свое мнение. Отказывал в «высочайших» просьбах. Скажем, поступает незаконный приказ перечислить в фонд министерства какую-то сумму, а Олег Емельянович этого не делает. И никто не может надавить, потому что это — Кутафин. Чиновникам было с ним тяжело, хотя внешне отношения были нормальными. Понятно, что удобен тот ректор, которым можно управлять. Кутафиным же мог управлять только Кутафин.

Возможно, поэтому для него не сделали исключения и не оставили ректором, когда возраст превысил определенный законом ценз. Все мы считали это несправедливым. И Олегу Емельяновичу было тяжело пережить переход от работы ректора к менее загруженной деятельности президента МГЮА. В первые дни, когда это произошло, мы старались заходить к нему почаще. Мне запомнился тогда его девственно-чистый письменный стол, раньше буквально заваленный стопками до-

кументов, и сам Олег Емельянович какой-то одинокий в этом большом кабинете. Позже у него снова стало много работы — Кутафин не мог быть бездеятельным. Но чувствовалось, что-то очень важное для него осталось в прошлом и он, вопреки всему, надеется это вернуть.

В этом году в МГЮА пришло новое поколение студентов, которые уже не смогут увидеть и услышать Олега Емельяновича. Но я очень надеюсь, что ректорат, преподаватели рассказывают им о Кутафине, прививают гордость за нашу Академию. И ведь даже выпускники других вузов, юристы из других городов стремятся поступить в нашу аспирантуру. Когда я спрашиваю у них почему, они говорят — но ведь это же «кутафинская Академия». Их много, прием в аспирантуру у нас очень большой. Так имя Олега Емельяновича Кутафина «работает» на репутацию Академии. И она останется кутафинской столько, сколько будет существовать. Мы все — от ректора до преподавателя — бережно храним и передаем студентам память об Олеге Емельяновиче.

Его уход — колоссальная потеря для всех нас. Я всегда чувствовала его присутствие рядом, ощущала его дружескую поддержку, знала, что на него всегда можно положиться, быть уверенной, что он никогда не подведет (и в свою очередь немыслимо было подвести его).

Говорить об Олеге Éмельяновиче Кутафине в прошедшем времени невозможно. Он был, есть и всегда будет рядом с нами.

Нарутто Светлана Васильевна,

ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Горжусь своим учителем

В 1994 году я поступила в аспирантуру на хабаровском факультете ВЮЗИ, где работала преподавателем конституционного права. Мне очень хотелось, чтобы Олег Емельянович стал моим научным руководителем. День, когда состоялась наша первая встреча, мне запомнился тем, что мои коллеги по аспирантуре лихорадочно меня одевали, гладили, причесывали, красили — в общем, наряжали как могли, чтобы не было стыдно попроситься в аспиранты к великому человеку.

Когда я вошла в кабинет, Олег Емельянович вышел изза стола, протянул мне руку, поздоровался и предложил закурить. На столе стояла красивая пепельница, Олег Емельянович рассказывал какие-то моменты из своей жизни, молодости, что у него тоже второй брак, прекрасная жена, сын... Я спросила: есть ли у Олега Емельяновича аспиранты с Дальнего Востока и могу ли я надеяться войти в их число? Он сразу же дал согласие стать моим научным руководителем. Я разговаривала с ним — и не могла осознать, что сижу рядом и веду простую человеческую беседу с ученым, которого всегда воспринимала как небожителя. А он шутит как простой смертный, запросто подает мне зажигалку, предлагает свои сигареты, обсуждает важные государственные дела, которые осуществлялись при его непосредственном участии!

И все последующие мои встречи с Олегом Емельяновичем как аспирантки с научным руководителем проходили как-то легко, светло. Беседы плавно перетекали от одной научной те-

мы к другой, от одного политического события к другому. Я приезжала на свой хабаровский факультет (а он потом отделился от ВЮЗИ—МГЮА) очень гордая от того, что сам Кутафин собственной рукой написал мне план кандидатской диссертации, подарил визитную карточку с домашним телефоном. И пустил в свободное плавание, разрешив представить всю диссертацию сразу, а не по частям. Критерий, как я сейчас понимаю, был один — делаем так, как удобнее аспиранту, но при этом ответственность с меня никто не снимает.

Когда выпадала возможность, я приезжала в Москву, и случалось, что Олег Емельянович принимал меня дважды в один день, если нужно было обсудить какую-то проблему по теме диссертации или решить организационный вопрос. При этом я знала, что не все ректоры из хабаровских вузов могли попасть к нему на прием. Это, безусловно, демонстрировало его приоритетное отношение к своим ученикам. И тогда, а тем более — сегодня, когда у меня самой есть ученики, такое отношение воспринимается как образец работы с аспирантами и соискателями, для которых всегда находятся время и темы для обсуждения. А много позже, когда была защищена уже моя докторская диссертация, я даже стала завидовать тем, кто оставался его аспирантом, сожалеть, что прошли времена, когда можно было так часто общаться с моим научным руководителем.

Мне приходилось много раз звонить по телефону из Хабаровска в Москву, учитывая большую разницу во времени — семь часов. Звонила утром, домой, чтобы успеть перехватить Олега Емельяновича до работы. Неизменно трубку брала его супруга Наталья Николаевна и добрым, приятным голосом предлагала перезвонить попозже. В конце концов, пришло понимание, что научный руководитель — тоже человек и ему необходимо утром умываться, бриться, завтракать, а не, бросив все, общаться с аспирантами. Но никогда я не услышала раздражения, упрека в том, что я звоню опять не вовремя.

Зато как приятно было услышать, когда наконец-то удалось отвоевать немного времени для себя, что некоторые места из моей кандидатской диссертации Олег Емельянович зачитывал Наталье Николаевне. Это касалось моего эмоционального описания самовольного выделения Еврейской автономной области из Хабаровского края.

Но самыми приятными были моменты, когда Олег Емельянович дарил свою очередную книгу с автографом и говорил: «Я там на тебя ссылался». Значит, ценит меня научный руково-

дитель, драгоценное время, потраченное им на меня, оправдано! Однако все его ученики — преподаватели нашей кафедры могут похвастаться такими ссылками, мы это обсуждали.

Всегда поражала терпимость Олега Емельяновича к чужому мнению, не вполне совпадающему с его собственным. Он мог пошутить на эту тему, а мог метко и как-то легко опровергнуть оппонента. До сих пор помню, как боялась его критики в отношении диссертационного положения о том, что субъекты Федерации имеют свои правовые системы, безусловно входящие в правовую систему России. Кто-то мне даже сказал, что я буду жестоко «избита» за эту позицию, так как и Кутафин ее не разделяет, и кафедра в целом. Но вот диссертация прочитана Олегом Емельяновичем, обсуждена на кафедре, и никто ничего не говорит мне о моих правовых системах. Мне известны и другие случаи, когда Олег Емельянович позволял своим ученикам высказывать собственные мнения, хотя не разделял их или сомневался в их убедительности. Довольно тактично молчал или переводил в шутку.

В трудное для меня время Олег Емельянович пригласил переехать в Москву и работать на своей кафедре конституционного права. Я была счастлива, что могу постоянно видеть Олега Емельяновича и талантливый коллектив преподавателей возглавляемой им кафедры.

Каждое заседание кафедры с его участием было событием для меня и думаю, для всех ее сотрудников. Мы обсуждали его сообщения, мнения о тех или иных событиях, государственных деятелях, законах. Олег Емельянович достаточно критично высказывался о деятельности органов власти, их криминализации, коррумпированности чиновников, непрофессионализме депутатов. Интересны были его рассказы о работе Комиссии по вопросам гражданства, которую он возглавлял много лет, Общественной палаты, где он был заместителем секретаря, Союза юристов, Российской академии наук. Его хватало на многие государственные и общественные структуры, и для нас это было примером не просто участия в работе государственных и общественных структур, а служения Отчизне, переживания за судьбу народа.

Помню, какой была Академия, когда я поступала в аспирантуру — жила в одной из комнат здания, где рядом были офисы каких-то организаций, душевые без лампочек, студенческие аудитории. И вижу, какой стала МГЮА благодаря Олегу Емельяновичу — одним из престижнейших российских вузов,

с сильнейшим профессорско-преподавательским потенциалом, современно оборудованными аудиториями, залами, красивыми лестницами.

Сейчас, спеша на занятия к студентам на третий этаж, я не могу молча пройти мимо портрета Олега Емельяновича, здороваюсь с ним и верю, что он слышит. Искренне радуюсь, что судьба преподнесла мне этот щедрый подарок — быть ученицей Кутафина и гордиться своим учителем — выдающимся ученым, талантливым и благородным человеком.

Козлова Екатерина Ивановна,

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ЗАВЕДУЮЩЕГО КАФЕДРОЙ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА РОССИИ МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ЧЛЕН ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА ПО ПРАВУ ВАК РФ, НАУЧНО-ЭКСПЕРТНОГО СОВЕТА ПРИ ПРЕДСЕДАТЕЛЕ ГОСДУМЫ РФ, НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО СОВЕТА ЦИК РФ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ НАУКИ РФ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Об Олеге Емельяновиче Кутафине— с глубокой скорбью и благодарностью за добро

ля меня очень трагично, что ушел из жизни близкий мне человек, который на 15 лет моложе меня. Он не раз говорил мне: «Молю Бога, чтобы Вас на мой век хватило». Обернулось так, что его на мой век не хватило.

Значительная часть моей долгой жизни прошла в тесном деловом и личном общении с Олегом Емельяновичем. Я многие годы была его заместителем как заведующего кафедрой конституционного и муниципального права $P\Phi$ и могла в полной мере оценить все стороны его многогранного таланта — выдающегося ученого, активного общественного деятеля, умелого руководителя, создателя, по сути дела, современного облика Московской государственной юридической академии, которая теперь вполне заслуженно носит его имя.

До того как Олег принял руководство кафедрой, в течение 12 лет ею заведовала я. Одно время считалось, что работать в этой должности можно только до 70 лет, поэтому, когда я достигла этого возраста, руководство кафедрой перешло к Олегу. Потом, правда, Конституционный суд разъяснил ошибочность такого возрастного ограничения. И Олег не раз говорил, что, если бы это было установлено раньше, он не принял бы у меня кафедру. Должна сказать, что Олег весьма уважительно относился к преподавателям старшего поколения. Трудно переоценить его исключительно теплое отношение ко мне. Можно упомянуть, что меня он первой выдвинул на «Заслуженного

деятеля науки», хотя мой научный вес был гораздо легче его. И только когда Кутафин увидел, что более чем за год я не предприняла никаких шагов для того, чтобы обеспечить поддержку Ученых советов других вузов в получении мной этого звания, он выдвинул себя и Н. А. Михалеву.

Я поражалась его творческой активности. Олег каждый год издавал солидную монографию. Я часто его спрашивала, как у него хватает сил работать поздними вечерами, вернувшись из Академии. Он отвечал, что это творчество ему нравится. Он не может иначе. Его труды высоко оценены, он был избран академиком РАН. Причем надо обратить внимание на уникальную тематику его работ. Он исследовал либо самые сложные вопросы государственно-правовой теории, либо проблемы новаторские по своей природе. На научные темы он был готов разговаривать часами. Эти темы мы с Олегом обычно обсуждали по четвергам — в день моей консультации. В этот день я всегда приходила на работу раньше.

Олег был многогранно талантливым человеком. Можно вспомнить его искрометный юмор, который рождался как бы моментально, экспромтом. Например, как-то я ему сказала: не приглашай меня на свой юбилей, так как там будет очень много народа. А он ответил: «Тогда лучше я сам не приду».

Кутафин всегда сам вел заседания кафедры. Если в каких-то редких случаях он не мог этого делать, то для ее членов это было большим огорчением. Ведь в конце заседания Олег часто информировал нас о новостях, вещах, лишь ему известных. Любил вспоминать своих друзей по науке.

Наше с Олегом сотрудничество принесло мне много добра. Именно он настоял на том, чтобы я отметила свой 80-летний юбилей. Я отказывалась, говоря, что это очень хлопотно — писать приглашения, звонить в другие города. Он сказал, что все это сделает сама Академия. И действительно, юбилей был организован блестяще.

Благодаря Олегу я стала лауреатом премии Президента в области образования за наш с ним совместный учебник по конституционному праву. На заседании Ученого совета накануне моего 85-летия он произнес хвалебную речь в мой адрес и вручил мне знак «Почетный работник высшего образования».

Я никогда не забуду то добро, которое сделал мне Олег, не забуду его самого. Вечная ему память.

Красавченко Сергей Николаевич,

РЕКТОР МЕЖДУНАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА В МОСКВЕ, ЧЛЕН ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РФ (1990—1993), ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ АДМИНИСТРАЦИИ, СОВЕТНИК ПРЕЗИДЕНТА РФ (1993—1999)

Об Олеге Кутафине

(ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ БЛАГОДАРНОЙ ПАМЯТИ)

В мою жизнь Олег Емельянович Кутафин вошел более 50 лет назад — в 1956 году, когда я еще учился в школе. В наш дом его имя с уважением и теплотой внес мой отец, Николай Прокофьевич Красавченко, который тогда преподавал на историческом факультете МГУ.

Здесь важно заметить, что отец, бывший в сороковых известным комсомольским лидером столичного и союзного масштаба, попав под очередной каток сталинских репрессий и лишившись всех постов и партбилета, но, слава богу, оставшийся в живых, начал в 34 года все сначала — аспирант, преподаватель истфака...

И вот однажды, в поздний осенний вечер 56-го, отец пришел домой заметно оживленный, чем-то, показалось, растроганный. Причина раскрылась — и была связана с человеком, чье имя я тогда впервые услышал — Олег Кутафин. После многих лет ответственной и масштабной общественной деятельности, от которой его отлучили, отец живо интересовался комсомольскими делами университета. И в тот день по окончании университетской комсомольской конференции он подошел к аудитории, где начиналось заседание только что избранного вузкома, на котором должны были избрать бюро и распределить другие обязанности и посты, — хотел поддержать одного из своих студентов, выдвинутого истфаком. Но был остановлен на входе: мол, заседание закрытое, посторонних не пускают. Огорченный и уже собравшийся уйти с ярлыком «посто-

ронний», отец попросил все же передать секретарю вузкома Кутафину, что с ним хочет поговорить Красавченко. Зная отца, представляю, что он чувствовал в те несколько минут, стоя перед закрытой дверью. Но она распахнулась, выглянул Олег: «Николай Прокофьевич, заходите к нам!» А чью-то реплику о закрытом статусе заседания и вопросительные выражения лиц некоторых из присутствующих решительно парировал: «Это наш человек! Проходите же, Николай Прокофьевич, садитесь!» Отец, по его словам, несколько смутившись, сказал, что у него, в общем-то, минутное дело. «Нет-нет, оставайтесь. Вы — с нами», — услышал он от Олега. Вот такую ситуацию описал нам дома отец в тот далекий вечер осени 56-го. И заочно познакомил нас с человеком, не просто подарившим лично ему хорошее настроение и теплые чувства, но и проявившим что было важно и для других людей — чуткость и смелость. Ведь Олег публично выказал свое доброе и неформальное отношение к человеку известно опальному, наказанному властью, что было тогда не только нетипично в этой среде, но и небезопасно — для карьеры, во всяком случае.

К отцу домой нередко приходили его студенты, и я, свидетель многих их бесед, нередко выходивших за рамки научно-учебных тем, еще не раз слышал об Олеге Кутафине. Чувствовалось, что как комсомольский лидер он популярен и значим для студентов МГУ.

Потом я тоже учился в МГУ, на экономическом факультете. Комсомольским лидером не был, но, конечно, знал, что есть у нас секретарь комитета ВЛКСМ Олег Кутафин. Передавшееся от отца и его учеников уважение подкреплялось отношением к нему многих знакомых мне по университету людей — таким, какого не было ко многим другим комсомольским деятелям нашего экономфака и университета в целом. И лидер, и «свой» — и формальный, и неформальный. Настоящий, признанный комсомольский вожак. Его не боялись, признавали «своим» человеком, знали, что главное в его работе — забота о тех, кто его выбрал секретарем комитета комсомола. Для того времени это было далеко не типично.

Был период — и до, и во время, и после учебы в университете, — когда я регулярно что-то слышал о Кутафине со стороны. Мы почти не встречались, но всегда были люди, которые нас связывали: начиная с моего отца и его студентов и заканчивая общими знакомыми. Мы, экономисты, и в университетские годы, и потом, работая, часто и много общались, дружили с юри-

стами. И до меня часто доходили вести об Олеге, когда он преподавал на юрфаке, в ВЮЗИ. И от юристов, и от других университетских о Кутафине я слышал только хорошее.

Олег был исключительно редким человеком. При всем масштабе его деятельности, разнообразии его функций и интересов в обществе, науке, государстве и т. д., разнообразии контактов — от простых студентов до известных ученых, высоких чиновников, президентов разных стран — я никогда, ни от одного человека не слышал ни одного дурного, осуждающего слова о Кутафине. Не потому, что он хотел всем нравиться — помоему, Олег просто жил и работал так, что его не в чем было упрекнуть.

Это сложно понять и тем более объяснить. Не знаю их, но, наверное, у него были свои недоброжелатели, даже враги, обиженные на его решения и поступки люди... Но и в общественном мнении, и в моем круге общения (а я не формировал его по принципу хорошего отношения к Кутафину) все эти 50 с лишним лет слышал о нем только хорошее.

Хорошо, что такие люди, как Олег, вообще существуют. Они влияют на климат в своем доме, коллективе, профессиональной среде, обществе, в государстве, задают стандарты человеческих взаимоотношений. Другое дело, их влияние далеко не всегда определяет происходящее, особенно в масштабах общества и государства: увы, их очень мало.

* * *

С 1990 года мне повезло уже непосредственно общаться, сотрудничать, а потом и подружиться с Олегом. Он активно помогал становлению работы впервые демократически избранного депутатского корпуса РСФСР, Верховного Совета РСФСР (потом — РФ), где и я тогда трудился. В 93-м мы оба вошли в состав Конституционного совещания, которое продолжило работу над новой Конституцией РФ: Кутафин — как ведущий ученый-конституционалист, я — от Верховного Совета РФ.

В работе над новой Конституцией участвовали политики, ученые, общественные деятели. И Олег был одним из столпов — и не только интеллектуальных — этого многоликого, сложного сообщества.

В комиссиях и на пленарных заседаниях проходили весьма непростые дискуссии. Были представлены разные обществен-

ные силы, группы интересов. Даже среди ученых не было единства, горячо, порой яростно обсуждались концепция и отдельные статьи будущей Конституции. То есть сложными были и механизм, и процессы, которые в нем происходили.

В этих условиях Олег продемонстрировал свои совершенно потрясающие качества не только интеллектуального лидера, но и умелого модератора, переговорщика, дипломата. Он мог объединить усилия и аргументы оппонентов, находил формулировки, которые, успокоив страсти, сохраняли главное и становились неуязвимыми для критики со стороны тех, кто хотел бы отменить их существо. Его роль в работе Конституционного совещания и создании действующей ныне Конституции России была очень значительной.

* * *

Многогранность личности, талантов и способностей Олега Кутафина ярко проявилась в разнообразии направлений его деятельности. Учитель с большой буквы, ученый, организатор, общественный и государственный деятель — во всех этих сво-их ипостасях Олег действовал высокопрофессионально, ответственно, энергично и потому добивался результатов, успехов, был эффективен.

Успех Кутафина-учителя подтверждают его многочисленные ученики, их собственные успехи и дела.

Прекрасный педагог, профессор, Кутафин стал выдающимся организатором образования — известны его успешные усилия по развитию ВЮЗИ, на базе которого он создал действительно первоклассный вуз — МГЮА, ставший признанным в России и за ее пределами ведущим центром юридического образования и науки. И ныне носящий имя Кутафина.

Больших успехов и широкого признания Олег Кутафин достиг в научной работе — исследования, статьи, книги, результаты организации науки в МГЮА и позже в Российской академии — тому убедительное свидетельство. Олег Кутафин, считаю, был и государственным деятелем. В реальном, высоком смысле этого слова. Думаю, что не каждый, кто занимал или занимает государственную должность любого уровня, — понастоящему государственный деятель. И наоборот, чтобы быть ГОСУДАРСТВЕННЫМ деятелем, не обязательно занимать высокую должность, какой-то видный официальный пост. Опыт и пример Олега Кутафина это подтверждают. Интерес-

ный и характерный для него эпизод, штрих к портрету — один из основных, если не главный автор Положения об Общественной палате РФ, он вполне мог претендовать на пост ее руководителя. И уверен, с учетом его положения и возможностей, если бы пожелал, занял бы этот пост. Но не пожелал. Другой характерный штрих: когда его пригласили стать заместителем секретаря той же Общественной палаты... Обычный, пусть умный и талантливый, но амбициозный человек, наверное, в этом случае мог отказаться: на первую роль не пригласили — в замы не пойду, покрутитесь-ка без меня... Но Кутафин был необычным человеком. Для него главным было дело, а не должность, а интересы общества и государства выше собственных амбиций.

* * *

И на всех направлениях, во всех сферах его деятельности его успехам во многом способствовал его особенный стиль — кутафинский. Его отличали вдумчивость, солидность, мудрость, скромность, негромкость. Он и говорил так — негромко. Негромкий человек, но — основательный, фундаментальный, мощный. Наверное, благодаря этой мощи ему и не требовалось громко говорить — его и так слышали, и слушали. Удивительно для многих, но у Олега это получалось — тихо, спокойно, без шума, без громких слов добиваться таких высоких результатов, успехов, которые признаются и высоко оцениваются и отдельными людьми, и коллективами, и обществом, и государством.

Одна из основных характеристик личности Кутафина — прирожденное лидерство, основательно проявлявшееся во всех направлениях его деятельности. И в человеческих отношениях он был лидером — в своем стиле: тихо, спокойно, никому ничего не навязывая. И в дружбе, где вроде бы должно превалировать равенство, все равно явственно ощущались исходившая от него инициатива, сила, уверенность. И так во многом, если не во всем.

Не знаю таких людей (может, они и есть), которым Олег демонстративно навязывал свое руководство. Я видел и проректоров, и преподавателей его Академии, сотрудников Управления по гражданству в президентской администрации. И ни там, ни в организованном им Союзе юристов России, где сопредседателем состоял одно время и Дмитрий Медведев, ни в Российской академии наук, в которой Олег возглавлял Отделение

общественных наук, был членом Президиума, вряд ли найдется человек, который мог не лукавя сказать: «Вот, Кутафин заставил меня что-то сделать против моих убеждений». Конечно, руководитель должен, в конце концов, даже наказывать нерадивых подчиненных. Но компетентных, порядочных, совестливых людей он убеждал значительно чаще, чем приказывал им. Был абсолютно неавторитарен. Во всяком случае, таким я видел его в общении с коллегами, сотрудниками. Таким его видели и другие знакомые мне люди.

Й еще я видел, как он ведет себя, говорит с теми, кто выше его по статусу. Сохраняя достоинство, со свойственной ему спокойной уверенностью он общался и с президентами Российской Федерации, и с председателями Правительства, и с председателями Конституционного суда, и с Президентом РАН...

Обращало на себя внимание то, что и они не чувствуют себя по отношению к нему начальниками. Не думаю, что Олег вообще мог кому-то позволить дать понять, что их разговор — разговор начальника и подчиненного.

Весьма влиятельные в нашей стране люди гордились знакомством с ним. На его юбилеях можно было видеть многих крупных руководителей, которые с уважением и, казалось, искренне высказывали ему немало лестных слов. А Олег относился к этим словам хотя с признательностью, конечно, но в достаточной степени иронично.

* * *

Еще одна важная для истинного лидера черта — способность интегрировать людей. Многие сильные руководители довольствуются своим первенством, превосходством. Многие строят свою стратегию по принципу «разделяй и властвуй». А он никогда не разделял — наоборот, интегрировал, объединял. Причем не только своих единомышленников, представителей своего профессионального или общественного круга. Он умел, не принуждая, объединять вокруг себя абсолютно разных людей, иногда даже конфликтовавших между собой в науке или общественно-политической деятельности, на государственной службе. Будь это создание текста Конституции, объединение кафедр или какие-то проекты и дела в Академии наук, в парламенте, госаппарате, он неоднократно являлся тем центром объединения, который позволял антагонистам работать вместе, несмотря на разногласия и даже неприязнь.

Я иногда удивлялся: вот рядом с ним человек совершенно других политических взглядов, нежели у него или у меня (у нас они хоть и не совпадали стопроцентно, но были близкими в целом). Не одиозная фигура, но как бы чужая. Я спрашивал: «Олег, как ты его принимаешь?» Кутафин отвечал: «Сережа, во-первых, он — человек. А во-вторых, ты посмотри: да, у него другие политические убеждения, но при этом он хочет сделать для страны что-то хорошее. Значит, не надо его отталкивать, он может быть полезен для нашего общего дела». Я думаю, в этом проявлялась не только его политическая мудрость, но та самая имманентная черта — стремление к объединению людей.

* * *

Была в блестящей профессиональной карьере Олега Кутафина одна ситуация, которая довольно долго не разрешалась положительно. Имею в виду его членство в Российской академии наук. Олег был уже достаточно авторитетным ученым, ректором МГЮА, автором учебников, множества монографий. И я, как и многие другие люди, откровенно удивлялся, почему он не избирается в РАН. У него об этом спрашивать было неудобно. Но общие друзья мне сказали: да, несколько раз выдвигали Кутафина в члены-корреспонденты РАН, но Отделение государства и права «не пропускало». Почему — отдельный вопрос, проблема, думаю, была не в Олеге и его академических достижениях, а в его оппонентах. Не хочу сейчас подробно говорить об этом, но очевидно, что их оценка Кутафина была необъективной. Сам же Олег по этому поводу конечно же переживал, но не считал это личной драмой.

2000 год. Близились очередные выбры в РАН. Коллеги и соратники Кутафина вновь решили выдвинуть его в членыкорреспонденты Академии. Но сомневались в положительном исходе. Хотя все, казалось бы, «за»: список его трудов, педагогическая и общественная деятельность. Он не чиновник, которого, как бывает, пытаются протолкнуть в академическое сообщество, а академики сопротивляются. Кутафин — признанный специалист, и ни от одного юриста я не слышал недоброго слова о нем ни как об ученом, ни как о человеке. Почему же Отделение государства и права раз за разом голосует против него? Это просто несправедливо.

В то время мы как-то встретились с моим добрым давним знакомым (ныне, к сожалению, уже покойным) академиком-химиком Николаем Альфредовичем Платэ, который, будучи вице-президентом РАН, был, как оказалось, частично осведомлен о ситуации в Отделении философии и права (так оно тогда называлось). Он сказал, что руководство Академии заинтересовано в укреплении этого Отделения. И согласился с тем, что такой человек, как Кутафин, с его опытом, личностными качествами и авторитетом может быть нужен этому Отделению больше, чем ему — академическое звание.

Чуть позже они с Олегом встретились, после чего Н. Платэ мне сказал: «Рад, что познакомился с Кутафиным. По всем критериям он Академии подходит. Более того, он нужен Академии с ее нынешними юридическими и экономическими проблемами, в условиях кризисного состояния такие люди остро необходимы».

Это мнение разделяли и другие известные ученые. Однако ни Н. А. Платэ, ни президент РАН Ю. С. Осипов — не те, конечно, люди, кто «продавливает» кого-то. Возможно, они создали обстановку объективности. Или члены Отделения сами «дозрели». Но в мае 2000 года Кутафина наконец избрали членом-корреспондентом РАН. Всего через три года его, что называется на ура, избрали действительным членом Академии с каким-то минимальным количеством голосов «против». Более того, сделали сразу и академиком-секретарем всего Отделения общественных наук, и членом Президиума РАН.

Мой друг, академик-секретарь отделения химии и материалов РАН, тоже уже, к сожалению, ушедший от нас, Виктор Александрович Кабанов, ученый мирового класса, с огромным нравственным авторитетом, сказал как-то: «Слушай, я тут на Президиуме с таким замечательным человеком познакомился! Мы оба на "К", рядом сидим. Чувствуется, не только грамотный, но мудрый и порядочный человек. Своими мыслями, предложениями, репликами внес в работу Президиума свежую струю. И с таким чувством юмора! Когда неинтересные для меня вопросы рассматривают, я обычно о своих научных делах думал, своей химией занимался. А теперь с ним общаюсь. А знаешь, кто это?»

«Кажется, догадался, — ответил я. — Это Олег Кутафин».

«Ну да, — говорит Кабанов. — Кутафин Олег Емельянович... Я помню — друг твой. Поздравляю. Потрясающий человек! Настоящее приобретение для Академии».

А у Виктора Александровича, человека умнейшего, доброго и суперпорядочного, получить признание было очень непросто. Он был строгих правил, разборчив в дружбе, с окружающими держал дистанцию. И я был счастлив услышать, что Олег получил такую оценку академика В. А. Кабанова. Когда между твоими друзьями складываются такие отношения, как же это радостно!

Уверен, что О. Кутафин сделал для Академии наук очень много (об этом подробнее могут рассказать его коллегиакадемики). И как ученый-организатор, и как опытный юрист, и как дипломат, умеющий построить отношения, и как лидеринтегратор. У РАН, к сожалению, остаются проблемы во взаимоотношениях с государственной властью. Но в том, чего она добилась на сегодняшний день, уверен, есть вклад и заслуга Олега. И не только потому, что он был вхож в самые «высокие» кабинеты. Кутафин, как выражаются ученые-естественники, фундировал точку зрения и позицию Академии и в формальных документах, и в неформальных дискуссиях. Поэтому, мне кажется, Академия наук высоко оценивала Олега и потом, когда он ушел, ее руководители искренне говорили о своей благодарной памяти об академике Кутафине.

* * *

Невозможно вспоминать об Олеге Кутафине, не говоря, каким он был другом. Хотя, наверное, все его друзья скажут о нем много разного и вместе с тем одно и то же. Немало из тех, кто его знал, искренне говорили: «Кутафин — мой друг».

Полушутя я спрашивал у Олега: « Да сколько же у тебя друзей?»

Он отвечал: «Я не всех считаю друзьями, но они так считают. Зачем спорить?»

Действительно — зачем? Общение с людьми, хорошее к ним отношение на самом деле тоже было сферой его деятельности, частью его жизни. Когда мы с ним встречались или в его ректорском, потом — президентском кабинете МГЮА, кабинете в Администрации Президента $P\Phi$ (когда он был председателем Комиссии по гражданству), все время пытались зайти и заходили люди, раздавались телефонные звонки. Некоторым было что-то надо, другие просто хотели пообщаться...

И надо сказать, что Кутафин (наверняка в ущерб своему личному и профессиональному времени) откликался, потому

что не мог этого не делать. И наверное, поэтому многие были уверены, что Олег их друг. Хотя он просто считал, что нельзя не откликнуться на человеческое обращение иначе, чем так, как откликаются друзья.

Я уж не говорю о ситуациях, когда у кого-то из друзей или знакомых возникали проблемы с несправедливым отношением правоохранительных органов или чиновников. Когда ему звонили, он откладывал все и старался помочь.

Более того, если он считал, что его вмешательство может способствовать восстановлению справедливости и законности, Олег не просто делал «нужный звонок». Он оставлял все свои дела и ехал куда требовалось — в прокуратуру, к председателю Верховного суда. И не упрашивал должностное лицо — ну, сделай, пожалуйста... Не такой он был человек. Кутафин говорил так: это несправедливо, потому что есть такая-то статья закона, она нарушена, прошу разобраться. И продолжал следить за ситуацией, вмешиваться, если требовалось, в нее, пока проблема не была решена. Хотя, наверное, не всегда это получалось, но не его была в том вина.

Я знаю, что многие благодарны ему за восстановленную справедливость, за несломанные судьбы. Он-то большинство из них, может, и не знал лично. Просто на обращения друзей и знакомых откликался сразу же, и днем и ночью, несмотря на свою огромную занятость. Себя не жалел, помогал в ущерб не только своему времени, но и душевным силам, здоровью. Может, поэтому у него был такой ранний инфаркт. С другой стороны, люди, к которым он обращался, чтобы помочь другим, или даже их замы могли позвонить ему с ответной просьбой: «помочь» кому-то поступить в МГЮА или в аспирантуру. И надо было уметь отказывать, если абитуриент или выпускник не годился. Я помню, как Кутафин при мне объяснял кому-то: «Ну зачем человеку судьбу ломать? Это не его, из него никогда не выйдет хорошего юриста!»

Я как-то сказал Олегу: «Послушай, ну нельзя же так все время всем помогать». Он: «А если ты позвонишь?» — «Если моя просьба будет обременительной, просто скажи об этом. Мне твое здоровье дороже». А он: «Я тебе все равно не откажу. И другим тоже».

Наверное, в каких-то просьбах он все же отказывал. Но я таких случаев не знаю, если, разумеется, закон был на стороне просителя.

Как друга Олега определяли мудрость и необыкновенная чуткость. Я уже вспоминал здесь, как он отнесся к моему отцу в очень сложный для него период жизни. Репрессированный комсомольский руководитель и действующий секретарь вузкома МГУ. Разница в возрасте — под двадцать лет. То есть внешне почти ничего общего, никто никому не обязан. Но Олег понимал — этот человек ранен, у него на душе тяжесть. И протянул ему руку поддержки, дал почувствовать свое уважение, дружеское тепло. Для отца в тот момент это было очень важно.

Или мой пример. После работы в Кремле, расставшись с госслужбой, я пришел в Международный университет в Москве. Президент университета Гавриил Попов и его первый ректор (и последний министр образования СССР) Геннадий Алексеевич Ягодин предложили стать ректором — через 6—7 месяцев, а до того, поработав у Геннадия Алексеевича первым проректором, пройти своеобразную стажировку.

И вот первый день. Сижу в кабинете. Не могу сказать, что чувствую большое воодушевление, так как в университете не все в порядке. Сейчас все иначе, а тогда — грязный холл с бабушкой-вахтершей на входе, полы скрипят, не все телефоны работают, приглашаю сотрудников — не все четко понимают свои обязанности. Ну, думаю, ничего, прорвемся. Но стало мне несколько кисловато.

И тут звонит телефон.

Снимаю трубку, слышу: «Сережа, это Олег. Я знаю, у тебя сегодня первый день в университете. Поздравляю с возвращением в наше академическое сообщество! Но, как старший товарищ и твой друг, хочу тебя предупредить. Ты же к кремлевским интерьерам привык, и сейчас представляю, как ты расстроен, я бывал в МУМе. Потом начнешь работать с сотрудниками, увидишь, что все не по первому сигналу происходит, люди все делают медленно, а это — вуз, и уже со своими традициями... Немудрено впасть в уныние, а то и депрессию. Но я тебе вот что скажу.

Во-первых, если надо — звони, советуйся. Мой вузовский стаж знаешь — около 50 лет. И с Ягодиным советуйся, он человек умный и опытный.

Во-вторых, самое главное, не поддавайся унынию. А когда на душе станет тускло, дождись перерыва между занятиями, выйди и поговори со студентами. Или просто понаблюдай за ними. А потом проведи занятие или просто поприсутствуй на нем. И ты увидишь, как станет легче, с каким настроением

ты начнешь решать проблемы, которые тебя вгоняли в тоску и казались неразрешимыми!»

Я с ним согласился, поблагодарил, но и только. Первый мой день в университете прошел ни шатко ни валко. Потом, как и предсказывал Олег, начались проблемы с сотрудниками — учебной части, ректората, деканатов, которые привыкли работать по-своему. А то и вовсе не работать. И когда стало как-то уж совсем тяжело, возникло желание хлопнуть дверью и заняться чем-нибудь другим, вспомнился мудрый совет Кутафина.

Пошел к студентам. Поговорил с ними. Пошел на занятия. В перерыве снова поговорил со студентами. И почувствовал, насколько Олег прав.

Преодолеть этот кризис, связанный с переходом к другому виду деятельности, благодаря его совету оказалось намного легче. Во-первых, от этих молодых ребят идет мощная энергия и подпитывает тебя. Во-вторых, сразу вспоминаешь, ради чего ты работаешь — ты здесь, чтобы им помочь. И вот они, молодые, энергичные, спорят, смеются — разве можно их огорчить плохими лекциями, слабым преподаванием? Смотришь на тусклые коридоры — и понимаешь, нужно, чтобы в университете было красиво, чтобы им хотелось приходить сюда не только учиться.

Я потом сказал Олегу: «Эффект потрясающий!» Он ответил: «До сих пор, когда у меня что-то идет не так, от раздражения хочется выкурить десятую сигарету подряд, тогда, если нет лекций, я придумываю повод, чтобы вызвать студентов к себе и поговорить. Или просто в перерыве выхожу постоять рядом с ними. И сразу настроение поднимается, и энергии прибывает».

Это был не просто мудрый совет опытного друга, а проявление внимательного, чуткого отношения к человеку, его душевному состоянию. Он почувствовал, что в этой ситуации мне может быть не по себе, и позвонил. А я до сих пор помню и благодарен ему за это.

* * *

Меня спросили, почему Олег выбрал профессию юриста. Сам я его об этом никогда не спрашивал, но знаю точно, что когда он приехал из Одессы поступать в МГУ, то хотел и поступил именно на юрфак. А почему — могу лишь предположить.

Его мотивация к юридической деятельности, думается, определялась стремлением к справедливости. По-видимому, это было заложено в него с детства — родителями, генетически. Ведь он всегда старался добиваться справедливости в конкретных людских судьбах. Более того, он стремился и пытался влиять на развитие страны, был ярким и неравнодушным общественным деятелем. И поскольку это качество проявилось с молодости (секретарем комитета комсомола МГУ он стал в 19 лет!), значит, он осознанно стремился к общественной деятельности. Не к карьере — если бы в нем был изначально заложен карьеризм, то он проявился бы впоследствии. А мы знаем, что этого не произошло. Всю жизнь он стремился реализовать свой потенциал во имя общего блага и справедливости.

Потому его так любили комсомольцы в МГУ. Он не был популистом и как секретарь комитета ВЛКСМ должен был принимать жесткие решения о выговорах, исключениях, какой-то неизбежной в то время обязаловке. Но, как я уже говорил в начале этих заметок, Олег, по свидетельству многих, стремился к тому, чтобы через свою комсомольскую деятельность быть полезным студентам.

Думаю, в нем изначально было заложено стремление к общественному делу и совершенствованию, развитию окружающей его общественной и политической среды. И он считал, что для этого лучше всего быть юристом. И вся его деятельность во всех ее проявлениях свидетельствует об этом.

Наверное, прочитав эти в чем-то стандартные и «звонкие» слова, Олег поиронизировал бы, а может быть, и посмеялся над ними. Но в применении к нему они, я думаю, все же справедливы.

* * *

Вот уже скоро два года, как его нет. Но он по-прежнему остается с нами. И не только потому, что действует МГЮА им. О. Е. Кутафина, по его учебникам и другим трудам учатся студенты и аспиранты, парадную лестницу Академии украшает его бюст, а портрет — на мемориальной доске на ее фасаде. Действуют российская Конституция, в создании которой он активно участвовал, Ассоциация юристов России, в которую он вложил много сил, Общественная палата Р Φ , которая и ему обязана своим созданием.

Все, что он создавал, работает, но дело не только в этом.

Говорят, остается благодарная память людей. Наверное, тысячи людей хранят благодарную память об Олеге Емельяновиче — не только семья, близкие и друзья и многочисленные ученики, коллеги, соратники, единомышленники. Но благодарная память ведь не только в том, что помнят человека и его свершения. Мы, все, кто знал Олега Кутафина, понимали его значение, благодарны ему не только за то, что для нас он сделал. Мы благодарны ему за то, что он был в нашей жизни. Потому что, если бы его не было, например, в моей жизни, и жизнь могла быть другой, и я был бы в чем-то другим. Делая что-то, я могу не вспомнить об Олеге, но часто поступаю именно так, как, наверное, поступил бы или одобрил он.

Кроме моих родителей и Олега Кутафина, есть еще несколько ушедших от нас людей, о которых я могу сказать так же: это — Виктор Александрович Кабанов, Савва Кулиш, Мстислав Леопольдович Ростропович, портреты которых всегда в моем рабочем кабинете. Я счастлив, что эти люди были в моей жизни, были моими друзьями. И уйти из нее они не могут.

Уверен, немало людей — такие, какие они есть, именно потому, что Олег существовал в их жизни.

Это произошло не только потому, что Кутафин — это интеллект, мудрость, доброта, отзывчивость. Он был и таким человеком, который мог и имел право сказать, как раньше говорили и даже подписывались в старой русской армии: «Честь имею». Он был из тех, о ком когда-то Булат Окуджава написал:

«Совесть, благородство и достоинство — Вот оно, святое наше воинство».

Потому и память об Олеге будет долгой и светлой, и дела его будут жить, продолжаться — ведь он из этого «святого нашего воинства».

Бурбулис Геннадий Эдуардович,

СОВЕТНИК ПРЕЗИДЕНТА РФ (1990—1992), ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ РСФСР И ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1991—1992), ПРЕЗИДЕНТ ФОНДА «СТРАТЕГИЯ»

Человек политософский: мудрый, мужественный, милосердный

от темпром Московской государственной юридической академии. И начать я хотел бы с эпизода, связанного с работой МГЮА.

Однажды в дружеской беседе Олег Емельянович вдруг предложил мне создать в Академии кафедру политологии. Подчеркну: предложение было неожиданным, я даже удивился сначала. Однако сердце забилось: сам давно о чем-то подобном думал. Спросил: в чем, с точки зрения Кутафина, необходимость создания такой кафедры и какова должна быть моя роль?

Кутафин отвечал, как всегда, шутливо — он нередко о вещах фундаментальных говорил с внешней шутливостью. Но вопрос ставился серьезно. Олег Емельянович сказал, что в стандарт высшего образования введена специальная дисциплина — политология. Совершенно очевидно, что для юридического вуза она должна быть одной из основных, ибо политология — мировоззренческая основа системного образования. При этом есть два типа специалистов в данной сфере. С одной стороны, доморощенные теоретики, переученные преподаватели истории партии и научного коммунизма. С другой — люди, прошедшие горнило реальной политики. Они-то реально понимают, какое значение имеет современная теория политического процесса в практике управления страной. Поэтому он, Кутафин, сейчас апеллирует к моему профессиональному опыту. Не преминул

отметить, что фундаментальное философское образование, которое и привело меня в так называемую большую политику, безусловно, пригодится. Ведь новая российская политология — не обязательно повторение азов европейской, западной системы социального, гуманитарного общественного знания. В гораздо большей мере требуется умение теоретически, понятийно осмысливать сложные процессы государственно-политического, партийно-политического и общественно-политического развития новой России.

Здесь замечу еще вот что. Кутафин всей своей научной, практической и творческой деятельностью олицетворял особое живое! — понимание права. Тонко и глубоко разбираясь в его историко-культурной природе, высокопрофессионально сознавая всю масштабность, глубину и многомерность современной юриспруденции, Олег Емельянович, на мой взгляд, чувствовал еще и глубинную — скажу больше, трансцендентальную природу права. Ведь это не только писаные тексты, принятые законы. Право — глубокая, корневая система социальнокультурных взаимосвязей человека, общества и государства. Но живой организм норм, правил, ценностей и традиций может быть усушен, кастрирован текущей юридической профильной деятельностью. Сегодня существует огромное количество отраслей права. И есть, соответственно, множество специалистов, которые, владея некоей суммой знаний в своей отрасли, плохо понимают происходящее в другой. У Кутафина был другой подход. На мой взгляд, он понимал право как выдающееся открытие мировой человеческой истории, относился к нему как творец, как художник. Об этом свидетельствуют и многообразие его работ, и та стилистика, в которой он воплощал свою научную деятельность. Потому совершенно закономерна его идея создать кафедру политологии в юридическом вузе.

Мы с коллегами очень быстро вошли во вкус. Был создан студенческий кружок политологии. Знаменательно, что нам доверили проводить его занятия в зале заседаний Ученого совета Академии.

Помню случай: идет заседание кружка. Бурная дискуссия. Неожиданно в дверях появляется Олег Емельянович. Я останавливаю спор, спрашиваю: знают ли ребята, кто этот человек? Мне важно было сказать, что перед нами не просто ректор — уж как-нибудь студенты созданной им Академии знали «отца родного» в лицо. Но хотелось, пользуясь случаем, представить Кутафина во всей красе его титулов, подчеркнуть значение

этого человека. Однако Олег Емельянович парировал: «Хочу вам представить Геннадия Эдуардовича Бурбулиса...» И начал, посмеиваясь, представлять меня по полной программе. Забавный получился диалог, моментально развеселивший нашу возбужденную, усталую аудиторию. Кутафин всегда оставался Кутафиным — быстрым в реакциях, ироничным.

«СТРАТЕГИЯ» ДЛЯ РОССИИ

Я очень признателен Олегу Емельяновичу за поддержку в создании и работе нашего Центра «Стратегия». В феврале 1993 года Кутафин стал его учредителем — наряду с многими моими коллегами, друзьями и соратниками. И в дальнейшем был очень принципиальным и активным членом правления Центра.

Помню, как я объяснял ему свое понимание проекта. Само слово «стратегия» у нас в стране традиционно соотносилось с военными задачами — я сам служил в Ракетных войсках стратегического назначения. И для меня было принципиально важно отменить монополию военного сообщества на это понятие. Мы были первой в стране научно-общественной организацией с таким названием — притом что задачи Центра определялись как гуманитарно-политологические. Центр, как мне виделось, должен был заниматься проблемами гуманитарной культуры, современной, конца XX века, гуманистики. Его политическую и политологическую деятельность, говорил я, надо посвящать не только анализу традиционных вопросов — борьба за власть, ее удержание, конкуренция, конфликты. Мы должны предложить другое — идею, при которой власть должна восприниматься не как чиновничье должностное управление, а как одухотворенное служение обществу.

Олег Емельянович отвечал в своей обычной ироничной манере. Смысл его реплик был в том, что власть — сложный тяжелый мир политической конкуренции, временных альянсов, здесь борьба интересов очень легко оборачивается элементарными подставами, предательствами... Удастся ли найти возвышенную формулу, которая позволит все это ассоциировать с идеей художественной, гуманистической работы? Я отвечал: а почему нет? Ведь вам, Олег Емельянович, удается свою многообразную повседневную деятельность совмещать с колоссальной эрудицией в мире искусства, музыки, литературы. Выходит, можно ежедневно и кропотливо заниматься публичной,

политической, управленческой, организационной работой — и оставаться знатоком итальянского Ренессанса? Причем дело даже не в том, что одно не мешает другому! Кутафин востребован и ценен для современной России именно такой, какой он есть. Этому мы учимся у вас, Олег Емельянович, это школа, за которую мы будем признательны всю жизнь. Но значит, вы для себя такую формулу нашли?

Прошло еще несколько лет — и я услышал, как Кутафин свою «формулу служения» определяет. В 2004 году мы с ним руководили «круглым столом» в рамках одного международного форума. Обсуждалась тема гуманитарно-правовой стратегии — мировое сообщество, цивилизация, Россия... Кутафин взял слово. Начало его выступления мне помнится со стенографической точностью:

«Какая бы ни была Россия, как бы кто к ней ни относился, у нас другой страны нет, — сказал он. — И Россия не так плоха, как некоторым может показаться. Если уж чем она плоха — то прежде всего привычкой к демагогии, которой мы занимаемся вместо того, чтобы заняться делом. Эта привычка сказывается на нашем менталитете, на чем угодно. Нам пора прекратить заниматься самоедством. Вечная самокритика всем осточертела...»

И далее он начал страстно и глубоко анализировать опасные задержки в развитии российского законодательства. Говорил, что наш парламент не справляется со своей конституционной миссией, не задает масштабы для законодательного обеспечения современной управленческой практики. На каком-то необычном для него эмоциональном накале сказал, что романтический период новой России прошел, и мы сейчас понимаем — ничего не изменится. Но что бы там ни было, нужно работать, работать и работать. И одновременно — учиться, учиться и учиться.

Для всех участников того «круглого стола» это было, я бы сказал, открытием души Кутафина. Во все времена он умел ладить с властью. Но не потому, что угодничал, подлизывался. Кутафин понимал: помогать власти, сотрудничать с ней, если ты знаешь больше, глубже, если предвидишь ход событий лучше ее, можешь предугадать угрозы, последствия каждого шага — это, если угодно, долг порядочного человека. Именно потому Олег Емельянович искренне ненавидел пустопорожнюю болтовню, псевдонаучные и псевдотеоретические рассуждения

и дискуссии. Он требовал от всех нас реального сочетания глубокой теории с продуманной и конкретной практикой.

Его тогдашние слова до сих пор звучат у меня в ушах.

ПОСЛЕДНЯЯ КНИГА

Своеобразным завещанием Олега Емельяновича Кутафина стала его работа «Российский конституционализм». В ней он подводил итог своей научной, гражданской, творческой жизни.

Замечу попутно: Кутафин и здесь оставался Кутафиным. Обратите внимание, с какой скрупулезностью он представляет (и осмысливает) позиции своих коллег, ученых-конституционалистов. У людей, осененных высоким званием академика, главы научной школы, иногда появляется соблазн «не опускаться» до цитирования работ других специалистов, сравнения их точек зрения с собственной. Для Олега Емельяновича это было неприемлемо. Любая полезная идея, всякая теоретическая мысль должны работать на обогащение научного прогресса, найти место в научном обороте.

Но большая печаль чувствуется в выводах Кутафина. Он приходит к мысли, что воплощение идей российского конституционализма в начале XXI века приобретает негативные черты. Кутафин решительно обращает наше внимание на опасную тенденцию к тоталитаризму — тенденцию, которая в принципе неадекватна российской Конституции и никак не оправдана с точки зрения практической власти. Сам Кутафин смысл своей жизни, ученого и человека, видел как раз в том, чтобы отстаивать право, чтобы приучить общество ориентироваться на конституционные нормы в непосредственной деятельности.

ШКОЛА КУТАФИНА

Для меня Олег Емельянович остается человеком, который не перестает влиять на мою сегодняшнюю жизнь. Я пытаюсь найти ключевое слово, характеризующее его. Мне кажется, это слово «гармония».

Прежде всего — гармония личности. Его глубокое знание искусства, его постоянное стремление к общению с художественным миром и одновременно — непрерывная работа ученого-исследователя в сфере, которая непосредственно затрагивает жизненные интересы граждан и государства... Вот

он, тот случай, когда понимание художественного творчества способствовало творчеству научному.

Гармония личности порождала гармонию в отношениях с людьми. Посмотрите — он спокойно общался, дружил, сотрудничал с людьми разных взглядов, разных убеждений, разного социального статуса. Он ненавязчиво учил нас искусству диалога, учил гармонии человеческого мира.

Важный момент: для Кутафина не было нравственной проблемы, когда речь заходила о классических вопросах нашей интеллигенции — «власть и общество», «гражданин и государство». Хорошо понимая все государственные таинства, обстоятельства всех державных поступков и преступлений, он, тем не менее, показывал и доказывал нам, что недопустимо относиться к действующей в стране власти высокомерно-брезгливо, равнодушно-презрительно. Это слишком просто. Нужно стараться помочь власти стать для людей понятной и полезной. Он создавал общественную гармонию.

Наконец, самое очевидное. Кутафин обладал даром гармонии межкультурного, межнационального общения и дружбы. Посмотрите, сколько искренних друзей у него было, сколько людей каждое 26 июня хочет вспомнить Олега Емельяновича, поблагодарить его за прожитую жизнь.

В нем сочетались мужество и готовность к решительным поступкам и при этом — внимание к тем, кто нуждался в его помощи и поддержке. Он никогда не нагонял на себя показную значимость, но все понимали — он знает больше, чем говорит, понимает больше, чем может принять, делает больше, чем сказано в его официальных декларациях. Я сохраняю Олега Емельяновича Кутафина в своей памяти как человека политософского, обучившего меня уникальной, сугубо кутафинской мудрости: жизненный опыт каждого из нас неповторим, но то, как мы его реализуем, зависит только от нас самих.

Федотов Михаил Александрович,

СОВЕТНИК ПРЕЗИДЕНТА РФ, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ ПО СОДЕЙСТВИЮ РАЗВИТИЮ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Обернувшись улыбкой

Блажен, кто посетил сей мир В его минуты роковые! Его призвали всеблагие Как собеседника на пир.

Так писал Федор Тютчев о Цицероне.

Точно то же мог бы написать поэт о другом выдающемся юристе, если бы, конечно, был его современником, — об Олеге Емельяновиче Кутафине: тот тоже посетил сей мир в очень непростое время... Вместе со всем советским народом он «застигнут ночью Рима был», но, в отличие от всех прочих, он был «высоких зрелищ зритель, / Он в их совет допущен был — / И заживо, как небожитель, / Из чаши их бессмертье пил!».

Олег Емельянович на редкость органично прожил этот удивительный период, тактично названный переходным, совершив уникальное перемещение из так называемого развитого социализма в то, чему еще не найдено адекватного определения. И, думаю, причина этой органичности — в той легкой насмешливой отстраненности, с которой он взирал как на советские, так и на постсоветские порядки. От его искрящегося юмором взгляда не были скрыты ни пролежни брежневских времен, ни несуразности эпохи перестройки, ни несправедливости эпохи первоначального накопления капитала. И он никогда не сомневался в своем праве на черное говорить черное, а на белое — белое.

Впрочем, ему был глубоко чужд образ народного трибуна и гневного обличителя: он, видимо, догадывался, сколь много среди подобных деятелей сексотов и лицемеров. Он вообще

вовсе не был «простым рубахой-парнем», у которого все мысли и чувства написаны на лице. Напротив, за легкостью общения с ним, за шутливым тоном обсуждения даже самых, казалось бы, серьезных вопросов, за неизменной улыбкой чувствовалось, что ему ведомо что-то такое, что недоступно нам, простым смертным.

Именно насмешливо-ироническое отношение Олега Емельяновича к советским порядкам сблизило нас в ту пору, когда он профессорствовал на юрфаке МГУ, а я доцентствовал в ВЮЗИ. То было время, когда в государственно-правовой науке господствовал нормативизм, независимое исследование было заменено сервильным комментированием с непременным цитированием основоположников, пленумов и съездов, а едва ли не главной теоретической дискуссией был спор о названии нашей отрасли права и науки — «государственное право» или «конституционное право». Конечно, все мы прекрасно понимали, что этот многолетний схоластический спор, идущий еще от «красного профессора» Степана Степановича Кравчука, попросту беспредметен, ибо вопрос о предмете данной отрасли права и по сей день остается дискуссионным.

Чтобы ощутить царившую в ту пору в правоведении атмосферу, достаточно процитировать вопрос, заданный мне редактором уважаемого научного журнала: «Вы пишете, что средства массовой информации нужно понимать как самоуправляемую систему, действующую в рамках задаваемой обществом программы. Это что еще за программа? У нас есть только одна программа — Программа КПСС!» Вот почему столь живительны были встречи с людьми, которые, будучи облечены в юридической науке высокими профессиональными титулами, оказывались свободомыслящими, а значит, критически мыслящими людьми, не боящимися собственной тени.

Конечно, в своих научных статьях и книгах, написанных в советскую эпоху, Олег Емельянович не мог прямым текстом высказать все, что он думал о «высшей форме демократии». Но за всем написанным им тогда всегда чувствовалась его то ли чисто одесская, то ли исключительно кутафинская усмешка, эдакая улыбка чеширского кота, с которой, как с высочайшей вершины мира, он взирал на копошащееся вокруг человечество. Эта улыбка говорила: читайте между строк — и все поймете. Точь-в-точь как у Мурлыки из «Алисы в Стране чудес». «Итак, — продолжал Кот, — собака рычит, когда сердится, и виляет хвостом, когда радуется. Она, как мы условились, нор-

мальная. А я? Я ворчу, когда мне приятно, и виляю хвостом, когда злюсь. Вывод: я — ненормальный».

Олег Емельянович действительно был не такой, как все. Его улыбка, едва заметная, в уголках губ и век, открывала посвященному совершенно другой ракурс на все, что было сказано или написано Кутафиным. Но именно посвященному: далеко не все были допущены к этой тайне. Иначе не стать бы ему в советское время ни ректором, ни даже заведующим кафедрой. Со своей любовью к острому словцу и убийственным определениям, он легко мог бы разделить судьбу своего коллеги по кафедре государственного права МГУ, профессора Августа Алексеевича Мишина, всеми обожаемого, но для любого карьерного роста «не проходимого».

Впрочем, не могу исключить, что многие из тех, от кого зависела судьба Олега Емельяновича в то далекое советское время, сами были вполне в курсе его неподцензурных умозаключений о советской власти и, более того, были абсолютно солидарны с ним в осознании обреченности режима. Симптоматично, что Кутафин стал ректором ВЮЗИ именно в горбачевские времена, когда политика перестройки и гласности призвала новое поколение руководителей страны, Москвы, Бауманского района...¹

Конечно, новые времена настали не потому, что лучшие умы России нащупали самый короткий путь к счастью народа, но они потребовали своих идеологов и практиков — людей знающих, думающих, независимых. И бесстрашных. Ведь нужно было иметь немало смелости, чтобы, будучи ректором и заведующим кафедрой государственного права, покрывать авантюры своего непосредственного подчиненного доцента Федотова, то изучавшего неформальные молодежные движения и электоральные предпочтения населения, то сочинявшего с двумя такими же ненормальными, Батуриным и Энтиным, инициативный авторский проект Закона СССР о печати. Все мы чувствовали себя за ним как за каменной стеной.

Став ректором, Олег Емельянович сделал институт главным — наравне с семьей — предметом своих забот: добивался его переименования в академию, выбивал комплекс зданий на Садовой-Кудринской. Кстати, на эти здания имел виды и Институт повышения квалификации работников печати, находившийся там вместе с Высшей партийной школой. После

¹ Всесоюзный юридический заочный институт располагался в Бауманском районе Москвы.

провала ГКЧП и национализации имущества КПСС руководители института неоднократно приходили ко мне в Министерство печати и массовой информации РСФСР, прося защиты от профессора Кутафина и требуя передать им все помещения. Но разве мог я пойти против своих друзей и коллег, против интересов вуза, в котором преподавал почти пятнадцать лет? В конце концов я завизировал проект распоряжения Госкомимущества о передаче зданий в распоряжение Академии.

Думаю, именно забота о судьбе Академии диктовала Олегу Емельяновичу линию его поведения в начале 90-х годов. Не сомневаюсь, что он, как и многие его единомышленники, пережил незабываемые минуты опьянения свободой. Но, будучи одесситом, Кутафин не мог питать иллюзий. Вот почему я не могу представить Олега Емельяновича исступленно скандирующим: «Ельцин! Ельцин!» Нет, он не был безоглядным ни до, ни после. Напротив, он был предельно осторожен, не приближался слишком близко ни к одной из конфликтующих между собой ветвей власти, не участвовал в митингах и многочисленных в ту пору политических тусовках. Видимо, в тот момент он разрешил себе только участие в работе Конституционной комиссии, полагая, что создание Основного закона страны — это как раз непосредственно его профессиональное дело.

Характерный факт: я трижды обращался к нему в 1992—1993 годах с просьбой выступить в качестве эксперта на процессе в Конституционном суде РФ. Речь шла о знаменитых процессах: «Деле КПСС», «Деле Фронта национального спасения», «Деле об обеспечении свободы слова на государственном телевидении». И он неизменно находил повод, чтобы отказаться, ибо полагал, что его экспертное заключение может — при смене политических настроений — отразиться на судьбе Академии.

Единственный раз мне удалось-таки втянуть его в политические разборки в конце марта 1993 года. Как известно, вечером 20 марта Президент Борис Ельцин выступил по телевидению с Обращением к гражданам России и объявил о введении «особого порядка управления до преодоления кризиса власти». В этом выступлении глава государства сообщил о своих оценках ситуации в стране, а также о том, какие решения он принял или намерен принять. Уже на следующее утро в Конституционном суде началось форменное расследование: вызывали министров, других чиновников, требовали объяснений. Наконец

23 марта Конституционный суд РФ вынес Заключение № 3-1¹, которое Председатель КС профессор Валерий Дмитриевич Зорькин прокомментировал в эфире следующим образом: «Судьи пришли к выводу, что Президент практически перечеркнул важнейшие принципы конституционного строя. Фактически мы имеем дело с попыткой государственного переворота. Но Конституционному суду кажется, что власти стабильные все же есть в стране. И они достаточно дееспособны, чтобы власть не рухнула. ...Силовые структуры, мы призываем вас тоже быть на почве Конституции... Борис Николаевич, поверьте, мне искренне жаль вас. Вы потеряли свой шанс быть спасителем России. ...Вы стали вне Конституции, вернитесь в нее».

В сложившейся ситуации я позвонил Олегу Емельяновичу, чтобы посоветоваться. Слово за слово — возникла идея Открытого письма крупнейших правоведов России в адрес судей Конституционного суда. Потом мы еще не раз созванивались, обсуждая каждый тезис, каждое слово. Когда текст был готов, начали собирать подписи. Письмо подписали доктора юридических наук: Ю. Антонян. А. Венгеров, В. Звирбуль, Б. Здравомыслов, А. Игнатов, А. Ковлер, Е. Козлова, О. Кутафин, А. Ларин, Р. Лившиц, Л. Мамут, А. Мишин. В. Мушинский, В. Савицкий, Л. Симкин, В. Туманов, М. Федотов, В. Эминов, А. Яковлев.

Текст Открытого письма представляется мне настолько важным для характеристики Олега Емельяновича как одного из его авторов и подписантов, настолько этически значимым, что я рискую привести его здесь полностью.

«Уважаемые коллеги!

Полтора года назад юридическая общественность России приветствовала образование Конституционного суда и избрание всех вас в его состав. Огромные надежды связывали мы с этим новым для отечественной правовой системы институтом. С первых шагов КС показал себя подлинно независимым и объективным органом конституционного контроля, безраздельно преданным принципам господства права. Мы были горды тем, что благодаря вам повышается престиж нашей общей профессиональной

¹ Заключение Конституционного суда РФ от 23 марта 1993 г. № 3-1 «О соответствии Конституции Российской Федерации действий и решений Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, связанных с его Обращением к гражданам России 20 марта 1993 года».

корпорации, растет правовая культура населения, укрепляется уважение к Закону. Но чем больше уважаемый Суд оказывался втянутым в политические усобицы, тем дальше уходил он от своего предназначения. И уже совсем не юридическим, а политическим документом стало Заключение КС по поводу телевизионного обращения Президента Б. Н. Ельцина 20 марта сего года.

Чисто по-человечески можно понять и простить те многочисленные нарушения материального и процессуального права, которые в спешке были допущены при вынесении этого Заключения. Движимые стремлением немедленно отреагировать на инициативу Президента, вы уже в ночь с 20 на 21 марта провели "заседание" КС, на котором "пришли к выводу, что Президент практически перечеркнул важнейшие принципы конституционного строя" (запись ночного выступления В. Д. Зорькина). Правда, вечером 21 марта ваш председатель на сессии парламента заявил, что то были лишь "совещания" и "предварительные слушания" (?), на которые вызывали отдельных должностных лиц, и, поскольку "дальнейшего развития это обращение не получило", попросил депутатов не "торопить" (?) Суд.

Однако уже 23 марта Заключение было подписано. Вас не остановило требование ч. 1 ст. 33 Закона о КС, обязывающее давать заключение о конституционности действий должностного лица именно в заседании Суда, а не в "совещании" или "слушании". Вас не смутила обязанность проводить его по всем правилам Закона, с обязательным приглашением — не позднее чем за 10 дней до начала процесса — того должностного лица, конституционность действий которого стала объектом разбирательства, его представителей, а также других официальных участников заседания. Тем самым оказались проигнорированы не только ст. ст. 34, 36 и 42 Закона, но также основополагающие принципы правосудия — состязательность, открытость, право на защиту, — закрепленные в ст. ст. 61, 168, 169, 170 Конституции Российской Федерации.

Как ученые-юристы, мы с глубокой озабоченностью констатируем, что, вынося Заключение, вы оставили без внимания и другие требования Закона о КС: недопустимость рассмотрения политических вопросов, а именно таковым становится обсуждение выступления Прези-

дента, если изъять из него изложение проекта указа (ст. ст. 1, 32, 77): недопустимость рассмотрения проектов нормативных актов (ч. 6 ст. 32); недопустимость дачи заключений по вопросам, которые могут быть предметом рассмотрения в заседании КС по делу о конституционности нормативного акта, а именно таковым мог стать президентский указ, текста которого, кстати, у вас не было (ч. 3 ст. 74); недопустимость публично высказывать мнение о вопросе, изучаемом или принятом судом к рассмотрению, до принятия им решения по этому вопросу (ч. 3 ст. 20) и т. д.

Наша история знает мрачные периоды, когда в угоду политической целесообразности попирались азы правосудия. Сегодня подобное запрещено законом. Но закон без соблюдения умирает.

Мы помним, что решения КС окончательны, обжалованию не подлежат и могут быть пересмотрены только самим Судом. Мы искренне уважаем КС как институт правового государства и желаем укрепления его престижа. Мы знаем, что конституционным судьей может стать лишь человек, обладающий обширными познаниями в области права, высокой квалификацией и моральными качествами, необходимыми для исполнения обязанностей судыи. Нам хочется верить, что ошибка будет исправлена, ибо нет у судьи большей ценности, чем его честное имя».

Олег Емельянович знал, что подписывал: для него тоже не было большей ценности, чем честное имя. И оно осталось. Как осталась Академия. Как осталась семья. Все то, что он ценил больше всего на свете. И еще улыбка. Она тоже осталась.

Гриб Владислав Валерьевич,

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРАВОЗАЩИТНЫЙ СОЮЗ "ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН", ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПАЛАТЫ АДВОКАТОВ, ЧЛЕН ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ РФ, КАНДИДАТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

От слов к делам короткий путь

Олегом Емельяновичем мы начали тесно общаться в 2004 году. Тогда он пришел ко мне в офис на «круглый стол», посвященный переходу на новую систему выборов глав регионов. Мероприятие давно закончилось, а мы все не могли наговориться. Оттолкнувшись от политических тем, стали обсуждать другие общественные вопросы, личную жизнь... Говорили до часу ночи!

Тогда же мы обсуждали вопрос об объединении двух организаций юристов. В то время он руководил Союзом юристов России, а я — исполнительным комитетом Российского союза юристов. Отношения между двумя союзами сложились, мягко говоря, сложные. Но было ясно одно: только единая организация может стать реальной общественной силой. Поэтому нужно постараться преодолеть все трудности слияния.

У Олега Емельяновича от слов до дела был короткий путь. Как я говорил, в то время процесс объединения двух союзов в Ассоциацию ускорился. Мы часто виделись, обсуждали разнообразные вопросы: как созвать учредительный съезд, кого выдвинуть на руководящие посты, где в первую очередь организовать региональные отделения, на каких началах строить отношения с органами власти и местного самоуправления...

С Олегом Емельяновичем было очень приятно работать. Он конструктивно подходил к решению всех проблем. Благодаря его природному обаянию обсуждение самых болезненных вопросов превращалось в приятную беседу. Сразу обращало

на себя внимание его чувство юмора. Он умел вовремя вставить шутку в серьезное обсуждение — и тем самым разрядить обстановку. В разговорах тет-а-тет он нередко давал характерстики разным юристам, чиновникам: буквально несколько слов — но как метко, как емко! Во время каждого нашего совещания я испытывал радость созидания. И всегда выходил из его кабинета на подъеме, готовый к новым свершениям. От Олега Емельяновича исходило столько позитивной энергии, что он заряжал меня своей жаждой деятельности, оптимизмом еще на несколько дней!

И вот пришло время Учредительного съезда Ассоциации юристов России (АЮР). В нем участвовали первые лица государства. Я обратил внимание, что в присутствии В. В. Путина и Д. А. Медведева поведение Олега Емельяновича совершенно не изменилось: все то же чувство юмора, та же живость речи, те же паузы... Он никак не подчеркивал высоту положения находившихся с ним рядом лиц. Такое немногим дано. И В. В. Путин, и Д. А. Медведев, уверен, это ценили. Не секрет, что они очень хорошо относились к Олегу Емельяновичу. К тому времени он уже дважды возглавлял рабочую группу по выдвижению В. В. Путина в Президенты Российской Федерации.

На Учредительном съезде Олега Емельяновича избрали руководителем Ассоциации юристов России, меня — председателем Правления АЮР. Он замещал этот пост один год, потом в порядке, утвержденном Уставом организации, его сменили С. В. Степашин, В. Ф. Яковлев. Тот первый год был самым сложным. Хотя слияние организаций уже произошло, оставалось много нерешенных вопросов. Весь этот груз проблем навалился на Олега Емельяновича. Мы встречались минимум два раза в неделю, проводили совещания.

Я был поражен тем, как много Кутафин может работать. Случалось, еще утром он находился на Дальнем Востоке, в обед проводил совещание в Москве, а вечером улетал в Европу. И смена часовых поясов была ему нипочем! При этом Олег Емельянович помнил обо всех делах, которые ему следовало сделать. Сначала, когда я его о чем-то просил и видел, что он не записывает, говорил ему: «Давайте я вам для памяти на бумажке запишу». А он посмеивался с присущей ему иронией: «Ты зря думаешь, что я в маразме!» Он действительно никогда ничего не забывал. Память у него была феноменальная.

Вместе с тем Олег Емельянович умел делегировать полномочия. Он всегда знал, над чем должен подумать сам, а что

можно поручить другим. Когда какой-то вопрос он поручал подчиненным, то никогда даже не спрашивал, какое решение они приняли. Ответственность за решение, считал Кутафин, полностью лежит на принимавших его лицах. Однако, если подчиненный подводил его или ошибался, Олег Емельянович делал объективные выводы. Нет, не увольнял провинившихся сотрудников. Он ведь не был ни тираном, ни самодуром. Понимал, что от человека нельзя требовать больше, чем тот может сделать. И не требовал больше. Он тонко «настраивал» сотрудников под себя и всегда знал, кто на что способен.

Следующий период нашего с Олегом Емельяновичем активного общения пришелся на время его работы в Общественной палате РФ. Я был избран в ОП первого и второго созывов. А Кутафин вошел в Палату второго созыва. Я почти уверен, что ему сразу предложили стать членом ОП. Но Олег Емельянович сначала критически относился к возможностям этого органа. В период образования Палаты вообще многие считали ее «придатком власти» и «пятым колесом в государственной машине». Однако, увидев реальные дела ОП первого созыва, Кутафин дал согласие войти во второй ее состав.

Он сразу возглавил Межкомиссионную рабочую группу по организации экспертной деятельности. А я стал одним из ее активных участников. Экспертиза законопроектов, нормативных, подзаконных правовых актов — ключевая задача Общественной палаты. Поэтому можно сказать, что Кутафин руководил одной из важнейших межкомиссионных групп. Думаю, не будет преувеличением сказать, что Олег Емельянович, собственно, и разработал принципы и подходы к экспертизе, проводимой Общественной палатой. Это очень тонкий момент. ОП должна проводить именно общественную экспертизу проектов, то есть выражать мнение гражданского общества о том или ином документе. Очень соблазнительно подменить ее юридической экспертизой: не составит труда найти ошибки в законодательной технике, которые всегда легко обосновать. Но не в этом задача Общественной палаты!

Как узнать мнение гражданского общества по тому или иному вопросу? Олег Емельянович был убежден, что Общественная палата должна служить инструментом, позволяющим выяснить у представителей бизнеса, правозащитников, общественных организаций, профсоюзов и т. п. их точку зрения. Другими словами, ОП не вправе делать экспертизу своим узким составом. Она должна, как воронка, втянуть в себя все гражданское

общество и дать ему возможность участвовать в принятии властных решений. Но не все так просто. Мало того что гражданское общество сложно вовлечь в этот процесс, необходимо еще и как-то документально оформить его мнение.

К примеру, есть некий законопроект, за который выступает вся государственная машина, но Общественная палата против. И какое-нибудь заинтересованное ведомство бросает все силы своего аппарата на то, чтобы подготовить миллион подтверждающих бумаг, разнообразных экспертиз, экономических и технических обоснований и т. п. А что может предложить Общественная палата? Только мнение: «народ против»? Кутафин бился над тем, чтобы найти адекватную форму для обоснования позиций ОП. Нужно сказать, что мы и сегодня продолжаем эту работу...

Сейчас, спустя уже более двух лет, я осознаю, что он был идеальным человеком для правового развития Общественной палаты. С одной стороны, профессор, доктор наук, академик, всеми уважаемый человек. Можно сказать, формальный и неформальный лидер юридического сообщества. С другой стороны, Олег Емельянович не был связан никакими авторитетами. Для него аргументы «так нужно», «так принято», «это неудобно» и т. п. не имели никакого веса. Он никого не боялся. Ему было все равно, кто вносил законопроект — президент, правительство, правящая партия. Если Кутафин видел, что документ не отвечает общественным нуждам, он смело подписывал отрицательное заключение экспертизы.

Однажды в Общественной палате выступал один из федеральных министров. Он рассказывал о планах министерства и говорил, в общем-то, правильные вещи: нужно поддерживать отечественных производителей, развивать малый бизнес, увеличивать ВВП и далее в том же духе. Когда состоялось обсуждение его доклада, Олег Емельянович задал ему такие вопросы, что зал сначала смолк, а потом начал аплодировать. Не ответам чиновника, а вопросам Кутафина! Например, Олег Емельянович интересовался, как именно Правительство намерено достигать поставленных целей, есть ли реальные методы, как они согласуются между собой и т. п. Все думали, что в обсуждении доклада министра будут участвовать члены ОП — экономисты по образованию. Но юрист Кутафин глубже всех постиг проблему.

Олег Емельянович постоянно подчеркивал, что члены Общественной палаты должны отстаивать свою позицию не толь-

ко в ее стенах, но и за ними. Это, он был уверен, позволит нарастить мощь Палаты как одного из институтов гражданского обшества.

К сожалению, Олег Емельянович проработал в Общественной палате только год — вплоть до своей кончины. Но он задал нам высокую планку. Членам Межкомиссионной рабочей группы по организации экспертной деятельности, которой я ныне руковожу, есть на кого равняться...

Кутафин очень много в своей жизни успел. Я уверен, что его дела, мысли, идеи продолжают жить сегодня, как они востребованы сейчас — и будут востребованы еще долгое время. Это касается и его научных трудов, и его публичной деятельности. В частности, увеличивается значение Общественной палаты. Огромную роль в стране играет Ассоциация юристов России, создание которой я считаю большой заслугой Олега Емельяновича.

Он вдохновил меня на написание комментария к закону об Общественной палате $P\Phi$ и дальнейшей научной работе. Я многому у него научился. Общение и работа с ним стали для меня настоящей школой жизни.

Барщевский Михаил Юрьевич,

ПОЛНОМОЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ВЕРХОВНОМ СУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ВЫСШЕМ АРБИТРАЖНОМ СУДЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РФ, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Особенный друг

Олегом Емельяновичем мы знали друг друга много лет — хотя, когда я учился в ВЮЗИ, он мне не преподавал. Наше знакомство началось в конце 80-х с создания кафедры адвокатуры в Московской государственной юридической академии. Создать такую кафедру — изначально это была моя абсолютно хулиганская идея, реализация которой на тот момент казалась совершенно невозможной. Но этой мыслью увлекся профессор МГЮА Израиль Борисович Марткович, с которым мы дружили. Он пошел к Кутафину, тоже будучи уверенным, что его не поддержат. Учитывая негативное отношение к адвокатуре в СССР, сложно было представить, чтобы в те застойные времена ректор вуза пошел на такой в общем-то революционный шаг. Очевидно, стоило ожидать ответа: «Это очередная завиральная идея Барщевского!»

Но Кутафину проект понравился. Получилось, что в этом деле Юракадемия была первой. Потому что одно дело — выдать незаурядную идею создать кафедру адвокатуры. Другое дело — в действительности создать кафедру адвокатуры. Для этого нужны волевые качества.

Вообще волевыми качествами Олега Емельяновича невозможно не восхищаться. Представьте себе: 90-е годы, период разрухи. Все кругом разваливается... И только Московская юракадемия ремонтируется. Строится новое общежитие. Как Кутафину в период галопирующей инфляции удалось это сделать, до сих пор остается для меня абсолютнейшей загадкой.

В те годы мы близко не общались — до одного случая. Я приехал из США, где проходил стажировку в одной крупной адвокатской фирме. И создал в России по американскому образцу первое частное адвокатское бюро. Проходит время, появляются опыт и понимание того, что организация адвокатуры в России 90-х носит атавистический характер. Об этом написал книгу «Организация деятельности адвокатуры в РФ». Ее издали. И тут мне звонит Кутафин. Разговор начинает с такой фразы: «Ну и что ты там написал?»

В то время я был доцентом кафедры адвокатуры МГЮА. Преподавал там редко, но все-таки преподавал. Я понимал, что мне звонит ректор. Причем тон у него такой, словно мне сейчас надает по мозгам — больно и сильно. Моя первая психологическая реакция: эх, не быть мне больше доцентом МГЮА! Что ж, свет клином не сошелся...

- Вот книжку написал, ответил я Олегу Емельяновичу.
- Вижу. А что ты написал, ты понимаешь?
- Вообще я текст читал.
- Зайди ко мне. Жду тебя в 12.00. Можешь?

На следующий день в 12.00 прихожу в alma mater. Ощущение такое, что сейчас у меня попросят зачетку и поставят неуд. Он встречает меня и говорит:

- Hy что делать будем?
- А что случилось? Какие-то нехорошие отзывы? Минюст вздыбился?
  - Да при чем здесь Минюст! Давай-ка докторскую защищай.
  - Чего?!
  - Докторскую защищай!
- Понимаете, мне докторская не слишком нужна... Зачем козе баян, если она и так веселая?
- Ты не коза, а козел! В особенности если не понимаешь, зачем тебе докторская!

В те времена докторская мне действительно была совсем не нужна. Попробовал отнекиваться. Но тогда понял, как себя чувствует апельсин в соковыжималке. Олег Емельянович выкрутил мне руки в переносном смысле слова — но и до буквального было недалеко.

— В общем так, — заявил Кутафин. — Вот тебе месяц. Пиши доклад — и на защиту.

Как только я вышел из ректората, сразу стал звонить профессору Мартковичу, в то время заведующему кафедрой адвокатуры МГЮА. Он, оказывается, был уже в курсе. И стал просить

меня: «Ой, Миша, пожалей меня! Если ты не защитишь докторскую, мне не жить!»

Надо заметить, что на тот момент (в 1997 г.) было две специальности, как-то подходившие к теме работы: «02. Конституционное право» и «03. Гражданское право». Моя же диссертация была на стыке этих дисциплин. Специальность N° 11 «Адвокатура» в номенклатуре тоже была. Но с тех пор как ее ввели, ни одного доктора по ней не защитилось. Возникли организационные проблемы: как защищаться, если в Ученом совете обязательно должен быть доктор по 11-й специальности, а такого доктора в природе не существует? Я уже начал радостно потирать руки: можно расслабиться, защита не состоится.

Но я не учел, с кем имею дело. Кутафин, если что решал, шел до последнего. Он был упрям (в хорошем смысле) до безумия. Вот что он придумал — и протащил эту идею через Высшую аттестационную комиссию. Я должен был защищаться по 2-й и 3-й специальностям, но с присвоением докторской степени по 2, 3 и 11-й.

И вот наступил день защиты. Надо сказать, Олег Емельянович не часто ходил на ученые советы, на которых защищались диссертации. И моя защита началась, близится к середине — а его все нет. По залу бродит неодобрительный шепоток. Идеи в работе задиристые. Без всякого пиетета к авторитетам, без поворота головы в сторону Минюста... Я уже начал думать: «Раззадорил меня Кутафин — и бросил».

И тут как раз появился он сам. Олег Емельянович бросил пару реплик. Настроение в зале моментально изменилось. Я совершенно успокоился. И вот результат: из пятнадцати человек один против. Для докторской это хорошо. Защита состоялась! Я стал уникальным доктором по трем специальностям сразу. Причем первым в России — по адвокатуре. После этого меня стали приглашать на защиту всех диссертаций по 11-й специальности. И ведь не откажешься... Подсуропил мне Олег Емельянович!

Так мой первый вызов на ковер к ректору оказался трамплином. Позже Олег Емельянович предложил выдвинуть меня в профессоры. Признаюсь, к докторской степени я относился спокойно. Но стать профессором, тем более в стенах alma mater, мне очень хотелось. И эта мечта исполнилась.

После моей защиты мы с Кутафиным стали довольно много общаться. Нередко встречались в неформальной обстановке. Хотя в смысле увлечений мы все-таки ходили по разным кори-

дорам: Олег Емельянович любил классическую музыку, я предпочитал драматический театр.

Некоторое время я был членом семейного клуба «Монолит». Раз в месяц там выступали очень хорошие артисты: Башмет, Спиваков, Мацуев... Я всегда приглашал на эти выступления Олега Емельяновича с женой. И он с благодарностью принимал приглашения. Я на эти мероприятия ходил ради него (неудобно же позвать в гости и самому не прийти!). И не поверите, сам, благодаря Кутафину, пристрастился к классике. Впрочем, когда я позвал Кутафина на премьеру спектакля по моей пьесе, он тоже приехал. Очень похвалил меня — помоему, не очень искренне. Все-таки драма была от него далека.

Мы иногда общались и в семейном кругу. Моя жена Ольга приятельствует с женой Олега Емельяновича, Натальей Николаевной. Наташа потрясающе оттеняла Олега Емельяновича. Их характеры раскрывались в паре. Вдвоем они смотрелись не как «один плюс один равняется два», а как «один плюс один равняется четыре». Наташа мягкая, а Олег Емельянович достаточно жесткий. Она обкладывала его ватой во всем, в чем только могла. Такому человеку, как Кутафин, нужна была такая жена, как Наташа, — женщина, посвятившая себя своему мужу. Хотя она не какая-нибудь домашняя клуша. Светская в хорошем смысле этого слова, очень интеллигентная. Было заметно, как она его любит — и как он ее обожает, буквально боготворит.

Наши с Олегом Емельяновичем встречи, где бы они ни случались (начиная от приемов в Кремле и заканчивая чьими-то юбилеями), проходили по одному сценарию. Сначала — обмен свежими анекдотами. Потом напряженнейшая интеллектуальная игра словами, обмен мнениями и новостями в шуточной форме. Его одесский юмор и его глубокие, истинно академические знания делали его потрясающим собеседником. Было трудно понять, когда он тебя подкалывает, а когда говорит всерьез. Когда мы сошлись ближе, уже подружились, я тоже стал подкалывать его в разговорах. Ему это очень нравилось, поскольку редкий человек имел смелость так себя с ним вести. У нас бывали пикировки по 5—10 минут. Думаю, он тоже ценил меня как собеседника.

Вспоминается празднование моего 50-летия. В зале собрались очень разные люди. Половина присутствующих — официальные лица. Они всегда произносят тосты типа: «Вы сделали великий вклад в российскую юриспруденцию...» и далее на-

бор банальностей. А моя компания — это люди ироничные. В своем кругу мы приняли правило: «Про именинников либо плохо, либо совсем ничего». Так что на своем дне рождения ты узнаешь все гадости, которые только могут придумать про тебя друзья.

Как совместить эти компании? Я не знал. Если мои друзья станут говорить, официоз со стульев попадает. Если официоз будет говорить, мои поднимут их на смех. Первый тост произнес председатель одного из верховных судов. Моя половина компании это еще пережила, но свои комментарии выдала. А второй тост был от Кутафина. Он все же со стороны официоза: ректор МГЮА, академик. Он произнес тост, над которым от души смеялись и те, и другие. Кутафин совместил несовместимое, огонь и воду. После его тоста все покатилось нормально. Он задал тональность, которая позволила спасти вечер.

И еще одна вещь, уже совершенно несмешная. После смерти моего отца Олег Емельянович стал для меня единственным человеком, с которым я мог посоветоваться по любому вопросу. По юридическим темам я с ним не советовался никогда. А по человеческим — всегда. Я не часто пользовался этой возможностью. Но для меня было важно знать, что я могу снять трубку, набрать его номер — и услышать голос человека, который старше и мудрее меня, но заведомо по-доброму ко мне отнесется. Когда Кутафин умер, я стал одинок.

Мацкевич Игорь Михайлович,

ПЕРВЫЙ ПРОРЕКТОР — ПРОРЕКТОР ПО НАУЧНОЙ РАБОТЕ МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Предел Кутафина

Узнав о том, что мы потеряли Олега Емельяновича Кутафина, профессор И. С. Исаев произнес: «Ушла эпоха!» И он несомненно прав. Кутафин прожил большую творческую жизнь. Наверное, как и все люди на этой земле, он не успел многого из того, что хотел бы и мог бы сделать. Но добился главного — создал свою Академию.

Не раз, слушая рассуждения Олега Емельяновича о том, как, с его точки зрения, должна развиваться Россия, приходилось сожалеть, что его мощный потенциал государствоведа-практика не востребован в полной мере. Его активная деятельность в решении государственных вопросов виделась мне в роли не только советника президентов, но, например, руководителя правительства. Думаю, он и на этом посту был бы крайне эффективен и сумел бы сплотить вокруг себя профессионалов самых разных сфер деятельности.

Что касается личных воспоминаний, то, работая с ним бок о бок начиная с 2001г., только сейчас начинаю понимать многое из того, что он в силу разных причин НЕ говорил или НЕ делал. Очевидные, казалось бы, решения Олег Емельянович откладывал. Резкие оценки, которые напрашивались сами собой, смягчал. Не торопился расставаться даже с теми сотрудниками, которые явно мешали работе, пусть и не нарочно, в силу субъективных моментов не справлялись с порученным делом.

Но в то же время, когда речь шла о принципиальных моментах, О. Е. Кутафин умел, что называется, отделить зерна от пле-

вел и принимал мгновенные и точные решения. И не ошибся на моей памяти ни разу. Он всегда настаивал на принятом решении, неуклонно добиваясь его исполнения. Не потому, что был упрямцем или самодуром. Просто поступал как мудрый руководитель — не принимал необдуманных решений.

При этом, по его собственным словам, Олег Емельянович довольно часто ошибался в людях. Как истинно великий человек, он был искренен в отношении ко всем окружающим. И как у многих великих людей, в его окружении были те, кто злоупотреблял его расположением и обманывал его. Каждый такой случай Кутафин очень тяжело переживал, стараясь не показывать этого на людях.

Помню, только однажды он задержал меня в своем кабинете, сказав, что хочет рассказать о том, как его предал ученик. Не скрою, я даже испугался, поскольку не был уверен в своей готовности быть посвященным в такие личные подробности. Хотя сейчас понимаю, что это был знак особого доверия и желание поделиться мучившими его воспоминаниями и болью. Но тут к Олегу Емельяновичу пришел на прием кто-то из представителей власти, и я ушел. Больше такого разговора между нами не было. И теперь я, конечно, об этом сожалею, потому что не узнал каких-то глубинных пластов этой замечательной личности.

Оставаясь принципиальным человеком и начальником, Кутафин умел сохранять добрые отношения практически со всеми людьми. Даже те, кого он по разным причинам увольнял с должностей, продолжали относиться к нему хорошо. Как говорил в таких случаях сам Олег Емельянович, «пообижались и продолжают работать».

Кто был на церемонии прощания с О. Е. Кутафиным в Академии, мог лично убедиться, что к нему пришли буквально все, кто его знал, включая даже тех, с кем он расстался много лет назад. Его вполне искренне продолжали уважать и любить люди, с которыми он спорил до ссоры и которых наказывал.

В общем-то, несмотря на видимую легкость и очевидную успешность прожитой жизни, очевидно, что давалось все это Олегу Емельяновичу не просто. Свои звания и доктора, и профессора, и академика он трудно и честно заработал. Разумеется, помогли ему всего этого достичь его близкие (настоящая любовь, как это тоже часто бывает с великими людьми, к нему пришла довольно поздно, но зато — навсегда) и невероятное чувство юмора.

Понимаю, что не буду в этом смысле оригинален, но не могу пройти мимо этой черты характера Олега Емельяновича. Да и не черты даже — это и был сам Кутафин. Прекрасное и тонкое чувство юмора, мгновенная реакция на происходящие события. Случалась и довольно жесткая сатира, от которой доставалось всем. «По Вам можно часы сверять», — как-то сказал он первому лицу государства, задержавшемуся на несколько минут перед совещанием. Президент лишь заметил: «Я думал, что Ваши шутки президентов не касаются». Вот весь Кутафин и отношение к нему.

Даже на едкие замечания Олега Емельяновича редко кто обижался, разве что, извините, дураки. Причина этого для меня очевидна — невозможно было обижаться на человека, который был предельно самоироничен. Никто не мог посмеяться над Кутафиным так, как это делал он сам.

Неправда, что одессит — это национальность. О. Е. Кутафин был одесситом, но он был русским человеком. Как большинство из нас, тяжело переживал распад Советского Союза, еще тяжелее — искусственное отдаление его любимой Украины от России. Как большинство из нас, он так и не смог понять, почему вдруг украинцы и белорусы стали считать себя гражданами других государств, с другой историей. Да, это самостоятельные нации, но самые глубокие корни у нас общие. Кутафин прекрасно знал украинский язык, но не понимал, почему наши коллеги, ученые-юристы из Украины, не печатают своих трудов, даже авторефератов на русском, искусственно сужая рамки собственного научного творчества.

В своих прогнозах, политических и научных, О. Е. Кутафин редко ошибался. Умудренный опытом, он, тем не менее, наслаждался жизнью, получал удовольствие от занятия не только своей любимой наукой (ни дня без написанной страницы — известный жизненный принцип Олега Емельяновича), но даже политикой (хотя, как он сам говорил, все считают ее грязным делом). При этом, даже оценивая какие-то процессы негативно, он не падал духом и продолжал бороться за ценности, которые считал правильными.

Не могу осмелиться назвать себя учеником Кутафина, но его твердость и решительность в отстаивании качества юридического образования и науки убеждают меня в необходимости двигаться в том же направлении. Не может существовать декларируемое правовое государство без грамотных и независимых юристов. Выхолащивание юридического образования,

Предел Кутафина 309

сведение правоведов до уровня послушных и неграмотных исполнителей не может не тревожить. И в этом смысле считаю себя последователем идей Олега Емельяновича Кутафина. Уверен, что таких в нашем профессиональном сообществе многие сотни, если не тысячи.

Полякова Валентина Леонидовна,

ПРОРЕКТОР ПО ОБЩИМ ВОПРОСАМ МГЮА ИМ. О. Е. КУТАФИНА

Как Академия и прокуратура стали друзьями

М не очень повезло в жизни. Прежде всего потому, что я была близким другом Олега Емельяновича, и еще потому, что он осуществил мою давнюю мечту. Трудно сказать, что было вначале. Эти два события шли параллельно.

Практически вся моя жизнь связана с прокуратурой, а точнее, с кадровой работой прокуратуры. Кому-то может показаться эта работа сухой и неинтересной. Глубоко убеждена, что это не так. У меня были хорошие учителя, которые не просто привили интерес к работе с людьми, они показали, что всегда есть возможность найти что-то новое, более эффективное в подготовке кадров, в их подборе на более ответственные должности, в повышении квалификации сотрудников. И главное — они научили меня ставить перед собой сложные, интересные задачи, если хотите — научили меня мечтать. Кадровикмечтатель, усмехнетесь вы, и будете правы. Звучит несколько наивно и даже смешно, но это так.

Еще работая в прокуратуре РСФСР, я мечтала о совершенно новой системе подготовки прокурорских кадров. В те времена мне трудно было найти поддержку у руководства, и это понятно. Психологические и моральные нагрузки у прокуроров и следователей были во все времена немалыми, но никто и представить себе не мог, с чем мы столкнемся вскоре.

И вот наступили 1990-е годы. Гласность, перестройка, экономические реформы, свобода предпринимательства, законодательное закрепление права частной собственности — этот

список можно продолжать и продолжать. Очень многим нашим гражданам предоставленные права и свободы оказались не по плечу. В стране начался криминальный разгул. Появились новые виды преступлений: убийства по найму или, как их принято называть, заказные, похищения и торговля людьми, продажа в рабство и т. д. и т. п. И вот тут-то и начались запредельные психологические нагрузки у многих прокуроров и следователей. Не все их выдерживали.

Я пыталась доказать руководству, что многие проблемы можно решить, изменив систему подготовки кадров для прокуратуры, что мы должны начинать готовить прокуроров и следователей еще до поступления в высшие учебные заведения, что необходимы специализированные если не вузы, то факультеты. До того как школьник примет решение стать не просто юристом, а прокурором или следователем, необходимо серьезное психологическое тестирование. По результатам этого тестирования следует отбирать тех, кто сможет справиться с высокими нагрузками, кто обладает необходимыми организаторскими и аналитическими способностями, быстро и легко вступает в контакт с людьми. Только такие претенденты и должны получать направления для сдачи экзаменов. Сам процесс обучения должен несколько отличаться от классического преподаванием дополнительных предметов, необходимых для будущего работника прокуратуры.

Наконец я получила «добро» на изучение возможности открытия специализированных факультетов в нескольких вузах. Естественно, первым в этом списке стояла Московская государственная юридическая академия, или Академия Кутафина, как большинство юристов в нашей стране ее называли и называют. Далее шли Свердловская юридическая академия и Саратовская академия права.

К этому времени я была уже знакома с Олегом Емельяновичем, правда, близким это знакомство назвать было нельзя. И Кутафина знали все работники кадровых служб юридических ведомств, и он знал всех руководителей кадровых служб.

Я к числу руководителей тогда не принадлежала, была начальником отдела подготовки кадров Управления кадров Генеральной прокуратуры России. Однако это не останавливало меня, когда на совещаниях, встречах, конференциях по вопросам юридического образования нужно было высказывать собственное мнение, предлагать конкретные решения. Как потом мне сказал Олег Емельянович, он всегда с интересом ждал мо-

их выступлений, ведь за словом в карман я не лезла и смело вступала в дискуссии с мэтрами от педагогики.

И вот первая наша серьезная встреча с Олегом Емельяновичем. Мы обсуждаем возможность открытия на базе МГЮА института прокуратуры, а точнее, специализированного факультета. Как сейчас помню его внимательный взгляд и красноречивое молчание, когда он слушал мои соображения. На его лице было написано: ну, попробуйте меня убедить. И я попробовала. Как потом мы часто вспоминали, смеясь, это было похоже на извержение вулкана. Все, о чем я тогда так эмоционально говорила в кабинете Кутафина, несметное количество раз было мною обдумано и, если хотите, выстрадано. После моего монолога он пригласил своих сотрудников и попросил повторить его еще раз.

Олег Емельянович по-прежнему молчал, наблюдая за мгновенно возникшим после моего выступления спором. Я была готова к тому, что предложенное будет воспринято в штыки. Главный довод — прокуратура хочет создать не новое учебное заведение, а «ручной» институт, где будут учиться исключительно дети ее сотрудников. Как говорится, для себя, а не для дела. Я возражала: направление для сдачи экзаменов будут получать только те, кто пройдет психологическое тестирование, в ком видны потенциал и способность к прокурорской работе. Убеждала, что только это станет главным критерием при отборе претендентов. С каждым из абитуриентов будет вестись индивидуальная работа.

Спорили мы долго. Затем слово взял Кутафин: «Давайте начнем работу. То, что вы предлагаете, интересно, но трудно. Вы, как я понял, трудностей не боитесь, мы — тем более. Я не извиняюсь за скептицизм моих сотрудников. Убежден, что, если вы докажете свою правоту, Академия и прокуратура станут друзьями. Ну а если нет, будем считать это неудавшимся экспериментом».

После этого разговора с Олегом Емельяновичем началась конкретная работа. Она потребовала многочисленных согласований и решений на самом высоком уровне. И всегда Кутафин был рядом. При этом надо отметить, Олег Емельянович ратовал и за своих коллег из Свердловска и Саратова, так как в стране должны были одновременно открыться три института прокуратуры.

И вот наконец начался набор абитуриентов 1997 года. До сих пор с ужасом вспоминаю, как решались вопросы, свя-

занные со зданием, ремонтом, подготовкой и оснащением аудиторий. Было даже опасение, что к началу учебного года мы ничего не успеем. И вот 1 сентября 1997 года все три института открыли двери. Сотни юношей и девушек, которые выдержали не только вступительные экзамены, но и собеседование, и жесткое психологическое тестирование, начали учебу.

Что касается Москвы, то не прошло и полугода, как стало меняться отношение к институту прокуратуры у профессорско-преподавательского состава Академии. Многие захотели читать лекции, вести семинарские занятия именно здесь, настолько интересной, серьезной, отзывчивой и неравнодушной оказалась студенческая аудитория.

Я до сих пор горжусь первыми выпусками всех трех институтов прокуратуры. Такого количества красных дипломов не было никогда. Прокуратура приобрела очень хороших молодых сотрудников.

А подружились в итоге не только МГЮА и прокуратура. Моими близкими друзьями стали и сам Олег Емельянович, и его заместители в Академии. Я познакомилась с семьей Кутафина, его замечательной женой Натальей Николаевной, с которой мы тоже подружились, и сыном Димой.

Мне повезло: в лице Олега Емельяновича рядом со мной был умный, заботливый и искренний друг, который помогал мне найти ответы на многие профессиональные и личные вопросы, который не стеснялся говорить мне правду, умел радоваться моим успехам и грустить вместе со мной в трудные минуты. Я пыталась отвечать ему тем же.

Именно Кутафин убедил меня согласиться занять должность начальника Управления кадров Генеральной прокуратуры России, войти в состав Учебно-методического объединения юридических вузов страны, постоянно принимать участие в различного рода конференциях, обсуждениях по вопросам развития юридического образования. Он все время подчеркивал — нам, руководителям и организаторам образования, необходимо знать мнение практиков.

Олег Емельянович часто приезжал на Большую Дмитровку, когда Генеральным прокурором России был В. В. Устинов, с которым они дружили. Раздавался телефонный звонок Генерального прокурора: «У меня Олег Емельянович. Он хочет вас видеть». Я тут же поднималась в приемную, где меня уже ждал улыбающийся Кутафин. Потом мы сидели в моем кабинете, пили чай, а Олег Емельянович задавал мне свой любимый во-

прос: «Что нового придумала?» И дальше шел обстоятельный разговор. Недостатка в темах у нас никогда не возникало.

Для меня Олег Емельянович Кутафин был своеобразным камертоном, по которому я сверяла правильность своих мыслей и задумок. Теперь камертона нет. Примириться с этим очень трудно.

Сафронов Никас,

ХУДОЖНИК, ПРОФЕССОР УЛЬЯНОВСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА (ФИЛИАЛ МГУ), АКАДЕМИК РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

История одного портрета

Я внимательно вглядываюсь в лицо моего друга. Эти карандашные наброски я сделал, когда готовился написать портрет Олега Емельяновича Кутафина.

Я все чаще и чаще вспоминаю наши теплые встречи, и так хочется позвонить ему, а его уже больше на этом свете нет. И начинаешь понимать, что истинную ценность общения с дорогим тебе человеком часто осознаешь тогда лишь, когда теряешь его навсегда.

Наше знакомство началось очень давно. Как-то мой друг, родом из России, известный журналист, работающий и проживающий в Германии, попросил меня помочь ему сохранить российское гражданство при уже имеющемся немецком. Тогда по закону двойное гражданство у нас было запрещено. А разработкой этого закона как раз и занимался Олег Емельянович Кутафин. Тогда я впервые и услышал его фамилию. Стал расспрашивать своих знакомых о нем. И все, кто работал в области юриспруденции, говорили о нем как о человеке очень принципиальном, бескомпромиссном и строгом законнике. Тогда я не решился обратиться к нему с той просьбой.

Прошло несколько лет. Мне позвонила моя хорошая знакомая Наталья Нестерова, создавшая свою Академию, программа обучения в которой должна была быть согласована с государственными юридическими инстанциями. Какие-то у нее в Академии возникли проблемы с юридическим факультетом. Тогда я и вспомнил снова о Кутафине, зная, что это согласование

316 Сафронов Никас

идет по его ведомству, и решил на этот раз к нему обратиться. Я позвонил своему знакомому Михаилу Барщевскому, и тот согласился мне в этом помочь. Через короткое время он сообщил, что Кутафин готов меня принять. Мы созвонились. На другом конце провода я услышал деловой, но достаточно доброжелательный голос, по которому можно было судить, что это человек конкретики, не любящий терять время — как собеседника, так и свое. Мы договорились о встрече.

В назначенный день вместе с Натальей Нестеровой мы подъехали к Московской государственной юридической академии, ректором которой являлся Олег Емельянович. Дополнительный штрих: за несколько часов до встречи мне позвонили из секретариата Академии и спросили, какой у меня номер машины, объяснив, что Кутафин предлагает мне заехать на территорию Академии, зная, что на Садовом кольце в это время суток невозможно припарковаться. И это несмотря на то, что мы практически не были знакомы.

Войдя к нему в кабинет, я увидел человека с внимательным и доброжелательным взглядом. Он пригласил меня выпить с ним чаю, что сразу как-то расположило к нему. Он сказал, что давно наблюдает за моим творчеством, оно ему импонирует, и что он вообще ценит людей — профессионалов в своей области, к коим меня он тоже относит. В разговоре с ним я открыл для себя, что этот человек умеет слушать. Что он — ярчайшая, неординарная личность и сам является высочайшим профессионалом. Я изложил ему причину своего визита. Олег Емельянович попросил пригласить Наталью Нестерову, которая ожидала в приемной. Просмотрев ее обращение и сопутствующие документы, он моментально понял суть проблемы, подписал бумаги, сказав, что все законно и что не должно быть с этим у ее Академии никаких проблем.

Из чувства человеческой благодарности, с одной стороны, а с другой — Кутафин стал интересен мне как личность, я предложил ему попозировать мне для портрета. Он ответил, что никому никогда не позировал, так как не очень это любит, но мне, скорее всего, не откажет, потому что ему интересно, как я его изображу на холсте. В итоге мы решили, когда у него и у меня будет время, мы встретимся у меня в студии. На том и расстались.

И все же спустя три года я смог его уговорить попозировать мне для портрета. В то время мы уже были друзьями. Общались

довольно тесно. Я был принят у него дома, и он приходил ко мне в гости. Я познакомился с его женой Наташей — умной, яркой, красивой женщиной и мудрым, потрясающим человеком, настоящим другом своего мужа. Между ней и Кутафиным существовала удивительная, чистая любовь, основанная на уважении друг к другу. Она обожала его. И он — явный однолюб, чему большинство из нас может только позавидовать. Помню, когда выходила моя очередная книга по искусству и я дарил ему ее, он обязательно просил подписать ее сначала Наташе или только Наташе. Это была очень красивая семья.

На том портрете я изобразил Олега Емельяновича официально, как государственного деятеля, в костюме, в галстуке. Портрет ему понравился. Хотя сейчас думаю, что его, как человека творческого, тонкого, поэтичного, прекрасно разбирающегося в русской культуре и поэзии, надо было написать иначе — в летней рубашке, где-нибудь на даче, на фоне сада, или где-нибудь на фоне моря, где он сидит и смотрит на него. У меня, впрочем, осталось много живых набросков. Я думаю использовать их в создании нового образа Олега Емельяновича Кутафина. И когда я окончил портрет, мы продолжили дружить. Это были чистые, искренние отношения. Он никогда не отказывал во встрече, всегда перезванивал, если не мог сразу ответить на мой звонок. Такое бывает редко, когда сочетается профессионализм и такой масштаб личности с такими чисто человеческими качествами, как доброжелательность, внимательность и любовь к ближнему.

О Кутафине можно говорить долго. О его неповторимости, незаменимости, уникальности. На мой взгляд, он — Художник с большой буквы, очень творческая, историческая личность. И я очень рад, что в моей жизни был и есть Олег Емельянович — человек исключительной совести и порядочности. Такие люди — соль Земли, гордость нашей нации.

Шахрай Сергей Михайлович,

РУКОВОДИТЕЛЬ АППАРАТА СЧЕТНОЙ ПАЛАТЫ РФ, НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АУДИТА МГУ, ЗАСЛУЖЕННЫЙ ЮРИСТ РОССИИ, ПРОФЕССОР, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Кутафин и «дюралекс»

Вот ведь странность: сел за воспоминания о человеке, которого среди нас уже нет, а чувства — самые светлые и оптимистические. Раньше думал, что «светлый образ» — это просто фигура речи. А теперь чувствую, что это — очень искреннее и точное слово для тех, кого мы любили и уважали, кем бесконечно восхищались. Это — об Олеге Емельяновиче Кутафине.

Я познакомился с Олегом Емельяновичем в 1978 году, когда приехал учиться в аспирантуру МГУ из Ростова. Это знакомство превратило годы на кафедре государственного права и советского строительства МГУ в самый романтический период моей академической, да и личной, жизни.

То была уникальная кафедра. Если отвечать на вопрос поэта: «Где, укажите нам, Отечества отцы, которых мы должны признать за образцы», — то я бы указал на олимп этой кафедры. Еще бы — профессора, прошедшие Великую Отечественную войну, с гордостью носившие свои награды: Давид Львович Златопольский, Август Алексеевич Мишин, Леонид Дмитриевич Воеводин (ставший, можно сказать, основоположником юридической науки в КНР). Возглавлял кафедру колоритнейший Георгий Васильевич Барабашев.

По сравнению с этими уважаемыми учеными Олег Емельянович был молод. Впрочем, это я сейчас так говорю. Но нам, тогдашним аспирантам, 40-летний Кутафин казался принадлежавшим к той же когорте. И все же он выступал своеобразным интерфейсом между «молодняком» и мэтрами. Ему удавалось

создавать неформальную, творческую и одновременно очень уважительную атмосферу общения. Лично для меня Олег Емельянович сразу стал человеком, о котором принято говорить: «старший товарищ». Без его совета и помощи иные трудные минуты моей жизни могли бы превратиться в драму. И в личном плане, и в академическом.

Я счастлив, что эти отношения сохранились и после того, как разлетелись кто куда «птенцы гнезда Петрова». (А то что доктор наук, профессор Кутафин в не меньшей степени основатель целой юридической школы с собственными «птенцами», чем Петр — основатель Петербурга, это уж точно.)

Куда бы меня и моих однокашников ни заносила судьба за прошедшие с тех пор почти три десятка лет, мы не теряли связи с Олегом Емельяновичем. Не раз приходилось видеть трогательные сцены, когда нынешние вице-премьеры, министры и депутаты вдруг робели под строгим и ироничным взглядом своего прежнего наставника. А уж какое удовольствие было совместно работать над проектом новой Конституции!

Тут надо отметить, что бывший освобожденный комсомольский секретарь МГУ, общественник советского замеса О. Е. Кутафин в ходе этой работы не оказался идеологическим перевертышем. Он не отказался от своих государственнических убеждений. Напротив, основывался на них, работая над главным документом концептуально иного государства, чем то, в котором он родился и вырос. Он решительно поддержал инициативу закрепить в Конституции положение о невозможности лишения россиянина гражданства (за исключением, разумеется, случаев, не имеющих отношения к политике, — поддельные документы при оформлении гражданства и т. п.). Он был в этом вопросе жесток и принципиален. Мол, не надо повторения «казусов Солженицына, Ростроповича». А то ведь, заметил он как-то, грабли — наше национальное наступательное оружие.

Это остроумное, парадоксальное замечание — лишь малое отражение политико-нравственных воззрений Кутафиначеловека. Нет, он не был ни диссидентом, ни внутренним эмигрантом. Но его внутренняя свобода и независимость очень даже сказались, когда после принятия новой Конституции он посвятил себя становлению института гражданства в новой России.

Кутафин возглавил Комиссию по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации и оставался ее бессменным

председателем. Сказать, что он разрабатывал проекты указов и законов — ничего не сказать. Ибо Олег Емельянович со всей страстью гражданина принимал личное участие в решении судеб тысяч и тысяч людей — наших соотечественников, которые в те лихие годы именно «через Кутафина» получили возможность стать гражданами России.

Вот говорят: хорош тот наставник, ученики которого превзошли своего учителя. Не знаю. Доктору юридических наук Олегу Емельяновичу не был свойственен такой вид научной деятельности, как бег на месте. Довольно быстро мне пришлось общаться уже с академиком РАН Кутафиным, а потом уже и вице-президентом Российской академии наук. Но никакой «забронзовелости» я не заметил, Олег Емельянович отстался тем же доброжелательным, доступным, простым в общении человеком.

А самое главное — он постоянно стимулировал своих бывших воспитанников в научном плане, где добрым советом, а где и довольно жесткой критикой помогал добиваться результата. Помню, сколь продуктивным было наше взаимодействие, когда он помогал «довести до кондиции» мою докторскую диссертацию. А как не выразить признательность Олегу Емельяновичу за содействие при создании моего первого учебника по конституционному праву!

Объединяла нас и совместная работа в Научном совете по программе Президиума РАН «Экономика и социология знания». Взаимодействие на академическом поприще в сочетании с общением личным подвигло нас с Олегом Емельяновичем совместно с ректором МГИМО, академиком Анатолием Васильевичем Торкуновым, на усиление, что ли, «организационно-административной составляющей» нашей деятельности. Словом, мы попытались создать Московский юридический колледж как некую переходную ступень между средней школой и юридическим вузом.

А какое профессиональное, да и человеческое, удовлетворение испытал автор этих строк, когда ему довелось, в продолжение той самой организационно-административной составляющей нашего сотрудничества с Олегом Емельяновичем, взаимодействовать с ним в ходе создания Ассоциации юристов России! Он, воспитавший без преувеличения тысячи юристов, по праву возглавил специальную комиссию АЮР по совершенствованию качества высшего юридического образования и, к моей большой гордости, пригласил меня стать его

заместителем. Я помню, как на одном из заседаний комиссии Кутафин слушал-слушал выступающих, а потом вдруг сказал: «Хватит плодить юристов-недоучек. Нужно политическое решение. Давайте готовить проект указа Президента!» И этот указ действительно вышел, причем вместе со специальным поручением Правительству России, что и как должны сделать органы власти, чтобы поддержать усилия Ассоциации по возвращению на должную высоту качества юридического образования в нашей стране и престижа профессии.

Увы, случилось это событие уже после ухода Олега Емельяновича.

Смерть... Не с этой грустной вехой человеческой жизни ассоциируется у меня Олег Емельянович Кутафин. Скорее с рождением. Рождением кутафинской юридической школы. Рождением докторов и кандидатов юридических наук. Рождением больших проектов и начинаний. И с рождением человека. В буквальном смысле — Олег Емельянович пришел ко мне домой обмыть появление на свет моего первого сына. Стоит ли удивляться, что после такого события Сергею-младшему ничего не оставалось, как двинуться по юридической стезе? Кутафин всегда был мастером шутливых импровизаций и тонких аллюзий. В скольких только вариантах он не обыгрывал, бывало, небезызвестное изречение «Dura lex...». Как-то он сказал, что есть термин, созвучный этим двум латинским словам, — «дюралекс». Под таким названием запатентована некая субстанция, неизменно стойкая во все времена к воздействию любой среды.

Такой неизменно стойкой во все времена останется память учеников и сподвижников Олега Емельяновича Кутафина о нем и его школе.

Винокур Владимир Натанович,

НАРОДНЫЙ АРТИСТ РОССИИ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕАТРА ПАРОДИЙ

«Олег, ты — гений!»

Олег... Язык мой не поворачивается сказать «Олег Емельянович», хотя он профессор, доктор наук, академик. Его знали и уважали все российские президенты. Он воспитал целую плеяду юристов. Кутафин — человек с биографией. Это сегодня редкое качество. Он стал генералом, хотя начинал солдатом. Но вот что самое главное: в каких бы чинах он ни был, никогда этим не кичился и вел себя как обычный человек. В душе Олег всегда оставался задорным мальчишкой. И для меня он — все тот же юноша из нашей общей молодости.

Мы с Олегом познакомились в 1979 году. Тогда в Мехико должна была пройти летняя Универсиада — спортивные соревнования между студенческими командами. Женю Петросяна, Женю Мартынова, Леву Лещенко, Левона Оганезова и меня пригласили в группу поддержки. Мы сопровождали спортсменов, развлекали их и местную публику концертами. Для поездки в капстраны студентов обычно делили на пятерки, чтобы за всеми легче было уследить. Так вот из нас сформировали такую пятерку. А Олега Кутафина как ответственного члена комсомола приставили к нам шестым — и старшим.

Мы сразу признали авторитет Олега. Он был очень компанейским человеком, отличным собеседником и рассказчиком. Мы поняли, что поездка будет веселой, уже по тому, как прошло в Москве организационное собрание. На кафедру взошел кто-то из руководителей комсомольской организации и заявил: «Товарищи, предлагаю на время Универсиады установить

сухой закон. Пожалуйста, не везите с собой из Москвы водку!» Но Олег шепнул нашей пятерке, чтобы водку мы взяли обязательно. Потому что там будет дорого покупать. Да и вообще нужно, чтобы у советского человека с собой было! Этот совет оказался очень мудрым. Конечно, никто, кроме нас — артистов, — выпивку с собой не взял. Поэтому все бегали к нам в гости. А еще мы прихватили «консерваторию»: колбаску, сырок, бычки в томате. И чувствовали себя королями!

Формально Олег считался у нас «смотрящим». Но он был интеллигентнейшим человеком и, конечно, никакого отношения к Комитету госбезопасности не имел. Даже сам нередко шутил на эту тему. Когда мы выходили из гостиницы в Мехико, он нас подкалывал: «На первый второй — рас-счи-тайсь! Разбиться по парам! Равняйсь! Смир-но!» И дальше в таком духе. Как только наша компания во главе с Олегом не развлекалась! Мы свободно ходили по городу, вместе сидели в кафе, бывали в кино, делали покупки в магазинах и на рынке...

Однажды, когда мы гуляли в парке, Женя Мартынов захотел сфотографироваться с чистильщиком обуви. Мы сделали несколько снимков. После чего стали дурачиться: Олег сел в кресло, поставил ботинок на «облучок» — Женька взял щетку и начал чистить ему ботинок. Тут я подбежал и стал чистить ему другой ботинок. А Лева подошел к Олегу сзади и поддерживал его, чтобы тот со стула не упал. Надо было слышать, какие Олег отпускал комментарии! Жалко, что тогда никто не снимал на видео! Да и видеокамер, телефонов у каждого в кармане, как сейчас, тогда еще не было...

Известно, что высокий интеллект и чувство юмора редко уживаются в одном человеке. Но Олег был из таких уникумов. Я всегда проигрывал ему соревнования в анекдотах. Мы, правда, шли не от качества, а от количества. Может быть, это не совсем правильно. Но факт остается фактом: он всегда побеждал. Такой феноменальной памяти нет ни у одного артиста! Он помнил какое-то немыслимое количество историй, баек, случаев из жизни. Вместе с тем я никогда не слышал от Олега пошлых анекдотов. Даже если он использовал ненормативную лексику (иногда слово из песни не выкинешь!), он умел обыгрывать ее так, что даже женщины могли это слушать.

Особенно хорошо Олег «исполнял» анекдоты, в которых нужно было представлять кого-то в лицах. Он замечательно пародировал артистов, политических деятелей. Помню, как он рассказывал старый, в общем-то, анекдот про Леонида Ильича

Брежнева. «Брежнев был у себя дома, — так начинал Олег. — Тут раздался звонок в дверь. Леонид Ильич подходит к двери и спрашивает: "Кто там?" Ему отвечают: "Это я, Леонид Ильич!" Брежнев отзывается: "Нет, Леонид Ильич — это я. А вы кто?"». Мы все просто лежали от смеха...

Олег не из тех людей, которые умеют только «вещать». Он был прекрасным зрителем. На наших выступлениях на Универсиаде он всегда сидел в в первом ряду. Лещенко и Мартынову он подпевал. Мне подсказывал текст. Петросян всегда апеллировал к нему, потому что он громче всех смеялся. Оганезов — прекрасный пианист — всегда советовался с ним по музыкальной части. Мы жалели, что Олег не взял с собой скрипку. А то бы они могли выступать дуэтом. Я шутил в то время: «Олег, я буду тебе приплачивать за то, чтобы ты ездил со мной на гастроли. Если ты в зале, успех концерту обеспечен!»

После поездки в Мехико наша шестерка сдружилась на многие годы. Мы регулярно встречались. Я бывал у Олега на разных празднествах. К сожалению, рано ушел из жизни Женя Мартынов. Теперь нет с нами и Олега...

Отец много раз говорил мне: «Вова, никогда не стесняйся говорить людям в глаза добрые слова, которых они достойны. Пусть это будет звучать пафосно, пусть кто-то обвинит тебя в банальности! Люди обычно говорят хорошее о человеке на похоронах. Но тогда-то уже поздно!» Помня слова отца, я всегда говорил Олегу во всеуслышание: «Ты — гений!» И это — чистая правда.

Баренбойм Петр Давидович,

ВИЦЕ-ПРЕЗИДЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА (СОДРУЖЕСТВА) АДВОКАТОВ СНГ, ЧЛЕН ПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ (ЛОНДОН), КАНДИДАТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Кутафин. Воспоминания ученика

На пленарном заседании первых Кутафинских чтений 9 декабря 2009 года мне предложили выступить с темой «Воспоминания ученика». Придерживаясь этого жанра и теперь, хочу поделиться рядом малоизвестных фактов из жизни Олега Емельяновича Кутафина, оговорившись, что их трактовка является моим сугубо личным мнением.

1. ШЕСТИДЕСЯТНИК ИЗ МГУ

В 1968 году молодой преподаватель Олег Кутафин вел семинары по государственному праву СССР у моей группы 2-го курса юридического факультета Московского университета.

Вместо одного из семинаров, помнится, он сводил нас в Музей В. И. Ленина, чем все мы были очень довольны, поскольку вместо сидения в тесноватых ученых комнатах старого юрфака на улице Герцена размяли ноги и посетили место, куда ни один из нас самостоятельно бы не пошел.

Кутафин преподавал этот, как сейчас можно было бы сказать, несколько искусственный предмет живо и весело, что контрастировало, например, с установками заведующего кафедрой, который в конце семестра с удовольствием поставил мне двойку. Дело, вероятно, заключалось не только в том, что я не очень добросовестно заучил советские постулаты государственного права СССР, а в том, что Кутафин, не отходя от установленных канонов, давал такое живое изложение предмета, что уже

одно его повторение могло вызвать недовольство моего экзаменатора — старого ортодокса.

Отличие того, основанного на еще «сталинской» Конституции, государственного права СССР от нормального конституционного права можно проиллюстрировать популярным в советское время анекдотом: советская конституция гарантирует свободу собраний и демонстраций, а американская — свободу после собраний и демонстраций. Тем не менее именно эта кафедра госправа СССР стала кузницей будущего российского конституционализма. Там, даже в условиях советского начетничества, сохранялись и живое слово, и живая мысль, юмор, фрондерство, хотя и осторожное, не переходящее в диссидентство. В эту обстановку Кутафин очень хорошо вписывался.

Я слышал и в некоторых выступлениях на открытии мемориальной доски в МГЮА, и порой в частных разговорах, что личность Олега Емельяновича включала в себя противоречивые проявления его характера, что были в нем некие внутренние «сдержки и противовесы»... Оговарюсь, что большинство сложных людей, как правило, содержат в себе многообразные и порой противоречивые черты, и все же мне Кутафин видится как цельная и последовательная личность. Он умел осуществлять свои по большому счету идеалистические планы в рамках окружающей реальности — без ненужного эпатажа, без неуместной наивности. Он умел занимать в жизни позиции влияния, которые позволяли реализовывать его мечты.

Одна из них может воплотиться в МГЮА, если Академия не собьется с кутафинского курса. Создать в России современный юридический вуз мирового значения в условиях разрухи 90-х годов, периода растаскивания всего и вся — разве это не было утопическим идеалистическим замыслом? Множество посредственностей видят идеализм уделом слабых, непрактичных и наивных мечтателей, перед которыми они — «люди жизни» — испытывают внутреннее чувство ничем не оправданного превосходства. Поэт Светлов когда-то говорил: «Добро должно быть с кулаками». Идеализм, скажу я, тоже должен быть с кулаками. И Кутафин умел в жизни постоять за себя и свою Академию, о которой он мечтал, может быть, уже в те далекие годы, когда мы с ним впервые встретились.

Он умел приспосабливаться к обстоятельствам, но никогда не давал этим обстоятельствам подчинить себя, обладая удивительным чувством внутреннего достоинства.

Практичность в нем поддерживала и мечтательность, и идеализм, без которых не было бы многих важных начинаний. Я был их очевидцем и могу говорить от первого лица.

Кутафин воспитывался на кафедре государственного права юрфака МГУ, где состав преподавателей был звездным. Чемуто он учил меня, а чему-то мы вместе учились у профессора Августа Алексеевича Мишина, который впоследствии был мо-им научным руководителем при написании кандидатской диссертации. На молодого Кутафина, как и на всех других, он влиял силой своего интеллекта, напором характера и патриотизма. О преподавателях той кафедры я бы сказал: «Это были тигры, они рычали». С этими мэтрами Олег Емельянович быстро оказался на равных, потому что внутренне он был таким же, как они.

Как-то, когда мы начали переиздавать посмертно учебник конституционного права зарубежных стран А. А. Мишина (вышло уже 12 посмертных изданий), Кутафин обратил мое внимание на то, что Мишин был марксист и приветствовал ответ, что это учтено при последующих изменениях текста. Он и сам был и оставался марксистом. Ничего плохого в этом нет. Это лишь означает, что Кутафин приветствовал социальную направленность государственной политики. Если смотреть на правление лейбористов в Великобритании и социалистов и социал-демократов в Италии, Франции и Германии, других странах. Более того, Конституция России 1993 года, провозглашая страну социальным государством, закладывает именно социал-демократические подходы.

Мне хотелось бы подчеркнуть, что Кутафин относится к когорте шестидесятников — людей, пытавшихся еще в те годы повернуть страну от сталинских догматов к современной нормальной жизни. При этом он был реалистом — не просто лояльным к коммунистическим идеалам, но занимавшим вместе с Гавриилом Поповым руководящие позиции в комитете комсомола МГУ.

2. ОСНОВАТЕЛЬ МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ (МГЮА)

Совершенно не случайно, что Гавриил Попов стал в начале 90-х первым демократически избранным мэром Москвы, ведущим экономистом того времени, противостоящим сохранению прогнившей и потерявшей способность к развитию советской эко-

номической системы. А Кутафин, как и 30 лет назад, — его ближайшим советчиком по юридическим вопросам. Из этого творческого многодесятилетнего союза двух прогрессивных и талантливых людей, собственно, и родилась МГЮА.

Конечно, сыграли свою роль традиции и костяк преподавательского состава ВЮЗИ, но без этого прекрасного значительного здания в самом центре Москвы Академия не стала бы тем ведущим юридическим вузом, каким она сейчас является в российских масштабах. Без этого здания она могла затеряться в районе метро «Бауманская» среди сотен юридических вузов, появившихся в столице в 90-е годы. (Мне кажется, и юрфак МГУ что-то потерял за годы существования в бетонном прямоугольнике на Юго-Западе после переезда из особняка XVIII века в центре Москвы. А сейчас может обрести это вновь — после переезда в собственное здание, перед которым уже стоит памятник А. Ф. Кони.)

Олег Емельянович любил рассказывать, как он буквально «вырвал» здание на Садовом кольце из рук Шеварднадзе, выпрашивавшего его у Попова для какого-то (все рано потом толком не состоявшегося) фонда. А уже затем, путем многочисленных ремонтов и усовершенствований помещений, подбора новых преподавателей, создания новых кафедр и институтов внутри Академии, поощрения новых научных и учебных направлений, Кутафин за 17 лет и создал то, что раньше называли между собой кутафинской академией, а сейчас — официально Академией им. Олега Емельяновича Кутафина.

Я бы хотел на этом специально остановиться. Потому что этим не Кутафину посмертную честь оказали. Честь оказали МГЮА, которая еще должна доказать будущим своим развитием, что соответствует статусу первоклассного ведущего учебного заведения, к которому напряженно и каждодневно вел ее Олег Емельянович. Ни один юридический вуз России пока не входит в список лучших ста юридических высших учебных заведений мира. Чтобы оправдать имя Кутафина на фронтоне Академии, нужно поставить конкретную задачу войти в этот список, чтобы уже никогда не покидать его. Того же желаю и своему юридическому факультету МГУ, которому, в общем, не повезло, что О. Е. Кутафину в 80-е не дали стать его деканом.

Но, создав Академию, Олег Емельянович сделал доброе дело и для юридического факультета МГУ, поскольку теперь они могут соревноваться как Гарвард с Йелем или Кембридж с Ок-

сфордом. Такое соперничество заставит держаться в форме, бороться за внедрение передовых научных и учебных мыслей. Как говорил поэт, «соперник по плечу — долгожданнее брата». Предложенное на Кутафинских чтениях деканом юрфака МГУ А. К. Голиченковым сотрудничество является хорошим шансом и для юрфака, и для Академии совместно развивать какието новые направления, связанные с именем Кутафина, например конституционную экономику или теорию адвокатуры. Тем более что скоро, как известно, число выпускников средних школ сократится с 1 миллиона 300 тысяч до 700 тысяч. И большинство из существующих сейчас 1400 юридических вузов, скорее всего, не переживут 2015 год. Поэтому и устоявшимся государственным вузам, чтобы заполучить к себе абитуриентов даже на бюджетные отделения, придется кроме своих титулов предъявлять наиболее передовые методы обучения.

Можно и нужно праздновать в порядке исторического правопреемства юбилеи предшественника Академии — Всесоюзного юридического заочного института (ВЮЗИ). Но Московская государственная юридическая академия должна отмечать свои собственные юбилеи, рассматривая их как вехи для сверки с той сверхзадачей, которую ставил перед собой и Академией ее основатель.

3. ЧЕЛОВЕК БУДУЩЕГО

Я, повторяя название нашумевшего в 80-е годы XX века документального фильма, мог бы озаглавить этот текст «Воспоминания о будущем». Как личность, общественный деятель, ученый Олег Емельянович Кутафин был более устремлен в будущее, чем многие себе представляют. Так же как не все осознают, что, получив все высокие награды и звания, которых мог бы удостоиться ученый-юрист в России за последние 100 лет, он оставался весьма и весьма скромным человеком. Не выпячивал себя, не любил говорить о своих достижениях. И поэтому, возможно, кое-что в моих воспоминаниях станет для кого-то новостью.

Он родился в 1937 году под Одессой и навсегда сохранил в себе светлый и никогда не иссякающий ручеек ласкового одесского юмора. Было странно, если он не шутил (всегда к месту!) каждые пять минут в течение самого серьезного разговора. Незадолго до рождения Кутафина писатель Исаак Бабель вспоминал об Одессе как «значительном и очаровательнейшем» городе Российской империи. Тогда он был в ней четвер-

тым по населению и значению. Бабель писал: «Одессит — противоположен петроградцу... Просто эти брюнеты приносят с собой немного солнца и легкости... Думается мне, что должно прийти, и скоро, плодотворное, животворящее влияние русского Юга, русской Одессы... единственного в России города, где мог бы родиться великий русский писатель. Литературный мессия, которого ждут столь долго и столь бесплодно, придет оттуда — из солнечных степей, обтекаемых морем».

Одесса больше не русский город, а Кутафин не брюнет и не мессия, но сказанное Бабелем можно легко отнести и к нему. Заряда южного солнца хватило Олегу Емельяновичу на многие десятки сумрачных московских зим. К Кутафину можно отнести и слова Николая Рериха о «светоносных излучениях, возникающих при напряжении мысли высокого качества». Кутафин был служителем правовой культуры, а как сказал тот же Рерих, «служащий культуре перестает быть мечтателем, но делается воплотителем высочайшей и светлейшей мечты в жизни».

А еще Бабель писал, что люди будущего не могут полностью не «состоять из одесситов, умных, верных и веселых». Похожих на Олега Кутафина, добавлю я. Верный своей стране, своему делу и своим товарищам, он запомнился нескольким поколениям российских юристов своим искрометным умом и артистизмом, блестящей полемической реакцией и нескончаемой, заразительной и помогающей другим в трудную минуту веселостью. Он смотрел в будущее и представлял его уже сегодня. Был живым доказательством того, что это будущее есть и люди, которые в нем будут жить, прекрасны. Таким он и останется среди нас. Многие, кто любил и ценил его при жизни, сейчас наверняка осознали вдруг, что в полной мере не представляли масштаб и размах кутафинской личности.

Нам хотелось бы обратить внимание на не самые известные в широких кругах (в первую очередь из-за скромности Олега Емельяновича) попытки Кутафина вдохнуть в российскую жизнь и науку свежую струю новых идей и красоты. Именно красоты, я не оговорился.

4. ФЛОРЕНТИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Мы с Александром Захаровым сдали в печать подготовленную к 150-летию опубликования книги Якоба Буркхардта «Цивилизация Ренессанса в Италии» и 75-летию подписания сорока про-

центами независимых государств мира в американском Белом доме договора о защите культуры от войны (Пакт Рериха) нашу книгу «Государство как произведение искусства. Флорентийская утопия». Сдали 26 июня 2010 года, в дату дня рождения Кутафина, с посвящением: «Памяти автора идеи создания в Москве Флорентийского общества академика Олега Емельяновича Кутафина».

Существует концепция, выдвинутая в XIX веке исследователями итальянского Ренессанса, о государстве как произведении искусства. Базой для нее послужили несколько десятилетий XV века — период расцвета Флорентийской республики.

Философ начала XX века Николай Бердяев писал: «Для многих русских, как и англичан, Италия была мечтой... Безрадостность русской жизни, отсутствие в ней пластической красоты доводит нашу влюбленность в Италию до крайнего напряжения... Русская душа не дерзает вольно творить красоту, ощущает как грех творческую избыточность... Русская тоска по Италии — творческая тоска, тоска по вольной избыточности сил, по солнечной радости, по самоценной красоте. И Италия должна стать вечным элементом русской души».

Интересно отметить, как «мечта» по ходу рассуждений Бердяева все-таки превращается в «тоску» — в неверие в осуществимость мечты. Возможно, такого рода смирение и неверие в собственные силы остается проблемой интеллектуальной России по сегодняшний день. Если Данте дерзнул спуститься в Ад, а Боттичелли и Микеланджело бросали вызов небу и природе, то Бердяев не верил в возможность подобного в России.

А вот Кутафин считал, что без Возрождения или хотя бы порыва к нему, без «вольной избыточности сил» исторические шансы страны становятся весьма проблематичными. Он был уверен, что Возрождение в нашей стране возможно. И весной 2001 года, во время нашего совместного путешествия по Тоскане, в летнем открытом кафе на Пьяцца делла Синьория (главной площади Флоренции), Кутафин предложил создать в Москве Флорентийское общество. По замыслу Олега Емельяновича, оно продвигало бы в российскую жизнь идеи итальянского Ренессанса с тем, чтобы они дали достойный пример для возникновения у нас в стране такого необходимого ей Возрождения.

В Италии, где мы были вместе несколько раз, Кутафин раскрепощался, был игрив и задорен, любил подкалывать окружающих. Там я получил от него лучшее, хотя и не реализо-

ванное мною, признание своих способностей. На его шутливый вопрос, когда мы будем брать власть во Флоренции, чтобы перевезти имущество рода Медичи в Москву, я с ходу ответил: «Сегодня рано, а завтра будет поздно». Посмеявшись, он вдруг серьезно сказал, что он теперь не так опасается, что после ухода Мишина и его, кутафинского, поколения в юридическом сообществе способность шутить совсем исчезнет...

В узком дружеском кругу он очень гордился тем, что стоял у истоков Флорентийского общества, созданного в Москве полгода спустя. Газета «Время новостей» первой 17 сентября 2001 года напечатала вдохновленный Кутафиным манифест Флорентийского общества о необходимости в недалеком будущем культурного возрождения России. За прошедшие почти десять лет Флорентийское общество осуществляло издание книг, провело ряд конференций и выставок в Москве, Петербурге и Флоренции, установило в Москве бюсты Макиавелли и Леонардо да Винчи. И, как мне кажется, оправдало надежды Олега Емельяновича на привлечение внимания соотечественников к идеям Ренессанса.

5. АССОЦИАЦИЯ ЮРИСТОВ РОССИИ

Кутафин сыграл ключевую роль в создании Ассоциации юристов России (АЮР), которая по своему потенциалу вполне может стать неким аналогом Американской ассоциации юристов (American Bar Association) с ее почти полумиллионом членов, практически решающими рекомендациями Президенту США при назначении судей, мощным национальным и международным влиянием.

Сама идея такой совершенно новой организации, не отягощенной советским наследием, была абсолютно правильна. Другое дело, что, проходя в период построения вертикали власти, процесс ее создания, особенно с учетом участия в нем большого числа государственных чиновников, не смог избежать административного давления. В связи с этим хотел бы вспомнить довольно интересный эпизод.

Как вице-президент прекратившего свое существование (в связи с созданием Ассоциации) Союза юристов России, я оказался в составе Правления Ассоциации юристов России. Но в течение двух лет это Правление в нарушение Устава не собирали, и деятельность Ассоциации оставляла желать луч-

шего. Более того, появилась тенденция к вовлечению АЮР в оказание юридической помощи за пределами адвокатуры с получением за это государственного финансирования, а значит, дальнейшее поощрение развития в стране института «вольных юристов», оказывающих юридические услуги, в которых нет профессионального контроля за качеством работы. Я решил выступить в печати, но, естественно, сначала обратился к Кутафину за «внутренним» согласованием. Олег Емельянович, задумавшись лишь на секунду, сказал, что написать об этом нужно, так как тогдашним лидерам АЮР из числа госчиновников такая критика будет полезной. И в конце 2007 года в журнале «Адвокат» появилась моя критическая статья «Два года Ассоциации юристов России: провайдер или институт гражданского общества?».

Справедливости ради нужно сказать, что за последнее время работа Ассоциации улучшилась и более соответствует тому, какой хотел ее видеть Кутафин.

6. ТЕОРИЯ АДВОКАТУРЫ

Выступавший на Кутафинских чтениях судья Конституционного суда $P\Phi$ H. С. Бондарь справедливо поднял вопрос о необходимости «декриминализации» отечественного юридического образования, ориентированного с советских времен на «правоохранительно-криминалистическую модель юриста». Мудрые слова.

В этом направлении Кутафин сделал много больше других, учредив в Академии сначала первую в стране кафедру адвокатуры, а затем и Институт адвокатуры. Он хорошо понимал, что сама адвокатура, погруженная в повседневную практику, не в состоянии теоретически осмыслить в полной мере многие комплексные вопросы, связанные с реализацией конституционного права на квалифицированную юридическую помощь и своего единственного в российском законодательстве правового статуса как института гражданского общества.

Кроме многих вопросов чисто адвокатской работы, требующих теоретического осмысления, существует проблема емкости адвокатуры по отношению к нараставшему до самого последнего времени количеству выпускников юридических вузов. Когда-то, в начале 90-х годов, традиционная адвокатура ограничила прием, что в итоге привело к созданию параллельных

коллегий и обстановке почти что хаоса в организации адвокатской деятельности. Так продолжалось вплоть до принятия в 2002 году Закона об адвокатуре.

Сейчас, по сведениям Ассоциации юристов России, в стране 1,5 миллиона граждан с юридическим образованием, из которых по специальности работает около 750 тысяч. А упомянутые на Кутафинских чтениях в декабре 2009 года деканом юридического факультета МГУ А. К. Голиченковым 1400 юридических вузов продолжают выпускать ежегодно многие десятки тысяч молодых выпускников. Большинство из них в адвокатуру не попадает, так как численность адвокатского сообщества в последние годы прибавляется очень медленно и составляет всего около 60 тысяч. Самое главное, что доля адвокатов в возрасте до 35 лет и по стране, и в ее столице составляет не более 10 процентов.

А это означает целый ряд проблем в адвокатуре и отсутствие у нее стратегии собственного развития. При усложненной системе приема, например, в Москве, где, как говорят, сейчас Плевако не поступит с первого раза, молодые юристы — многие со знанием иностранных языков — формируют юридическую практику за пределами адвокатуры. Адвокатура же, как и 18 лет назад, начинает превращаться в стареющую корпорацию защитников по уголовным делам, оставляющих другим работу на финансовых и иных рынках, в том числе с иностранными инвесторами. Тот факт, что работающие за пределами адвокатуры юридические фирмы для удобства своей работы частично по составу совпадают с коллегиями адвокатов, по сути, не меняет ситуации.

Нарастает проблема нового «передела» в юридической профессии. В этих условиях мысль Кутафина об организации учебных и научных центров изучения проблем адвокатуры в рамках традиционного юридического вуза оказалась более чем оправданной. Так же как и выделение адвокатуры в качестве отдельной специальности для защиты диссертаций. К сожалению, уже сейчас и здесь чувствуется отсутствие Олега Емельновича: специальность исключена из перечня ВАК, адвокатским изданиям затруднена ВАКовская (на мой взгляд, абсолютно неконституционная) аккредитация. Теорию адвокатуры пытаются снова расчленить и рассовать по отраслевым кафедрам. Я думаю, что МГЮА должна продолжить кутафинские традиции в этой области, отстоять самостоятельное изучение и преподавание теории адвокатуры.

7. КОНСТИТУЦИОННАЯ ЭКОНОМИКА

Сейчас, на фоне недавнего серьезного экономического кризиса, особо вспоминается и последняя газетная публикация академика Кутафина («Время новостей», июль 2008 года). В ней он призвал к реалистическому подходу в развитии российской финансовой системы с позиций конституционной экономики — нового научного направления, ставящего во главу угла экономической стратегии государства достижение достойного уровня материального обеспечения конституционных прав и свобод российских граждан. Опытный конституционалист, он многие годы отстаивал независимый конституционный статус Банка России (в том числе выступив на эту тему в Конституционном суде $P\Phi$), который позволил бы защищать от частых перемен политической конъюнктуры устойчивость рубля. Мало кто знает, что именно по его инициативе Российская академия наук в 2006 году ввела новое научное направление «конституционная экономика» в качестве специальности, по которой проводятся выборы в членыкорреспонденты РАН.

Мы написали совместные статьи по конституционной экономике, на одну из которых в 2001 году горячо отозвался известный экономист и тогда депутат Государственной думы РФ Сергей Глазьев. С ним у нас была интересная полемика в журнале «Право и экономика» по вопросу о независимости Центрального банка РФ. Совместно с Кутафиным мы выступали на эту же тему в Конституционном суде РФ по запросу губернатора Тверской области.

Мне хотелось бы здесь предоставить слово самому Олегу Емельяновичу и привести подробную цитату из его предисловия нашему с Γ . А. Гаджиевым, В. И. Лафитским и В. А. Мау учебнику по конституционной экономике, вышедшему в 2006 году.

Кутафин писал: «Соотношение конституционного права и экономики является одним из ключевых вопросов для экономического и конституционного развития. При этом предмет конституционного права любого государства не может быть раз и навсегда данным. Он зависит от содержания конституций и других основополагающих документов, действующих в государстве на данном этапе его развития.

Публично-частный характер конституционного права дает дополнительное основание для критической оценки встречающихся в литературе утверждений, что якобы лишь граждан-

ское право, как право частное, способно гарантировать экономическую свободу личности, что именно частное право, и только оно выражает правовой строй, основанный на свободе человека. На основе этого делаются выводы о необходимости отказа от таких, например, функциональных основ построения правовой системы, как ведущая роль конституционного права, являющегося публичным правом, предпринимаются попытки придать Гражданскому кодексу функции своего рода конституции гражданского общества и т. п.

Думается, что фетишизация частноправовых начал в регулировании общественных отношений с участием гражданина, ничем не оправданное противопоставление частного и публичного, попытка увязать само понятие публичности с государственным централизмом, авторитарными началами администрирования сегодня лишены всяких оснований.

В феврале 2005 г. во влиятельном журнале "Экономист" была опубликована статья о серьезной полемике среди профессоров-экономистов относительно содержания преподавания экономики. В частности, была выдвинута на первый план позиция английских и канадских экономистов, которые критикуют представителей Чикагской и Гарвардской школ за выдвижение доктрин и концепций, на базе которых они учат студентов, где научные теории поддерживаются элегантными математическими моделями, что придает академическую респектабельность, но фактически не несет реальных практических знаний для студентов. Более того, с этим увязываются различные скандалы в крупных корпорациях, когда менеджеры довели их до краха, разорив при этом многие десятки тысяч акционеров. В качестве выхода редакционная статья "Экономиста" предлагает более активное внедрение курса этики в учебный процесс подготовки экономистов.

При всем уважении к вышеуказанному и явно небесполезному выводу хотелось бы подчеркнуть, что, если бы менеджеры "Энрона" и других корпораций были бы лучше со студенческих лет знакомы с правом и имели бы более высокое правосознание, это, возможно, помогло бы избежать противоправных экономических и управленческих решений еще лучше, чем изучение этики. То же самое можно сказать о политиках-экономистах, принимающих важные государственные решения в сфере экономики.

Совершенно очевидно также, что современные юристы не могут получить в вузах полноценную подготовку к профес-

сиональной деятельности без понимания взаимосвязи права и экономики».

Он дважды, в разное время, предлагал мне создать и возглавить в рамках Академии кафедру конституционной экономики. Хотя не исключаю, что присутствовало здесь и легкое, смешливое лукавство, поскольку мое нежелание и неспособность к ведению любой постоянной административной работы были ему хорошо известны. Будем надеяться, что конституционная экономика займет все же достойное место в системе преподавания Академии, так же как и вопросы соотношения экономики и любой отрасли права. Без этого в XXI веке трудно будет достичь уровеня, соответствующего мировому.

8. МОСКВА КАК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ ЦЕНТР

О. Е. Кутафин был совместно с экономистом А. В. Захаровым и соавтором Концепции единого правового пространства России, Европы и СНГ в сфере гражданского и корпоративного законодательства. Она была поддержана и принята в виде специальной резолюции на Международном юридическом форуме в 2003 году, а затем была в слегка измененной форме включена в одну из резолюций Евразийского экономического сообщества.

Суть ее заключается в том, что создается одновременно и совместными усилиями единое правовое пространство России со странами СНГ и Европой. Воплощением этой идеи могло бы стать создание в Москве Международного финансового центра. Этой теме была посвящена его последняя в жизни статья «Российский рубль и московский центр. Создание МФЦ и появление резервной валюты СНГ — два названия одной задачи», опубликованная в газете «Время новостей» 28 июля 2008 года. Вот некоторые выдержки из нее.

«Разработка стратегии экономического развития, включающего обеспечение требования ст. 75 Конституции о стабильности рубля, предполагает серьезные скоординированные усилия органов власти, бизнеса, экспертов — экономистов, финансистов, юристов. Тем более если в этой стратегии появляются новые, масштабные ориентиры.

Озабоченность граждан сохранностью своих сбережений и выбором того, в какой валюте или в каких ценных бумагах их сберегать, нашла, на наш взгляд, энергичный и серьезный ответ российского руководства. Речь идет о программных по сути заявлениях нового президента и нового премьер-министра, свя-

занных с планами по превращению рубля в резервную региональную валюту и созданию в Москве Международного финансового центра (МФЦ). Для населения, как и для участников рынка, такое направление деятельности государства является чрезвычайно важным, особенно на фоне нередко возникающих разговоров о потенциально возможном экономическом и финансовом кризисе. Приближающийся десятилетний юбилей дефолта 17 августа 1998 года отчасти стимулирует обсуждение возможных сценариев экономического кризиса, в том числе и в связи с неизбежным рано или поздно снижением цен на нефть и другие энергоносители.

В этом контексте принятие стратегических решений по направлениям развития финансовой системы страны на ближайшие 12—15 лет является более чем своевременным. Неконкурентоспособная и не готовая встретить вызовы глобализации финансовая система может сама по себе стать не просто тормозом экономического развития, но и причиной кризиса любого масштаба. В то же время правильно организованная и ориентированная финансовая система может стать важным антикризисным механизмом и фактором социальной стабильности.

Политика по развитию финансовой системы страны должна быть не только последовательной, но также, что часто забывается, комплексной. Только твердое поэтапное выполнение принятых программ, отсутствие признаков кампанейщины и сиюминутной политической рекламы могут создать базу для доверия граждан и инвесторов (на котором в первую очередь и стоит любая устойчивая национальная финансовая система). Такое доверие может ослабить многие проблемы на трудных этапах развития, которые время от времени объективно неизбежны на отрезке предстоящих 12—15 лет.

Обращение к данной теме выглядит особенно актуальным, если проследить за реакцией различных государственных органов на формулируемые руководством страны задачи построения Международного финансового центра. Прежде всего настораживает, что вопросы развития рубля как региональной резервной валюты пока оказались оторванными от вопросов развития финансового рынка.

Финансовый рынок и по смыслу, и лингвистически — понятие более широкое, чем фондовый или биржевой, к которым на сегодняшний день стали сводить глобальные задачи. Цели, поставленные руководителями страны, носят комплексный характер, и позиционирование Москвы как финансового центра

очевидно требует одновременных усилий по координации курсов национальных валют и развитию взаимовыгодной валютной интеграции группы бывших советских республик в сочетании с процессами координации и интеграции их рынков ценных бумаг и системы бирж.

При этом очевидно, что создание некоего прообраза рублевой зоны возможно при условии, если она будет включать неконвертируемые валюты других стран в механизм оплаты международной торговли между ними. Москва не станет финансовым центром региона под названием СНГ без рубля, который в качестве валютного ориентира будет помогать слабым местным национальным валютам играть роль в межгосударственной торговле самыми необходимыми товарами, что на данном этапе для некоторых государств важнее рынка ценных бумаг. Имеющийся в СНГ многолетний опыт биржевой торговли под одной крышей акций, фьючерсов и валюты мог бы стать критически важным для комплексного плана регионального развития рубля и биржевой региональной системы рынка ценных бумаг.

Пока же в разрозненных заявлениях разных правительственных ведомств трудно увидеть единство или координацию планов, связывающих рубль с акциями и опционами, а все вместе — с идеей создания Международного финансового центра в Москве. Федеральная служба по финансовым рынкам главным условием создания МФЦ называет объединение главных действующих российских бирж и передачу имеющихся в ней акций, держателем которых сейчас является Банк России, другому правительственному ведомству, то есть указанной службе. ЦБ немедленно вступает в давний, идущий более десятилетия, ведомственный спор и отрицает необходимость такого решения. При этом ЦБ не выдвигает предложений относительно мер, необходимых для создания МФЦ не только как фондового, но и как валютного центра, развивающего валютные рынки стран СНГ, без чего вообще малопонятны и идея МФЦ, и перспективы рубля в качестве региональной резервной валюты. Минэкономразвития со своей стороны предлагает, как условие создания МФЦ, улучшить транспортную ситуацию в столице, то есть практически передает ответственность за создание МФЦ с его электронной торговлей в надежные руки девелоперов, строителей и инспекторов ГИБДД.

Весь этот ведомственный разнобой, возможно, носит временный рабочий характер, но более вероятно, что он отражает отсутствие комплексного надведомственного подхода к формули-

рованию конкретного плана выполнения поставленной стратегической задачи. Поэтому хотелось бы обратить внимание на те моменты, которые, как нам кажется, выпали из общей дискуссии. В этой связи воспользуемся, в частности, единственным в своем роде авторитетным исследованием, проведенным в 2008 году совместно аудиторской компанией "Эрнст энд Янг" и Национальной ассоциацией участников фондового рынка (НАУФОР).

В исследовании, посвященном вопросам создания МФЦ с точки зрения развития рынка ценных бумаг, отмечается, что при всех впечатляющих показателях емкости российского фондового рынка по большинству других качественных показателей (количество торгуемых компаний, доходность, ликвидность рынка и др.) мы значительно отстаем не только от развитых, но и от ведущих развивающихся рынков. В России не завершено построение эффективной инфраструктуры рынка и системы его регулирования, что ставит, по мнению авторов исследования, вопрос о выживании национального фондового рынка. Отсюда мы можем сделать определенный вывод, что создание МФЦ не способно заменить собою необходимых шагов по развитию российского рынка ценных бумаг, но может удачно дополнить эти усилия, если мы будем также способствовать прогрессу еще менее развитых фондовых рынков заинтересованных стран СНГ с одновременным углублением интеграционных процессов между ними. Можно уверенно сказать, что, не развив свой национальный рынок и не став финансовым центром в СНГ, Россия не сможет претендовать на позиции финансового лидера по отношению к другим развивающимся рынкам.

Отметим особо, что началу совместной работы на интегрируемых рынках валюты и ценных бумаг должно во многом предшествовать решение правовых вопросов гармонизации институтов рынка и правил его регулирования. В частности, речь идет о совместной со странами СНГ работе по созданию совместимых, а затем, возможно, и единых стандартов финансового и корпоративного законодательства, биржевых правил и иных нормативных актов. Пока же в излагаемых различными ведомствами позициях отсутствует даже упоминание задач, стоящих перед юристами России и других стран в связи с созданием МФЦ и рублевой зоны.

Неоднократно выдвигавшаяся рядом юридических организаций России и СНГ идея создания единого правового пространства России, СНГ и Европы в сфере корпоративного и финансового законодательства по-прежнему остается вне зо-

ны внимания государственных органов, хотя представляется довольно очевидным, что без этого воплощение такого проекта, как М Φ Ц, вряд ли возможно.

Добавим также, что распространение знаний о возможностях рынка ценных бумаг среди населения России, что является важным условием развития финансового рынка, может легко сочетаться с помощью заинтересованным странам СНГ. Такой опыт уже имеется: совместный проект Нью-Йоркской фондовой биржи и ММВБ в конце 90-х годов привел к публикации и распространению в России и ряде стран СНГ пособия для старшеклассников об основах рынка ценных бумаг в количестве сотен тысяч экземпляров. Именно таким способом Нью-Йоркская фондовая биржа еще в 50-е годы увеличивала популярность фондового рынка в стране, доведя число инвесторов до десятков миллионов человек. Такие знания будут помогать и сложившемуся после приватизации у населения и бизнеса в целом негативного отношения к активному использованию на рынке акционерного капитала. Пока что реально на биржах России торгуются только акции нескольких десятков эмитентов при наличии в стране сотен тысяч акционерных обществ. Вялое поведение эмитентов на рынке в сочетании с низкой инвестиционной грамотностью населения являются общей характеристикой России и других стран СНГ, поэтому наши шаги в области просвещения и образования внутри страны могут эффективно сочетаться с интеграционной помощью заинтересованным странам СНГ. Если у корпоративных структур не будет стратегии развития, связанной с выходом на национальный рынок ценных бумаг, правительственная стратегия по развитию фондового рынка тоже не достигнет результата, а развитие современного корпоративного управления будет происходить крайне замедленными темпами. В исследовании НАУФОР и "Эрнст энд Янг" отмечено, что российский рынок развивается как информационное приложение к рынку американскому, а предпринятая в начале XXI века попытка развития рынка на собственной информационной основе была, к сожалению, прервана буквально пару лет спустя. Сейчас отечественная информация является малозначимой в режиме работы российского рынка.

Незаполненность биржевого пространства между Франкфуртом и Токио давно отмечалась специалистами фондового рынка. Эту стратегически важную территорию пытались и пытаются (правда, без особого успеха) заполнить Стамбульская

биржа и Австрийская биржа. О планах создания финансового центра в Алма-Ате заявил и Казахстан. При этом только Москва имела уже к концу XX века достаточно развитые биржевые технологии, обученных специалистов, а главное, концептуальные разработки, которые позволяли реально претендовать на роль такого финансового центра. Хорошо, что о необходимости стремиться к этой цели заявлено по крайней мере сейчас. При этом задача создания такого центра сформулирована руководством страны одновременно с задачей повышения значения рубля в финансовом пространстве бывшего СССР. Если создание рублевой зоны в СНГ не станет неразрывной составляющей концепции московского Международного финансового центра, то может оказаться, что разрозненные ведомственные усилия не дадут желаемого результата».

С тезисами, изложенными в этой статье, Олег Емельянович обратился к Президенту РФ Дмитрию Медведеву. 4 августа 2008 года по этой теме состоялась их встреча. Кутафина нет, а тема живет, и будем надеяться, будет воплощена в жизнь. Например, на последнем Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге президент сказал: «Сегодня, когда я выступал, я говорил о создании Международного финансового центра и о формировании консультативного совета, для того чтобы, собственно, заниматься этой работой. Я хотел бы поблагодарить за согласие войти в соответствующий консультативный совет всех, кто дал такое согласие. Мы своих знамен не меняли, идея создания Международного финансового центра появилась не сейчас и не в прошлом году. Другое дело, что сейчас мы хотели бы сделать решительный шаг вперед».

Вероятно Московской Академии стоит задуматься над созданием какого-то межотраслевого центра по разработке идеи Международного центра в Москве, чтобы обеспечить себе центральное место в этом важном проекте, удобном, кстати, и для использования в преподавании экономики и права.

9. РЕРИХ

К сожалению, мало кто знает, что Кутафин активно помогал Международному центру Рериха. Здесь, я думаю, сказалась не только хорошо известная широта его души, но интерес к правовым идеям человека, который подавляющему большинству известен только как художник, хотя тот и был выпускником юридического факультета Петербургского университета.

Николай Рерих, которого все знают как живописца, является еще и теоретиком государствоведения, автором российской концепции государства как произведения искусства. Он продолжил идею швейцарского профессора XIX века Якоба Буркхардта о приоритете культуры в государстве, а также мысль Достоевского, что красота спасет мир, оформив их в конкретные юридические формы. Концепция Рериха предоставляет понимание того, каким должно быть государство, являющееся произведением искусства, и каков путь к тому, чтобы оно таковым стало.

В первую очередь, по Рериху, это такое государство, в котором доминантой является культура. Кажется — утопическая мысль, очень абстрактная и легко оспариваемая с таких же абстрактных позиций. Но Рерих сумел с этой наивной формулой покорить половину земного шара, точнее, сорок процентов независимых государств того времени. Он не только добился от них поддержки этой идеи, но и подвиг их к подписанию конкретного юридического документа — Пакта Рериха. 15 апреля 2010 года как раз минуло 75 лет с того дня, когда в кабинете Франклина Рузвельта, в Овальном зале Белого дома, представители 21 государства мира подписали этот документ. Значимость Пакта Рериха, в котором говорилось о приоритете культуры над военной необходимостью, до сих пор еще не осознана до конца. Да и сам он до сих пор не воплощен в жизнь.

В чем суть этого короткого документа? После Первой мировой войны Николай Рерих убедился, что с ростом уровня насилия и агрессии в мире ничего сделать нельзя. Главное зло, исходящее от государства, — это войны. Государство воюет, гонит своих граждан на убой. Остаются миллионы убитых, разрушаются не только материальные, но и гуманитарные ценности.

Рерих предложил обуздать силы войны запретом разрушать произведения культуры и науки, в том числе и университеты, которые оказывались под защитой Пакта Рериха. Советский Союз, надо сказать, приглашенный к участию в этом Пакте, его не подписал. Однако сразу после Второй мировой войны была подписана Гаагская конвенция ООН, где идеи Пакта Рериха и сам документ в тексте упоминаются и используются. Но его главный посыл был перевернут с ног на голову: военную необходимость поставили выше защиты культурных ценностей.

В соответствии с Гаагской конвенцией каждая страна должна представить список своих культурных объектов, которые после

регистрации их в ООН подлежат защите во время войн. К слову, и СССР, и современная Россия до настоящего времени не подали такой список. Поэтому мало кто знает, что единственная юридическая защита Санкт-Петербурга от военного удара — охрана ЮНЕСКО. Город на Неве единственный в России имеет особый статус, редко встречающийся в мире, когда весь его исторический центр объявлен достоянием человечества. Этот статус в сочетании с положениями Второго протокола 1999 года к Гаагской конвенции, предусматривающего персональную уголовную ответственность высшего генералитета за отдачу соответствующего приказа, может предотвратить нанесение по нему не только обычного, но и ядерного удара.

Войны и локальные вооруженные конфликты продолжаются. В том числе и на территории бывшего СССР. Поэтому, кстати говоря, последствия лишения города на Неве особого статуса ЮНЕСКО, что неизбежно произойдет при строительстве небоскреба «Газпрома», должно быть объяснено его жителям. Во время недавних югославских войн Дубровник, обладающий тем же статусом, что и Санкт-Петербург, был спасен от полного разрушения только после вмешательства ЮНЕСКО. (Хотя отметим, Югославское союзное государство не включило культурные ценности Дубровника в списки ООН, как и СССР за полвека не сделал того же в отношении Ленинграда.) Этот прецедент является не только показателем применения Гаагской конвенции в сочетании с другими международными конвенциями и статусом ЮНЕСКО. Он демонстрирует силу казавшейся наивной концепции Николая Рериха.

Олег Емельянович Кутафин, как всегда, не афишируя свою деятельность и свои мысли, оказывал огромную поддержку развитию и становлению Международного центра Рериха в Москве. Мы с ним никогда об этом не говорили, но я не исключаю, что он ценил Рериха не только как художника, но и как коллегу, конституционалиста, внесшего огромный вклад в развитие важнейших правовых идей.

10. НАТАЛЬЯ НИКОЛАЕВНА. ГЕНДЕЛЬ. БОГ

У нас с Олегом Емельяновичем были достаточно близкие отношения, поэтому это мое свидетельство подлинное. В любом нашем разговоре наедине хоть сколько-нибудь продолжительном он обязательно вспоминал о своей жене Наталье Николаевне. Он говорил о ней так нежно, так возвышенно, и это очень

контрастировало с его привычной насмешливой манерой разговора. Она была его дантовской Беатриче, петрарковской Лаурой, пушкинской Натальей Николаевной, его религией и верой.

Говорят, к концу жизни он полюбил Генделя, и я думаю, не случайно, поскольку Гендель самый библейский композитор на свете. Мы никогда не говорили с Кутафиным о религии. Он поругивал меня за мою концепцию происхождения доктрины разделения властей из традиции ветхозаветных текстов, ставивших судей выше царей. Был Олег Емельянович атеист, деист или агностик — я, честно говоря, не знаю. Знаю только, что был он неисправимым идеалистом, а это, в общем-то, является почти или полностью синонимом веры в нечто выше окружающей нас непривлекательной обыденности.

Есть история о споре между Богом и дьяволом. Когда Господь пригрозил обратиться в суд, Сатана хладнокровно ответил: « Учти только, что все адвокаты у меня». Я уверен, что Кутафин сейчас в раю, потому что и Богу нужны хорошие юристы не только на земле, но и на небе.

Лукьянова Елена Анатольевна,

ПРОФЕССОР КАФЕДРЫ КОНСТИТУЦИОННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА, ЧЛЕН ОБЩЕСТВЕННОЙ ПАЛАТЫ РФ, ЧЛЕН ЦК КПРФ, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Мастер тонких вещей

Я была молоденькой аспиранткой, когда мне пришлось читать первую в своей жизни учебную лекцию. Это был пятый курс мехмата, первая пара 1 сентября. Тряслась я перед этой лекцией как осиновый лист.

Позвонила Кутафину.

Говорю:

- Олег Емельянович, я жутко боюсь...
- Чего боишься?
- Боюсь, что закончу говорить раньше, чем прозвенит звонок. Что мне делать?

Он сказал мне:

— Говори о том, что знаешь.

Вот это, наверное, самое мое сильное воспоминание о нем. Хотя «воспоминание» — это не то слово.

В моей жизни есть два человека, два учителя, о которых я никогда не говорю в прошедшем времени, хотя обоих уже нет на свете. Для меня они оба живые. Это очень близкие мне люди. С Георгием Васильевичем Барабашевым и Олегом Емельяновичем Кутафиным я советуюсь каждый день, для меня не существует их несуществования на Земле. Я знаю, что они скажут по тому или иному поводу. Поэтому, может, не так «болит»...

Еще хорошо запомнила заповедь, которую Олег Емельянович передал мне из своего опыта: жить по принципу писателя Юрия Олеши — «ни дня без строчки». Это железная заповедь

ученого. Что бы там ни было, где бы ты ни был, куда бы ни спешил, ты всегда должен записать свою мысль. Ведь из этих мыслей складывается наука.

Думаю, именно эта заповедь и позволила Олегу Емельяновичу далеко обогнать всех тех, с кем он работал и в МГУ, и в МГЮА на его родной кафедре конституционного права. Поэтому его работы фундаментальны. Он пишет о предмете конституционного права, субъекте конституционного права, ответственности в конституционном праве. Он берет проблему в целом и встает над научным спором. Ведь никто до сих пор не может точно определить, что же такое предмет конституционного права.

Он, как сильный человек, никогда не дарил людям «рыбу», а раздавал «удочки» — не давал готовых рецептов, а учил мыслить. И вот эти две его «удочки» — «ни дня без строчки» и «когда время закончилось, говори о том, что знаешь» — позволили мне поймать много-много рыбы. Сейчас-то, конечно, уже все наоборот — времени в учебных парах катастрофически не хватает. Я могу говорить о конституционном праве 80—100 часов без бумажек, и во многом именно благодаря Олегу Емельяновичу.

Впрочем, интерес к конституционному праву передался мне не от только от него. Даже не могу сказать, почему я вот так, сразу выбрала эту специальность. Но то, что с первого курса все свои курсовые я писала по государственному праву, — это точно. И когда в первый раз я пришла на юрфак в конце 10-го класса в ежегодный День открытых дверей МГУ, то попала именно на эту кафедру. Факультет тогда еще находился в здании на улице Герцена, которое представляло собой переплетение коридоров, комнатушек, сводчатых потолков... Я бродила по этому «лабиринту» и случайно наткнулась на кафедру советского государственного права. Там сидел блестяще изящный, в накрахмаленной сорочке, седой и благородный Степан Степанович Кравчук (учеником которого, кстати, был Олег Емельянович). Я оказалась его единственной «гостьей», и мы с ним очень долго разговаривали.

А потом, с того момента, когда я пришла работать на кафедру, и пока Кутафин не ушел из МГУ, наши места за кафедральным столом были рядом. Дружили, общались. Мы с ним очень похожи, потому что оба Раки — у нас дни рождения рядом: у него 26 июня, у меня 27-го. Мы даже иногда спорили из-

за того, что он периодически устраивал свой день рождения в мой день рождения. По крайней мере, 70-летие Кутафин точно отмечал 27 июня. Получилось так, что мы с отцом пришли на его юбилей, а Олег Емельянович и его жена Наталья Николаевна поздравляли меня с днем рождения. И уйти нам пришлось пораньше — дома ждали мама и друзья.

В моей семье, кстати, никто не хотел, чтобы я поступала на юридический факультет, отец очень рассчитывал, что я пойду учиться в Литературный институт. Но я сдала экзамены и была зачислена. Как оказалось, села в свои сани.

Точно не помню, когда и как мы познакомились с Олегом Емельяновичем. Я была такая въедливая студентка. Если мне что-то было интересно (а мне многое было интересно), то после занятий отлавливала преподавателей, приставала к ним с вопросами... Преподаватели стали приглашать меня с моими «вредными» вопросами домой. Так же я приставала и к Кутафину. Сначала Олег Емельянович преподавал на кафедре советского строительства, но позже ее объединили с кафедрой советского государственного права. Возглавил ее Георгий Васильевич Барабашев.

Барабашевская кафедра была потрясающей по своей мощи — и научной, и человеческой. Это был бурлеск мысли — время такое: 1977 год, принятие Конституции, развитие конституционно-правовых идей. Кафедра, где очень любили студентов. Сам Георгий Васильевич Барабашев был большим либералом, очень веселым, демократичным человеком, огромным умницей. Он легко дарил свои идеи, не давил на сотрудников кафедры, всегда давал свободу творить, искал таланты. Поэтому столько «звезд» собралось вокруг него.

Не знаю в подробностях, как Кутафин руководил своей Юридической академией, но я абсолютно уверена, что Олег Емельянович жил по этому же принципу. Такая организация очень нетипична для современной России. Нынешние начальники любят окружать себя более серыми персонажами, чтобы выгодно выделяться на их фоне.

Думаю, и Олег Емельянович окончательно сформировался именно в период работы на кафедре. Учителя учителями, но когда ты, молодой ученый, становишься профессором (а он им уже был), важны среда, окружение, личные примеры...

Немаловажно, что Кутафин сам был выдающимся ученым-государствоведом. Он соответствовал тому месту, которое за-

нимал. Ну не может быть руководитель такого нового, очень крупного учебного центра посредственным ученым! Кутафин не мог себе этого позволить. Если он растил «звезд» — значит, и сам должен был быть «звездой». Он был блестящим ученым, современникам даже трудно оценить насколько.

И еще он — блестящий учитель. Вот в МГУ с 1993 года до сих пор нет учебника по российскому конституционному праву. Почему? Мы писали текст, но менялась обстановка и рассыпали набор. А Олег Емельянович Кутафин с Екатериной Ивановной Козловой сумели сделать учебник, который не устаревает. По нему легко учиться. К нему мы прилагаем некие дополнительные материалы, и он работает во все времена! Я до сих пор не могу понять, как им удалось создать такой учебник, который при любой смене обстановки переиздается с редакционными поправками и остается актуальным. Ведь суть задачи автора учебника не описывать закон, а найти смысл, общее определение. Это очень трудно.

А кутафинские монографии по отдельным темам конституционного права! Или книга о гражданстве, которую он написал, будучи председателем Комиссии по гражданству при Президенте, — ей равных нет.

К слову, работая в этой комиссии, Кутафин сделал очень много. Пусть и последний закон о гражданстве, конечно, несовершенен. По-другому не выходит, потому что вопросы гражданства в переходные периоды очень подвижны. То же было в первые годы советской власти, когда шла волна реэмиграции и законодательство нужно было менять очень быстро и гибко.

Умный, тонкий, Кутафин никогда не был догматиком. Ученый не может позволить себе скатиться в догму, иначе и наука откатывается назад. Нужно чувствовать новые тенденции времени и уметь их осмысливать. А Олег Емельянович это умел делать. Именно поэтому его книги хороши. Большинству ученых вся жизнь понадобилась бы, чтобы суметь написать одну такую книжку. А Олег Емельянович успевал писать и издаваться, несмотря на множество дел и забот. Благодаря тому самому «ни дня без строчки». Более того, его книги таковы, что сегодня можно взять любую из них и начать писать продолжение. Спорить с ним. Дополнять...

В них по-прежнему много острого, злободневного. Я его часто цитирую. А он, например, говорил в пятилетие последнего Основного закона, что у нас в стране, по его ощущению, существует только видимость Конституции.

Это притом, что Кутафин был одним из создателей новой Конституции. Но ведь там произошла настолько же странная история, насколько сам 1993 год был странным временем. Официально Конституционная комиссия была одна, под руководством Олега Румянцева. Все ее попытки провалились и привели к кризису 1993 года. Растерянный Румянцев, с отбитыми автоматным прикладом почками, вышел из расстрелянного Дома Советов, развел руками и сказал: ребята, а я-то думал, что у нас демократия... После этого создали фактически новую комиссию. Она была достаточно закрытым инструментом, оппозицию в нее формально позвали, но не пустили никого.

Комиссия же представляла собой (как понимаю я теперь, по прошествии 16 лет) группу классных юристов, которые всетаки во многом были утопистами-идеалистами. Потому что они написали Конституцию, состоящую из двух несовпадающих частей. Следствия чего мы сейчас и пожинаем.

Первая часть — абсолютно либеральные принципы, но без механизмов их исполнения. Она сегодня не работает.

Вторая часть — абсолютно авторитарная, по разграничению властных полномочий похожая на ту полумонархическую Конституцию, что в 1917-м готовили к созыву Учредительного собрания.

Олег Емельянович ничего не рассказывал мне о том периоде, да и вообще это было трудное время. Однако недавно один итальянский ученый собрал воспоминания всех членов Конституционной комиссии в отдельную книгу. И, прочитав ее, я понимаю — они тогда очень хотели лучшего. Это был здоровый юридический утопизм. И я не знаю ни одного конституционалиста, который не желал бы написать идеальную Конституцию.

Но получился достаточно эклектичный документ, который по определению не мог работать. Кроме того, Конституцию дорабатывали наспех, а людьми, которые пытались заложить в нее демократические идеи, довольно умело манипулировали. Идеи заложить позволили, а процедуры их реализации не предусмотрели, отделались отсылочными нормами. Последствия все мы пожинаем сегодня.

Я не думаю, что Кутафин этого не понимал. Не мог не понимать. Но кто бы из нас, конституционалистов, не пошел бы в эту комиссию, не воспользовался бы такой возможностью попытаться что-то изменить к лучшему?

Олег Емельянович — человек, никогда не прогибавшийся, никогда не изменявший себе. И тем не менее очень гибкий. Он мог промолчать в какой-то конъюнктурной ситуации, но оставался самим собой. Именно поэтому он пошел в партию «Родина». С «Родиной» в большую политику пришли сильные, умные ребята. «Левые» без всяких «измов». Харизматичные, целеустремленные. И Олег Емельянович со своим огромным опытом и знаниями оказался там абсолютно на месте. Ведь чем мы, конституционалисты, ценны для любой партии, для любой власти? Тем, что мы специалисты по власти, по взаимоотношениям государства и общества, по политической системе, по партстроительству. Все эти тонкие материи — конституционное право.

Я приходила тогда к Олегу Емельяновичу в Академию, мы долго с ним разговаривали. Он сказал: «Почему я не пошел в другие партии? Потому что все они ненастоящие». По убеждениям он, безусловно, социал-демократ, консерватором не был никогда ни в чем. И здесь мы с ним совпадаем.

Олег Емельянович никогда не был заидеологизированным, какими являются многие партийные функционеры. На самом деле зачастую их идеология не стоит ровно ничего, это обычные бюрократы. Если мы что-то делали, то искренне. Кстати, я вступила в партию в 25 лет и с большим шумом. Пришла на первое партсобрание, послушала, вышла на трибуну и сказала: «Как у вас скучно по сравнению с комсомолом». Из присутствовавших один лишь Кутафин смеялся. Говорил: «Давай мочи...»

Сейчас я для себя решила, что назначена в состав Общественной палаты на его место. Я горда тем, что могу быть его преемником, что мы, с разницей в полгода, друг друга там фактически сменили.

Но главным смыслом в жизни у нас всегда оставались наши студенты. Все остальное — преходящее. Потому что большей ценности, чем наши ученики, все равно нет, как нет трибуны лучшей, чем лекционная. Именно поэтому я абсолютно уверена, что Олег Емельянович никогда не ушел бы в политику полностью.

Кутафин настолько многогранен, что и двух жизней не хватило бы, чтобы он мог полностью реализоваться. В этом смысле его многочисленная и разнообразная общественная нагрузка с точки зрения науки, наверное, была разбазариванием себя, тратой ценного времени. Но если ты становишься известным,

медийным лицом, то уже никуда не денешься — это неизбежное следствие того, что ты сделал в жизни, чего достиг. Обязанность — взаимозависимый процесс: выходишь из медийного поля, и это тут же отражается на основной твоей деятельности. И ты продолжаешь — ради дела!

Просто в сутках чуть-чуть не хватает часов. К сожалению, иногда надо спать. И к счастью — заниматься семьей. А уж семья у Олега Емельяновича великолепная. Наташа и Дима, которые вели большую часть его дел. Наташа — она больше, чем просто жена. Она друг, партнер, соратник. И говорить о том, что Олег Кутафин — это только Олег, нельзя. Настолько они вместе, настолько огромный кусок своей жизни она отдала ему полностью. В итоге сложился мощнейший тандем.

Я знала, насколько Олег Емельянович занят, сколько на нем общественных нагрузок, от которых он не мог отказаться. И старалась лишний раз не беспокоить его. Но если все же очень нужно было посоветоваться, звонила Наташе. А у него иной раз и сил поговорить не было. Но эту амбразуру полностью закрывала Наташа — брала на себя это огромное количество звонков, это гигантское количество контактов. Она вела все его внеслужебное расписание. Поэтому им вдвойне не хватало суток. А потом подрос Дима, который быстро тоже стал все понимать и помогать.

Помню, их первая совместная и совсем маленькая квартирка находилась напротив Гнесинского института. Там было как-то очень светло, здорово. Постоянно приходили люди, очень разные — его же все любили. Знакомые, ученики — с поздравлениями, цветами, общением... Олега Емельяновича невозможно представить без Наташи.

Что еще? Он умел и любил посмеяться, шутить, балагурить. Мог рискнуть, поставить все на карту. Как тогда, когда он второй раз ушел из МГУ в ВЮЗИ ректором. Фактически, бросил все и стал создавать новый вуз в практически разрушенной стране. Могло ведь и ничего не получиться. И ему это было нужно не ради ректорства как такового. Он ведь не привилегий себе искал. У него было иное целеполагание — оставить за собой дело, учеников, школу. Он это умел, знал, мог.

И не в том суть, что он хотел быть первым. Вернее, не потому хотел стать первым, чтобы быть таковым. Кутафин прекрасно понимал, что только первое лицо может принимать те решения, которые считает нужным для достижения поставленной цели. Это просто степень свободы. Он и делал все так, как видел.

И всегда считался с укладом академической среды, но при этом поступал по-своему. Делал это не авторитарно, не по принципу «принято — извольте исполнять». Он умел убедить людей, которые находились рядом с ним, очень мягко, очень спокойно. Умел выслушать, усмехнуться, пошутить... и перетащить на свою сторону.

У него, мне кажется, не было, да и не могло быть завистников. Тем и хороша личность такого масштаба — слишком глубокая, слишком яркая для того, чтобы вызывать низменные чувства.

Дарчикова Марина Михайловна

Кофейное дерево

Раннее утро. Иду на работу. В окне кабинета Олега Емельяновича зажглась настольная лампа.

Доброе утро, Олег Емельянович! День начался.

Когда я только начала работать садовником в доме Кутафиных, признаюсь, побаивалась знакомства с хозяином дома, потому что знала: он занимает высокие посты. Но все оказалось удивительно просто. Когда увидела голубые глаза Олега Емельяновича, его улыбку, я забыла о своих опасениях. Он оказался человеком добрым, отзывчивым, внимательным. К нему невозможно было не почувствовать симпатию.

Вот Олег Емельянович выходит из дома. От крыльца дома до машины буквально пять метров. Но за те короткие секунды, пока он идет к автомобилю, он успевает поприветствовать всех, кто проходит мимо: и дворников, и охранников... Олег Емельянович умел к каждому человеку найти подход. Его «ключиком» к другим людям были искренность и внимание. Он всегда все замечал. Если, к примеру, Олег Емельянович видел, что у человека грустные глаза, он сразу предлагал свою помощь. Он всегда был готов выручить в любой беде — если заболели родители, возникли финансовые трудности... Помощь предлагал без оговорок и не требовал благодарности.

Олег Емельянович очень много работал, в том числе и дома. Вот он сидит за столом, пишет. Потом раздаются звуки классической музыки — наступило время немного отдохнуть. Это значит, что скоро Олег Емельянович придет в зимний сад. Он

глубоко чувствовал и понимал растительный мир. Любил разные деревья, но под окном кабинета по его просьбе посадили простую лесную рябину. А в зимнем саду его любимчиками были красный гибискус и кофейное дерево.

К слову сказать, росток кофе, когда он только у нас появился, был маленьким и чахлым. Через два года заморыш вырос в роскошное четырехметровое дерево, цветущее и плодоносящее. Я уверена: это превращение произошло не без участия Олега Емельяновича. Ведь растения тоже живые! Они чувствуют, как к ним относятся. Олег Емельянович радовался каждому новому листочку кофейного дерева — и дерево разрасталось, согреваемое человеческим теплом.

А еще мы прикармливали белок и птиц. Кормушки висели почти напротив окон кабинета. В минуты отдыха Олег Емельянович часто наблюдал за тем, что творится возле них. Он любил животных, привозил для белок с Байкала вкусненькие кедровые орешки.

Олег Емельянович был счастливым человеком. Любимая семья, любимая работа — что еще нужно человеку для счастья? Семья Кутафиных — уникальное явление. Олег Емельянович и его жена Наталья Николаевна удивительно подходили друг другу. Они были половинками одного целого. Они вместе встречали горе и радости. Обязательно вместе! От них шел теплый свет, согревающий все вокруг. Пример семьи Кутафиных учил меня, как строить свои семейные отношения. Они были для меня образцом взаимопонимания, самопожертвования, откровенности в общении.

Кутафины стали друзьями моей семьи. Мы с мужем и дочкой иногда приезжали к ним в гости. Для нас всегда готовили сладкий стол и кофе. Олег Емельянович любил общаться с моим мужем. Я тоже получала от этого общения колоссальное удовольствие. Олег Емельянович — потрясающий собеседник. С ним легко было обсуждать любые вопросы. Мы говорили о политике, экономике, просто о жизни. Он терпеливо разрешал все наши недоумения. Его прогнозы сбывались и продолжают сбываться. Его размышления — вне времени... А как он нас смешил! Сколько анекдотов знал! Как он умел подколоть (метко и совсем не обидно)! Олег Емельянович был настоящим одесситом. И еще он умел слушать и слышать. Это было так здорово!

Обаяние Олега Емельяновича распространялось и на детей. Он их любил — и они его любили. Олег Емельянович был

очень хорошим, настоящим отцом: серьезным и жестким, добрым и ласковым, чутким и прощающим. Моей дочке, когда она познакомилась с Кутафиными, было 13 лет. Она обычно чувствовала себя в обществе взрослых достаточно скованно. Но Олег Емельянович сразу нашел с ней общей язык. Помню, как он радовался рисунку, который она подарила ему на день рождения. Олег Емельянович всегда спрашивал, как дела у дочки, как ее успехи в учебе, появился ли у нее поклонник. Сейчас дочери 21 год. Иногда она спрашивает: «Мама, за что Олег Емельянович так тепло ко мне относился?» Я не знаю ответа на этот вопрос. Наверное, такой Кутафин был человек...

Через месяц после того, как Олег Емельянович ушел из жизни, кофейное дерево погибло. За все эти годы кофейные зерна, падающие на землю, ни разу не прорастали. А сейчас они дали сразу пять маленьких ростков. Жизнь продолжается.

...Идя на работу рано утром, я смотрю на окно кабинета. Вдруг случится чудо — и зажжется настольная лампа? И я увижу голубые глаза и ту самую незабываемую улыбку?

Шония Вахтанг Гурьевич,

ЧЛЕН ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО COBETA МГЮА ИМ. O. E. КУТАФИНА

Я прикоснулся к гению

Одной из самых главных удач моей жизни стало то, что я с большой гордостью могу назвать себя учеником и другом величайшего Учителя, основоположника современной российской системы права, классика отечественного конституционного и муниципального права. Я не буду перечислять все заслуженные им по праву титулы и должности, не стану писать о значении для науки и развития общества более 300 его научных трудов, о полученных им, академиком-секретарем РАН, высших государственных наградах. Это и так всем хорошо известно.

Хочу сказать, что я очень любил этого яркого человека и сейчас продолжаю любить память о нем, все то, что нас в этой жизни связывало с ним. Мне не хватает постоянно исходившего от него ощущения дружелюбия, готовности всегда быть рядом. Он стал мне родным человеком, настолько же близким и дорогим, как мой отец. Такое отношение к нему экстраполировалось и на его замечательную семью — супругу Наталью Николаевну и сына Диму. Теперь, когда Олега Емельяновича не стало, Дима стал мне особенно дорог, как наследник, восприемник своего отца.

А познакомились мы, когда я еще учился в МГЮА. Олег Емельянович был другом моего отца, и наша первая встреча произошла случайно. Но отношения, начавшись тогда, продолжались до конца жизни О. Е. Кутафина. Фактически, я взрослел с этим человеком. Когда я увидел его первый раз, то сразу

же, а так случается редко, был им совершенно очарован. Олег Емельянович — верх интеллигентности, такта, человек поразительной скромности, никогда не кичившийся своими наградами и знаниями. Он был потрясающе начитанным, энциклопедически образованным, феноменально эрудированным и разносторонним, обладал прекрасным чувством юмора.

Студентами Кутафин воспринимался как огромная величина. В аудитории царила идеальная тишина, когда он читал лекции. А читал Олег Емельянович блистательно. Он никогда не садился, никогда не заглядывал в конспект, говорил на одном дыхании. И полтора часа пролетали буквально как пять минут! А потом, у Олега Емельяновича было отношение ко всем его студентам как к собственным детям. Студенты могли подойти к нему в любое время — в аудитории, в коридоре, в кабинете. Он всегда старался помочь, войти в положение. Просил других преподавателей быть внимательнее к студентам. Говорил, например: смотрите, у вас же заочники учатся. Они работают, у них жены, дети, а они стремятся получить образование. Мы должны им не мешать, а помогать!

Очень плохо относился к ситуациям, когда студент доучивался до 4—5-го курса и возникал вопрос о его отчислении. Считал, что нужно узнать, какие проблемы тому виной, поговорить с человеком, помочь организовать пересдачу. Поэтому студенты искренне уважали и любили его. И откровенно говоря, у нас мало было таких студентов, которые не учились. Не только из-за строгой дисциплины в Академии. Как-то так все Олег Емельянович построил, что учиться было интересно, а не учиться — невозможно. Да и случайные люди в Академию практически не попадают из-за очень жестких приемных экзаменов. Как-то Олег Емельянович даже сказал мне по поводу абитуриентов, не прошедших конкурс: «Я не знаю, что делать. Такие люди, настолько хорошо подготовленные, остаются вне института. Просто жалко». Но количество учебных мест лимитировано и студентами МГЮА становятся самые достойные.

При всей своей занятости Олег Емельянович ценил и простые радости жизни. Он был рафинированным, очень серьезно относился и к своему внешнему виду, и к тому, что его окружало. Даже курил он красиво. Всегда прекрасно, со вкусом был одет. Если бы в нашей стране проводили конкурс на звание самого стильного ректора — это был бы он. Разбирался во всем: какой воротничок у рубашки, какой галстук нужен к данному костюму. Никогда не видел его в помятой одежде, даже в вы-

ходные. Лишь последние 5—7 лет по субботам и воскресеньям стал одеваться как-то более свободно, полуофициально. А так — всегда в хорошем костюме, с отлично подобранным галстуком (он их коллекционировал), надушенный дорогим парфюмом.

Но в то же время, в отличие от большинства людей, деньги, материальные ценности, вещи для Олега Емельяновича не имели определяющего значения, никогда не определяли ни его жизненные цели, ни его отношение к людям. Вот когда заканчивал новый учебник, монографию — это было для него счастьем. Любил рассказать об этом, даже похвалиться — видишь, я закончил, еще чуть-чуть — отдам в издательство, уже договорился.

Олег Емельянович ценил хорошее застолье. У нас было несколько любимых маленьких ресторанчиков в Москве, и Олег Емельянович просто обожал есть в них мороженое.

Ему нравилась и грузинская кухня, поэтому мы часто встречались в ресторане «Генацвале» на Арбате. Была у Олега Емельяновича забавная привычка — если музыканты играли песню, которая ему нравилась, например «Сулико» или «Тбилисо», то следующие несколько дней он все время напевал ее. Смеялся и говорил: «Ничего не могу с собой поделать — привязалась и все тут!»

Природа наделила Олега Емельяновича абсолютным слухом, в свое время он закончил одну из самых знаменитых в стране музыкальных школ — имени Столярского. Мне приходилось слышать, как он играл на скрипке. К тому же он был, пожалуй, самым просвещенным знатоком и ценителем классической музыки, собрал огромную фонотеку и мог часами слушать любимые произведения, если позволял его напряженный рабочий график. Он мог не только дать тонкий анализ услышанному, но и рассказать, какие еще музыканты исполняли то или иное произведение, назвать дирижера, перечислить состав оркестра, отметить нюансы звучания инструментов.

Я очень любил ездить с Олегом Емельяновичем отдыхать. Мы много путешествовали по Европе. С ним всегда было очень интересно и комфортно. Олег Емельянович настолько много знал, что иногда у меня создавалось впечатление, что накануне поездки он много читал о тех местах, куда мы ехали. Всегда мог рассказать что-то особенное.

Однажды, когда мы с Олегом Емельяновичем отдыхали в Ницце, увидели музыкальный фонтан с 18 мелодиями. Он

настолько хорошо разбирался в музыке, что на слух определил каждую из них. А когда потом мы купили программу и сверились, оказалось, что он ни разу не ошибся.

Когда я приходил к нему домой, мне нравилось вместе с ним смотреть новости. Он всегда комментировал происходящее на экране, делал какие-то прогнозы, порой — очень неожиданные, и я говорил: «Нет, Олег Емельянович, такого быть не может!» Но проходил месяц, полгода или год, и прогноз Кутафина обязательно сбывался.

Он работал всегда. Хорошо известно его правило — каждый день писать определенное число страниц новой книги. Редко, но бывало и так, что приезжал домой очень поздно, и на следующий день говорил мне: «Какой позор, ничего вчера не написал! Но сегодня сделаю вдвое больше». То есть свою норму, то, что он ставил себе задачей, он обязательно наверстывал. И так было на протяжении всей его жизни.

Я много раз видел Олега Емельяновича в те моменты, когда он работал. Это было поразительное зрелище — одухотворенное лицо, высочайшая степень концентрации, глубокая сосредоточенность. Казалось, он знал, где стоит каждая книга у него в библиотеке. Там было так много монографий, учебников, написанных им, что они буквально окружали его в рабочем кабинете. Запомнились точные, размеренные движения, которыми он не глядя находил на полке именно ту книгу, которая была ему нужна. Причем одновременно мог о чем-то рассказывать собеседнику.

Повторюсь: он уникален во всем — в работе, в дружбе, в семье... Я не видел другого такого человека, и теперь вряд ли увижу — такого верного, преданного друга, потрясающе обязательного, щепетильного.

Когда его о чем-нибудь просили, он выполнял просьбу и всегда сам перезванивал, рассказывал о результате. Чаще ведь как бывает — попросил человека, он сделал, но тебе самому нужно обязательно ему позвонить, спросить, что получилось. А Олег Емельянович такого не допускал, был щепетилен даже в мелочах.

Сейчас любой чиновник считает себя государственником, политиком. Но, к великому сожалению, тех, кто имеет на это основания, мало. А Олег Емельянович действительно мыслил по-государственному. У него был обширнейший кругозор, и когда он о чем-то говорил, то оценивал ситуацию в масштабах страны, не упуская малозначимых, на неискушенный

взгляд, деталей. Даже когда речь шла о его Академии, он всегда говорил о том, как повысить уровень обучения студентов, уровень юридического образования в России вообще. Он просто жил этими проблемами.

У него всегда было много встреч — в Администрации Президента, Правительстве, Академии наук, разных присутственных местах. Другой человек после такого напряженного дня садился бы в машину и ехал домой. А он ежедневно, хотя бы вечером, обязательно приезжал в МГЮА. Даже в каком-то застолье Олег Емельянович мог поучаствовать, но после все равно уезжал в Академию. Что бы ни случилось, как бы ни устал — каждый божий день он непременно приезжал в МГЮА.

Еще обращало на себя внимание его отношение к сотрудникам. Он здоровался с каждым, от уборщицы до преподавателя. Понятия «приемный день» для Олега Емельяновича не существовало. К нему можно было зайти в любой момент. И люди шли, часто за помощью, за поддержкой. Он никому не отказывал, не было такого случая, чтобы кто-то из просителей вышел от него расстроенным. Ведь даже если Олег Емельянович не мог помочь (а такое бывало крайне редко) человеку, то всегда находил для него правильные слова, которые могут успокоить. Если что-то должно было свершиться, он всегда объяснял, почему и что может произойти, если этого не свершится. Все от него выходили и говорили: «Да, действительно так, это правда!» Обладая потрясающим, искрометным чувством юмора, мог любую, даже самую нелицеприятную ситуацию перевести в такую плоскость, где тяжесть обстановки проходила без следа.

Вообще, я не встречал человека, который умел бы так слушать собеседника, как академик Кутафин. Он совершенно искренне вел себя так, будто всю свою предыдущую жизнь ожидал того момента, когда я приду к нему, чтобы рассказать о своих бедах и проблемах. Многие умеют красиво говорить, да и сам Олег Емельянович обладал недюжинным даром оратора и рассказчика. Но он умел и красиво слушать, так, что не хотелось прерывать свой рассказ, — способность куда более редкая. И находил время не только выслушать тебя, но и дать мудрый, единственно правильный в данном случае совет. Олег Емельянович всегда был востребован, потому что все понимали: если ты к нему приходишь с просьбой, то обязательно получишь помощь, которая тебе требуется, помощь, которой ты заслуживаешь.

Он был очень прост и доступен в общении. Но его походка, манера поведения, то, как он говорил, — все это не давало

возможности как-то расслабиться, проявить фамильярность по отношению к нему. Этого никто себе не мог позволить еще и потому, что Олег Емельянович ко всем относился с огромным уважением. Я сам видел, как в Академии он за руку здоровался с уборщицей, с электриком, с дворником, с преподавателем. Он так строил отношения с людьми, что они его уважали, ценили. И не могли иначе. Ведь он оценивал людей по личным качествам, по уровню интеллекта, а не в зависимости от того, у кого толще бумажник или должность — выше.

Конечно, находились и такие люди, которым он помогал, а они вели себя неправильно, не понимали его доброго отношения. Но Олег Емельянович только и говорил о них: «Все ошибаются. Дай им Бог здоровья!»

Однажды я стал свидетелем того, как важному, серьезному должностному лицу он сказал по телефону: «Вот ты уволил человека. Сейчас он устраивается к нам на работу, а ты звонишь и говоришь: не берите его. Ты ж его уволил? Уволил, хотя он достойный человек. Зачем теперь преследуешь? Он должен работать, семью содержать, детей. Понимаешь, ведь и твоя должность не вечна. Могут завтра и тебе сказать, что в твоих услугах не нуждаются. И кто-то тогда начнет звонить и говорить — не берите его... Каково тебе будет? Я тебя очень прошу: не надо так делать». И это «я тебя очень прошу» Олег Емельянович сказал так тепло, что, думаю, его собеседник просто растрогался, растаял.

Олег Емельянович умел говорить жесткие вещи мягко, но сказать, что он был мягким человеком, будет неправильно. Когда было необходимо, он становился твердым как сталь. Знал цену и себе, и окружающим. Он очень ценил коллег и друзей, отдавался им полностью, делал для них все, что мог, не дожидаясь просьб. Но в том, что касалось работы, Академии, он был неприклонен: если он просил, требовал, то и они должны были сделать все, на что способны. И если бы Олег Емельянович не был таким требовательным, то и МГЮА не стала бы тем, чем сегодня является. Когда сегодня вы входите в Академию видите, что там такая чистота, такой порядок, какого не встретишь даже в некоторых самых уважаемых в стране вузах. Верховный суд, Генеральная прокуратура, все юридические организации с удовольствием берут студентов с дипломом МГЮА. Увы, даже выпускники юрфака МГУ не так востребованы, как выпускники кутафинской Академии.

И даже сейчас, когда Олега Емельяновича не стало, какое уважение к нему в Академии, где уже создан музей Кутафина! Олега Емельяновича никто не забывает — ни преподаватели, ни ученики. Это дорогого стоит. В памяти о нем — его величие.

Мы часто слышим о гениальных людях — художниках, писателях, музыкантах... Но сегодня это слово затерлось: два какихнибудь деятеля культуры договариваются и называют друг друга «гениями» после каждого выступления. А вот я в жизни был знаком с действительно гениальным человеком. Я прикоснулся к этому гению.

Когда я писал эти воспоминания, с этого и хотел начать: мне Всевышний подарил возможность прикоснуться к гению. Знаю, такого больше не повторится, и говорить об Олеге Емельяновиче как об обычном человеке очень сложно...

Кутафин Дмитрий Олегович,

СОТРУДНИК КОНТРОЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРЕЗИДЕНТА РФ, КАНДИДАТ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК

Мой отец — Олег Кутафин

Он дал много больше: свой пример — человека лучшего, чем кто-либо, кого я знал и, наверное, узнаю. Пример, которому хочется не просто подражать, но и следовать. Внутренний компас, определяющий ощущение того, как нужно жить, работать, любить, относиться к людям.

У него были свои маленькие слабости. Отец курил много и вкусно. Любил красиво одеваться. Ритуал подбора костюма, рубашки и галстука по цвету и фактуре мог продолжаться довольно долго. Не умел водить автомобиль (ему это было неинтересно), поэтому на отдыхе возил родителей я.

Но эти детали мало говорят о том, кем он был, каким его помнят. Масштаб уважения к моему отцу я, наверное, осознал в полной мере, когда его уже не стало. Отношения по принципу «завишу — значит льщу» имеют смысл, когда человек у руля. Но когда у штурвала уже никого нет, а слова уважения, восхищения слышишь практически ежедневно, то понимаешь, что эти слова — подлинные. Но и раньше мне достаточно было видеть, как и сколько он работает, чтобы высокую оценку окружающими его научной, политической и общественной деятельности я воспринимал как должное, поскольку считал, что любой труд должен быть оценен адекватно.

И наверное, благодаря правильному восприятию этой жизненной реалии — отношения людей к заслугам, авторитету отца — мне и в Академии учиться было легче. Не в том смысле, что

раз уж папа ректор, то и диплом получишь автоматом... Наоборот, понимание заслуженности высокого положения отца стимулировало к достижению вершин в учебе. Кроме того, зная, как сильно его уважают, я не хотел создавать неловкие для него ситуации. Все и так знали, кто мой отец, и как раз зная его — мне скидок не делали. Кичиться им было смешно и глупо. Отца искренне уважали, хотя и врагов у него было достаточно. И за все учебные годы я не слышал, чтобы его хоть кто-нибудь назвал по фамилии. Только по имени-отчеству: Олег Емельянович. А отец вел себя как... отец. Помню, когда я поступал в аспирантуру и позже защищал диссертацию, папа явно нервничал больше, чем я. И радовался больше, когда защита прошла успешно.

Отец был одесситом не только по рождению, но и по характеру. Отсюда — постоянная ирония к себе, окружающим и окружающему. Папа шутил часто и, как правило, беззлобно, по-доброму. Хотя, бывало, и на грани фола. Но не обижался никто. Даже чиновники высшего звена, привыкшие к уважительному, скажем так, отношению окружающих, воспринимали как норму то, что шутки Кутафина на них распространяются. Причем часто анекдоты происходили именно потому, что авторитет отца, и научный, и человеческий, был необычайно высок. Поэтому, когда он шутил с серьезным лицом, люди легко «покупались», принимая его слова за чистую монету.

Он всегда жил не по шаблону, умел мыслить нестандартно. Он видел жизнь такой, какая она есть, а не выхватывал из общей картины жизни что-то привычное и известное. Поэтому отец стереотипы ломал и находил свои оригинальные научные решения.

Секретарь вузкома университета — серьезный номенклатурный пост, привычка к комфорту (он вырос в обеспеченной семье обкомовского начальника), отдельная комната в общежитии — вдруг взял и уехал на целину во главе стройотряда МГУ. Он рассказывал потом, что условия были трудные: тяжелая физическая работа, палаточный быт, суп, в котором единственным мясом были мухи... Голодно и холодно. Понятно, что отец мог бы и на целине заниматься лишь организационной работой, а то и вообще не ехать, как это сделали многие его друзья-студенты, нашлось бы достаточно веских оснований. Однако для отца было делом чести и долга сохранить уважение товарищей, которых он сагитировал собраться в стройотряд. Потому и уехал на целину, и работал там наравне со всеми. И рассказывал нам об этой поездке с улыбкой, легкой иронией.

Наверное, такое понимание справедливости, собственного достоинства было у папы с детства. Отец рассказывал, что хоть в школе был отличником и не отличался хулиганскими подвигами (а время все-таки было жесткое, послевоенное), одноклассники его уважали за то, что он всегда делился знаниями, никому не отказывал в помощи. И наверное, было еще что-то, так как все школьные годы он, человек не задиристый, но далеко не робкого десятка, ни разу ни с кем не подрался. В конфликтной ситуации друзья просто отодвигали его в сторону: «Это не твое».

Навязчивость, попытки диктовать, просьбы с напором, откровенное хамство отец не переносил на дух. Он был внутренне очень свободным человеком. И в некоторых критических случаях мог послать — далеко и даже публично — весьма влиятельных персон. И это ему не просто сходило с рук — вызывало уважение среди тех же ученых коллег. Однако при всем том отец всегда помнил, что за ним стоит Академия, ее коллектив и подставлять их он не имеет права. И в большинстве случаев он пускал в ход свое одесское чувство юмора и незаурядные дипломатические способности.

Ему не раз предлагали высокие должности федерального уровня. Эти вакансии папу мало интересовали, по крайней мере, он об этом редко упоминал. А вот искренние отзывы коллег о его научной деятельности ему доставляли радость. В отце было здоровое тщеславие и амбициозность, которые помогали двигаться вперед, но ни следа гордыни, не допускавшей критики со стороны. Поэтому, считал он, если ученые мужи «старой школы» ругают, критикуют, то стоит прислушиваться к их мнению. Но главное — самоуважение.

Честь и достоинство для отца были не абстрактными понятиями, а сутью, основой его характера. Интеллигентность в нем дополнялась подлинным аристократизмом. Ведь только настоящий аристократ умеет, не повышая голоса, быть услышанным всеми, не идя на конфликт, заставить уважать себя любого, одинаково говорить с теми, кто и выше, и ниже его по социальному или иному статусу. Да и само слово «статус», кажется, имело для него лишь юридический смысл. Интеллект, чувство юмора, огромные знания в профессии и жизни, глубокое понимание и благородство в отношении к окружающим были и оружием, которым он добивался успеха в многочисленных общественных делах, и щитом, которым он прикрывал многих, порой и незнакомых ему, людей.

Эта готовность к бескорыстной помощи, основанная, как мне кажется, на врожденном стремлении к справедливости, и, при всей его проницательности, наивный, доверчивый взгляд на окружающих — это, скорее всего, основные минусы моего отца. «Минусы» потому, что приносили ему разочарования и страдания, которых можно было избежать. И, глядя на многочисленные изъявления благодарности ему, искренность которых не выдержала проверки временем, я сам с годами стал более внимательно присматриваться к людям вокруг себя.

Наша с папой разница в возрасте была больше традиционной. Но, несмотря на это, понимание им многих моментов моей жизни было полноценным. Соглашался ли он со мной? Далеко не всегда! Но никогда не противоречил — только внимательно слушал. И я понимал — если отец молчит, значит, не все ему нравится в моих умозаключениях. Но переубеждать меня он не хотел — зачем? Сам додумался — сам принимай решения. И наибольшим наказанием для меня был изменившийся на полтона тембр папиного голоса. Одного «Дима!» с такой интонацией было вполне достаточно для того, чтобы я захотел провалиться сквозь землю.

При этом не помню, чтобы отец или мама занимались моим воспитанием в традиционном смысле. Конечно, я не избежал занятий музыкой и иностранными языками. Но родители никогда не читали мне нотаций, не произносили нравоучений, не извлекали мораль из моего поведения. Когда в разговоре с кем-то из знакомых речь заходила о моем воспитании, они дружно отшучивались и говорили, что «на личном примере показывают, как не надо делать».

Когда отец возвращался домой после работы, у него неизменно был намечен рабочий план на вечер — написать две страницы текста будущей книги или статьи. Как бы папа ни устал, что бы ни случилось, даже в отпуске, на отдыхе, это золотое правило выполнялось ежедневно. Мы с мамой всегда понимали, что в это время мешать отцу нельзя, и не отвлекали его.

Родители часто подшучивали друг над другом. Их общение всегда выглядело со стороны очень легким и веселым. Отношения, связывавшие моих родителей, в этом смысле были уникальны. Им хватало взгляда, жеста для полного понимания друг друга.

И на меня — развлечь, поговорить — у папы всегда находилось время. Те беседы с ним, мнение отца, его советы теперь для меня бесценны. Мы говорили на любые темы. Он никогда

не поучал и всегда уважал мое мнение, каким бы незрелым с позиции его возраста и жизненного опыта оно ни казалось. И пока он оставался рядом, такого общения с ним было вроде бы много. Но теперь мне кажется — ничтожно мало...

Если по школьным заданиям требовалась какая-то помощь, отец не просто помогал решить математическую задачу 6-го класса, он подходил к разбору тщательно. Ну, скажем, на уровне высшей математики. Родители часто устраивали соревнование: кто быстрее решит для меня задачу?

Самое незабываемое время — наш семейный отдых. Каждый день — праздник, потому что мы вместе, нам весело, смешно, беззаботно. Единственно, о чем я буду жалеть всегда, это о нашей несостоявшейся поездке в Одессу. Папа очень любил свой город, но ему было трудно туда возвращаться — в другую страну, где многое из того, что было ему дорого, и многие из тех, кто были ему дороги, невозвратно остались в прошлом.

Многие сейчас говорят: «Ушел Кутафин — ушла эпоха». Я думаю, что отчасти это правда: таких глубоких, значимых для общества и в то же время истинно скромных людей, как мой отец, всегда единицы.

Он всегда много знал о том, что происходит в стране, как сейчас говорят, «был в теме». Причем имел свое аргументированное мнение. Его комментарии относительно публикаций в СМИ были всегда очень короткими, емкими и настолько точными, что дальнейших апелляций не требовалось. Происходящее он воспринимал не поверхностно — пропускал через себя. Особенно те темы, которые касались сферы его интересов.

Например, больная для него тема последних лет — состояние образования в России. Отношение к ней уже граничило с какими-то внутренними душевными тревогами и переживаниями. Я уверен, если бы история с ЕГЭ началась бы на несколько лет раньше, она имела бы другое развитие и вряд ли приобрела тот негатив, который пришлось испытать российским абитуриентам. Думаю, он смог бы это изменить.

Несмотря на силу своих убеждений, отец не был догматиком. Так, например, он свято верил в идею СССР как единого государственного пространства, но был ярым критиком самого советского строя. А во время демократических реформ 90-х, когда этот строй ушел в прошлое, но страна оказалась в тяжелейшем положении, он часто повторял: «Мне казалось, хуже быть не может, а оказалось вот как...» Думаю, эти пятнадцать лет становления новой России отец не просто прожил — они

прошли через его сердце и разум. Переживания именно такого рода он не умел скрывать, хотя всегда избегал пафоса в любых проявлениях. И я горжусь тем, что его искренняя боль за Родину сублимировалась не в высокие слова, а конкретную работу, которая имела колоссальный успех и в науке, и в политике.

Хочется верить, что святому Петру настолько понравилась папина жизнь, что он бы сказал: «А ну-ка повтори, Олег Емельянович!» И тогда все вернулось бы на круги своя, а из его кабинета вновь послышатся звуки музыки... Как каждую новогоднюю ночь, когда отец слушал Баха. А потом, словно ребенок, ликовал, обнаружив подарки под елкой. И сам дарил с удовольствием. Маленькие радости, сюрпризы, какие-то неожиданные экспромты всегда сопровождали наш семейный быт. Я уже вырос и в сказки, конечно, не верю. Но иррациональная вера в чудо продолжает жить....

Люблю тебя, папа, горжусь тобой и очень скучаю...

Приложение

Статьи из газет и журналов

Позвольте принадлежать Отечеству

Сначала несколько цифр. В 1992—1993 годах гражданство Российской Федерации приобрели 130 тысяч человек. В 1994-м — 502 тысячи, в прошлом году — почти 563 тысячи. Стабильный рост. И население столицы растет, в том числе за счет миграции из стран СНГ. Миграционный прирост в Москве составил в прошлом году около 26 тысяч человек. (К слову, эмиграция москвичей за тот же период — 6 тысяч человек.)

Указы о приеме в гражданство издает Президент страны, а материалы для него вместе со своими рекомендациями вносит созданная без малого пять лет назад Комиссия по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации. Она же занимается делами о прекращении гражданства, о политическом убежище, о соотечественниках за рубежом.

Возглавляет комиссию академик, доктор юридических наук Олег КУТАФИН, который согласился дать интервью.

- Прокомментируйте, пожалуйста, динамику ежегодного роста численности новых граждан России. Чем чаще всего мотивируют свои намерения люди, обращающиеся за разрешением в вашу комиссию?
- Как бы мы ни ворчали, ни сетовали на слишком медленные перемены к лучшему, но цифры иной раз объективнее людей оценивают положение дел в стране. Они, если угодно, третейские судьи. И ответственно сообщают, что экономическое

состояние России на порядок стабильнее, чем состояние, скажем, других стран СНГ. А закон о гражданстве и сопутствующие ему нормативы — значительно либеральнее. Поэтому к нам едут и, уверен, будут ехать.

Чаще всего просят предоставить гражданство люди из государств Содружества, причем далеко не всегда по причине ущемления русскоязычных — просто соединяются с детьми, с родными. Обращаются и из дальнего зарубежья. Мотивы? Иногда ностальгия — не улыбайтесь, это не придуманное чувство. Когда-то предки жили в России, являлись ее гражданами, затем по каким-то причинам уехали, потомки же всерьез намерены связать свою судьбу с исторической Родиной. Другая типичная ситуация: иностранец хочет приобрести наше гражданство, чтобы удобнее было вести бизнес в России.

- Это что, достаточно веская причина?
- Недостаточно. Мы в подобных случаях отвечаем так: если вы решите прибыть в Россию на постоянное место жительства, комиссия повторно рассмотрит ваш вопрос.

Случается, человек, совершивший преступление у себя на родине, желает получить гражданство $P\Phi$, поскольку Россия не выдает своих граждан в другие страны для привлечения к уголовной ответственности. Но такой способ самозащиты, как вы понимаете, наивен.

- Словом, за официальным текстом ходатайства вам нередко приходится распознавать истинную причину обращения за гражданством?
- Когда постоянно сталкиваешься с этими вещами, начинаешь видеть «сквозь бумагу». Но мы далеки от тенденциозности, в решениях руководствуемся исключительно законом. И когда у людей достаточно оснований для приобретения российского гражданства, никаких проблем не возникает. Более того, мы в комиссии обсуждаем, как помочь тому или иному заявителю, сократив бюрократические процедуры и не мытаря человека по лишним инстанциям.
- Все без исключения обращения за гражданством проходят через вашу комиссию?
- Нет, порядок тут таков: часть вопросов решают местные органы власти или российские консульства за рубежом. Это если гражданство получают просто в порядке регистрации. Во всех остальных случаях заявления поступают к нам. Причем число людей, получивших гражданство по указам Президента, то есть прошедших через нашу комиссию, увеличивается по от-

ношению к каждому предыдущему году в несколько раз. Например, в прошлом году по сравнению с 1994-м — семикратно. Так что тут динамика еще более выразительная.

- A приходится вам рассматривать просьбы о выходе из российского гражданства?
- Очень редко, единичные случаи. Вот недавний пример: человек не мог устроиться на работу и в качестве демарша решил «сдать» гражданство. Мы предлагали помочь с работой, но он уперся. Иногда бывают ситуации, когда заявитель хорошо устроился за границей и наше гражданство ему просто без надобности. Ну не надо так не надо.
  - Как насчет насильственного лишения гражданства?
  - Абсолютно исключено: Конституция это запрещает.
- Обращаются ли к вам с просьбой предоставить политическое убежище или эта функция комиссии сугубо номинальная?
- Было два таких случая. Обращался гражданин Северной Кореи, получил разрешение, а потом уехал в Южную Корею. Еще одно заявление от бывшего президента Азербайджана Аяза Муталибова. Но этот вопрос пока не рассматривался.
- Олег Емельянович, а были случаи, когда логика жизни и логика закона о гражданстве расходились?
- Видите ли, когда пишут законы, многих ситуаций просто не представляют, да иной раз и нереально их просчитать. Только «трение» регламентирующего документа об углы конкретных обстоятельств позволяет отшлифовать закон.

Приведу пример, получивший известность. Не так давно Конституционный суд рассматривал дело Смирнова — человека, который уехал в Литву. Гражданства Литовской Республики он не приобретал и, вернувшись на постоянное проживание в Россию, посчитал, что как был ее гражданином, так и остался. Но в законе есть положение, требующее от человека в такой ситуации определенных действий. Предприняв их, Смирнов спокойно решил бы проблему, но он поступил иначе: обратился в Конституционный суд, доказывая, что существует расстыковка закона с другими нормативными документами. Пошел, словом, на принцип. И суд его поддержал.

Так что инциденты, которые могут возникать и возникают в процессе реализации закона, дают нам пищу для анализа и совершенствования законодательства.

А вообще наш закон о гражданстве подлинно гуманен, либерален. Это подтверждают даже смешные ситуации. К приме-

- ру, иностранец просит разрешить ему принять российское гражданство. На каком основании? Да на том, что он бывший житель Украины, а она согласия не дала. Пусть даст Россия, она «добрее». Мы, разумеется, отказываем, но характерен сам факт.
- А можно вообразить положение, когда либерализм нашего закона окажется излишним и придется «прикрывать ворота»?
- Опять-таки все зависит от практики: если возникнет опасность для государства... Впрочем, эта тема настолько преждевременна, что и поднимать ее не стоит.

Беседу вел Михаил Щербаченко

«Перепроизводства юристов нет и не может быть»

О. Е. КУТАФИН, ДОКТОР ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, АКАДЕМИК, ДИРЕКТОР МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

- Олег Емельянович, традиционный вопрос нашего журнала: когда возникло желание стать юристом и как оно было реализовано?
- Можно сказать, что стать юристом я хотел с рождения. С детства я интересовался общественными науками, политикой и считал, что мои интересы могут быть реализованы только через овладение юридической профессией. Поэтому по окончании школы передо мной не стоял вопрос о выборе профессии. Я думал только о вузе, на юридический факультет которого мне следует поступить.

В то время ведущим вузом в этой области был юридический факультет МГУ, поэтому решил поступать в МГУ. Для лиц, окончивших школу с золотой медалью — а я входил в их число, — экзамены ограничивались собеседованием. Этот барьер успешно преодолел и был зачислен на первый курс.

- Олег Емельянович, Вы москвич?
- Нет, я родился в Одессе и там же окончил школу. Хочу заметить, что качество школьного образования в тот период было очень высоким. Школа мне дала очень много, и я это

ощущаю по сей день, поэтому затруднений при поступлении не испытал.

Учился с интересом, все дисциплины давались легко. После окончания университета поступил в аспирантуру, однако был отозван из аспирантуры в связи с избранием первым секретарем комитета комсомола МГУ. Два года работал в комитете, а затем вернулся в аспирантуру.

- Преподавательская работа Ваш выбор или стечение обстоятельств?
- Это был мой выбор. После аспирантуры меня приглашали работать во многие места, в том числе в Президиум Верховного Совета. Но привлекала педагогическая работа, и я принял предложение занять место старшего преподавателя во Всесоюзном юридическом заочном институте, где проработал семь лет. Затем вернулся в МГУ уже доцентом, там защитил докторскую диссертацию, был на административной работе.
  - $\overline{A}$ возвращение в BIO3H тоже $\overline{B}$ аш выбор?
- Трудно сказать. Как я понял, меня направили в ВЮЗИ для наведения порядка. Тогда этим занимались партийные органы. Я был вызван в горком. Сначала меня пытались назначить на должность начальника академии МВД. Я категорически отказался. Затем направили в ВЮЗИ.

Пошел одиннадцатый год, как я являюсь ректором сначала ВЮЗИ, а затем МГЮА. За это время мы превратили институт в нормальный дневной вуз.

- Какие факультеты есть сейчас в Академии и в каком количестве осуществляется набор студентов?
- У нас сейчас три факультета: дневной, вечерний и заочный. В рамках каждого есть специализация: государственноправовая, гражданско-правовая, уголовно-правовая и международно-правовая. Специализацию выбирают студенты, начиная с четвертого курса. В настоящее время повышенным спросом пользуется гражданско-правовая. Однако Академия, являясь государственным вузом, должна готовить не только цивилистов, поэтому мы установили порядок, в соответствии с которым попасть на специализацию, пользующуюся повышенным спросом, могут студенты, имеющие лучшие результаты по оценкам и проявлявшие интерес к этой дисциплине с начала обучения.

На дневной факультет мы принимаем 150 бюджетников, на вечерний факультет — 250, на заочный — 600. На коммерческой основе принимаем на дневной факультет примерно столь-

ко же, на вечерний в среднем — 60, на заочный — 90 человек. Кроме этого, у нас имеется отделение целевой подготовки для лиц, уже имеющих высшее образование.

- Какие, на Ваш взгляд, стоят проблемы перед системой высшего юридического образования и каковы пути их разрешения?
- Проблем много, но главная, пожалуй, как и у всей системы высшего образования, заключается в недостаточном финансировании.
- В последнее время начинают говорить о перепроизводстве юристов. Есть ли у нас такая проблема?
- Ĥа мой взгляд, перепроизводства юристов у нас никогда не было, нет и не может быть. Государство, в котором мы сейчас живем, имеет иные потребности в юристах, нежели это было раньше. Строго говоря, в нормальном цивилизованном государстве, я уже не говорю о правовом государстве, юрист играет такую же роль, как врач.

Сейчас колоссальную потребность в кадрах испытывают правоохранительные органы. Нам потребуется минимум десять лет на решение кадровых проблем в этой сфере. Если говорить о других областях, то, на мой взгляд, ни одно нормальное предприятие не может работать без юриста и ни один гражданин при цивилизованном подходе к жизни ничего не должен предпринимать, не посоветовавшись с юристом. У нас, к сожалению, как правило, обращаются к юристу, когда спор находится уже на стадии судебного рассмотрения и без юриста практически не обойтись. А в цивилизованном обществе обращение к юристу должно быть обычным и доступным, как обращение к врачу, в том числе и в части сумм, составляющих цены на услуги. Чтобы достичь подобного уровня защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, нужна колоссальная армия юристов.

- Проблемы перепроизводства юристов у нас не существует. А каково Ваше мнение по вопросу о качестве подготовки юристов?
- Здесь, на мой взгляд, проблемы существуют, и очень большие. Всем известно, что интерес к юридической профессии в последние годы резко возрос и предприимчивые люди используют этот интерес для зарабатывания денег. В результате образовалось очень много коммерческих вузов.

В чем здесь проблема? С точки зрения здравого смысла и закона образование, в том числе и юридическое, можно получить

как в государственном, так и в негосударственном (коммерческом) вузе. Например, Гарвардский университет не является государственным, однако наличие диплома этого университета дает его обладателю значительные преимущества при устройстве на работу. Студенту, получающему образование, как правило, безразлично, к какой форме собственности относится организация, в которой он учится. Для него важно наличие или отсутствие комплекса, включающего и материальнотехническое обеспечение — помещение для занятий, библиотеки, спортивные залы, столовые, техническое оснащение этих помещений, — и квалифицированный преподавательский состав. Создание такой базы требует колоссальных вложений. Что же получается у нас?

У людей, создававших коммерческие вузы, таких средств не было, и то, что создано и создается, назвать вузами, конечно, нельзя. Это, как правило, несколько арендуемых комнат, сбор средств и очень небольшая отдача. Я так говорю, руководствуясь простым арифметическим подсчетом. Если взять количество часов, входящих в нормальную учебную программу, и умножить на почасовую ставку, уплачиваемую в коммерческих вузах, то произведение значительно превысит суммы, поступающие от студентов. В общем, становится совершенно очевидным, что существовать такой вуз может только за счет сокращения учебной программы.

В Москве, например, свыше шестидесяти коммерческих вузов, готовящих юристов. Круг преподавателей ограничен несколькими коллективами: МГУ, наша Академия, Университет дружбы народов, в какой-то степени МГИМО. Если соотнести это ограниченное количество преподавателей с количеством вузов, то получается, что каждый преподаватель должен работать в пяти-шести вузах. То есть кадров нет и не будет. Научные кадры, которые мы готовим, на преподавательскую работу не идут. Профессия преподавателя непрестижна. У нас нет не только роста преподавательского состава, но даже воспроизводства. Более того, блестящие кадры, которыми славилась наша высшая школа, претерпевают серьезные качественные изменения, к сожалению не в лучшую сторону.

Ведь сейчас защитить докторскую диссертацию не сможет только ленивый, поскольку вполне достаточно написать работу, а ведь это не самое сложное во всей процедуре. Раньше для того, чтобы представить работу на соискание докторской сте-

пени, соискатель должен был уже состояться как ученый, иметь авторитет и имя в науке.

Профессор — это не просто человек, защитивший докторскую диссертацию, это итог длительной работы преподавателем, доцентом и только после этого профессором. И это нормально, так и должно быть.

У нас была прекрасная юридическая школа, ею можно было гордиться. Мне неоднократно приходилось встречаться с американскими, немецкими, французскими учеными, и при обсуждении теоретических вопросов мы всегда выигрывали, они теоретических вопросов не знали. Поэтому существующие тенденции качественного изменения наших научных кадров — явление крайне негативное.

Далее. Вуз — это не просто место, где слушают лекции. Это — определенная атмосфера, традиции, воспитание. Коммерческие вузы, в которые преподаватели забегают прочитать лекцию, нормального образования, конечно, дать не могут. И не случайно при подборе кадров предпочтение отдается выпускникам государственных вузов. Несомненно, качество юридического образования является большой проблемой.

— Каковы пути ее решения?

— У государства есть механизмы контроля за образовательной деятельностью. Это лицензирование и аккредитация. Уполномоченные органы должны осуществлять свои функции по лицензированию в соответствии с существующими положениями и требовать выполнения всех условий, необходимых для получения лицензии. В противном случае лицензии выдаваться не должны. Других способов борьбы с некачественным образованием я не вижу.

— Олег Емельянович, каково Ваше мнение по вопросу о соотношении платного и бесплатного образования?

— Я считаю, что если мы не хотим выглядеть по меньшей мере странно, то должны официально признать, что не в состоянии содержать высшую школу, и сделать получение высшего образования платным. В определенной степени это противоречит Конституции. Но то, что происходит сейчас, — абсурд. Из бюджета мы получаем средства только на оплату труда и стипендии, а где взять деньги на содержание зданий, приобретение оборудования, ремонт, пользование библиотекой и т. д.? Поэтому, на мой взгляд, либо нужно сделать высшее образование платным, либо закрывать государственные вузы.

Если подвести итог, то можно сказать, что коммерческие вузы не создают перепроизводства юристов и не создают нам конкуренции. Более того, нередки случаи, когда с их дипломами приходят к нам на отделение целевой подготовки, то есть формально хотят получить второе юридическое образование. Это, конечно, говорит о многом.

- Олег Емельянович, расскажите о созданном в структуре Академии институте по подготовке кадров для органов прокуратуры.
- Вопрос о создании структуры по подготовке кадров для работы в прокуратуре возник в связи со спецификой работы прокуратуры и с нехваткой квалифицированных кадров.

У Юрия Ильича Скуратова была идея создать специальный вуз для решения этих проблем. При обсуждении этого вопроса мне удалось убедить его в том, что это нецелесообразно по двум причинам: во-первых, создание вуза — длительная и сложная процедура; во-вторых, обеспечение вуза кадрами — не менее сложная задача.

В конечном итоге было решено в рамках Академии открыть специальный институт, который будут обслуживать специально созданные кафедры Академии с привлечением преподавателей из НИИ прокуратуры. Набор студентов производится в обычном порядке, с предварительным тестированием. Образование бесплатное, но при этом со студентом заключается договор, обязывающий его по окончании института проработать три года в органах прокуратуры.

В соответствии с договоренностью прокуратура частично возмещает Академии расходы по оплате труда преподавателей, содержанию зданий и обеспечению учебного процесса.

- В каком состоянии находится в настоящее время система филиалов бывшего ВЮЗИ в регионах?
- Наш предшественник, ВЮЗИ, являлся империей с разветвленной сетью филиалов. Десятки юридических факультетов это бывшие филиалы ВЮЗИ. В настоящее время мы пришли к выводу, что контролировать, содержать и нормально организовать работу филиалов не в состоянии в силу финансовых проблем. От многих филиалов мы отказались, другие сделали автономными.

Сохранены филиалы в Вологде, Кирове, Оренбурге, Магадане. Наша цель: довести их до уровня институтов и сделать самостоятельными юридическими вузами. У нас есть филиал в Дагестане, планируется открытие филиала в Баку.

— B каком направлении развивается издательская деятельность Aкадемии?

— Мы активно занимаемся издательской деятельностью. Основной ее целью является издание учебников. Сейчас существует большое предложение на этом рынке, однако учебники, издаваемые в последние годы, не отвечают требованиям, которым должен отвечать настоящий учебник. Поэтому главную задачу по выполнению плана научной работы мы видим в подготовке учебников и учебных пособий.

Сейчас она успешно решается.

- Вы являетесь председателем Комиссии по вопросам гражданства при Президенте. Много ли времени у Вас отнимает эта работа?
- Очень много. Прямая задача Комиссии реализовать статью 20 Закона о гражданстве, где речь идет о приеме в гражданство. Задача Комиссии состоит в подготовке необходимых материалов для представления на подпись Президенту, для решения вопроса о приеме в гражданство. Подготовка таких материалов требует колоссальной предварительной работы.

Значительная часть работы Комиссии связана с вопросами получения гражданства в порядке регистрации. Комиссия осуществляет контроль за органами МВД, в компетенции которых находится решение этих вопросов. Мы также занимаемся многими проблемами, связанными с обслуживанием наших граждан консульской службой МИД.

В целом, можно сказать, что работа ведется очень большая и времени на нее уходит очень много.

Беседу вела Т.В.Голубкова

Хорош закон, да исполнители корыстны

Новый Закон «О гражданстве Российской Федерации», вступивший в силу 1 июля этого года, продолжает вызывать дискуссии, начавшиеся еще при обсуждении законопроекта. В некоторых средствах массовой информации закон называют полицейским, драконовским, предлагается внести в него изменения и поправки. В то же время западные эксперты считают новый российский закон лучшим из существующих сегодня в мире о гражданстве. Почему документ вызвал такие полярные оценки, с чем это связано? На эти и другие вопросы наш корреспондент попросил ответить руководителя группы по разработке законопроекта, председателя Комиссии по вопросам гражданства при Президенте РФ, известного юриста Олега Кутафина.

- Олег Емельянович, что Вы можете ответить сегодняшним критикам, упрекающим в законотворческих ошибках, несовершенстве документа о гражданстве?
- Вы знаете, меня часто удивляет то, что мы очень охотно говорим о том, как хорошо в Америке, Англии, Швейцарии, очень любим говорить, как там замечательно живется людям. Вот я бы хотел, чтобы те критики закона, которые у нас появляются, прочитали законодательства этих «самых демократических» стран и сравнили с нашим законом. Это единственное, больше ничего и не нужно. Прежде чем критиковать, надо глубоко разобраться в сути вопроса, а не делать это

понаслышке. Ведь речь идет о стабильности России, ее защищенности

Действующий сегодня закон о гражданстве — вполне цивилизованный. То, что он упорядочил решение каких-то вопросов, — это, собственно, было его целью. Но что он создает какие-то особые трудности, я бы не сказал. В процессе его рассмотрения в Госдуме он несколько ухудшился, но все равно остался нормальным, цивилизованным. Недостатки нужно искать не в законе, а в тех людях, которые его искажают и создают дополнительные сложности при его реализации.

- Вы правы. Вот отрывок из письма жены российского военнослужащего: «Паспорт получила в Витебске, в Белоруссии, а в 1985 году вышла замуж за военного и уехала в Читинскую область, сама пошла служить в армию. В первые годы после развала СССР в Белоруссию не ездила, а на заставах паспортных столов нет. Вопросов прописки-выписки вроде бы и не существует. Когда в 1994 году приехала к родителям в Белоруссию в отпуск и решила упорядочить свои гражданские права, уже была никто. Нет, военнослужащей, российской пограничницей была и остаюсь, но — без гражданства!» Или вот такое письмо: «Я чувашка, вышла замуж за грузина. В связи с перестройкой и смертью мужа вернулась на родину. Сына в 1999 году призвали в армию. Служил он в Чечне, был ранен, в 2001 году демобилизовался. Паспорт получил без гражданства, потому что, как ему сказали, в армию его забирали "по ошибке". Получается, что кровь за Россию он проливал ошибочно, а теперь ошибку исправили — он снова никому не нужен».
- Обращений, связанных с армией, немного, но они есть. Не только в нашу комиссию, но и в другие инстанции. И все проблемы военных и членов их семей мы решим. Но мне хотелось бы пояснить, откуда возник вопрос. Он возник, когда начался обмен паспортов. Именно тогда стало выясняться, что у нас есть люди, не оформившие своевременно российского гражданства. У них был советский паспорт, и они считали себя гражданами РФ... по привычке. Ведь раньше советский паспорт давал такую возможность: живешь ты в Москве значит, гражданин России, живешь в Риге значит, гражданин Латвии, и так далее. Но ситуация давно изменилась, бывшие братские республики, ныне самостоятельные государства, стали создавать свое гражданство. А многие люди этого просто недооценили. Как недооценили некоторые наши службы. И получилось

так, что люди служили в Российской армии, как выяснилось потом, не будучи гражданами $P\Phi$. Но в нашей армии могут и должны служить только российские граждане, у нас иностранных легионов нет. Так что нужно все вовремя оформлять.

- Еще пример из жизни. Уже из собственного опыта. При обмене старого паспорта на новый в местном отделе внутренних дел мне сказали, что в графу «дети» не впишут недавно родившегося сына, пока я не принесу справку о его гражданстве. Несмотря на то что в представленном свидетельстве о рождении нового образца указано, что оба родителя являются гражданами России.
- Как вы думаете, почему с вас потребовали эту справку? Почему с людей требуют совершенно ненужные, не предусмотренные никакими положениями документы? Или заставляют по нескольку раз переделывать ту или иную справку? Людей посылают по «адовым кругам» до тех пор, пока не намекнут: нужны деньги. Заплати и не нужно мучиться.

К сожалению, оттого, что у нас принят новый закон, не все меняется так, как бы хотелось. Скажем, приходит человек в милицию для того, чтобы что-то оформить, а милиционеру все равно, какой у нас закон действует, ему нужна взятка. Это я говорю со всей ответственностью.

Сегодня есть две проблемы. Одна — упорядочение законодательства в области гражданства, она, на мой взгляд, в значительной мере решена. И другая — упорядочение исполнения законодательства. Вот она у нас далеко не решена. У меня такое чувство: что бы мы ни принимали здесь, «наверху», «внизу» будет продолжаться тот беспредел и беспорядок, которые существуют. Не закон не дает людям жить, а исполнители закона. Закон может быть совершенен и несовершенен, и вообще нет, наверное, такого закона, который бы был идеален и всех устраивал. Но сегодня нам надо думать не о том, что менять в законе, а о том, как лучше его исполнить.

- Еще до принятия закона в одном из своих выступлений Вы предположили, что с вступлением закона в силу работы у вашей комиссии прибавится. Какие вопросы вам приходится рассматривать сейчас?
- Был старый закон появился новый. Получилось так, что документы тех, кто обратился с просьбой о гражданстве в условиях действия старого закона, стали рассматриваться уже в условиях нового. На этом стыке двух законов и возникли конфликты и недоразумения. Однако эти конфликты касаются

немногих, если судить в масштабах страны. Другая проблема касается очередей за границей в наших консульствах и дипломатических представительствах. Из-за нехватки бланков паспортов, из-за небольшого количества наших консульских учреждений, а иногда — дефицита кадров. Но не потому, что мы не хотим новые консульства открывать, а потому, что нам этого не позволяют власти наших бывших братских республик.

А работы у комиссии прибавилось, потому что раньше мы занимались только ходатайствами на имя Президента, их было немного, примерно 1,5 процента, а все остальное, 98,5 процента, по закону решалось по линии МВД и МИД. Поскольку теперь функции «внизу» сокращены, увеличился поток обращений в нашу комиссию. Так, собственно, и планировалось.

- Олег Емельянович, а сколько вообще людей в России волнует проблема гражданства?
- Понимаете, за этим вопросом есть другой вопрос. В России гражданством интересуются миллионы. Но это не россияне.

У нас открыты границы, хлынул поток людей из разных стран, и почти все претендуют на российское гражданство. Почему? Потому что это облегчит им жизнь. Гражданину Армении — потому что он здесь работает. Жителю Германии, занимающемуся в России торговлей, — чтобы каждый раз не обращаться за визой и не платить за нее. Этническим россиянам, проживающим за пределами РФ, хотелось бы иметь российское гражданство, чтобы их Россия там защищала и они увереннее бы чувствовали себя в случае возвращения на историческую Родину...

По старому закону никому нельзя было отказать. Ни в чем! Абсолютно! Даже человеку с криминальным прошлым! Но Россия не проходной двор, и теперь мы будем выбирать, кому давать гражданство, а кому — нет. Тем более что по старому закону жителям республик бывшего СССР российское гражданство предоставлялось в регистрационном порядке. За десять лет уже можно было определиться. Теперь приехавшим из новых независимых государств придется выполнить все условия, которые требует новый закон. Например, прожить пять лет. Это минимум, в западных странах он составляет от 10 до 30 лет.

- Оппоненты нового закона о гражданстве считают, что документ всячески препятствует увеличению населения, которое в России непрерывно сокращается...
- Да, говорят, в России падает рождаемость, сокращается население, не хватает рабочих рук. Все это так и не так. У нас

действительно сократилась рождаемость, это общеизвестно. Любая страна, находясь в таких условиях, как Россия, столько времени, вряд ли бы сохранила высокую рождаемость.

У нас действительно требуются рабочие руки, но, во-первых, только в определенных районах и, во-вторых, определенных специальностей. И, как и во всем мире, теперь регионы будут делать заказ — устанавливать квоты на иностранную рабочую силу. Но все это никакого отношения к гражданству не имеет. Если армянин или таджик хочет работать в России, это не значит, что он непременно должен стать российским гражданином. Ему достаточно зарегистрироваться здесь и получить вид на жительство.

- Но и здесь не все так просто. В некоторых регионах, в том числе в Московской области, людей, проживших не месяц и не год и желающих легализовать свое положение по новому закону, заставляют вновь пересечь границу и вернуться с железнодорожным или авиабилетом.
- Что ж, глупость чиновничья беспредельна. И в этом весь вопрос.

Беседовала Галина БЕЛОУС

Интервью украинской газете 06.12.2002

ИЗВЕСТНЫЙ РОССИЙСКИЙ ПРАВОВЕД АКАДЕМИК ОЛЕГ КУТАФИН — О ПАРЛАМЕНТАРИЗМЕ, ПУТИНЕ, СЛАВЯНСКОЙ ДУХОВНОСТИ И АМЕРИКАНСКОМ ПРИМИТИВИЗМЕ

Вышли мы все из Рима

- Олег Емельянович, с точки зрения конституционного права Украина и Россия очень похожи совпадают и направления развития, и проблемы. Поэтому, думается, вопрос о форме республиканского правления Вами изучался детально?
- Наши страны верили, что достаточно избрать парламент на конкурсной основе, создать конституционный суд, ввести свободу слова и все у нас пойдет, мы начнем бурно развиваться. Но на пути возникли проблемы, которые демократическое западное общество решает на протяжении всего своего существования. Вспомните слова Черчилля о том, что «демократия это худшая форма правления, если не считать всех остальных».
  - Что Вы имеете в виду?
- А то, что, какими бы свободными ни были выборы, всегда найдутся способы их сделать «условно свободными» через подкуп, обман, давление и т. п. И это не только России или Украины касается, определенный момент нечестной политической игры присущ многим государствам. Главное ее удельный вес. Для наших стран он однозначно очень высок. И тут уже дело, наверное, в определенных национальных традициях или же менталитете. Учитывая их, и надо решать проблемы государственного будущего.
- Но если исходить из общих традиций, то принцип сильной руки нам более знаком...

— Не сказал бы. Особенно в отношении Украины — ваше государство, будучи ближе к Западу, все-таки несколько раньше познакомилось с демократией как таковой. Это первый нюанс.

Второй: мне кажется, что для страны, которая только что избавилась от тоталитаризма, желательно использовать путь парламентской республики, а не президентской. Скажем, Германия — ей тоталитаризм, может быть, присущ более, чем какой бы то ни было другой стране. Но немцы, невзирая на большое американское влияние, после Второй мировой войны остановились все-таки на парламентской республике. Посмотрите на японцев — хоть и монархия, зато парламентская. Испания после Франко — то же самое. А Италия? Невзирая на всю эту бесконечную смену кабинетов, они все равно упорно следуют парламентской форме.

- А может, стоит вести речь о некоем славянском специфическом правосознании, которое и определяет развитие наших обществ?
- Своя специфика, бесспорно, есть. Но подавляющее большинство мировых юридических систем вышло из Рима, то бишь из римского права. Это и есть основа, в которую уже чтото привносится на местном уровне. Скажем, поляки заядлые любители «государственной вольницы». У русских и украинцев этого меньше мы «страдаем державностью».

Но вот недавно я обратил внимание на парадоксальный момент (здесь я буду говорить о России, хотя, думаю, и Украине это присуще): неудовлетворенность действующим законодательством привела к тому, что на бытовом уровне люди начали делать разницу между законом, который часто кажется несправедливым, и правом, которое справедливо по определению.

Абсурд, согласитесь? Но это же все идет от действия властей, на которых и ориентируется народ. Вспомните расстрел российского Белого дома — он ведь произошел из-за того, что Ельцин сказал: «Эта конституция неконституционна». Больший алогизм, да еще сказанный первым лицом государства, трудно себе представить. Это очень опасно, поскольку самый плохой закон должен соблюдаться — пока не будет изменен опять же законодательным путем.

Но если у человека настолько много полномочий, что он отваживается делать подобные заявления, будучи уверенным, что для него все обойдется без последствий, это пугает. И парламентская республиканская форма правления призвана нивелировать такие случаи, поскольку она представляет собой систему

сдерживаний и противовесов, в то время как президентская — это постоянная угроза перекоса в одну сторону.

- В России президент уже не Ельцин, но форма правления все-таки больше президентская, чем парламентская. Нет ли опасности, что Владимир Путин со временем тоже начнет применять, мягко говоря, неадекватные методы государственного управления? Тем более что российская пресса уже поднимает шумок о зарождающемся новом культе личности...
- Чепуха все это. Просто есть люди, которые, грубо говоря, дурью маются. Могут сделать бюст и преподнести Путину или ковер с портретом президента. Владимир Владимирович на это смотрит немножко с презрением, на грани такого, знаете, издевательского юмора.

Я ведь председателем Комиссии по вопросам гражданства стал еще при Ельцине, поэтому знаю хорошо обоих президентов. Так что могу с полной ответственностью заявить: Путин — очень уравновешенный, спокойный, разумно осторожный человек. Ему от предшественника досталось тяжелое государственное наследство, но при всем этом он никогда не рубит сплеча — ни при решении проблем, ни при подходе к кадровым вопросам. Интеллектуально очень подкован, начитан; прекрасно знает немецкий язык и умело использует это обстоятельство. Английский сейчас учит...

Он умеет вести дела и привлекать к себе людей, все время ищет равновесия. Если сравнить Путина с ныне действующими руководителями европейских стран — он очень на их фоне выигрывает. Уже не говоря о Буше.

- Олег Емельянович, давайте посмотрим на проблему в другой плоскости. Может, не конституционные изменения нужны, а нечто иное, например формирование государственной идеологии? Вы вот первым в России вывели на «светский уровень» церковное право и включили соответствующий курс в учебную программу возглавляемой вами Академии, а религия ведь всегда составляла немалую толику идеологического мировоззрения русских и украинцев...
- В России с этим трудновато страна уж больно многоконфессиональная, и вывести единый религиозный знаменатель, способный объединить все государство, считаю, практически невозможно. Я и мои единомышленники работаем не только над правом православной церкви, мы интересуемся

и другими — мусульманскими, иудейскими — религиозноюридическими канонами. Это даст возможность с большим пониманием реагировать на внутреннюю ситуацию хотя бы в той же Чечне. Ведь кроме того что там руки ворам отрубают, широкой публике о законах шариата мало что известно...

- -A взаимоотношения по линии «власть светская власть духовная»?
- Отвечу так: религия имела, имеет и будет иметь немалое влияние на общество, а посему лучше не отделять по-ленински церковь от государства, а постараться совместить их интересы и направить на благие цели. В первую очередь на возрождение духовных и культурных ценностей, которые все больше и больше нивелируются под влиянием американской масскультуры.

Я не думаю, что с помощью церкви можно решить все вопросы. Но убежден, что если мы будем воспитывать наших детей не на американских боевиках, а на ценностях христианских — это даст свои плоды. Человек должен быть убежден, что убить — это не удовольствие и «плевое дело», как нам показывают в фильмах, где убийства происходят каждую минуту и воспринимаются спокойно, в порядке вещей. Надо бояться ответственности если не земной, то хотя бы небесной.

Мы так устроены, что должны чего-то бояться. Обратите внимание — большинство крупных ученых, в первую очередь естествоиспытателей, которые прекрасно знакомы с природой человека и устройством мира, являются глубоко верующими людьми. Да и каждый из нас, когда становится очень больно или страшно, невольно восклицает «Господи!» — даже если ни разу церковь не посещал.

- Вы вспомнили об американской культуре, но ведь к нам массово ринулись из США и протестантские миссионеры, проповеди которых базируются именно на христианских ценностях...
- Американская духовность, как и культура, носит утилитарный, прикладной характер. В основе большинства тамошних протестантских конфессий, которые возникли на изломе XIX—XX веков, лежало желание приучить чернокожее население к христианству, и оказалось, что легче всего это сделать на примитивном уровне, путем танцев и песен. А нам это зачем, когда у нас религиозная культура уже сформирована?

Все происходит от уничижительного отношения наших людей к себе. Обыватель считает, что если американский «линкольн» лучше «запорожца», то и во всем остальном то же самое.

Я не отрицаю, что каждая страна имеет право пропагандировать свою культуру, но все упирается в цели и методы. Думаю, что деятельность протестантских миссионеров на постсоветском пространстве лежит где-то на одном уровне с попытками не пустить президентов Украины и Белоруссии куда-то. Пусть это на первый взгляд разные вещи, но на самом деле здесь просматривается определенная линия. Нам просто хотят указать наше место в этом мире, вернуть к примитивному, рабскому мышлению. И это в то время, когда наше место под солнцем очень даже неплохое и миру мы дали немало — но не в плане «искусства убивать». Украинская и русская духовность и культура несут в себе прежде всего созидательное начало.

- Давайте возвратимся от русско-украинского единства христианского к единству юридическому.
- Юридические школы в наших государствах тождественны. Что касается профессиональной подготовки, то тут надо признать в Украине очень сильные юристы. У вас прекрасная, просто замечательная Харьковская национальная юридическая академия им. Ярослава Мудрого. Еще во времена СССР это был лучший юридический вуз (тогда еще только институт) страны. Он работал преимущественно на прокуратуру, и из него выходили лучшие кадры (вот и Генеральный прокурор РФ Владимир Устинов тоже харьковский выпускник). Тенденция у харьковчан осталась та же. Одним словом молодцы.
- Еще вопрос, который близок одному из направлений вашей деятельности — вопросам гражданства. Наша газета недавно подняла проблему украинско-румынских отношений в плане предоставления гражданам Украины в упрощенном порядке румынского гражданства. При этом наши земляки не спешат отказываться от гражданства украинского, как это следовало бы сделать согласно отечественному законодательству, а Румыния в свою очередь не афиширует, сколько украинцев стало ее подданными, создавая тем самым почву для определенных предположений и подозрений. В России, как и в Румынии, также разрешено двойное гражданство. Поэтому вопрос к Вам как к председателю Комиссии по вопросам гражданства при Президенте РФ: как Россия строит отношения с нашим государством?

— Скажу так: уважая законодательство Украины и невзирая на задекларированный принцип двойного гражданства, мы требуем от граждан Украины, решивших принять российское подданство, официального подтверждения отказа от предыдущего гражданства. Правда, уточню: так мы начали поступать с 1 июля этого года.

Раньше подобного контроля не было, поскольку вследствие развала СССР многие люди долгое время определялись со своей государственной принадлежностью, но этот процесс специально на государственном уровне никто не форсировал. Был задействован порядок упрощенного предоставления гражданства, который осуществлялся органами внутренних дел, а через нашу комиссию шло процента полтора заявлений. Но этим поспешили воспользоваться не русские, украинцы или белорусы, а жители Кавказского региона. У меня, например, сложилось впечатление, что едва ли не все армяне покинули свою родину и получили российские паспорта. Пришлось систему ужесточить или, говоря более корректно, упорядочить.

Что касается действий Румынии с точки зрения междуна-

Что касается действий Румынии с точки зрения международного права, то любое государство не обязано ставить никого в известность о своих гражданах. Но чем это обернется в данном случае — я могу только предполагать. Хотя, скажу честно, международного права как такового, на мой взгляд, сегодня уже не существует — действия США на мировой арене нивелировали все предыдущие конвенции, договоры, пакты и т. п. А «меньшие» смотрят на «старшего» — и тоже начинают бесчинствовать...

Наша власть: дела и лица

№ 2, 2003

ОЛЕГ КУТАФИН, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ ПО ВОПРОСАМ ГРАЖДАНСТВА ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РФ

«Закон работает лишь тогда, когда есть условия для его воплощения в жизнь»

В начале 2003 года россияне живут ожиданием положительных перемен. Эти ожидания связываются прежде всего с гарантиями прав и свобод человека, торжества принципов правового государства. О том, что нужно сделать на этом непростом пути, рассказывает Олег КУТАФИН.

- Олег Емельянович! Рекомендации обращаться к юристу чуть ли не по каждому поводу стали сейчас чрезвычайно модными. Однако многие наши граждане попросту боятся адвокатов и судей. Те, кто все-таки к ним обращается, не всегда могут грамотно сформулировать свои претензии, нередко долго ждут решения своего дела и пр. Чем объяснить сложившееся положение: несовершенством законодательства, неспособностью нашей Фемиды защитить интересы граждан или же правовой безграмотностью последних?
- Данная проблема слишком сложна, и найти универсальное, простое ее объяснение вряд ли возможно. Да, наше законодательство пока далеко от совершенства, не все наши граждане способны правильно составить исковое заявление. Надо признать, что и не все судьи соответствуют своей должности и, не побоюсь таких слов, этому призванию.

На мой взгляд, первопричина современного неблагополучного положения в правовой сфере — исторические особенности правового сознания россиян. На протяжении многих лет они сталкивались с судом и вообще с юристами только тогда, когда они вступали в непосредственный конфликт с законом. И адвокат был нужен лишь для того, чтобы «вытащить человека из узилища». Были, правда, дела и другого характера — алиментные, жилищные споры и т. п. Но в принципе наши граждане не рассматривали суд как инструмент защиты своих прав, воспринимая его как неизбежное зло, призванное либо покарать нарушителей закона, либо помочь разрешить возникающие споры.

Теперь ситуация изменилась. Обращение в суд — едва ли не главный способ защитить свои интересы.

— Что Вы имеете в виду?

— В советские времена, если человеку нужно было устранить некую неисправность у себя в доме, он звонил в жэк. Если там ему отказывали, он звонил в исполком. Если отказывали и там, он обращался в райком, где подобные вопросы наконецто решались.

Райкомы остались в далеком прошлом. В наши дни россиянам настойчиво рекомендуют «научиться пользоваться судом, как зубной щеткой». Объясняют им, что суд — не способ решить какие-то мелкие дрязги, а главный инструмент защиты прав и интересов личности. Что конечно же правильно, но, увы, чаще только в теории. На практике возникает целый ряд проблем, решить которые будет очень непросто.

Во-первых, россияне не готовы с помощью суда защищать свои интересы, а многие их по-прежнему побаиваются. Не в последнюю очередь из-за дороговизны юридических услуг. Адвокаты и юрисконсульты, в свою очередь, хоть и нуждаются в расширении клиентуры, не снижают расценки. Поэтому многие избегают адвокатов.

Во-вторых, сами суды, точнее, «судейские» в массе своей не готовы к работе в новых условиях. У некоторых судей обращения граждан в защиту своих интересов вызывают удивление и непонимание. Намного большее число судей по-прежнему, скажем так, «оглядываются». Если рассматривается дело никому не известного гражданина, то его можно решить и по закону, а если известной на всю страну персоны, то «необходимо» учесть огромное количество «побочных обстоятельств». Иначе можно и ошибиться, а цена «ошибки» в подобных случаях очень велика. Все еще живо «телефонное право».

Первопричина современного неблагополучного положения в правовой сфере — исторические особенности правового сознания россиян...

В-третьих, все еще далека от разрешения проблема материального обеспечения судов. Причем речь идет не только о повышении судьям зарплаты. Нередко наши суды не имеют удобных помещений, хорошей мебели, достаточного количества оргтехники. Они завалены делами, и не в последнюю очередь потому, что вынуждены работать по старинке и, следовательно, буквально перелопачивать груды бумаг.

Наконец, чтобы суды могли эффективно отстаивать права россиян, эти права должны быть надежно защищены законом в целом. Таким образом, мы выходим на проблему ответственности государства перед своими гражданами. Как известно, согласно Конституции государство должно возмещать ущерб пострадавшим от стихийных бедствий, катастроф, иных чрезвычайных ситуаций. Но осуществить это нередко не представляется возможным.

- Простите, но тут возникает следующий вопрос: не так давно Тверской межмуниципальный суд Москвы отказался удовлетворить иски к московскому правительству со стороны пострадавших от теракта на Дубровке. Не могли бы Вы прокомментировать это решение?
- Мне представляется, что вся история с исками пострадавших в результате захвата заложников в Москве к столичному правительству с самого начала была задумана как работающая на рекламу нескольких адвокатов. Они-то не могли не понимать, что московское правительство по определению не несет никакой ответственности ни юридической, ни моральной за действия террористов. Вообще терроризм это проблема всей страны, а не одной столицы. Поэтому, строго говоря, иски должны были быть обращены к федеральным властям.

Есть и еще одна проблема, сугубо морального плана. Мы посылаем наших бойцов в Чечню, их там убивают, калечат, а их семьи не получают практически никакой материальной помощи. И в этой ситуации требовать для себя компенсации в миллион долларов попросту безнравственно. Такова моя личная точка зрения.

— Для решения перечисленных Вами проблем требуется целая система мер, обычно объединяемых одним общим понятием — правовая реформа. Насколько она назрела, что конкретно она предполагает, кто должен ее проводить и чего мы в результате вправе ожидать от нее?

— Правовая реформа — понятие очень широкое. Она подразумевает проведение судебной, административной реформ, реформирование прокуратуры и т. д.

Реформа, безусловно, нужна уже потому, что многое попросту устарело и не отвечает реалиям сегодняшнего дня. Но, проводя ее, необходимо постоянно думать не только о том, что делать, но и как конкретно это сделать. Например, легко ли решается проблема судов присяжных? Они были у нас еще до революции, так что в данном случае мы возвращаемся к хорошо забытому старому.

Однако, возрождая суды присяжных, мы, кажется, не совсем хорошо представляем, для чего они вообще нужны. Многие почему-то считают, что чуть ли не все дела отныне будут рассматриваться исключительно присяжными. Да ничего подобного! На их долю придется в лучшем случае 1—1,5 % всех решаемых в судах дел. Следовательно, существенно изменить нашу судебную систему они вряд ли смогут.

Далее. В советские времена с трудом набирали необходимое количество народных заседателей. Сейчас же требуется сформировать намного более многочисленный корпус присяжных заседателей. И сделать это будет очень непросто.

Едва ли не главный вопрос любой реформы: с какой целью она проводится? Нужно отчетливо понимать, что одно лишь создание новых государственных структур и социальных институтов не вызовет каких-либо позитивных сдвигов в обществе. Например, проведение альтернативных выборов отнюдь не привело к расцвету подлинной демократии в стране, хотя бы в силу личных качеств многих претендентов на выборные должности.

И вообще ни один вопрос, связанный с реформированием какой-то сферы жизни общества, нельзя решить кавалерийской атакой. Когда-то мы хотели, чтобы Монголия из феодализма шагнула в социализм, минуя стадию капитализма. Не получилось. Процесс преобразований по определению медленный. И мы не вправе ожидать, что у нас в стране, в обществе уже завтра что-то решительно изменится к лучшему.

— Вы затронули проблему правового, или законодательного, обеспечения проводимых структурных реформ. Справедливо ли утверждение, что каждый из принимаемых профильных нормативных актов способствует продвижению реформ? Или же есть и такие, которые их, наоборот, тормозят?

— В какой-то степени эта действительно острая проблема обусловлена объективными причинами. Помимо федеральных законов существует большое количество нормативных актов, принимаемых отдельными ведомствами. Свое законодательство имеют и субъекты Федерации. Естественно, весь этот массив требуется привести в соответствие с новыми законами. Пока этого не произойдет, новые законы не заработают.

Когда в стране проводятся определенные преобразования — в данном случае не особо важно, какие именно, — необходимо не только принять новые законы, но и создать механизмы и условия для их исполнения. Причем далеко не все ограничивается лишь материальным обеспечением. Многое зависит от правового сознания наших граждан.

В России традиционно рассматривают закон с точки зрения его целесообразности. Проще говоря, мы будем исполнять закон, скорее всего, только тогда, когда это покажется нам удобным или выгодным. Если нет, то закон можно и не исполнять. И по крайней мере на бытовом уровне, никто нас за это не осудит.

Поэтому никакие реформы не будут до конца реализованы, если сами исполнители к этому не готовы. К примеру, был принят новый закон о гражданстве. Но если и далее останется возможность получить российский паспорт путем «подношения кому надо», то этот закон, каким бы совершенным он ни был, так никогда и не заработает.

К сожалению, в нашей стране давно уже наблюдаются некая фетишизация права со стороны властей и правовой нигилизм многих россиян. Первые считают, что достаточно лишь принять новый закон, а далее «все образуется». Вторые вовсе не считают необходимым соблюдать закон лишь потому, что это закон. А если учесть, что все наши чиновники «вышли из народа», то и их правосознание нередко хромает.

- Если закон нарушает отдельный гражданин, он, скорее всего, окажется в тюрьме, если то же самое делает власть в целом, то чем рискует она?
- В первую очередь потерей авторитета. Не секрет, что авторитет власти сейчас крайне низок и в ближайшей перспективе ей довольно трудно изменить ситуацию.

Между тем сделать это не так уж сложно Просто надо использовать предоставленные полномочия. Многие ли из провинившихся начальников — больших или маленьких — были примерно наказаны за свои проступки? Можно вспомнить лишь отдельные случаи, да и то весьма, мягко говоря, своеобразные. Когда чиновник, пойманный за взятки, получает во-

семь лет условно, то остается лишь удивляться. Причем даже не мягкости наказания, а смыслу его вообще выносить. Подобные случаи могут лишь продемонстрировать, что за указанные проступки, по сути, ничего не будет, и тем самым поощрить прочих на эти и другие правонарушения.

- Олег Емельянович, выше уже упоминался новый закон «О гражданстве Российской Федерации». Вы были руководителем группы разработчиков этого закона. В чем была необходимость его принятия? Почему перестал устраивать прежний закон о гражданстве?
- Прежний закон о гражданстве был принят в 1992 году, в начальный период становления новой российской государственности. В первую очередь он должен был учитывать реалии того времени. Совсем недавно распался Советский Союз, на его месте возникли новые независимые государства. Соответственно, миллионы людей оказались, если можно так сказать, в подвешенном состоянии. И не только в плане определения собственного гражданства.

Поэтому старый закон должен был, во-первых, дать государствам СНГ возможность урегулировать свои отношения в вопросах гражданства, а во-вторых, позволить отдельным людям разобраться с нелегкими и неизвестными ранее проблемами, например связанными с воссоединением семей. Для решения всех этих проблем было достаточно времени — без малого десять лет.

Известная специфика того нелегкого периода позволяет объяснить многие характерные черты старого закона о гражданстве, и прежде всего его исключительный либерализм. Особенно это касается вопросов приобретения российского гражданства, оснований для отказа в его получении, а также возможности иметь двойное гражданство. Последнее, кстати, совершенно ново для российской правовой традиции.

За десять лет обстановка в значительной степени изменилась. Была принята новая Конституция страны, с которой не согласовывались отдельные положения прежнего закона. Изменились и взаимоотношения со странами СНГ, населенными, как известно, гражданами бывшего СССР. Наконец, произошли серьезные сдвиги в экономическом, социально-политическом и правовом развитии нашей страны. Неудивительно поэтому, что потребовался новый закон о гражданстве.

— В чем заключаются основные отличия нового закона от действовавшего ранее?

— Так как закон «О гражданстве Российской Федерации» принят уже относительно давно и о нем написано достаточно, напомню лишь его основные положения.

Принципиально новым является положение о российском гражданстве как о едином и равном вне зависимости от оснований его приобретения. Введение этой нормы полностью ликвидирует упомянутые выше разночтения старого закона и гражданстве с Основным законом нашего государства. Далее, законом вводятся понятия общего и упрощенного порядка рассмотрения вопросов о гражданстве.

Из перечня оснований для приобретения гражданства исключены признание (как исчерпавшее себя) и регистрация по причине введения процедуры упрощенного порядка.

Значительные изменения и дополнения внесены в условия приобретения гражданства. В качестве обычного условия приобретения гражданства срок проживания в России увеличен с трех до пяти лет, что соответствует европейской концепции о гражданстве. Обязательны также требования о наличии законного источника существования, об отказе от иного гражданства, а также требование знать и уважать Конституцию и законодательство РФ.

Оценку закона «О гражданстве Российской Федерации» проводили лучшие европейские специалисты в области гражданства. И они пришли к выводу — данный закон является одним из самых совершенных в Европе. Главный критерий его — насколько он позволяет решать проблемы гражданства РФ.

В новом законе процедура восстановления в гражданстве Российской Федерации приравнена к его приобретению. Основным условием для этого также является долговременное проживание в нашей стране. Наконец, был несколько расширен и конкретизирован перечень оснований для отказа в получении гражданства нашей страны.

Что касается жесткости закона о гражданстве. Мы консультировались с лучшими европейскими специалистами в области гражданства, и они пришли к выводу: данный закон является одним из самых совершенных в Европе.

Не совсем понятно, почему данный закон оценивается по шкале «мягкость — жесткость». Подобный подход вряд ли применим, и не только по отношению к рассматриваемому закону, но и к законодательным актам вообще. Главный критерий оценки любого закона — насколько он отвечает интересам государства и личности, а также позволяет решать назревшие

проблемы. Новый закон о гражданстве вполне соотствует данному критерию.

Пользуясь случаем, я хотел бы еще раз призвать тех, кто нагнетает страсти вокруг закона о гражданстве, не смешивать совершенно разные проблемы, такие как контроль над миграцией, поддержка соотечественников в странах СНГ и др. Эти и подобные проблемы действительно очень важны, они попрежнему ждут своего оптимального решения, но не надо их путать с вопросами российского гражданства.

- Вы возглавляете Комиссию по вопросам гражданства при Президенте РФ. В этом главный смысл деятельности Комиссии. Иными словами, почему нельзя соотствующие вопросы решать в других инстанциях, имеющих необходимые полномочия, в МИД, МВД?
- Комиссия по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации объединяет представителей всех заинтересованных ведомств, а также органов законодательной власти Российской Федерации. Одна из ее основных задач контроль за исполнением законодательства о гражданстве. Особенно это касается соблюдения сроков рассмотрения поданных заявлений неоперативность работы соответствующих служб вызывает достаточно много нареканий со стороны тех, кто к ним обращается.

Теперь о смысле, точнее сути, деятельности нашей Комиссии. Большинство дел о российском гражданстве предварительно рассматриваются органами МВД и в меньшей степени Министерства иностранных дел. Согласно закону в ряде случаев они и принимают решения. Однако высшей инстанцией, которая в соответствии с Конституцией решает вопросы российского гражданства, является Президент. Вполне очевидно, что он физически не в состоянии разбираться с каждым отдельным случаем.

Отсюда главная задача Комиссии по вопросам гражданства — изучить конкретную ситуацию и предложить мотивированное решение. Если оно будет положительным, то и подготовить проект указа Президента. Таким образом, Комиссия самостоятельно ничего не решает. Решает глава государства, а мы лишь помогаем ему в этом.

— Можете ли Вы привести несколько примеров оказания помощи нашим соотечественникам, попавшим в непростые ситуации?

— Таких примеров достаточно много, а некоторые из них уже стали хрестоматийными, как дело прапорщика Козлова из Таджикистана.

Назову еще несколько конкретных случаев. Были оперативно рассмотрены ходатайства и подготовлены соответствующие указы Президента о предоставлении гражданства близким родственникам и детям погибших членов экипажа подводной лодки «Курск», ветерану Великой Отечественной войны В. М. Кононову из Латвии, группе адыгов из Косово, вынужденных перебраться в Россию, группе летчиков, преследуемых в Индии.

Эти примеры лишний (точнее, вовсе не лишний) раз опровергают все домыслы жесткости нового закона о гражданстве, о возводимых им барьерах и пр. Данный закон содержит ряд норм, направленных на защиту прав и интересов российских граждан за рубежом. Эта задача возложена на органы государственной власти, действующие как в стране, так и за рубежом, и не в последнюю очередь — на Комиссию по вопросам гражданства.

- В настоящее время много говорится о необходимости подготовки кадров новой формации, способных справиться с актуальными проблемами, с которыми сталкивается российское общество. Насколько это относится к подготовке специалистов-правоведов?
- Проблема кадров, точнее, их нехватки, действительно существует. Но применительно к правоведам она имеет особое звучание. Хороший юрист не подвержен влиянию времени: основные понятия в любом праве остаются в целом неизменными. Не буду вдаваться в детали, скажу лишь, что все без исключения будущие юристы до сих пор изучают римское право. Думается, нет нужды объяснять почему.

По отношению к власти юристы являются не самостоятельной величиной, а ее как бы рабочим аппаратом. Они должны уметь работать при любой власти: разрабатывать хорошие, грамотные законы, разбираться в уже принятых и уметь использовать их на практике. А несовершенство власти, недостатки в ее работе — это проблемы самой власти, не юристов. Для юристов главное — всегда оставаться порядочными людьми.

Валерий НОВИКОВ, Василий АНДРЕЕВ

«Власть должна уметь держать удар»

Страсти по новому Закону «О гражданстве Российской Федерации» не утихают уже целый год, а скоро Госдума будет принимать новые поправки к этому закону. Какова их суть? Не станет ли эта процедура в год выборов поводом для того, чтобы до неузнаваемости исказить суть самого документа? Как должен новый Закон о гражданстве соотноситься в целом с правовой политикой государства? На эти и другие вопросы «ЛГ» отвечает Олег КУТАФИН — академик РАН, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

- Олег Емельянович, как Вам и Вашим коллегам удалось создать такой драконовский закон, о «репрессивности» которого не говорит только ленивый? Возможно, какие-то важные моменты не были учтены в «президентском варианте», который приняла Государственная дума? В чем тут дело?
- Видите ли, все эти разговоры и бесконечные (часто истерические) дискуссии о новом Законе «О гражданстве Российской Федерации» по большому счету не имеют смысла, так как сам закон, по существу, еще не вступил в действие напомню, что он был принят Государственной думой 19 апреля 2002 года, а одобрен Советом Федерации 15 мая того же года. Поэтому настоящих «клиентов» у этого закона пока нет они по-

явятся только пять лет спустя, поскольку именно таков «стаж» проживания в нашей стране для получения гражданства. Так что сегодня говорить о том, плох закон или хорош, бессмысленно, ведь он фактически не вступил в силу. Но его правоприменение выявило столько проблем (которые, впрочем, существовали и до его принятия «благодаря» нерадивости или нерасторопности ряда наших ведомств), что немедленно был поднят крик о «плохом» законе, хотя сам этот документ тут совершенно ни при чем.

- Вокруг «стажа» для получения гражданства с самого начала обсуждения проекта было тоже много криков дескать, неслыханно долгий срок, он мешает нашим соотечественникам вернуться в Россию, причем к соотечественникам по советской привычке некоторые наши депутаты щедро относят любого гражданина бывшего СССР. А как раз эти «соотечественники» не испытывают никаких затруднений даже при нелегальном существовании на территории России...
- Мне уже приходилось говорить о том, что вообще вокруг категории лиц, проживающих за рубежами России и называемых юридически невнятным термином «соотечественники», много шума и политических спекуляций, на чем зарабатывает очки часть депутатов, а также люди, называющие себя почемуто правозащитниками (хотя я считаю, что я, простите, тоже правозащитник). На одном из таких шумных собраний ко мне подошел некий доктор наук из Риги и стал обличать новый закон, который «мешает соотечественникам вернуться на Родину или принять гражданство у себя по месту жительства». Я спросил у него: скажите, новый Закон о гражданстве мешает вам лично принять гражданство России? И услышал замечательный в своем роде ответ. «Да на кой черт он мне нужен, этот ваш закон, как и само российское гражданство! — не моргнув глазом, ответил этот доктор. — В Прибалтике с этим вашим гражданством одни проблемы, и я принимать гражданство России не собираюсь!» Тогда я вежливо поинтересовался, к каким именно статьям нового закона адресована его критика. «Ни к каким конкретно, — ответил мне этот трибун, — я говорю в целом».

Так вот, у нас очень любят поговорить «в целом», хотя, разумеется, ни один из законов не свободен от недостатков. Однако нельзя устраивать из России проходной двор. Предполо-

жим, мы дадим гражданство всем, кто оказался к сегодняшнему дню на территории РФ. А завтра общество нам скажет: в росте криминала, убийств, разбойных нападений, наркоторговле виноваты вы, потому что это вы решили всем подряд предоставить гражданство. И ни одна страна, смею вас уверить, озабоченная соблюдением прав своих граждан, никогда на это не пойдет даже при самой трудной демографической или любой другой ситуации. К тому же у всех тех, кто хотел и мог переехать в Россию, было целое десятилетие на раздумья. В том числе и для того, чтобы определиться с гражданством. После десяти лет безбрежного либерализма российская власть вправе привести эту вольницу в надлежащее правовое русло.

- Но ведь есть люди, которые оказались в подвешенном состоянии между старым и новым Законом о гражданстве, между прошлым и будущим. Как с ними быть?
- Да, это проблема, хотя и не делающая в целом погоду даже для тех, кто постоянно кричит о «плохом» законе. Дело в том, что на момент принятия нового закона у нас было две категории лиц, которые могли вообще иметь претензии к институту гражданства. Одна категория и она первой оказалась в числе «пострадавших», хотя и подала вовремя все документы, не была принята в российское гражданство. Это небольшая группа лиц, 40—50 тысяч человек, и здесь никто, в сущности, не виноват ни Комиссия по гражданству при Президенте РФ, ни сам закон просто одно время у нас наличествовал «обвинительный уклон», когда стали предъявляться повышенные требования к тем, кто по каким-то причинам не успел пройти процедуру приобретения гражданства.

Однако гораздо важнее то, что при действии нового закона выявилась другая группа лиц (а в нее входят уже несколько миллионов человек), которая «пострадала» не из-за того, что злостно нарушала закон, а потому, что жила по инерции, как в Советском Союзе. Ведь как на самом деле развивался этот сюжет целое десятилетие? У нас старым законом был установлен порядок, согласно которому все, кто проживал на территории РФ на тот момент, считались гражданами России. Нулевой вариант — он известен в мировой практике — был принят и у нас. Нулевой вариант подводил, условно говоря, черту под пребыванием человека на законных основаниях на территории конкретного государства. И многие привыкли жить по советской привычке: переезжает человек в нашу страну, покупает

жилье, прописывается, живет, работает спокойно, и ничто не внушает ему тревоги или чувства, что он делает что-то не так. Наоборот, с ним обращаются как с полноценным гражданином: приглашают, например, голосовать. Он берет старый советский паспорт, приходит, голосует, и его еще за это благодарят. Его призывают в армию нашу родную — он идет служить все с тем же паспортом, и все нормально.

А тут вдруг мы начинаем паспортизацию! Люди приходят обменивать старые паспорта 1974 года на новые, а им говорят: позвольте, а вы не граждане России! И человек начинает паниковать: как же так?! Ему и в голову не приходило, что несколько лет назад (или относительно недавно) он пересек границу другого государства. Это все равно как если бы во время денежной реформы кто-то забыл 5 тысяч рублей в комоде, а спустя 10 лет побежал бы их обменивать в банк, а в банке говорят: мы не можем их обменять, мы давно уже эти деньги не меняем, так как денежная реформа закончилась.

Вот в такой ситуации — повторяю, не из-за принятия нового закона, а из-за отсутствия элементарного порядка в разных сферах нашей жизни — выявилась масса проблем. Вот так обнаружили «обиженного» прапорщика Козлова, потом десятки и сотни тысяч, которые служили в Российской армии, — и тут возникают совсем другие вопросы. А именно: что же это у нас за страна и что у нее за система голосования? Так ведь, извините, вообще можно миллион казахов завезти и «проголосовать» за что угодно! И что у нас за армия такая, где спокойно служат иностранные граждане, причем не один, не два, а целый иностранный легион?

- Как же решилась проблема с военными?
- Суть одной из будущих поправок в том, что лица, уже отслужившие в Российской армии 3 года, имеют право приобрести российское гражданство в упрощенном порядке.
- $\stackrel{-}{-}$ А не приведет ли это к тому, что в гражданство военных будут принимать «по списку»?
- Не исключенный вариант, хотя в этом случае «виноват» опять-таки не закон, а ситуация в нашей армии в целом. Как и в стране вообще.
- Что же делать тем гражданам, которые по привычке жили в России, как в Советском Союзе, и полагали, что их гражданство надежно лежит в комоде?

- Эти люди, давно и, я бы сказал, преданно проживающие в России, получат гражданство в соответствии с правилом «нулевого варианта». Он, собственно говоря, и был первоначально заложен в так называемом президентском проекте, который был представлен в Госдуму, но весь фокус в том, что депутаты приняли не совсем «президентский проект».
- A какой же? B кулуарах Думы постоянно обсуждались недостатки «президентского варианта», который «навязали сверху»...
- На самом деле о чем общественность наша понятия не имеет ужесточать закон стали как раз депутаты, механически перенося в него те или иные понравившиеся им положения из законов европейских стран или США. Мне вообще непонятно, почему вокруг именно Закона о гражданстве крутится так много народа, а депутаты, на мой взгляд, вообще его постоянно путают с другим правовым документом Законом «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Так что драконовским закон стал как раз после вмешательства депутатской руки. А это привело к серьезному дисбалансу внутри самого закона, поскольку ни в один правовой акт нельзя механически вносить чужеродные, хотя и понравившиеся статьи (у них есть, а у нас почему нет?!) из законодательств других стран. Как, собственно говоря, и в правовую систему России в целом.
- Радостные крики в антипутинском стане, особенно после того, как было озвучено Послание Президента в той части, где нам, как было сказано, не нужны «искусственные преграды», явно усилились: наша взяла! Мы вам говорили, что закон плохой! Следовательно, надо его ломать, как и всю правовую систему России, где при желании можно обнаружить в любом законе «искусственные преграды». Значит ли это, что верховная власть опять прогнется, испугавшись своих же собственных разумных мер, или она, пойдя на разумный компромисс, все-таки сохранит главное? Иначе говоря не уничтожат ли поправки к Закону о гражданстве его суть?
- Я думаю, этого не произойдет, тем более что Президент в Послании не отступил от своих принципиальных позиций. И к тому же любая власть должна уметь держать удар, ведь Закон о гражданстве только часть комплексного пра-

вового пакета и целостной системы по наведению порядка в России.

- Но создается впечатление, что наша верховная власть излишне пуглива, как лесная лань: достаточно беспардонных окриков из горластого стана «правозащитников», как она тут же идет на попятную...
- Да, в год выборов власть задумывается о своей популярности, иногда излишне осторожничает — и то убрать, и это... Но ведь надо понимать, что стратегические интересы России не должны быть привязаны к предвыборной конъюнктуре — иначе о какой вообще стратегии речь? И для того чтобы власть не прогибалась перед теми, кто от силы представляет собой 0,02 или 0,05 процента населения, но кричит от имени всего общества (а эти крики, как можно заметить, вообще часть психологической и информационной атаки на Владимира Путина), власть должна обладать четкой концепцией развития государства и общества, чтоб не шарахаться из одной крайности в другую. Нельзя жить так, что вот на этой неделе у нас одна концепция, а на следующей — совершенно противоположная. Мне вообще кажется, что Президент РФ должен располагать неким единым концептуальным документом по основополагающим направлениям развития России, причем не «вообще», исходя из благостных пожеланий и чьих-то мифических представлений, а исходя из конкретной ситуации конкретной страны и решения проблем в диапазоне 5—10 лет. Тогда и законы будут подчинены одному сценарию — и от этого комплексного единства правовой политики и правоприменительной практики будет несомненная польза обществу. И само общество должно быть информировано о сути принимаемых законов. К сожалению, этого не происходит.
- А с чего это может произойти, когда Вы лично и Ваши коллеги не появляетесь даже на государственных телеканалах? Я не слышала ни одного комментария именно государственных лиц, имеющих отношение к какому-либо закону или сложной ситуации, в связи с проблемами его применения. Как же общество может догадаться о государственной позиции, если сами государственные мужи с ним не общаются? Парадоксально, но у нас государственная система информации начисто отсутствует даже в государственных СМИ к кому же Вы предъявляете претензии?

— Есть комплекс вопросов, которые пора решать нашей верховной власти. Разумеется, любой властью всегда будут недовольны, любая власть всегда подвергается критике, и это нормально. Но одно дело — диалог партнеров (власти и общества), исповедующих общие цели и задачи, и совсем другое дело — истерическая и бездоказательная критика людей, преследующих свои цели и поднаторевших в разрушении государства, отделяющих от него само понятие демократии. Такие игры опасны тем, что приведут общество к хаосу, а чтоб этого не случилось, повторяю: власть должна уметь держать удар.

Беседу вела Наталья АЙРАПЕТОВА

Олег КУТАФИН: «С правовой точки зрения у нас очень больное общество. Я бы сказал, что наше общество очень незаконопослушное...»

РЕКТОРЫ МНОГИХ МОСКОВСКИХ ВУЗОВ ПРЕДСТАВЛЯЮТ СОБОЙ ЭЛИТУ РОССИЙСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ И НАУКИ. ОДИН ИЗ НИХ — РЕКТОР МГЮА ОЛЕГ ЕМЕЛЬЯНОВИЧ КУТАФИН, С КОТОРЫМ БЕСЕДУЮТ СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ «ЮРИДИЧЕСКОГО МИРА» АЛЕКСАНДР ПИЛИПЧУК И ЕВГЕНИЙ АФИНОГЕНОВ.

- Олег Емельянович, что побудило Вас в свое время поступить в юридический вуз: семейные традиции, престижность профессии юриста или стечение каких-то жизненных обстоятельств?
- Должен сказать, что никаких семейных традиций в этом смысле не было. Просто я, можно сказать, с детства, Бог знает почему, интересовался политикой. И у меня тогда было представление, что политика и юриспруденция связаны неразрывно и что заниматься профессионально политикой, не будучи юристом, невозможно. Поэтому я чуть ли не с пятого класса постоянно интересовался только юриспруденцией, связывал с ней свое будущее. Хотя, между прочим, с отличием окончил в Одессе музыкальную школу по классу скрипки. Классическая музыка, история и художественная литература (моя жена, к слову, преподает в Литературном институте) мои, пожалуй, главные увлечения.
  - А детское увлечение политикой прошло?
- Честно говоря, несмотря на известное изречение о том, что политика дело грязное, я по-прежнему увлечен ее любыми проявлениями. Впрочем, как ректор государственного вуза,

я по определению не могу стоять в стороне от политики в области высшего образования.

- Насколько я знаю, Вы положили в семье начало династии юристов?
- Да, моя дочь окончила факультет психологии МГУ, а затем Всесоюзный юридический заочный институт, был такой. А сын учится на 4-м курсе МГЮА.
  - А где Вы учились сами?
- В Москве. Окончил юридический факультет Московского государственного университета в 1959 году. Потом аспирантуру МГУ. В общем, вся моя жизнь связана с двумя учебными заведениями: лет 25 в Московском государственном университете и без малого 20 лет в Московской государственной юридической академии.
- —У Вас есть что и с чем сравнивать: как в те времена финансировалось вузовское юридическое образование?
- Должен вам сказать, что в те времена вы ведь, насколько я понимаю, имеете в виду советские времена — образование в юридических вузах финансировалось нормально. Не знаю доподлинно, как с этим было в других учебных заведениях, но думаю, что и все образование так финансировалось. То есть если государство создавало какой-то вуз, то оно соответствующим образом его и поддерживало. Зарплата у преподавателей была достаточно высокой, я бы сказал, престижной. Не возникало вопросов с коммунальными услугами, учебниками и т. д. Все это оплачивалось из государственного кармана. Там ничего нельзя было украсть или пустить в оборот. Я был ректором и при советской власти, и в постсоветский период, и мне действительно есть что и с чем сравнивать. Должен сказать, что раньше ректор мог всецело заниматься своим непосредственным делом — руководить учебной и научной работой. Финансовыми же делами, то есть добыванием денег на нужды родного вуза, ректор однозначно не занимался.
- С трудоустройством были проблемы или государство в лице соответствующих министерств и ведомств отслеживало конкретные потребности отрасли в кадрах и не допускало их перепроизводства?
- Особых проблем я не припомню. В области юриспруденции их, собственно, и не могло быть. Строго говоря, в те годы, несмотря на то что потребность в юристах была куда скромнее, чем ныне, специалистов этого профиля постоянно не хватало.

Хотя был такой период, когда Гришин — первый секретарь Московского городского комитета партии — заявил, что есть перепроизводство юристов. На самом деле это было ни на чем не основанное утверждение. Возможно, оно было вызвано какими-то неведомыми мне политическими или другими соображениями.

Каким образом было организовано трудоустройство молодых специалистов? Здесь существовала достаточно эффективная система обратной связи. Если коротко, то заинтересованные в кадрах министерства и ведомства подавали заявки, которые обобщались в Госплане и затем учитывались при определении числа обучающихся. Как заместитель декана юридического факультета МГУ, я много раз проводил так называемое распределение. Сначала отличникам предлагались лучшие места, а затем распределялись все остальные.

— И что это за места, интересно?

— Тогда была престижной, скажем, работа в адвокатуре, в Комитете государственной безопасности. Во всяком случае, выпускники туда стремились. А вот работа в нотариате, социальных службах считалась едва ли не наказанием. Волновала молодых специалистов и география распределения. Понятно, что многие стремились остаться в Москве, Московской области, поехать в крупные республиканские, краевые и областные центры. Помню, очень неплохим распределением считалось почему-то назначение в Краснодар. Но некоторые охотно ехали и на Север — заработать деньги, стаж. Удачей у многих считалось получить направление в родные места.

Должен вам сказать, что советское образование представляло собой достаточно разумную систему. Зачем и кому понадобилось ее разрушить до основания, честно говоря, я не знаю. Как и не понимаю, почему отказались от многих вещей, которые хорошо себя зарекомендовали. Видимо, по принципу: если при коммунистах просчитывали потребность в специалистах разных профилей, значит, мы этого делать не будем; если при коммунистах распределяли специалистов, значит, нужно отменить распределение. Самое смешное заключается в том, что при этом ссылаются на зарубежный опыт. Но там люди в основном получают образование за свои деньги и идут работать куда угодно. Но у нас-то бюджетные вузы, что ж, мы зря тратим деньги?

— A диплом советского юридического вуза конвертировался за рубежом?

- Что касается конвертируемости диплома советского юридического вуза за рубежом, то ее не было, за исключением некоторых стран. Например, Израиля. Половина юристов Израиля — выходцы из СССР. В частности, выпускники Всесоюзного юридического заочного института.
- И в чем тут было дело? Меняется ли ситуация сегодня? Не бывает российской или американской физики, российской или израильской стоматологии. В юриспруденции иначе, здесь дело не в советском или буржуазном, как мы его называли, праве, а в национальном праве — российском, немецком, французском... Мы основывали и основываем наше образование, естественно, на отечественном законодательстве. И даем будущим специалистам общее представление о законодательстве зарубежных стран. Кроме того, наши специалисты готовятся как юристы, если можно так выразиться, широкого профиля. У нас в стране они могут работать и в прокуратуре, и в адвокатуре, и в органах судебной системы, и т. д. Нужна лишь определенная адаптация к конкретным условиям.

На Западе это невозможно, у них другая система. Там можно три года изучать биологию, а потом два года юриспруденцию. И вообще юристы готовятся к работе в очень узкой сфере. Если, допустим, ты готовил себя к деятельности нотариуса, ты уже не можешь свернуть в сторону.

Что из этого, собственно, вытекает? Строго говоря, в силу различий в подготовке основная масса наших юристов не подходит им, так же как и их юристы не подходят нам. В принципе наш юрист вне России может понадобиться, ну, скажем, в качестве советника фирмы, которая хочет с нами торговать и должна ориентироваться в российском законодательстве. В свою очередь, те же американские или английские адвокаты обслуживают интересы российских предпринимателей за рубежом.

Что нужно, чтобы наш российский специалист мог получить работу в другой стране? В принципе ему надо там сдать экзамен на знание местного законодательства. И должен сказать, что для наших юристов это не такая уж и большая проблема. Могу объяснить почему. Чисто английских или чисто голландских убийств, например, не бывает. Или бывают только в названиях детективов. Но у нас могут быть разные подходы к срокам лишения свободы, отягчающим или смягчающим вину обстоятельствам. Все это в уголовном законодательстве Нидерландов или Англии прописано, достаточно их изучить.

Наш российский юрист, будучи хорошо теоретически подготовленным, достаточно легко воспринимает любую систему, усваивает «инородную» специфику. Да вы возьмите хотя бы наше законодательство. Оно за несколько последних лет изменилось «с точностью до наоборот» и продолжает меняться едва ли не каждый день. И юридический корпус России прекрасно ориентируется во всех изменениях.

По мере того как все большее число россиян выезжают за рубеж в поисках, как говорится, лучшей доли, отношение к ним меняется. Если раньше в Штатах считали — вот, мол, приехали, а что они тут понимают?! — то теперь наших юристов воспринимают как достойных людей и грамотных специалистов.

- Людей воспринимают нормально, а дипломы?
- Наша страна в 2003 году присоединилась к Болонской декларации, которая призывает приравнять наши дипломы к европейским.
- Президент В. В. Путин на встрече с ректорами красноярских вузов как раз и выяснял их отношение к Болонской декларации. Если бы Вы участвовали в той встрече, какой была бы Ваша позиция?
- Мне уже приходилось на встречах с участием Президента России отстаивать свою личную точку зрения на государственную политику в сфере высшего образования. Что касается Болонской декларации, то, по моему мнению, мы должны активно сотрудничать с Западом, обмениваться опытом, входить в различные международные организации и все такое прочее. Но в самом факте подписания Болонской декларации меня смущают два немаловажных, на мой взгляд, обстоятельства.

Спрашивается: что нам дает Болонская декларация? Мне обычно отвечают: ну вы же знаете, что наши дипломы сейчас за границей не котируются. А теперь, мол, у выпускника, скажем, Бауманки появится реальная возможность запросто поехать работать за рубеж, а студент МГУ, закончив два курса, может продолжить учебу в Кембридже. Я слушаю и думаю: что же это получается — одной рукой мы готовим за государственный счет кадры в той же Бауманке, а другой рукой создаем условия, чтобы они могли работать за кордоном, выталкиваем их за тридевять земель искать жизнь. И тем самым усугубляем проблему, от которой мы уже начали стонать, — утечку мозгов. Вся американская Калифорния — это наши специалисты, подготовленные в наших элитных вузах, на наши с вами день-

ги. И государство теряет на этом «исходе специалистов» триллионы долларов.

Повторяю, я не против этого процесса, не против общемировых тенденций, я не призываю снова отделить нашу страну «железным занавесом» от остального мира. Но как этот процесс должен развиваться? Он должен развиваться так, чтобы и в Москве, и в Париже у специалиста были равные условия. Чтобы российский инженер, юрист, медик зарабатывал на родине столько же, сколько его зарубежные коллеги. И тогда он будет, по крайней мере, принимать решение, ехать ему на Запад или нет, исходя не из зарплаты, а из каких-то других соображений. И поверьте, причин покидать свою страну найдется не так уж много. Это первое.

Второе. Мы, вне всякого сомнения, великая образовательная держава. Образование — это единственная на сегодня область, где можно сказать, что мы пока еще впереди планеты всей. И если мы вознамерились стать полноправным членом какойлибо международной организации, тем паче связанной с образованием, мы должны не просто прийти без оглядки и сказать: корошо, мы согласны на чужой устав, мы вообще на все согласны. Я думаю, наше участие в Болонском процессе не продумано. Мы могли и должны были определить, что принимаем сразу, что можем принять со временем, что не можем вообще принять и, наконец, какие правила игры мы предлагаем принять другим. И настаивать на том, чтобы обязательно учитывалась и сохранялась наша специфика. В конце концов, в ВТО мы же еще не вступили, потому что нам ставят условия, которые могут обернуться катастрофой для нашей промышленности, сельского хозяйства.

Так почему мы должны вместо специалистов готовить магистров и бакалавров? Потому что такая система сложилась на Западе? Скажите, пожалуйста, чем будет заниматься бакалавр-биолог? Кому он нужен? На этот вопрос мне отвечают: он может быть лаборантом. А он и так может быть лаборантом. И что же, по всей стране будут готовить лаборантов?! Правда, нам сейчас начинают говорить: вы неправильно нас поняли, мы будем бороться уже теперь в рамках декларации за свои интересы. Так за свои интересы не борются. Англичане, например, сказали: да, мы готовы подписать декларацию, но имейте в виду, что у нас есть свои вузы и есть Кембридж. Мы сохраним наш Кембридж в первозданном виде, а вот есть

Лондонский университет — давайте мы его приведем в соответствие с декларацией.

Заметьте, и это притом, что у них очень схожие системы. У нас же совсем другая система — у нас есть кандидат наук, доктор наук. Они вообще не понимают, что такое доктор наук. Потому что это уровень, которого у них просто нет.

Иначе говоря, можно приветствовать международное сотрудничество в области образования, но все это нужно делать разумно. Я это только так понимаю.

- Олег Емельянович, какими мотивами востребованность, престижность, расчет на высокие заработки и т. д. в основном руководствуются нынешние молодые люди, выбирая карьеру юриста. И насколько по большому счету оправданны, на Ваш взгляд, их ожидания?
- Я думаю, что они руководствуются двумя соображениями расчетом на хорошие заработки и престижностью профессии. Естественно, они взаимосвязаны: любая работа, связанная с хорошим заработком, является престижной. Хотя должен вам сказать, что встречаются и своеобразные мотивы: скажем, спрашиваю у студентки, почему она выбрала МГЮА. «Вы знаете, отвечает, я Конан Дойла читала, и мне так понравилась эта работа!» Сейчас все реже встречаются молодые люди, у которых отсутствуют чисто прагматические мотивы при выборе профессии.

Думаю, что в целом ожидания наших выпускников оправдываются. По крайней мере, сегодня более престижную и более высокооплачиваемую работу, чем юрист, найти трудно. И конечно, эти люди чувствуют себя довольно уверенно, особенно если они окончили государственный вуз.

- Кстати, сегодня количество юридических вузов в России, кажется, превышает все разумные пределы. В последние годы только в Москве появилось множество частных юридических вузов. Нужно ли все-таки в новых экономических условиях вести учет кадров всего юридического корпуса, определять потребность в подготовке специалистов?
- Превышает все разумные пределы мягко сказано. Сейчас это один из самых острых вопросов в области юридического образования. Если отталкиваться от какой-то генеральной идеи, то я считаю, что качество обучения в принципе не зависит от формы собственности. Большинство университетов США частные. И готовят прекрасных специалистов с точки зрения американских и международных стандартов. Поэтому

не имеет большого значения, является вуз государственным или частным. Важно, чтобы это был вуз!

Что, собственно, произошло у нас? С прежних времен сохранилось определенное количество юридических вузов, которые удовлетворили бы даже нынешние — резко возросшие — потребности в специалистах. Но дальше происходит такая вещь. На тех обстоятельствах, о которых мы с вами говорили, то есть на престижности и востребованности профессии юриста, предприимчивые люди решили заработать и начали создавать десятки, сотни вузов и факультетов (их сейчас, по-моему, около 500). Других целей в «клонировании» юридических учебных заведений я не вижу. Но что такое создать вуз? Нужны, как минимум, помещение, преподаватели, библиотека и так далее. Если помещение — не столь большая проблема, то высококвалифицированные преподаватели — очень сложный вопрос. В Москве это сравнительно небольшая группа людей, которая циркулирует в 90 вузах. Других нет.

Созданный на скорую руку коммерческий юридический вуз или факультет без творчески работающего стабильного преподавательского состава, традиций, корпоративного духа — это на 100 процентов обман ребенка, обман родителей, обман государства, у которого отбираются призывники, и т. д.

И все это, как я уже сказал, совершенно не связано с потребностью в юридических кадрах. Строго говоря, если бы государство нам сказало, что не хватает юристов, достаточно было бы взять только те государственные вузы, которые существовали еще при советской власти, и поставить задачу, скажем, в три раза, в шесть раз увеличить прием, и все было бы нормально. Вместо этого начался «строительный» бум.

Вы спрашиваете: нужен ли учет кадров всего юридического корпуса? В условиях нынешнего перепроизводства и отсутствия системы распределения он, на мой взгляд, невозможен. Если речь идет о том, что человек просто хочет получить второе (юридическое) образование, пожалуйста, пусть получает. Здесь не нужен никакой счетчик. Если все мы будем юристами, то нам легче будет жить. Нас никто не сумеет обмануть...

Все уже знают, что часто это никакие не юристы и особенно никому не нужны. Мы уже сто раз ставили вопрос о том, что это безобразие нужно прекратить. И казалось бы, что проще! Прежде чем выдать лицензию на открытие юридического вуза, пойти посмотреть, есть ли у новоявленного «просветителя» по-

мещение и необходимые профессорско-преподавательские кадры, есть ли у него библиотека и т. д. Так никто же не смотрит.

А дальше процесс, как правило, развивается следующим образом. Коль скоро вуз коммерческий, отцов-основателей волнует прежде всего прибыль. За счет чего ее получить? Брать колоссальные деньги за обучение? Тогда не пойдет студент. Платить меньше преподавателю? Но преподаватель не станет у них работать. Что они делают? В коммерческом вузе такая же программа, как у нас. Но если у нас гражданское право читается 600 часов, то у них — 60. Это экономия: не нужно оплачивать 540 часов преподавания. И таких «ходов» много. Во многих коммерческих вузах негласно запрещено ставить двойки, и понятно почему. В результате из стен таких заведений нередко выходят невежды. Мало того, эти вузы еще и открывают свои отделения где-то там на Камчатке. Мы здесь, в Москве, иногда не можем подыскать преподавателя, так кто же преподает на Камчатке? Следователь милиции? Есть и так называемые вузы, в которых путают систему обучения с системой получения информации, на расстоянии кого-то и чему-то учат.

Это большая проблема, и я просто устал говорить о ней. Вот уже 10 лет не удается побороть эту профанацию высшей школы. Идут ссылки на то, что нет закона, чтобы все это запретить или ограничить. Ссылаются еще на что-то. Пытались создать так называемую полицию вузов, чтобы проверять, кто и как готовит кадры. Словом, не с той стороны к этому подходят. Вообще у меня сложилось впечатление, что никто не заинтересован в том, чтобы исправить положение. В итоге наращивается вал все новых и новых недобросовестно подготовленных специалистов, которые никому не нужны.

- На встрече с ректорами вузов, о которой я уже упоминал, Владимир Владимирович Путин подчеркнул, что в ближайшее время Правительство рассмотрит вопрос о платном обучении. Президент предложил «командирам высшей школы» высказать в этой связи свое мнение. Складывается впечатление, что бесплатное образование в стране находится под вопросом.
- Мне представляется, что серьезной преградой на пути введения платного обучения является Конституция. Если бы не это обстоятельство, платное обучение давно стало бы свершившимся фактом. Вы наверняка помните, что в нашей стране в годы советской власти высшее образование некоторое время было платным. Потом образование стало полностью бесплат-

ным. Сегодня очевидно, что полноценное высшее образование государство не в состоянии оплачивать, не в состоянии содержать свои вузы. Здесь есть два пути: либо резко сократить количество вузов и нормально их содержать, либо ввести платное образование, сохранив всю существующую систему.

В нашей Академии есть бюджетные места. Мы гордимся тем, что их количество не только не уменьшилось, но даже возросло. Вы понимаете, что ни один вуз не может содержать студентов-бюджетников, если у него нет коммерческих студентов. Если бы мы пытались выжить за счет госбюджета, в МГЮА не осталось бы ни одного человека. Еще несколько лет назад оклад ректора был около 400 рублей. Вы можете найти в мире цивилизованную страну, в которой профессор, доктор наук получал бы сумму, эквивалентную 400 рублям? Сейчас государство платит ректору столько, сколько мы у себя, честно говоря, платим за счет наших коммерческих средств лаборантке. Короче говоря, государство может твердо сказать нам: дорогие друзья, господа, мы вас содержать не можем. Но оно этого не говорит, а придумывает новую схему финансирования.

Коллеги знают, как было раньше. Определялось число преподавателей из расчета один преподаватель на восемь студентов, какие это преподаватели (профессор, доцент и т. д.) и сообщали об этом государству, которое нас соответствующим образом финансировало. Сейчас на студента из бюджета выделяется установленная сумма — около 20 тысяч рублей в год (в США обучение юриста в течение того же периода стоит 50 тысяч долларов). Исходя из этой суммы, умноженной на количество студентов, мы должны исхитриться набрать преподавателей, решить множество других вопросов. Но на деле мы ничего не можем решить, потому что упомянутая сумма взята с потолка. Я считаю, что государство должно честно признать, что оно не в состоянии содержать систему образования и вознаграждать труд преподавателя. Согласитесь, что профессор должен быть профессором, доцент — доцентом.

Большинство нашего общества наверняка будет волновать проблема доступности высшего образования. Но это уже другой вопрос, так же как вопрос о том, доступна нам с вами яхта или недоступна. Просто это вещи разного порядка. Ко мне иногда приходят родители студента, обучающегося на коммерческой основе, и говорят: у нас в семье ухудшились финансовые обстоятельства, переведите мою дочь (сына) на бюджетное отделение. Мы этого никогда не делаем, да и формально делать

этого нельзя. Я иногда говорю таким просителям: скажите, а в булочную вы тоже приходите со справкой о материальных трудностях и рассчитываете получить хлеб бесплатно? Очевидно, что люди до сих пор не привыкли к платному образованию. Одним словом, с введением платного образования возникнет масса вопросов. И вопрос о доступности образования для каждого гражданина — в первую очередь. Сейчас его доступность достаточно высокая. В то же время нельзя иметь вузы в таком жалком состоянии, когда доцент получает 2000 рублей. Поэтому если государство не лицемерит, то нужно просто ввести платное образование. Но, как я уже говорил, это потребует изменения в Конституции.

- Владимир Путин тезисно наметил принцип финансирования бюджетных организаций, в частности государственных вузов: деньги должны идти туда, где дети хотят учиться, а не за сам факт существования вуза.
- Я уже на этом останавливался. Суть того, что предлагается, резкое сокращение финансирования образования. Это первый шаг. Второй шаг банкротство: если государство будет содержать только те вузы, куда идут студенты, то оно будет вынуждено закрыть другие вузы. Здесь ничего не нужно придумывать, другого просто не дано. Возможно, элитная часть вузов, например МГУ, Бауманка и некоторые другие, будет получать дополнительные средства, чтобы сохраниться на плаву. Все остальные будут влачить жалкое существование и в конечном счете развалятся...
- Но мы это уже проходили в экономике. Вслед за банкротством предприятия следовала его приватизация...
- А что еще может воспоследовать за бедственным положением вуза? Пойдет процесс приватизации. Но опасность приватизации вузов состоит не только в том, что тем самым государство лишается мощного рычага проведения своей политики. Опасность еще состоит и в том, что очень многим вузы нужны не как учебное заведение, а нужны его помещения, лаборатории. И опять-таки начнется разрушение всей системы. Поэтому я не думаю, что все было продумано, просчитано и тем более проверено в ходе эксперимента. Самое удивительное, что это происходит не от того, что мы большие умницы, сами сели и придумали, как нам лучше вести дело. В ряде случаев нам говорят, что, к примеру, Международный банк выделил деньги на реформу в области высшей школы, вот мы ее и проводим на такие деньги и такую реформу. Вот и вся «идея».

- МГЮА, по сути, ведет свою историю с 1931 года и сегодня является общепризнанным методическим центром юридического образования в России. Авторитетность и привлекательность вуза как раз и можно не в последнюю очередь определить по конкурсному отбору. Какими цифрами он выражается в вашей Академии на всех формах обучения? Насколько востребован «конечный продукт» Академии его выпускники? И как это сказывается на бюджете Академии?
- Мы действительно существуем очень давно. И сейчас находимся на взлете в смысле престижности. В недалеком прошлом у нас конкурс на дневное отделение доходил до 27 человек, на вечернем — до десяти, на заочном — до шести человек на место. Потом эти показатели снизились, скорее всего, по демографическим причинам. Но при любом раскладе мы во много раз превосходим другие известные вузы. Если там конкурс в пределах трех человек, то у нас — за десять. Но надо сказать, что мы и не заинтересованы в таком высоком конкурсе, потому что это большие затраты. Просто с этой стороны на конкурс никто, возможно, не смотрел. Если, скажем, у нас 20 человек на место, то это сколько же надо заплатить преподавателям за проведение вступительных экзаменов и проверку экзаменационных работ — ведь мы платим не по государственным расценкам! Нас вполне устраивает показатель — 10—12 человек на место, который установился в последние два года.

Проблем с трудоустройством наших выпускников нет вообще — они, что называется, нарасхват. Нам даже не приходится как-то участвовать в этом процессе. Если работодателю нужен юрист, он ставит вопрос: МГЮА или МГУ? Остальные могут не беспокоиться.

Что касается бюджета Академии, то я уже об этом много сказал. Могу добавить, что, несмотря ни на какие трудности, у нас высокие зарплаты у преподавателей, у нас библиотека стопроцентно обеспечена книгами. При этом мы платим налогов в бюджет больше, чем получаем из бюджета.

- Вы готовите будущих специалистов в области правотворчества и правоприменения. А как современные законодатели заботятся о высшей школе России? Имеется в виду, конечно, Дума прошлого созыва?
- Многих современных законодателей, как бы это помягче сказать, наверное, какие-то другие проблемы волнуют. Поэтому мне кажется, что наши законодатели не скоро обратятся к проблемам образования. Что касается высшей школы, ирония

судьбы заключается в том, что когда начинается прием, то поступают десятки писем от законодателей с конкретным указанием (я не оговорился), кого нужно принять. Честно говоря, раньше такое было невозможно. Правда, были просьбы, были звонки по «вертушке», но чтобы писать письма на официальных бланках, какого-то человека принять, такого, извините, я не припомню.

В прошлом году Комитет Госдумы по образованию прислал на рецензирование проект Федерального закона «Об университетах». Это поразительный документ. Во-первых, почему закон «Об университетах»? У нас ведь три вида вузов — университеты, академии, институты. Во-вторых, если идея этого законопроекта сводится к тому, что вуз и наука — неразрывное целое, то следовало бы начинать все же с учебного заведения, поскольку оно в первую очередь должно готовить специалистов. А те вузы, которые имеют возможность заниматься наукой (для этого нужны лаборатории, кадры, финансирование), они ею худобедно занимаются. А нет базы, нет денег, нет кадров — никакой Федеральный закон не поможет. Далее. В законопроекте конечно же, как чертик из табакерки, выскочила идея со временем перейти на систему «бакалавр — магистр» и отказаться от подготовки специалистов. Об этом я уже говорил.

Как мне видится совершенствование законодательства с учетом сложившихся реалий? Следовало бы тщательно проанализировать имеющийся Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» 1996 года и определить, чего в нем не хватает. А затем вместо закона об университетах разработать новый закон о высшей школе, который охватил бы все наиболее общие проблемы, а таких окажется не менее 90 процентов.

Вот мы говорили о коммерческих вузах. Вы, думаю, понимаете, что законодатели не хуже нас с вами знают об этой проблеме. Но где-нибудь, когда-нибудь возникал вопрос, что нужно законодательно навести в этом деле порядок? Ничего подобного. Зато очень строго отслеживается, чтобы государственные вузы не принимали более 50 процентов коммерческих студентов. Хотя здравый смысл подсказывает: пусть будет сколько угодно обучающихся на коммерческой основе, главное, чтобы их готовили государственные вузы.

— В программном выступлении Президента В. В. Путина перед доверенными лицами 12 февраля с. г. подведены итоги развития страны за последние четыре года и сформулирова-

ны задачи на ближайшее будущее. В частности, Президент заявил: «Прежде всего в стране восстановлен конституционный правопорядок, укреплена, а по сути, отстроена заново вертикаль федеральной исполнительной власти. Российский парламент стал профессионально работающим законотворческим органом. Восстановлено единое правовое пространство страны». В каком направлении, с Вашей точки зрения, надо продолжать эту работу и что необходимо решать в первую очередь?

— С моей точки зрения, нужно продолжать работу ровно в тех направлениях, которые перечислил Президент. То есть продолжать восстанавливать конституционный порядок, укреплять вертикаль федеральной исполнительной власти и сделать российский парламент как можно более профессиональным.

В чем у нас проблемы и в чем у нас есть действительно достижения? В период, когда у нас был так называемый парад суверенитетов, государство было доведено до такого состояния, что когда, например, читаешь соглашения между федеральным центром и республиками, то складывается впечатление, будто читаешь Ильфа и Петрова! А самое печальное заключается в том, что это писалось, когда уже действовала новая Конституция. Скажем, согласно Конституции гражданство — это компетенция России. А Ельцин подписывает договоры, где передает решение вопросов гражданства Башкортостану, Татарстану и другим республикам. Как может гарант Конституции подписывать такие соглашения?! Сейчас многое поправлено. И в этом смысле у нас восстановлен или, я бы лучше сказал, восстанавливается конституционный порядок.

Что касается вертикали власти, то в чем состоит ее смысл? Для Б. Н. Ельцина главная задача, видимо, заключалась в том, чтобы все его поддерживали, а он в свою очередь позволял регионам делать все что угодно. Никакого особого порядка даже в исполнительной власти не было. Сейчас реально действует закон об основных принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти в субъектах, где предусмотрена не только необходимость строго следовать Конституции и федеральным законам, но и ответственность за это вплоть до отстранения от власти тех, кто их нарушает.

Что касается российского парламента, то постоянно действующий парламент по определению является профессиональным. Не сказал бы, что абсолютно все депутаты нового

парламента достаточно профессиональны. Впрочем, поживем — увидим.

- По мнению президента, разрешительно-административная система должна быть заменена полноценными гражданско-правовыми договорами с четким распределением прав и обязанностей и государства, и бизнеса. Какие шаги в этом направлении, по Вашему мнению, необходимо сделать первыми?
- Я Президента Путина поддерживаю во всем. Разрешительно-административная система действительно страдает большими недостатками, и там, где это возможно, ее необходимо заменить гражданско-правовыми договорами. Но есть одно «но». Только один пример. Скажем, если у нас существует всеобщая воинская обязанность, то заменить ее договором невозможно. Обязательно должна действовать разрешительно-административная система.

Думаю, основной смысл слов Президента — необходимость подрубить корни бюрократии, чтобы решение дела зависело не от чиновников, а от нормальных гражданско-правовых отношений. В этом направлении, наверное, нужно развиваться. Для того чтобы решить проблему бюрократии или взяточничества, я мог бы рекомендовать простой выход — убрать всех бюрократов и взяточников. Тогда вообще не будет никакой проблемы. Но поскольку это невозможно, надо продумать широкую систему мер, которые исключили бы любые условия для мздоимства и других противоправных действий.

- Олег Емельянович, как Вы считаете, в современных экономических реалиях, да еще когда наша жизнь это пока лишь наметки правового общества, возможно ли быстрое создание цивилизованных правовых институтов? Ведь общество это сложный, многофункциональный, но в то же время единый организм. И если болен один орган, как правило, болеет и весь организм.
- Хорошо сказано наметки правового общества. У нас действительно созданы пока именно наметки. Формально мы строим правовое государство, но на практике мы, я думаю, сделали шаг назад. Создание правовых цивилизованных институтов в нашем обществе невозможно без общего оздоровления организма. После 1991 года мы говорили: для того чтобы нам отказаться от тоталитаризма и превратиться в цивилизованное демократическое государство, нам нужно, во-первых, провести свободные выборы, во-вторых, создать Конституционный суд,

в-третьих, обеспечить свободу слова. Ну и так далее в этом же духе. Мы пойдем по этому пути и будем очень демократичными. Мы можем сказать, что сегодня у нас выборы несвободные? Нет, не можем. Но можем ли мы сказать, что эти выборы служат той цели, которой они должны на самом деле служить? Нельзя. Почему? В свое время, когда мы критиковали буржуазную демократию, мы говорили о том, что в процессе выборов там взятки берут, географию избирательную используют и т. д. Все это мы повторили моментально. И сейчас уже речь идет не о том, что нам надо проводить свободные выборы — мы их проводим, — а о том, чтобы оздоровить эти свободные выборы. Конституционный суд у нас есть, и он старается выполнять возложенные на него функции, но делает это пока очень осторожно.

С правовой точки зрения у нас очень больное общество. Я бы сказал, что наше общество очень незаконопослушное. Если перед нами встает выбор между законом и его нарушением, мы выбираем второе. Не упускается малейшая возможность нарушить закон или его не выполнить. Потому что считаем, что нарушить закон более выгодно, чем его выполнить. Хотя нормальное общество должно исходить из того, что, если тебе кажется, что этот закон невыгоден тебе лично, ты должен подумать о том, что этот закон создавался (по крайней мере, должен создаваться) в интересах всех. В рамках этих интересов каждый может немного пострадать. Но общество от этого всегда выиграет.

— Спасибо за беседу.

Долг юриста служить людям и государству

Олег Емельянович КУТАФИН — доктор юридических наук, профессор, академик и член Президиума Российской академии наук, почетный академик Российской академии образования, заслуженный деятель науки РФ, член Президиума Высшей аттестационной комиссии РФ, член ряда других академий.

О. Е. Кутафин — видный специалист в области конституционного и муниципального права. Он автор более 200 научных трудов, учебников и учебных пособий, соавтор и редактор действующих вузовских программ по конституционному и муниципальному праву России, член редакционных советов основных юридических журналов России.

Председатель Комиссии по вопросам гражданства и член ряда других консультативных органов при Президенте $P\Phi$, член Высшей квалификационной коллегии судей $P\Phi$, президент Союза юристов России.

Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV, III и II степени, ведомственными и общественными знаками отличия.

— Мой выбор не связан с семейными традициями или советами родителей. Дело в том, что я с детства интересовался политикой. К пятому классу я уже знал, что моя профессия будет

[—] Олег Емельянович, что оказало на Вас наибольшее влияние при выборе профессии?

связана либо с юриспруденцией, либо с дипломатией. Когда пришло время выбирать, я решил, что юридическое образование приблизит меня к политике.

- Γ де вы учились? Чем запомнились студенческие годы, самое яркое воспоминание?
- В 1959 году я окончил юридический факультет МГУ. От студенческих лет у меня осталось много ярких воспоминаний. В то время молодежь активно занималась общественно полезной работой. Мы ездили на целину, работали в стройотрядах, помогали поддерживать общественный порядок в качестве народных дружинников. Немало ребят участвовало в строительстве Лужников и станции метро «Университет». Сейчас все это может показаться неинтересным, но я считаю, что это была хорошая жизненная школа. Только в экстремальных условиях, например на целине, можно было определить, что за человек рядом с тобой. На стройке или при тушении пожара проявляются все качества личности. В быту или в учебе невозможно до конца понять характер человека и то, на что он способен.

Конечно, к этому можно относиться по-разному. Однако я убежден, что только участие в общественно полезных делах способно воспитать достойное молодое поколение с активной жизненной позицией, привить навыки организаторской работы.

- Большую часть жизни Вы занимаетесь преподавательской деятельностью. Так сложилась судьба или чувствуете призвание обучать молодежь?
- Преподавание это мое основное занятие. В советское время считалось, что если человек поступает в аспирантуру, то в дальнейшем он будет ученым и педагогом. Став аспирантом, я автоматически начал карьеру преподавателя. Мне нравилось преподавать и заниматься наукой. Впрочем, тогда преподавательский труд ценился очень высоко. Вспоминая молодость, могу сказать, что у меня были и другие довольно солидные и серьезные предложения, например пойти работать в высшие органы государственной власти или в партийные органы, однако я предпочел то, что делал.
- На Ваш взгляд, каким преподаватель должен быть сегодня? Какими главными качествами он должен обладать, чтобы хорошо учить студентов?
- Я считаю, что преподаватель во все времена должен обладать суммой качеств, которые составляют основу этой профессии. Работа педагога это только вершина айсберга. Препо-

даватель должен быть в курсе всего нового и глубоко знать свой предмет. Для этого необходимо постоянно читать специальную литературу. Жизнь быстро идет вперед. Для юриста это особенно актуально, особенно теперь, потому что законодательство постоянно меняется.

Труд преподавателя — не из легких. Помимо лекций это и проверка студенческих работ, и семинарские занятия, и различные совещания. У меня были такие моменты, когда из-за занятости не было даже времени сходить в театр или кино.

Я считаю, что нельзя преподавать, исходя из того, что студент всегда знает меньше, чем ты. Такой человек — не преподаватель.

- Ваш общий стаж работы в вузах составляет около 40 лет. Насколько изменились студенты, или они остались прежними?
- Я занимаюсь педагогической деятельностью с 1964 года. Считаю, что отличие нынешних студентов в большей практичности. Раньше ребята приходили просто учиться, а сейчас у многих есть конкретная цель. Сегодня студенты лучше знают, чего они хотят достичь в будущем, где и кем работать. Однако есть и другое отличие. Я заметил, что у многих ны-

Однако есть и другое отличие. Я заметил, что у многих нынешних студентов недостаточно высокий уровень культуры. Как человек старшего поколения, я стараюсь относиться к молодежи непредвзято, однако у меня к ней немало претензий. Я думаю, это связано с тем, чему и как детей учат в школе. Базовые знания и культура закладываются и воспитываются в школе, и если у выпускников школ они недостаточны, то вузам трудно ликвидировать эти пробелы. Поможет только серьезная самостоятельная работа.

Ведь задача вуза — дать студенту специальность в определенной области на базе тех знаний, которые он получил в средней школе. А сегодня вузы все чаще вынуждены заниматься тем, что им несвойственно, потому что средняя школа не выполняет своих функций в должной мере.

- Оправдано ли в этой связи введение Единого государственного экзамена?
- Думаю, что Единый государственный экзамен (ЕГЭ) можно использовать только как дополнительный инструмент контроля за качеством обучения в школе. В вузах, например, работают государственные аттестационные комиссии, которые контролируют уровень знаний студентов, обращают внимание руководства на недочеты. На основе их отчетов и рекоменда-

ций ректораты корректируют свою работу. Такие изменения могут касаться программ обучения, экзаменационных билетов и т. д.

Если ЕГЭ будет выявлять недостатки школьного обучения, то это хорошее начинание. Но если понимать ЕГЭ как средство усреднения общей массы школьников для более легкого доступа в вузы, то это вряд ли имеет смысл. Нам не нужно усреднение, мы, наоборот, должны поощрять лучших учеников. Бессмысленно делать вид, что в нашей стране школьники получают одинаковый уровень знаний, к примеру, в Якутске, Калининграде и в Москве.

Что касается доступности высшего образования, то поступление в вуз обеспечивается не формой экзамена, а знаниями. Экзамен — это только способ проверки знаний, и пятерка в аттестате якутского абитуриента не равноценна пятерке в Москве. Таким образом мы поставим в привилегированное положение 90 % абитуриентов по отношению к остальным 10 %. Ведь ЕГЭ не обеспечивает хороших или плохих знаний, он просто показывает тот уровень, который присущ соответствующему региону. На каком основании мы должны отдавать предпочтение жителям других регионов по сравнению с москвичами? Почему мы должны ставить москвичей в худшее положение, если у них больше знаний?

Кроме того, насколько я понимаю, авторы ЕГЭ считают, что экзамен защитит абитуриентов от взяток. Однако именно в этой области они как раз и будут. Чтобы искоренить взяточничество в вузах, необходимо прежде всего повысить зарплату преподавателям. Если преподаватели перестанут постоянно думать о куске хлеба и бегать по всей Москве за дополнительным заработком, прекратятся и поборы со студентов. Конечно, мздоимство существовало всегда, несмотря на условия жизни. Это зависит от порядочности человека и жизненных обстоятельств. У отдельных людей всегда будет возникать желание поживиться за чужой счет. Но полагаю, что коллективы вузов могут справиться с этим явлением самостоятельно, так как настоящие ученые и преподаватели презирают взяточников. Обеспечьте педагогу соответствующий общественный статус и достойную зарплату, и не придется бороться с взятками с помощью ЕГЭ.

— Вы — ректор Московской государственной юридической академии. Ваш вуз один из самых престижных. Как Вы считаете, в чем секрет успеха Вашего учебного заведения?

— Здесь много факторов. Во-первых, каждое дело должно быть хорошо организовано. Если мы хотим подготовить хорошего специалиста, то мы должны заставлять его много работать. Например, в нашем вузе существует система семинарских занятий, и, если студент по какой-то причине пропустил семинар, он все равно должен отчитаться по теме. Хороший вуз должен иметь стабильный высококвалифицированный профессорскопреподавательский состав, обеспечивать и внешний порядок, и внутреннюю дисциплину, и необходимую учебно-методическую базу. Вкупе эти факторы и дают положительный результат.

Я люблю МГУ, потому что это моя альма-матер! Однако думаю, что внешнее оформление, год основания или высокий шпиль еще не гарантируют элитарность вуза.

Хочу заметить, что рейтинги вузов, которые часто приводят газеты, далеки от действительности. Нас пытаются убедить в том, что в нашей стране слишком много юристов и экономистов, поэтому пропагандируют профессию инженера. Я считаю, что это несерьезно. Когда промышленность в упадке, стране вряд ли нужны инженеры в большом количестве.

Я бы с удовольствием принял участие в пропагандировании этой профессии, но сейчас каждому понятно, что мы будем тратить деньги на обучение специалистов, которые потом либо будут работать за рубежом, либо торговать на рынке заморским ширпотребом. С практической точки зрения мне это непонятно. Если посмотреть шире, то стране, конечно, нужны хорошие инженеры, но для начала им нужно обеспечить рабочие места.

- Расскажите о своих научных и творческих планах на ближайшее будущее. Какими научными проектами Вы сейчас занимаетесь, участвуете ли в разработке каких-то законопроектов?
- Моя жизненная позиция состоит в том, что, если ко мне кто-то обратился за помощью в связи с законопроектом, его оценкой или написанием, я всегда приму в этом участие. Получу ли я удовольствие от этой работы, зависит от характера законопроекта. Но поскольку кто-то нуждается во мне или в моих коллегах нужно помогать. Наше законодательство, к сожалению, несовершенно, оно часто меняется, что создает трудности в его понимании и применении. Поэтому помогать в этом деле необходимо. Кроме того, я стараюсь каждый год выпустить по одной монографии. Вот уже 5 лет у меня каждый

год выходит по книге. На будущее я уже наметил себе круг вопросов, которыми собираюсь заниматься.

Помимо этого, я в соавторстве с коллегами участвую в написании нового учебника по конституционному праву. Написать хороший учебник достаточно сложно. Кроме того, потом его постоянно нужно актуализировать, потому что законодательство, как я уже говорил, быстро меняется.

Например, у нас есть учебник по конституционному праву, который был издан в 2002 году и удостоен премии Президента РФ. Сейчас мне нужно осовременить свой учебник по конституционному праву. В данный момент я занялся вплотную его переработкой и, к сожалению, столкнулся с тем, что практически каждую главу нужно переписывать заново. В основном это связано с существенными изменениями в избирательном законодательстве, которые при переработке книги обязательно надо учесть.

Надо сказать, издатели по несколько раз переиздают книгу, не считая нужным обновить ее содержание, выставляя тем самым авторов в неприглядном свете. Вообще, очень сложно следить за действующим законодательством, поскольку нет четкой системы мониторинга вносимых изменений. Хорошо еще, что есть Интернет и такие справочные правовые системы, как «Консультант Плюс» и «Гарант», которые облегчают юристам жизнь.

С одной стороны, написание учебной литературы — очень важная и полезная вещь, с другой — эта работа отнимает очень много времени и сил. И хотя студенты заслуживают того, чтобы иметь хорошие учебники, в отличие от предыдущих времен их написание не приносит авторам достойного вознаграждения. Кроме того, постоянно выходят «левые» тиражи их книг. Издательством объявляется некий официальный тираж, например в три — пять тысяч экземпляров, за который платят соответственно. А сколько реально издается и продается, знают только издатели, причем отследить это практически невозможно. К примеру, у меня два года назад вышла книга «Российское гражданство», которую издали тиражом 5000 экземпляров, а потом столько же переиздали. Такие небольшие официальные тиражи обусловливаются тем, что у юридической литературы сравнительно небольшая читательская аудитория, и, конечно, никто не рассчитывает, когда пишет монографию по конституционному праву, что она станет бестселлером и разойдется миллионным тиражом. Однако есть большой преподавательский корпус, есть студенты, наконец, у нас есть библиотеки, где

должен быть представлен весь спектр ведущих учебников. Бывает и так, что, например, в восточную часть России эта книга еще не дошла, хотя после ее выхода прошло уже два или три года.

К сожалению, нет сейчас и такой структуры, как «Книга — почтой», которая была раньше и обеспечивала всю страну необходимой литературой. Нет и достаточной информации о том, что издается. Более того, не работает установленный порядок обязательного поступления всех изданий в наши ведущие публичные библиотеки. Если сейчас обратиться в библиотеку, которая раньше называлась «имени В. И. Ленина», то можно убедиться, что по меньшей мере 30 % от общего количества изданной литературы не поступает в эту библиотеку, равно как и в библиотеку им. Салтыкова-Щедрина в Санкт-Петербурге. Это серьезно усложняет доступ читателей к узкоспециализированным изданиям.

- Олег Емельянович, как среднестатистическому студенту сориентироваться, когда он заходит в магазин, а там такая масса книг и непонятно, какие выбрать?
- Такая проблема действительно существует, и государство не должно устраняться от ее решения. Мы очень гордимся свободой слова, не совсем понимая, что это такое и кому это нужно. Раньше был такой порядок. Каждый человек мог написать учебник, но издать его было крайне сложно. Сразу возникал вопрос: вправе ли конкретный автор издавать свой учебник, достоин ли он этого? Сейчас либо по знакомству, либо за деньги любой может издать все что угодно. Я не считаю это преступлением, потому что если хотим свободы печати, то это нормальное явление. Однако надо все-таки сознавать, что такое учебная литература, по какому признаку студенту следует выбирать учебник. Нередко срабатывает принцип — чем тоньше, тем лучше, скажем, конспект лекций или так называемый вопрос-ответ. Мы с коллегами постоянно говорим чиновникам из Министерства образования и науки о том, что свобода слова, печати, демонстрации — это хорошо, но кто-то должен нести ответственность за эти свободы. Никто не возражает, чтобы издавали все что угодно, однако если на книге будет стоять соответствующий гриф, то студенту будет ясно, что именно таким учебником следует пользоваться. В большинстве случаев студенты прислушиваются к рекомендациям своих преподавателей, но бывают и такие, кто не принимает ничего на веру, считая любые советы попыткой заинтересованной стороны продать собственную книгу.

— Как Вы относитесь к планируемой реформе российского юридического образования?

— Люди, которые планируют проводить данное мероприятие, теперь избегают открыто использовать слово «реформа», заменяя его термином «модернизация». Я считаю, что юридическое образование нуждается в постоянном совершенствовании. В юриспруденции появляются новые направления, возникают проблемные вопросы, обновляются технические средства проведения судебных экспертиз. В планируемых же мероприятиях речь идет о том, чтобы сократить сроки обучения в высшей школе якобы ради экономии бюджетных средств. Но надо отдавать себе отчет, что голый финансовый расчет и образование — вещи несовместные. Они сэкономят на бакалаврах, но потеряют страну. По моему мнению, это не тот случай, где нужно экономить. Замыслы сторонников реформы состоят в том, чтобы разделить юридическое образование на этапы. Они обосновывают это тем, что якобы для некоторых юридических профессий достаточно получить диплом бакалавра, проучившись три-четыре года. На мой взгляд, юридическая профессия не может делиться на мэтров и подмастерьев. Если человек получил диплом о высшем профессиональном юридическом образовании, он должен иметь возможность работать по любой юридической специальности. Если же человек получил диплом бакалавра, его выбор будет ограничен узким кругом низших технических должностей.

Инициаторы реформы приводят еще один аргумент: что многие не идут работать по специальности. Если так, тогда возникает резонный вопрос: зачем студентов обучать пять лет и тратить бюджетные деньги? Мы же одновременно даем студентам профессию и право выбора работы в соответствии с полученной квалификацией. Если же студент, закончив юридический вуз, идет торговать на рынок, то почему государство должно обеспечивать относительно бесплатное образование бюджетникам и не должно заставлять их отработать затраченные на его обучение средства. В советское время существовала система государственного распределения, и в этой системе было рациональное зерно. Нам указывают на Запад, но Запад здесь ни при чем. За рубежом практически нет бюджетных мест, тот, кто платит, тот и учится.

Надо реформировать там, где в этом есть необходимость. У наших же реформаторов своеобразная логика. Они считают, что уровень юридического образования снизился и его

нужно реформировать. Но ведь этому образованию в свое время причинили немалый ущерб. Открыли массу коммерческих вузов, которые выдают дипломы государственного образца, а потом выясняется, что такие юристы никому не нужны. Люди ведь нередко платили деньги не за получение юридического образования, а за то, чтобы не идти в армию. Трудно найти какой-либо быстрый и безболезненный вариант усовершенствования юридического образования, но можно и нужно сейчас закрыть все вузы, не отвечающие установленным требованиям. Я не являюсь противником коммерческого образования как такового. В западных странах есть много прекрасных частных учебных заведений, например Гарвард. Проблема не в юридическом образовании, а в безобразном к нему отношении.

- Олег Емельянович, 22 июля 2005 года состоялось подписание учредительных документов о создании Всероссийской ассоциации юристов. Ее учредителями стали Российский союз юристов и Союз юристов России, президентом которого Вы являетесь. Как крупнейшие организации юристов России пришли к решению об объединении?
- Эти организации существовали несколько лет порознь. В свое время был Союз юристов СССР, который прекратил свое существование, когда распался Советский Союз. Тогда с большим трудом нам удалось сохранить Международный союз юристов, в который входили юристы бывших союзных республик. Однако Союза юристов России в советские времена тоже не было. Ситуация выглядела странно, потому что во всех бывших республиках СССР, кроме Российской Федерации, имелись Союзы юристов. А мы вели себя как РСФСР в рамках СССР, когда существовала КПСС, но не было компартии России. И так получилось, что примерно в один промежуток времени были созданы Союз юристов России (СЮР) и Российский союз юристов (РСЮ), который возглавил Сергей Вадимович Степашин. Часть юридических организаций страны вошли в СЮР, другие в РСЮ, а некоторые вошли в оба союза. Мы недавно встретились с Сергеем Вадимовичем и пришли к выводу, что существование двух союзов не имеет смысла, надо иметь один. Но сделать это оказалось непросто. Скажем, правление нашего Союза было решительно против того, чтобы просто объединиться, и предлагало РСЮ войти в СЮР. РСЮ в свою очередь рассматривал такой вариант как ущемление своих прав. Поэтому, чтобы не ущемлять ничьих

прав, решили создать третий союз, в котором бы растворились обе организации. В РСЮ и в СЮР практически одновременно прошли заседания правлений, на которых были приняты решения о слиянии. Такая организационная форма, как ассоциация, сама по себе предполагает, что в нее будут входить отдельные структурные объединения. При этом необходимо учесть, что все крупные организации, например Союз адвокатов, должны быть представлены на хорошем уровне в руководстве.

- Какие сложности возникают в процессе объединения?
- В РСЮ, насколько мне известно, все прошло относительно гладко. На заседании нашего правления многие члены Союза юристов России возражали не столько против вхождения в состав будущей ассоциации, сколько против ликвидации нашей организации. Их аргументы были основаны на разных мотивах: здесь и амбиции, и боязнь потерять влияние, и многое другое. В конце концов нам удалось всех убедить, и решение создать ассоциацию приняли единогласно. Конечно, есть юридические тонкости положения разных ассоциаций и союзов, есть вопросы, связанные со спецификой некоторых структур, например, сотрудников МВД. Работники правоохранительных органов в силу особенностей их правового статуса не могут объединяться. Они вправе войти в ассоциацию только в порядке персонального членства. Поэтому все эти вопросы надо тщательно продумать. Мы поставили задачу объединить все существующие юридические профессии на добровольной основе с учетом особенностей статуса разных организаций.
- Будет ли это событие способствовать консолидации юридического сообщества России?
- Такая цель поставлена. Однако какие-либо коллективные меры здесь неприемлемы. Один подход должен быть к адвокатам, другой к милиционерам, третий к судьям, четвертый к прокурорам и т. д. Мы намерены объединиться для того, чтобы быть полезными и стране, и членам российского юридического сообщества. Стране с точки зрения проявления инициатив и даже предостережений в некоторых случаях, а членам ассоциации чтобы, с одной стороны, содействовать их активному участию в жизни страны, а с другой помогать друг другу в сложных жизненных ситуациях и даже материально.
- Кто из юристов наиболее активен, кого больше всего в Союзе юристов России?

- Такой четкой градации нет. Например, Союз юристов Москвы, который входит в состав Союза юристов России, не охватывает большинство людей нашей профессии. Он был создан путем объединения юристов, работавших на различных московских предприятиях и в организациях, за исключением адвокатов, которые на тот момент не вошли в союз. Если взять Союз юристов России, то точной статистики у меня нет, но с точки зрения влияния и авторитета в основном преобладают люди, которые занимаются преподавательской и научно-исследовательской работой.
- Обозначьте, пожалуйста, основные направления деятельности Союза юристов России.
- Конференции, «круглые столы», участие в разработке законопроектов, в том числе их инициирование, лекционная работа, помощь нуждающимся и другое.
- Ваша специализация конституционное и муниципальное право РФ, Вы один из ведущих специалистов в этой области. Бытует мнение, что система получения гражданства в любом государстве довольно сложная, а в России эти сложности усугубляются бюрократией. После реформирования этой области права механизм стал работать четче?
- Многие говорят, что в России сложная система получения гражданства, однако эти люди плохо понимают, что такое гражданство и что это за институт в принципе. Чтобы понять, что сложно, а что нет, нужно с чем-то сравнивать. Брать для сравнения ельцинский период нельзя, тогда во всем была неразбериха, поэтому лучше ориентироваться на законодательство зарубежных стран. В этом случае новое законодательство России в области гражданства выглядит самым либеральным и демократичным.

Однако если вернуться к сложностям российской системы получения гражданства, то их возникновение объясняется рядом причин. Главная проблема, с которой столкнулось новое государство, это отсутствие точных данных о том, сколько лиц, не имеющих гражданства, проживало в России. Первоначально предполагалось, что таких людей единицы, а оказалось, что их очень много. Именно это стало причиной возникших сложностей при рассмотрении дел о приеме в российское гражданство, а не новый закон.

Например, человек, живший в Казахстане много лет, приехал в Россию и остался. Он купил дом, ходил голосовать на выборы, служил в армии, а когда пришло время менять паспорт, оказалось, что он не гражданин России. И таких оказалось немало. Правильно, что этих людей автоматически не признавали российскими гражданами — нельзя просто приехать в страну и сразу стать ее гражданином. В России после распада Советского Союза люди еще не привыкли к тому, что бывшие советские республики стали суверенными государствами, и по привычке считают, например, белорусов и украинцев соотечественниками. Однако соотечественники — это те, кто живет в одном государстве и имеет гражданство этого государства. Несмотря на то что в Казахстане проживает много русских по национальности, они для нас с правовой точки зрения уже не являются соотечественниками.

Впрочем, я считаю, что нужно поощрять бывших соотечественников, которые хотят обосноваться в России. В этой связи, я думаю, тем, кто приезжает в Россию работать, можно смягчить условия получения гражданства. В то же время мы должны четко определить те регионы, которые будут принимать рабочую силу. Здесь необходим строгий контроль. Кроме того, мы сталкиваемся с тем, что недостаток рабочих рук у нас, к примеру, на Алтае, а работники едут в Москву. Когда мы пытаемся удержать людей в регионах, они жалуются на нарушение конституционных прав — ограничение в свободе передвижения.

- В последнее время ряд политиков и ученых дискутируют на тему необходимости внесения поправок в Конституцию РФ, насколько, на Ваш взгляд, это необходимо?
- Я не считаю, что российская Конституция не нуждается в изменениях. Тем более что в мире нет ни одной конституции, которая была бы совершенна на 100 %. Однако время серьезных перемен еще не пришло. Те издержки, которые мы получим в результате изменения Конституции, будут больше, чем отдача от самих поправок. Это вернуло бы страну в состояние нестабильности. Я считаю, что сейчас Конституцию лучше не трогать. Пока я не вижу в этом необходимости, но, если такой вопрос встанет в конкретной плоскости, придется пойти на соответствующие шаги.
  - Дайте, пожалуйста, совет молодым юристам.
- В первую очередь я советую им всегда оставаться молодыми. Если говорить серьезно, то есть несколько необходимых качеств, которыми должен обладать юрист. Во-первых, это стремление к самосовершенствованию. Юрист должен постоянно читать и обдумывать прочитанное. Кроме того, юрист должен быть человеком высокой культуры. Человек нашей про-

фессии должен не только быть широкообразованным и уметь выступать, но и понимать, что происходит в мире. Юридическая профессия дает определенную власть, поэтому человек ограниченный может навредить другим. Злоупотребления и незаконные преследования связаны не только с политикой, но и с моральным обликом людей, преступающих закон. Нередко при этом решаются личные проблемы, например устранение конкурентов. Но главное, я считаю, юрист должен быть безупречно честным. Если мы этого добьемся, то из нашей жизни уйдут многие проблемы, в том числе и бюрократическая волокита. В конечном счете долг юриста — служить людям и государству.

Беседовали Валерия Коршунова, Елена Емельянова

Начинаем и... выигрываем?

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ ГЛАЗАМИ СПЕЦИАЛИСТА

Необходимость реформирования образования в России назрела довольно давно, но только сегодня, во многом благодаря и национальному проекту, это стало возможным. Как и все изменения, модернизация системы образования вызывает в обществе самые разные отклики. Одни склонны не доверять нововведениям, другие, наоборот, считают, что за ними — будущее российского образования. О необходимости и эффективности реформ в области образования мы сегодня поговорим с ректором Московской государственной юридической академии, академиком РАН, доктором юридических наук, профессором Олегом Емельяновичем КУТАФИНЫМ.

- Олег Емельянович, как Вы относитесь к реформе образования в рамках национального проекта она поможет решить существующие сегодня проблемы?
- Что я могу сказать дело это хорошее. Ни для кого не секрет, что у нас в области образования существует много проблем, в частности не все благополучно со средней школой. Мы вузы чувствуем это на себе. Уровень подготовки выпускников школ становится хуже с каждым годом. И хотя сейчас много говорят о злоупотреблении преподавателей репетиторством, а вузов подготовительными курсами, я ответственно

заявляю, что без этого не обойтись. Грамотность и предметные знания находятся у школьников на нижайшем уровне. И поверьте, что дело здесь не в повышенных требованиях институтов — любой вуз опирается на школьную программу, — просто эти программы настолько плохо реализуются, что появляется большой разрыв между школой и вузом. Национальный проект должен ликвидировать этот разрыв, улучшить работу школ, поднять воспитательный процесс на качественно новый уровень. Первый шаг уже сделан — классные руководители будут получать доплату за руководство, то есть у учителей появится стимул для дополнительных занятий с ребятами. Кроме того, благодаря национальному проекту школы получат возможность несколько обновить свою материально-техническую базу.

Что касается высшего образования, то здесь в рамках национального проекта предполагается решить серьезный вопрос связать теорию с практикой, наладив взаимодействие вузов с предприятиями. Каждый предприниматель или предприятие заинтересованы в получении грамотного специалиста, нацеленного на хорошую работу. Когда мы говорим о тесной связи работодателей и вузов, мы говорим об участии предприятий в разработке вузовских программ, осуществлении контроля над учебным процессом и, конечно, о финансировании вузов. Потому что, несмотря на все повышения, зарплаты учителей и преподавателей вузов малы и непрестижны. Наши профессии становятся непопулярными, наблюдается старение преподавательского состава. Все это может привести к утрате научных школ, на восстановление которых понадобятся столетия. Поэтому национальный проект — это жизненно необходимый для образования шаг. $\hat{\mathbf{H}}$ думаю, что он поможет в решении многих вопросов. Иначе говоря, вся общественность, которая работает в области образования, приветствует программу, готова активно участвовать в ее реализации и оказать оптимальную помощь. В конце концов, приятно, что об образовании вспомнили и повернулись к нему лицом. Ведь без четко отлаженной системы образования страна обречена на отставание во всех областях деятельности.

- В последнее время все чаще ведутся разговоры о так называемом Болонском соглашении. Как Вы считаете, сто-ит ли проводить подобную модернизацию в нашей высшей школе?
- Меня и моих коллег очень волнует этот вопрос. Тут важно суметь взять из зарубежного опыта только хорошее и не по-

заимствовать негативного. К примеру, американская система образования готовит узкопрофильных специалистов. Такой человек прекрасно ориентируется в своей области, но вряд ли он сможет в другой сфере достичь большего. Мы же готовим специалистов широкого профиля. Например, для нас, юристов, это принципиально важно, поскольку в России часто меняется законодательство и наши специалисты должны быть готовы к этому.

Кроме того, нам предлагают перейти на бакалавриат и магистрат. Но зачем? Чтобы наши студенты могли год проучиться в России, год, скажем, — в Париже, два — в Германии? Но большинство из них просто не имеют финансовой возможности для подобного обучения. Таким переходом мы сами срубим сук, на котором сидим. Наша страна борется с «утечкой мозгов», мы не можем обеспечить своих специалистов достойной зарплатой и тут же готовы дать им дипломы международного образца, с которыми их примут на работу в других странах. Что касается бакалавриата, то, на мой взгляд, подобная система вовсе не применима в целом ряде профессий. К примеру, человека, отучившегося 4 года на факультете химии, можно использовать только как лаборанта, в юриспруденции бакалавра тоже никуда не возьмут, я не говорю уже о медицине. Я не понимаю, зачем делать образование таким поверхностным.

- Если мы заговорили о поверхностности образования, скажите, насколько, по Вашему мнению, эффективен единый госэкзамен (ЕГЭ) для выявления уровня знаний учащегося?
- Я долго пытался понять смысл единого государственного экзамена и ту настойчивость, с которой он внедряется, несмотря на сопротивление многих работников образования. В принципе я его приветствовал, если бы $E\Gamma \Im$ распространялся только на школы как мера контроля. Школа единый коллектив, преподаватели заинтересованы в хороших показателях, поэтому нередко помогают ученикам. Тогда почему не назначить независимую экспертизу и не проверить, какие на самом деле знания получили школьники? Создание механизма проверки реального состояния школьного образования это, на мой взгляд, положительная тенденция, и с этой точки зрения $E\Gamma \Im$ пришелся бы как нельзя кстати. Он бы в корне ничего не изменил в нынешней системе, но усилил бы ее эффективность. А вот когда предлагают $E\Gamma \Im$ в качестве вступительного экзамена в вуз... Нас фактически призывают уравнять все шко-

лы: и столичные, и периферийные. Я не хочу никого обидеть, но реальность такова, что анкета, скажем, из Якутска будет заведомо отличаться от качества столичных анкет. Это не вина учителей, нет, все дело в постановке процесса. И если сегодня ребят с периферии мы предупреждаем, что если они хотят поступить, то должны лучше готовиться, поскольку уровня их знаний не хватает, то при введении $E\Gamma \Theta$ мы этого сделать просто не сможем. Вузы фактически лишатся возможности лично проверять уровень знаний абитуриентов.

Мне говорят, представьте себе, что человек, который послал анкету из Читы, сам не смог бы приехать на экзамены — у него на это просто не хватило бы денег. Но позвольте, как он тогда будет жить и учиться в столице? Он не выживет на одну стипендию.

Еще один довод сторонников $E\Gamma \Im$ — это то, что единый экзамен станет средством борьбы с коррупцией в вузах. Позвольте, но каким образом будет идти эта борьба? На практике получится, что коррупция, которая существует сегодня в институтах, не исчезнет, а лишь перекочует на периферию. Я уже не говорю о том, что введение $E\Gamma \Im$ как обязательного условия для поступления в вуз — это грубое нарушение прав человека. А если человек — гражданин Российской Федерации — окончил школу пять лет назад и сегодня решил поступать в академию? Мы его не сможем принять, потому что он не сдавал $E\Gamma \Im$. $\Im$ то же абсурд.

Что нам, преподавателям, дает введение ЕГЭ? Допустим, закроют подготовительные курсы и прекратят репетиторство. Преподаватели потеряют дополнительный заработок, и если сейчас они сидят тихо на своих мизерных окладах, то что будет после потери дополнительного заработка? Многие сторонники ЕГЭ ссылаются на американскую систему. Но сравнивать американскую систему с нашей нельзя, потому что у них нет бюджетных мест, у нас они есть, и мы хотим, чтобы на них поступили самые достойные, умные, грамотные люди. Да и вообще, не может одна система без проверки преобладать над другими. Преподаватели должны иметь возможность общаться с абитуриентами, только в разговоре с человеком можно сделать вывод о его реальной подготовке.

Поэтому я и говорю, что $E\Gamma \Im$ можно использовать, но навязывать всем его нельзя. Эту практику можно использовать, но не в том виде, в каком нам предлагается.

- Олег Емельянович, Вы всю жизнь проработали в системе образования, знаете все ее плюсы и минусы. Раньше наша страна считалась лучшей кузницей кадров в мире. Как Вы думаете, можем ли мы сегодня рассчитывать на это звание?
- Пока мы готовим хороших специалистов. У нас прекрасные математики, химики, физики. И сколько бы нам ни говорили, что в России в этом плане не все хорошо, за границей наши специалисты пользуются колоссальным спросом. Получив блестящего специалиста, иностранные работодатели определяют ему маленький оклад, в их понимании, конечно, а не в нашем. Таким образом, за минимальные средства зарубежная страна получает десятки тысяч специалистов, в образование которых не вложила денег. Вся нагрузка, а это около триллиона долларов, ложится на плечи России. Мы не только теряем лучшие кадры, но и колоссальные деньги.

Образование — это единственный критерий, по которому Россия выигрывает. К сожалению, мы эти позиции медленно, но верно утрачиваем. Возьмем юриспруденцию: мы всегда готовили и готовим очень хороших специалистов. Но как мы можем сохранить уровень юридического образования по стране, если у нас сегодня не готовят юристов только ленивые. Если нам, специализированным юридическим вузам, не хватает квалифицированных преподавателей, представляете, кто работает в многочисленных новоиспеченных институтах. Как ни парадоксально это звучит, но скоро в стране негде будет брать юристов. С одной стороны, нам кричат, что у нас перепроизводство юристов, но настоящих, толковых специалистов — крайне мало!

Существующая система разрушает общую картину подготовки. Мало кто понимает, что вуз — это не лекторий, это не место, где можно получить знания об отдельном авторе или композиторе. Недостаточно послушать преподавателя. Вуз — это котел, где перевариваются и преподаватели, и студенты. Это и библиотека, и традиции, это особенный дух, который надо поддерживать. К сожалению, у нас по стране больше лекториев, чем вузов в полном понимании этого слова. И во многом из-за этого в целом по стране уровень образования падает.

— 23 апреля — день открытых дверей в Академии, Вы будете выступать перед абитуриентами. Что Вы скажете ребятам, на что их сориентируете?

— Во-первых, ребят надо настроить на позитив. Многие из абитуриентов потеряли веру в честное поступление. Наша задача убедить их в том, что можно поступить, хорошо подготовившись. И это чистая правда, потому что наша академия держится на наших студентах и подавляющее большинство реально были готовы к обучению в нашем вузе.

Во-вторых, я говорю им о том, что они правильно выбрали профессию. Сейчас много разговоров о том, что мода на юристов прошла и им негде работать. Но я вам скажу, что юристы нашей стране нужны, и нужны грамотные юристы. Когда наступит время достойного уровня жизни, домашний юрист станет такой же необходимостью, как домашний врач. Эта профессия будет существовать вечно, и говорить о моде на нее — не умно.

Кроме того, я всегда говорю абитуриентам о том, что за такими умными, целеустремленными и талантливыми людьми, как они, — будущее нашей страны. И потому они должны, просто обязаны оправдать эти надежды. Ведь ни одна реформа не сможет помочь современной системе образования, если в молодежной среде не будет гореть огонь жажды знаний и желания применить их для своей страны.

Записала Инга ТАРАСОВА

О. Е. Кутафин, академик РАН, доктор юридических наук, профессор, ректор МГЮА

- Олег Емельянович, в российском образовании в последние годы произошло немало перемен, и, видимо, они будут продолжаться. Во многом это связано с тем, что в рамках глобализации происходит сближение нашей страны с другими государствами. Одно из проявлений процесса глобализации в Европе появление Болонской декларации. Каково Ваше отношение к ее идеям?
- Глобализация неизбежно затрагивает все стороны жизни, в том числе сферу образования. Связанные с этим проблемы актуальны для большинства людей как работников данной сферы, так и всех пользующихся ее услугами. Нельзя забывать и о том, что рационально выстроенная система образования служит интересам государства, обеспечивает его развитие на десятилетия вперед. Что же предлагается взамен привычных схем?

В 1999 г. министрами высшего образования 29 европейских государств была принята Болонская декларация¹, в основу которой положены задачи установления более тесных связей между странами всей Европы, формирования и укрепления ее интеллектуального, культурного, социального и научнотехнологического потенциала. Иными словами, перед европейскими народами открылся путь интернационализации об-

¹ Совместная декларация европейских министров, отвечающих за высшее образование (г. Болонья, 19 июня 1999 г.) // http://www.msses.ru/win/ cronicle/bologna-190699.html

разования. Более шести лет идеи этой декларации реализуются на практике, а их претворение в жизнь получило название «болонский процесс». В мае 2005 г. его очередные итоги были подведены на встрече в г. Бергене (Норвегия), в которой участвовало уже 45 европейских министров высшего образования.

Россия, готовящаяся к вступлению в ВТО, конечно, не могла остаться в стороне. В отдельных отечественных вузах постепенно внедряются элементы болонской концепции. Но отношение к этим нововведениям в образовательной среде и в России, и в Европе далеко не однозначно, поскольку каждая страна имеет свои традиции в этой области и гордится ими.

Для нас важно прежде всего то, что предполагаемая Болонской декларацией схема построения образования существенно отличается от концепции российского образования. В частности, болонский процесс включает ступенчатость образования (3—4 года бакалавриата и 1—2 года магистратуры вместо привычных нам 5 лет обучения специалиста), обновление принципов преподавания предметов в целом, принятие единой системы стандартных дипломов, введение так называемых кредитов (баллов, начисляемых за каждый прослушанный курс), разработку процедур контроля за качеством обучения. К концу первого десятилетия наступившего века планируется создать новое образовательное пространство. Полагаю, России необходимо участвовать в болонском процессе, но так, чтобы национальная школа не потеряла, а приумножила свои достижения.

- Перспективно ли, на Ваш взгляд, введение многоуровневой системы подготовки специалистов в нашей стране? Есть ли вообще необходимость во внедрении болонских концепций в российское образование?
- Насколько такие новшества полезны для России, однозначно сказать пока сложно. Споры об этом продолжаются, у обеих сторон немало аргументов. Но думаю, во многом дискуссии вызваны тем, что не все правильно понимают суть положений Болонской декларации. Насколько я могу судить, ни к чему конкретному страны-участницы она не обязывает, а лишь дает определенные рекомендации в целях сближения систем образования разных стран.

Что касается ступенчатости юридического образования (бакалавр — магистр), то во многих странах данный принцип действует изначально, и там это, видимо, оправданно. Ставка делается на узкую специализацию: человек готовится к конкретной работе. Скажем, он будет работать нотариусом, но не сможет быть адвокатом, или наоборот: учится на адвоката, а о нотариальном деле ничего не знает. Если он захочет сменить профессию, это потребует огромных усилий, потому что у него нет общей теоретической базы. В России же давно сложился иной подход. Мы даем глубокую теоретическую подготовку каждому специалисту, независимо от того, чем он планирует заниматься в будущем, чтобы он смог реализоваться везде. И если по каким-то причинам он уйдет из прокуратуры, для него реально стать адвокатом, нотариусом, выбрать любую иную юридическую профессию.

В основе выбора между этими подходами — вопрос о том, что лучше: воспитание специалистов широкого профиля, подразумевающее фундаментальное образование, или подготовка специалистов узкого профиля, обеспечиваемая сравнительно сокращенной программой.

Методика болонского процесса направлена на то, чтобы готовить узких специалистов. Я же голосую за систему подготовки специалистов широкого профиля для нашей страны. А поскольку за время, отводимое для получения степени бакалавра, выучить специалиста широкого профиля практически невозможно, понадобятся дополнительные годы обучения, т. е. обязательной станет и следующая ступень — магистратура. Российские сторонники болонского процесса исходят

Российские сторонники болонского процесса исходят из того, что у нас увеличилось количество желающих получить высшее образование, однако, заканчивая вузы, большинство дипломированных специалистов не работают по профессии. Зачем же давать им общее, широкопрофильное образование, если им будет достаточно степени бакалавра? Те же, кто собирается посвятить себя избранной профессии, смогут продолжить обучение в магистратуре.

Я категорически не могу согласиться с этими рассуждениями. Можно спорить о пользе подготовки в рамках бакалавриата филологов или иных специалистов, но что касается юристов, то бакалавр никем, кроме секретаря судебного заседания суда общей юрисдикции, стать не сможет. И я не удивляюсь тому, что наши органы прокуратуры и судов отказываются принимать на работу лиц, получивших образование в рамках бакалавриата.

В России давно и успешно существует своя система подготовки профессионалов. Думаю, что и в дальнейшем для нашей страны оптимальной является подготовка специалистов, которые могут как быть использованы в практической работе, так

и заниматься наукой. К моменту окончания вуза одни находят практическое применение своим знаниям, другие решают посвятить себя науке и поступают в аспирантуру. Часть последних затем повышает свой научный уровень в докторантуре.

- Болонские договоренности предполагают обучение студентов из государств-участников в любом из вузов этих стран. Дипломы таких специалистов будут признаны в любой стране Европы, наши же дипломы пока такого доверия не вызывают. Не будут ли ущемлены интересы наших учащихся в случае отказа России от участия в болонском процессе?
- Если говорить об обеспечении возможности молодых россиян получить образование в разных странах, то, думаю, количество имеющих возможность сначала поучиться в Москве, потом прослушать курсы в Кембридже, затем Сорбонне и иных учебных заведениях мирового уровня у нас сравнительно невелико. Те же, кто обладает необходимыми средствами, не сомневаюсь, свои желания реализуют.

А вот утверждение о том, что после введения в России болонской системы наши дипломы будут принимать в любой стране, меня несколько настораживает. Не понимаю, зачем нам вкладывать огромные средства в подготовку специалистов, которые будут работать в интересах других государств. Получается парадоксальная ситуация: с одной стороны, мы стремимся ликвидировать «утечку мозгов», а с другой — намереваемся активизировать этот процесс. А ведь если выпускник МГУ им. М. В. Ломоносова, или МГЮА, или другого вуза знает, что его диплом дает право работать и за границей, то после элементарного сравнения уровня зарплат он, вероятнее всего, поедет работать за рубеж.

Я думаю, все лучшее, что предлагает Болонская декларация, следует взять на вооружение, но это вовсе не означает, что нам необходимо полностью копировать западную систему образования. Повторяю, Болонская декларация содержит только рекомендации, которые мы почему-то возводим в рамки закона.

- Во времена СССР была очень востребована заочная форма образования. Вспомним, например, опыт ВЮЗИ, который подготовил много кадров, ныне занимающих высокие посты. Как Вы оцениваете заочное и дистанционное юридическое образование?
- Нет смысла сравнивать очную и заочную формы обучения, решая, какая из них перспективнее. Когда создавалось за-

очное обучение, вопрос ставился иначе: что лучше — заочное образование или отсутствие образования вообще?

Конечно, заочное образование не эквивалентно очному. Но порой у людей возникает потребность учиться в вузе без отрыва от работы. Поэтому для тех, кто желает получить высшее образование, но не имеет возможности поступить на дневное отделение, создана вполне приемлемая форма обучения — заочная. Она существует не только в нашей стране, ее практикуют во всем мире. При этом в основном специалистов готовят через очную систему, но в определенных случаях, когда нет другого выхода и избранная специальность это позволяет, можно использовать и заочное обучение.

Опыт показывает, что очень многие из тех, кто окончил заочный вуз, скажем ВЮЗИ, успешно работают по полученной специальности. Так что, полагаю, уровень подготовки специалиста зависит не только от формы обучения, но и во многом от желания, усердия самого человека, ведь заочное образование — это в значительной мере самообразование при определенной помощи преподавателей, которые направляют усилия студента. Практика подтверждает этот вывод: далеко не всегда заочник подготовлен хуже очника.

Что касается дистанционного образования, то это просто один из способов получения знаний, а не форма обучения.

- Какой должна быть практика студентов-юристов?
- Студенты МГЮА традиционно проходят практику в судах, органах прокуратуры, местных органах. Первая практика короткая, ознакомительная, вторая производственная, более длительная, наконец, третья преддипломная. Этот порядок, считаю, необходимо сохранить, поскольку такая практика приносит студентам большую пользу.

Однако в дополнение к существующим было бы полезно искать новые формы. В частности, хотелось бы кроме ознакомительной практики в некоторых ведомствах организовать во время обучения для каждого студента практику в том месте, где он собирается работать. Это помогло бы приобрести определенные профессиональные навыки и с большей пользой использовать время. К сожалению, немногие к 4-му курсу могут назвать место будущей работы.

Часть студентов получают практические навыки, самостоятельно найдя работу, но происходит это одновременно с занятиями, т. е. в ущерб учебе.

Как один из видов студенческой практики в нашей Академии работают «студенческие клиники». В отличие от практики, которой учебным планом отведен сравнительно непродолжительный период, «студенческие клиники» функционируют постоянно. Студенты на безвозмездной основе регулярно дежурят — ведут прием, отвечая на вопросы посетителей, помогая составлять документы. Это начинание, во-первых, положительно оценивается гражданами, не все из которых в состоянии оплачивать услуги профессиональных юристов, во-вторых, полезно студентам, которые приобретают навыки практической работы.

— Какие новые учебные дисциплины введены в МГЮА?

— Обновление учебного плана в основном пришлось на период перехода от советского к постсоветскому праву. У нас появились новые предметы, которые в годы советской власти, учитывая социалистическую систему хозяйствования и социалистическую собственность на орудия и средства производства, не были востребованы. Например, банковское право было частью финансового права, а сейчас мы преподаем его отдельным предметом.

Российская система права построена так, что определяющими при выделении той или иной области являются предмет и метод регулирования. Безусловно, это не абсолютное решение, тем не менее так построена правовая система, которая у нас существует. Однако есть и иные точки зрения на образование отрасли права, весьма оригинальные, на мой взгляд. Возникло, например, спортивное право, хотя оно не имеет предмета и метода регулирования, которые бы отличали его от иных отраслей права. Я полагаю, что речь может идти лишь об изложении правовых основ в процессе изучения нормативного материала. Так, допустимо изучать спортивное законодательство, руководствуясь гражданским правом, и т. д. По пути образования новых предметов идти нельзя, поскольку их будет бесконечное количество.

- Каковы главные задачи недавно образованной Ассоциации российских юристов? Что изменилось в Вашей жизни с добавлением новой должности сопредседателя названной Ассоциации?
- У нас существовали две очень похожие организации юристов Союз юристов России и Российский союз юристов, и здравый смысл подсказывал, что их следует объединить. Поэ-

тому создание на их основе Ассоциации российских юристов — явление закономерное.

Чем наша Ассоциация планирует заниматься? Союз юристов России и Российский союз юристов, как и Международный союз юристов, наработали определенную практику, которая нами будет использоваться в полной мере. Думаю, Ассоциация российских юристов должна выполнять несколько главных функций.

Прежде всего, мы должны помогать государству в законодательной и другой законотворческой деятельности — проводить экспертизы, рецензировать нормативные акты, причем не только в ответ на соответствующие обращения, но и в порядке собственной инициативы.

Кроме того, юридическая организация непременно должна быть организацией правозащиты. Правозащитная деятельность в любом обществе имеет большое значение, но важно направить ее в правильное русло. Полагаю, суть современной правозащитной деятельности отличается от той, которая велась в СССР в условиях тоталитарного строя, когда правозащитники противостояли ограничениям цензурного и иного порядка, ущемлению прав и свобод, особенно политических. С утверждением демократии положение коренным образом изменилось, и хотя многие права, включая политические, по-прежнему нарушаются, государство в этом уже не заинтересовано. Поэтому сейчас правозащитники могут стать союзниками государства. Ассоциация российских юристов одной из своих целей видит совместное с государственными органами решение вопросов нарушения прав и свобод граждан.

Еще одна задача нашей Ассоциации — социальная защита юристов, т. е., полагаю, мы должны взять на себя функции соответствующего профсоюза. В настоящее время организации, которая могла бы заниматься вопросами быта, образования, отдыха в интересах представителей нашей профессии, просто не существует. Нам есть с кого брать пример — подобные организации в других областях функционируют уже не одно десятилетие. Так, Союз писателей, Союз композиторов всегда не только способствовали творческому росту своих членов, но и успешно защищали их права. Наша Ассоциация будет заботиться о юристах. У нас много «узких мест» — это и проблемы пенсионеров, которые бедствуют, и судьбы крупных ученых, которые практически лишены возможности пользоваться услугами здравоохранения, и т. д. Разумеется, одним из на-

правлений работы нашего «профсоюза» станет повышение квалификации юристов.

Как изменила мою жизнь должность сопредседателя Ассоциации российских юристов? Конечно, стало больше обязанностей. Казалось бы, объединились две организации, значит, наш союз стал более мощным, однако реально это пока никак не проявляется. Реорганизация повлекла множество организационных проблем: нет ни помещения, ни аппарата, ни денег на то, чтобы все это быстро появилось. Наша Ассоциация, объединяющая сотни тысяч членов, пока не имеет материальной базы, потому что сбор взносов тоже нужно еще наладить. Конечно, у нас есть традиционные способы заработка, например организация различных семинаров, также мы получаем пожертвования. Можно сказать, наша Ассоциация в самом начале пути.

- Видите ли Вы перспективы во внедрении практики страхования юридической деятельности?
- Для того чтобы ввести подобного рода страхование, потребуются соответствующие нормативные акты, которые регулировали бы данную правовую область. Сам по себе вопрос интересен, возможно, он будет рассмотрен нашей Ассоциацией.
- Входит ли в планы Ассоциации проведение сертификации юристов, чей уровень квалификации, таким образом, периодически будет контролироваться вышестоящим органом?
- Да, Ассоциация считает эту задачу одной из важнейших. Мы планируем применить западную практику сертификации юристов, не прибегая к простому переносу разработанных в других правовых системах схем и механизмов. Сейчас связанные с такой сертификацией вопросы находятся в стадии изучения.
  - Каким Вы видите будущее юридической профессии?
- Без юристов современное общество обойтись, конечно, не может. К сожалению, в нашей стране к юриспруденции традиционно относились с некоторой опаской, с осторожностью, а слова «юрист», «юриспруденция» у многих до сих пор ассоциируются лишь с прокуратурой и судом. Тем не менее в сложных ситуациях люди все-таки вспоминают о юристах и обращаются к ним за содействием.

Каждый из нас хотел бы иметь своего врача, который вызывает безоговорочное доверие и хорошо знает состояние здоровья пациента, а потому может оказать максимально эффектив-

ную помощь. Точно так же необходимы «личные» юристы. У любого человека должен быть свой адвокат, который располагает полной информацией о финансовых делах клиента, его имущественных проблемах. Конечно, для этого нужен определенный материальный уровень, пока же в нашей стране подобная практика не распространена. Малообеспеченные граждане, которые не в состоянии оплатить услуги юристов, могут получить лишь бесплатную юридическую консультацию, и то далеко не всегда. Надеюсь, со временем эту ситуацию удастся изменить.

Я уверен, что юридическая профессия будет вечной и чем дальше, тем более популярной.

Наша задача поддержать законность в стране

ИНТЕРВЬЮ С СОПРЕДСЕДАТЕЛЕМ АССОЦИАЦИИ ЮРИСТОВ РОССИИ, РЕКТОРОМ МОСКОВСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ О. Е. КУТАФИНЫМ

- Олег Емельянович, традиционный вопрос: почему Вы выбрали профессию юриста, поступив на юридический факультет $M\Gamma Y$?
- Я с детства интересовался политикой, особенно внешней, и считал, что мне больше всего подойдет стать юристом либо дипломатом.

А юридический факультет МГУ мне просто понравился. Причем я выбрал себе эту дорогу уже в 4—5-м классе. В детстве я читал очень много литературы, связанной с юриспруденцией, искал старую литературу.

- В вузе Вы занимали важную общественную должность были 1-м секретарем комитета ВЛКСМ МГУ. Как Вы считаете, что современным молодежным общественным организациям следовало бы перенять у комсомола?
- В отношении комитета комсомола МГУ скажу, что громадный недостаток сегодняшнего дня состоит в том, что мы не учим людей организаторской работе, не даем людям организаторские навыки.

Чем был ценен комсомол: не тем, что в головы закладывались какие-то понятия, а тем, что большое количество людей получали навыки организаторской работы, навыки умения руководить. И это было очень важно.

А сейчас складывается такое впечатление, что кроме того, как торговать, никто никого ничему не учит.

Лидер рождается не на пустом месте, для того чтобы стать лидером, нужно пройти очень большую школу, и комсомол давал такую возможность. Я не хочу сказать, что подготовка лидеров всегда дает положительный эффект. И раньше появлялись те, кого мы называем карьеристами. Но тем не менее комсомол — это была очень хорошая школа руководителей, и, пройдя эту школу, можно было рассчитывать на то, что человек сумеет что-либо организовать.

Кроме того, это было занятие. Наш комсомол занимался дисциплиной, успеваемостью, охраной общественного порядка и многими другими вещами. Когда-то над этим смеялись: посмотрите, что они там делают — организовывают воскресники и субботники, бригады содействия милиции. А сейчас к чему мы пришли?

И сколько разговоров было о том, что надо возродить бригады содействия милиции? А как раз этим комсомол тогда и занимался. Многие наши деятели прошли школу комсомола. И не обязательно они сохранили идеологические представления, ведь, к сожалению, человек не всегда сохраняет свои убеждения... И должен по этому поводу заметить, что можно в чемто разобраться, отказаться от каких-то взглядов, но политической проституткой нельзя быть никогда...
Комсомол — это большая школа организаторской работы,

Комсомол — это большая школа организаторской работы, и он бесспорно полезен. Можно называть подобную структуру как угодно, но у нас должна быть молодежная общественная организация, должно быть много таких организаций, которые давали бы те навыки, какие раньше давал комсомол.

- С 1964 года Вы занимаетесь преподавательской деятельностью в ВЮЗИ — МГЮА. Как Вы считаете, как должно развиваться отечественное юридическое образование в будущем?
- В образовании происходят значительные изменения: мы перешли от гусиного пера к компьютерам. И смысл этих изменений в том, чтобы облегчить нам собственную работу и что особенно важно получение информации.

Пять веков тому назад получить информацию было гораздо сложнее, чем сегодня. Сегодня нам не нужно идти в библиотеку. Сегодня мы можем получить информацию, не выходя

из дома, через Интернет. Это величайшее достижение. Это должно быть непременно внедрено в юридическое образование везде.

Сейчас юридическое образование сталкивается с такими проблемами, которых раньше не было. Можно составить юридическую программу для компьютера, не имея математического образования. Или можно ли, обладая математическим образованием, составить такую программу, не имея образования юридического?

Появляется много смежных областей. Впрочем, они были всегда. Но если привычными для нас были словосочетания «право и экономика», «право и философия» (а иногда не знаешь, где философия, где право, особенно в теоретическом плане), то такие пограничные вещи, как математика и право, — это для нас ново, в этом направлении нам нужно развиваться.

Что касается всего остального, то юридическое образование, как и профессия юриста, дело консервативное. Нет ничего лучше, чем юрист, подготовленный в старых традициях.

Можно идти двумя путями в деле подготовки юристов. Первый путь: студентов, как обезьян, научить за четыре года переставлять палочки. А можно дать фундаментальное образование. Для чего? Для того, чтобы, особенно в наших условиях, не смущало ни изменение законодательства, ни изменение государственного строя. Юрист есть юрист. Новый Уголовный кодекс? Хорошо, вы его прочитали — и будете знать, что статья о хулиганстве теперь не такая, как раньше, а ведь от таких вещей, как хулиганство и убийство, вы все равно никуда не денетесь. А в мире масса понятий, которые не исчезают и не возникают, они уже устоялись. Кроме того, добавляются те вещи, которых не было ранее. Вещи, связанные с транспортом, с наркотиками, и т. д. Право старо как мир, и в этом смысле хороший консерватизм права — это ценность.

- И в данном случае форма может определить содержание?
- Да, конечно. И желательно, чтобы юрист оставался юристом, чтобы это был образованный человек, хорошо знающий художественную литературу, умеющий выразить свои мысли, интересующийся политикой. Если для общества юрист это своего рода медик, то с точки зрения общения медику не обязательно знать так много, как юристу.

Медик должен знать свою профессию, а юрист должен знать еще и жизнь. И должен быть достаточно культурным человеком, если это, конечно, серьезный юрист. Я бы сохранял тради-

ции юридического образования, которые были свойственны нашей школе много лет, и очень осторожно изменял бы только то, что связано с модернизацией учебного процесса. То есть способы получения информации, может быть, способы контроля над знаниями. Эти вещи, возможно, стоило бы изменять. Но сам процесс... В сам процесс можно, конечно, добавить чтото, что помогло бы обучению: устраивать, например, показательные процессы. Но содержание должно оставаться, иначе мы потеряем все.

Скажем, можно хвалить американцев за то, что у них есть хорошие юристы. Но беда американцев состоит в том, что они знают очень мало. А как может быть иначе, если человек, поступив в учебное заведение, занимается биологией, а последние два года изучает право? Что тогда можно изучить?

У нас спрашивают: почему у вас такая большая история, история государства и права России, зарубежная история, история политических правовых учений, логика... Но это все создает культуру.

Закладывает культуру школа, но, к сожалению, не сегодняшняя. Сегодня она ничего не закладывает. После школы начинается профессиональное образование. Оно тоже имеет какое-то содержание, которое должно воспитать человека в особом духе, сделать его цивилизованным именно в профессиональном плане, привить те вещи, которые ему помогут в работе.

- А как, по-Вашему, юрист проводник истины? Или верной остается поговорка «два юриста три мнения»?
- Конечно, в юриспруденции желательно достичь истины. Иначе с чем мы столкнемся? Мы будем наказывать не того, кого нужно.

Но истина — очень тяжелая вещь. Мы должны стремиться к истине так же, как везде. Но только в праве она может дорого обойтись человеку. Например, мы говорим о том, что смертная казнь — это нецивилизованно. Ведь если жизнь человеку сохранена, то в процессе можно исправить ошибку, а если человек расстрелян, то уже ничего не исправишь. Хотя, с другой стороны, и это тоже спорный вопрос. Например, смертную казнь не всегда надо применять, но иметь как наказание ее нужно. Ведь и ядерное оружие создано не для того, чтобы его применять. Если человечество минимально разумно, то нам хватит японского опыта. Над человечеством висит ядерная и водородная бомба, и это заставляет человечество думать о том, что оно делает.

И если вы меня спросите, нужно ли России отказаться от ядерного оружия, то я отвечу: ничего подобного. Это — единственный способ защиты, это оружие нужно наращивать. Пока у нас есть бомба, нас никто не тронет. Потому что наши противники посчитают и решат: «Нет, лучше мы будем разваливать страну изнутри, покупать разных политических деятелей, чем применим оружие и получим в ответ то же самое, и неизвестно, чем все это кончится».

То же со смертной казнью. Может быть, ее не нужно применять, но человек должен знать, что она есть, и думать о том, что «да, может быть, ко мне ее и не применят, а может, и применят».

- То есть Вы считаете, что для предотвращения совершения преступлений в первую очередь необходимо наличие страха наказания?
- Как у нас построены все эти вещи в юриспруденции? Как совершаются преступления? Иногда в состоянии аффекта это мы не считаем. Если человек крадет, убивает, то чаще всего он рассчитывает, что его никогда не найдут, потому что только в пьяном виде можно совершить преступление, ни о чем не думая.

Если преступление подготовлено тщательно, продумано до мелочей, то человек думает, что его не поймают. Но это далеко не так. Нет такого преступления, где человек где-нибудь да не прокололся — всего предусмотреть нельзя. Наказание должно сопутствовать всегда всем действиям, и каждый должен знать, что если ты сделаешь что-то противозаконное, то будешь наказан. Мы говорим, что дело не в суровости наказания, а в неотвратимости. Но неотвратимость еще нужно достигнуть. Можем мы сказать, что у нас наказание неотвратимо? Нет. У нас минимальная раскрываемость. Поэтому там, где нет неотвратимости, должна быть суровость.

- Возвращаясь к вопросу о российском образовании, нашим читателям будет интересно узнать о том, как Вы относитесь к болонскому процессу...
- Что касается болонского процесса, то я сторонник того, чтобы мы общались со всеми: и у нас есть что показать, и у них... У нас сложилась своя своеобразная система юридического образования. Конечно, эта система может подвергаться и изменениям, и критике, но она достаточно эффективна. И опыт показал, что наша система образования, в том числе и юридического, достаточно хорошая.

Нам сейчас говорят: нет, образование у вас не такое уж хорошее, как вы думаете. И здесь есть доля истины, потому что за последние пятнадцать лет было сделано все возможное, чтобы развалить его на уровне и школы, и вуза...

Но чем ценен болонский процесс: мы общаемся с другими школами, можем что-то там для себя присмотреть. Чем он плох: он попадает в руки людям, которые живут в стране, страдающей по крайней мере от двух бед — от плохих дорог и от дураков. И когда дуракам дают в руки болонский процесс, то он приобретает страшную разрушающую силу.

Сам по себе болонский процесс не так страшен, потому что он никого ни к чему не принуждает. Он призывает лишь к унифицированию. Но мы на этот процесс смотрим своеобразно. Спросите любого нашего руководителя, связанного с этим делом, что дает болонский процесс. Вам ответят: сегодня студент может год прозаниматься в Московском университете, завтра сможет поехать в Кембридж, послезавтра в Гарвард — какие пути ему открываются!

А для кого? У нас студенты не знают, что им есть. Какой там Кембридж! Вы сначала обеспечьте студентов! Странно то, что из западных достижений берут как раз не то, то является достижениями — например, зарплату, — а все остальное. Сейчас нельзя применять этот процесс, потому что, пока мы

Сейчас нельзя применять этот процесс, потому что, пока мы не будем находиться в равном с Западом положении в смысле материального обеспечения, в смысле технического оснащения, нельзя этого делать. Люди убегут на Запад. И не потому, что они проходимцы, стремящиеся к сладкой жизни, — ничего подобного.

Юрист, например, еще может обходиться Интернетом. А что делать физику? Ему нужна лаборатория. Он говорит: «Наука едина» — и вынужден поехать в Америку, потому что у нас ему не дают возможности заниматься любимым делом, а говорят: «Иди торгуй китайскими товарами». Дело даже не в зарплате, хотя она у нас нищенская.

Конечно, болонский процесс хорош тем, что он дает возможность общения. Это хорошо. Плохо то, что он приобретает разрушительный характер, если его использовать так, как используем мы.

У нас есть своя школа, свои традиции. Англичане, например, никогда не откажутся от своих традиций, каким бы процесс ни был — болонским еще каким-либо. Мы же готовы отказаться от всего, как будто бы мы никогда не существовали,

как будто бы не было тысячелетней России, как будто не было блестящих школ, как будто бы не нами заполнена вся американская Силиконовая долина — как будто это сделали не мы...

Спрашивается: почему, если у нас плохое образование, наших специалистов — физиков, математиков — берут нарасхват? Почему мы постоянно выигрываем олимпиады?

Нам говорят: у нас мало нобелевских лауреатов. Так раньше мы их в целях государственной безопасности просто никуда не пускали, а сейчас их уже и не осталось — все наши нобелевские лауреаты давно за границей.

Русские ученые — американские нобелевские лауреаты. Кроме того, многие американские нобелевские лауреаты получили Нобелевскую премию за то, что у нас было давно открыто. А наши ученые по разным причинам не получили эту премию: в силу секретности, неумения внедрить достижения или, наконец, в силу политики.

И разве западные страны относятся к нам только исходя из наших достижений? Да ничего подобного. Сейчас они продолжают «холодную войну» так же, как и раньше. С той только разницей, что раньше обе стороны активно в этом участвовали, а сейчас мы вроде бы не хотим этого, а нас все равно заставляют в этой войне участвовать. Есть такие геополитические интересы у стран, которые не зависят от общественного строя: будет у нас демократия, будет у нас тоталитарный режим, все равно к нам будут приставать. С одной стороны дергает Америка, с другой — Европа.

- Вы являетесь специалистом в области конституционного и муниципального права. Как Вы оцениваете деятельность Конституционного суда России?
- Создание Конституционного суда России это наше большое достижение. Конституционный суд России очень хорошо начал свою деятельность. Тогда Валерий Дмитриевич Зорькин возглавил этот суд, и он себя вел очень прилично и очень принципиально. Если Президент Ельцин совершал глупости, то Конституционный суд ему прямо на это указывал.

Но после того как Зорькин был вынужден уйти, Конституционный суд потерял заложенный в нем смысл. Задача Конституционного суда не в том, чтобы создавать в обществе конфронтацию, но Конституционный суд должен быть абсолютно независимым. Он не должен оглядываться на политику. Он должен быть только юридическим органом.

- Какие недостатки нормотворчества существуют, на Ваш взгляд, в настоящее время в России? Как их можно исправить?
- Первый недостаток нормотворчества в том, что не всегда регулируются те области, которые нам крайне необходимо отрегулировать. Все мы знаем, что такое коррупция. И все мы говорим о том, что нам в этом плане давно пора иметь закон о коррупции. Более того, мировое сообщество нас просто обязывает к этому...

Второй недостаток: наше нормотворчество страдает излишней текучестью. Нельзя сто раз менять закон. Закон должен быть стабильным. Обратите внимание на избирательное законодательство. Возьмите отрезок времени в десять лет и посмотрите, сколько раз там менялся закон. И сравните с любой другой страной — Англией, США, где столетиями действует определенный порядок. У нас правила меняют в процессе игры, что совершенно недопустимо. Это — главный недостаток нашей деятельности. Даже при коммунистах никто не решался принять какой-либо закон, если он тщательно не изучался специалистами, и поэтому некоторые законы не принимались по тридцать лет. Думали, к чему это может привести — к этому или этому.

Законы должны принимать депутаты, но разрабатывать их должны специалисты. Депутат не в состоянии написать закон, да он и не должен этого делать. Он политик. Казалось, депутаты должны уметь все, но депутаты не будут делать самолеты. Самолеты делают авиастроители. Депутаты не будут строить свои машины — их делают автомобилестроители. То же самое закон: болванка и доведение ее до конца — это дело специалиста.

К сожалению, я бы не сказал, что в последние годы специалисты играют ту роль, которую они должны играть. При принятии закона роли играют разного рода люди, которые оказывают давление, чтобы нельзя было закрыть казино, нельзя было еще что-то сделать. Это давление на законодателей приводит к тому, что наши законы либо не в ту сторону направлены, либо несовершенны.

- Как лучше всего, на Ваш взгляд, регулировать лоббирование?
- Лоббирование для нас это понятие вообще неприемлемо. Может быть, со мной не согласятся многие люди, но что такое лоббирование в наших условиях? Это подкуп депутатов.

Лоббирование в других странах — это тоже, в общем-то, подкуп. Но где распространено активное лоббирование? В Соединенных Штатах. В чем состоит лоббирование? Мы хотели попасть в ВТО. Мы покупаем газеты, институты с тем, чтобы они нарисовали нормальный образ России. И это один из способов лоббирования. Но самый простой способ лоббирования — заплатить. Поэтому у нас все сводится к коррупции. Так что пока это для нас неприемлемо. Может быть, когда-нибудь мы найдем другие, более цивилизованные формы для этого.

- Вы являетесь автором более 200 научных трудов. Какие проблемы в области права Вам наиболее интересны как исследователю?
- В области права мне интересно все, что связано с конституционным правом. Меня интересуют все проблемы, лежащие в этой области и в области муниципального права. Меня интересуют вопросы демократии. Сейчас много дискуссий по поводу так называемой суверенной демократии, и я попробую этот вопрос тоже исследовать.

Когда-то я занимался высшими органами государственной власти, теперь я занимаюсь и вопросами автономий, потому что автономия в наших условиях неразрывно связана с устройством нашего государства. Вместо того чтобы говорить о каких-то суверенитетах, субъектах, мы просто должны объяснить субъектам России, что они автономны и в этом заключается суть субъекта Российской Федерации.

- Скоро исполнится 20 лет, как Вы являетесь ректором ведущего юридического вуза страны ВЮЗИ МГЮА. Удовлетворены ли Вы своей работой в качестве ректора? Что бы Вы сделали иначе?
- Своей работой полностью удовлетворен только идиот. Поэтому открыто я не могу сказать, что я удовлетворен. Что хорошего? Хорошо то, что создана Академия, которая, как вы говорите, является ведущей, и это соответствует действительности.

И я считаю, что здесь есть определенный вклад с моей стороны.

Приятно после себя оставлять книги и хорошее учебное заведение, в создании которого ты принимал активное участие. Но что мне мешало все эти годы?

Когда перед тобой стоит задача готовить хороших специалистов, нужно создать условия для того, чтобы ты мог их готовить. То, как мы сейчас относимся к высшей школе, то, как мы

ее финансируем, то, в какое положение поставлены преподаватели с точки зрения их авторитета и оплаты труда, — это совершенно неприемлемо.

Великая страна и великое общество не имеют права позволить себе такие условия. Уничтожить научные школы легко, а чтобы их создать, требуются сотни лет. Наибольшая неудовлетворенность у меня от того, что я постоянно сталкиваюсь с какими-то вещами, которые, с моей точки зрения, абсолютно неразумны и неприемлемы. Например, единый государственный экзамен, проблема болонского процесса. Хотелось бы, чтобы нам дали возможность нормально работать, а не дергали каждый раз с какими-то дурацкими идеями. Это — главное, что мешает работать и мне, и всем остальным и у нас в Академии, да и не только.

Я не хочу сказать, что люди, призванные руководить нашим образованием, должны прекратить свое руководство. Но они должны больше слушать тех, кто провел двадцать лет на этой работе. Они должны понимать, что если человек двадцать лет на какой-то работе, то он искренне предан ей. А если учесть, что этот человек всегда старался сделать что-то хорошее для своей страны, то нужно чаще к нему прислушиваться. И слушаться.

А часто слушают одно, а делают совершенно другое. Почему, например, Садовничий в оппозиции к единому государственному экзамену так же, как и я? Да потому, что этот экзамен разрушит высшую школу. Все аргументы, имеющиеся за этот экзамен, не работают.

Я не слышал ни одного аргумента, который меня бы убедил. Но я точно знаю, что начнется резкое падение качества образования принимаемых в вузы людей. Почему? Потому что школа сейчас их не готовит, мы их доучиваем. При нашей коррупции все достижения $E\Gamma \mathfrak{D}$ будут сметены. И к нам будут поступать не те, которых мы можем проверить, а те, которых мы проверить не сможем. Потому что нам это запрещено, потому что кто-то уже взял за это деньги.

К нам каждый год приходят десятки, даже сотни медалистов. И только единицы из этих медалистов поступают в вуз. Почему? Да потому, что медали липовые.

Сейчас самая большая наша беда в том, что у нас нет нормальной школы — школы, которой мы всегда гордились, которая на порядок была выше школы Соединенных Штатов. А теперь мы подходим к уровню образования в Соединенных Штатах

и тоже начинаем выпускать людей полуграмотных и неграмотных вообще.

А ведь главное закладывает школа. Если мы что-то знаем, то это мы получили не в вузе, а в школе. Мы имеем относительные представления и о физике, и о химии, и о биологии. В отношении литературы мы, конечно, должны были однажды получить навыки и дальше продолжать всю жизнь читать. Кто-то не стал физиком, значит, не будет заниматься физикой, но в принципе он будет культурным человеком.

У нас была блестящая школа, которую уже много лет разрушают, а ведь наша школа происходит непосредственно от русской гимназии. Русские гимназии были высочайшим достижением в области образования, но советская школа не могла себе позволить гимназии, потому что это было очень дорого, там был высокий уровень преподавания. Она как бы «размазала» этот уровень, но все равно сохранился дух, подход.

А потом начали медленно реформировать, уничтожать школу. Вместо того чтобы поднимать культурный уровень, стали учить делать табуретки, еще что-то... Но задача школы не в этом. Сейчас нам будут навязывать представление о религии. Конечно, это представление должно быть, но в совсем другой форме. Культурный человек должен знать историю, допустим, религии, потому что без этого он не поймет ни одну картину. Вы пришли в музей, там висят картины на библейские темы. Те, кто знает Библию, естественно, могут в этом разобраться. Но это не должно быть навязано.

Это должен быть предмет, не связанный с религией, а связанный с культурой. Иначе мы, многоконфессиональная и многонациональная страна, попадем в глупое положение. Здесь много разных вопросов, над которыми надо думать. Я за то, чтобы знать все, в том числе и религию. Но это должно даваться очень корректно. Это должно даваться так, чтобы не обижать ни православных, ни мусульман, ни иудаистов, ни буддистов. Это очень тонкий вопрос.

- В одном из своих докладов, посвященном вопросам местного самоуправления, Вы сказали, что местное самоуправление неразрывно связано с демократией. Что, кроме местного самоуправления, так же необходимо для создания по-настоящему демократического общества?
- С чем связана неразрывно демократия? И с чем связано неразрывно демократическое общество? Демократическое об-

щество — это общество, которое по-настоящему активно, которое по-настоящему неравнодушно. Мы никогда не достигнем никакой демократии и никогда не выйдем на уровень Соединенных Штатов, пока наши люди не начнут интересоваться своей судьбой. Когда какого-то фигляра избирают в депутаты и это очевидно всей стране, о чем же люди думают? Неужели они думают о том, что будут получать хорошую пенсию или хорошую зарплату?

Для того чтобы в стране был наконец-то наведен порядок, люди должны смотреть, за кого они голосуют, не слушать тех, кто говорит чепуху, и протестовать против этого.

Если у нас не будет общественной активности, то у нас не будет ничего. Возьмите такой пример: элементом демократии является свобода слова. Но смысл этой свободы состоит совсем не в том, чтобы говорить что угодно. А в том, чтобы это давало какой-то толк.

Свобода слова дается не столько для того, чтобы иметь возможность высказаться, сколько для того, чтобы иметь возможность быть выслушанным.

Все эти вещи взаимосвязаны, но главное в демократии не просто наличие выборов, хотя, конечно, они необходимы для демократии. И опять же, какие выборы? Выборы можно провести с участием восьмидесяти процентов избирателей, а можно с двадцатью пятью, из них половина проголосует за депутатов. Значит, депутат будет избран десятью процентами от ста процентов избирателей. Это тоже демократия?

Здесь есть очень много элементов, которые создают представление о демократии. Но главное для демократии то, что у нас должно быть гражданское общество, то есть общество, активно участвующее в политической жизни. Не просто как наблюдатели... Если мы будем относиться к нашим политикам так снисходительно, как мы относимся к ним сейчас, то мы никогда ничего не добьемся...

- Y людей должна быть ответственность за свое будущее...
- Разумеется. Только чем пользуются проходимцы от политики? Тем, что мы ничем серьезно не интересуемся. А в каком смысле? У нас могут говорить что угодно о баснословных взятках, о неправильно подведенных итогах выборов. В обществе никакой реакции на это нет.

Например, первый заместитель председателя Государственной думы госпожа Слиска заявляет, что в 1996 году на выбо-

рах победил не Ельцин, а Зюганов. И предъявляют Зюганову претензии: что же вы не взяли тогда власть в свои руки? Это же катастрофа! Если бы так, то должно было быть что-то невероятное. У нас это не заметили, никто не обратил на это внимания.

Что это за общество, которое знает, что есть Конституция, где сказано, что Президент может избираться только на два срока, а каждый день журналисты, которые якобы имеют какоето образование, спрашивают Путина на всех встречах, собирается ли он оставаться на третий срок.

— Вы являетесь conpedcedameлем Ассоциации юристов России. Какими Вам видятся глобальные цели Ассоциации?

— Глобальных целей много, конечно. Ассоциация имеет внутренние и внешние задачи. Если говорить о внутренних задачах, то мне представляется, что Ассоциация должна быть своего рода профсоюзом юристов, который бы помогал им «и в горе, и в радости».

Профессия юриста очень многогранна. Скажем, кто-то защищен, а кто-то совсем не защищен. Нам только кажется, что милиционер защищен. А на самом деле милиционер очень даже не защищен.

Мы должны иметь фонд, который мог бы помогать людям и в плане получения образования, и в плане получения медицинского обслуживания, и в плане просто поддержки и защиты, когда это требуется.

А внешние цели — это, конечно, пропаганда права. Наша задача — наладить в стране правовое воспитание, объяснить людям, что если в законе написано, что президент может оставаться только два срока, то неэтично спрашивать его, не собирается ли он еще и на третий срок. Это унижает этого человека. Ведь этот человек — гарант Конституции. Если в Конституции написано так, то он должен это гарантировать.

Если бы мы выполнили хотя бы эти две задачи, то было бы уже хорошо. Есть еще масса вещей. Мы должны позаботиться о том, чтобы был интерес к юриспруденции. Вы обратили внимание, что этот интерес пытаются постоянно убить: все время радио, телевидение, газеты убеждают, что падает интерес к юриспруденции. Людям говорят: идите в инженеры. Хотя куда нам девать инженеров, если все стоит?

Мы должны пропагандировать свою профессию. Но в то же время бороться с теми вузами, которые не готовят понастоящему юристов, которые существуют для того, чтобы

освободить людей от армии и заработать. Можно много говорить на эту тему, сам вопрос интересный.

- Сможет ли Ассоциация стать аналогом европейских объединений юристов, одних из самых влиятельных профессиональных объединений в своих странах?
- Да, это главная задача, которую мы ставим перед собой. Мы добьемся решения этой задачи благо у нас есть такие влиятельные люди, как Президент, как Медведев, юристы, понимающие, о чем идет речь. И тут даже не в нас дело. В интересах этих людей иметь очень мощную ассоциацию, которая оказывала бы влияние на все стороны жизни. Потому что им часто нужна поддержка, часто им требуется такого рода помощь.

Сейчас идет период становления, налаживания, потому что на местах были разные ассоциации, неизвестно откуда возникшие. Люди пользовались этим просто для того, чтобы где-то иметь влияние.

Я думаю, что мы этот период все же пройдем. Другое дело, что к нам еще не очень привыкли... И от нас будет зависеть, как все пойдет: если мы погрязнем в каких-то внутренних делах, то мы никому не будем нужны; если мы займемся делом понастоящему — то, для чего мы созданы, — то, конечно, мы приобретем не меньшее влияние, чем европейские и американские объединения юристов.

- Какое место в деятельности Ассоциации юристов, на Ваш взгляд, должна занимать политика?
- Мы себя не отстраняем от политики, но наша задача состоит не в том, чтобы поддержать Грызлова, или Миронова, или Зюганова. Наша задача поддержать законность в стране, и мы будем одинаково приветствовать любые действия любого из этих людей, если они направлены на пользу страны. И будем выступать против всех, кто бы это ни был, если их действия, с нашей точки зрения, противоречат действующему законодательству или интересам страны.
- $-\dot{H}$ в заключение нашим читателям, я думаю, будет интересно узнать: правда ли, что вы увлекаетесь классической музыкой? И если да, то произведения каких композиторов Вам нравятся больше всего?
- Да, это правда. Классическая музыка это моя слабость. И просто так на вопрос о композиторах ответить нельзя. Вообще, классическая музыка имеет свою историю. Я не беру очень давнюю историю. Но я считаю, что без Вивальди не было бы ни Баха, ни Моцарта.

Я учился играть на скрипке, окончил музыкальную школу. Очень люблю Вивальди. Нет какого-нибудь другого средства, кроме музыки, если ты хочешь прийти в состояние расслабленности и хорошего настроения. Есть вещи, которые открывать не нужно. Я очень люблю Баха, с радостью купил во время пребывания в Швейцарии полное собрание его сочинений. Конечно, я люблю Моцарта, с детства. Это был очень жизнерадостный человек.

В последнее время я заинтересовался Генделем. Решил прослушать все, что им написано и что издано у нас. Я нашел для себя очень много нового. Это удовольствие, которое нельзя сравнить ни с чем. Может быть, когда-то удовольствием считали книгу. Но книга действует на нас в одном направлении, а здесь подключено практически все.

Если бы люди любили классическую музыку, то они были бы гораздо добрее, как мне кажется. Но классическая музыка — это музыка, которая не обязательно может понравиться человеку сразу. Ведь, например, можно есть руками, а можно ножом и вилкой, можно воду пить из-под крана, а можно из бокала. Классическая музыка даже на коров действует положительно — повышается удой, они становятся более добрыми, лучше едят.

Я не считаю себя полным идиотом, полагающим, что все население можно научить классической музыке. Но проблема в том, что мы и не пытаемся это сделать. Наш народ воспитывается на мерзости, существующей иногда на эстраде... У меня самого есть друзья на эстраде. Хорошо, это развлекает публику. Но дайте ей и что-то другое, чтобы она сама послушала, и, может быть, ей бы это понравилось. И будет колоссальная польза. Но я говорю не про «Голубое сало» в Большом театре — это вообще безобразие.

Забавно, но сейчас за границей выпускают «Самые великие хиты Бетховена». И если мы хотим, чтобы наше общество развивалось не по тому пути, по которому оно развивается сейчас, мы должны хотя бы немного включать классическую музыку в теле- и радиопрограммы. Меня спрашивают: а кто будет слушать эту музыку? Но неужели мы такие, что не будем слушать?

Немцы слушают, французы слушают, австрийцы и итальянцы слушают. А мы что, кроме Пугачевой, ничего не желаем слушать?

Коммерция всегда сопряжена с безобразием. Например, в нормальном обществе не будут продавать гнилое мясо в прекрасных магазинах — это невозможно. У нас же сегодня поя-

вилось единственное желание заработать деньги любой ценой. Но нельзя разрешать выступать голыми в театре, нельзя ругаться матом со сцены, нельзя в полуголом виде выступать с номерами на эстраде. Это же все воспитывает людей. А мы под видом свободы сейчас пускаем что угодно. И это никуда не годится.

— Спасибо.

Беседовал Оводов А. А.

Россияне всегда переходят дорогу на красный свет

Недавно состоялось заседание Президиума Ассоциации юристов России (АЮР). На нем было принято очень важное для страны решение. Отныне АЮР (члены которой с первого номера «Аргументов недели» отвечают на вопросы наших читателей на отдельной странице «Правовед») будет заниматься оказанием бесплатной юридической помощи всем гражданам страны. Мы публикуем интервью с Олегом Емельяновичем КУТАФИНЫМ, сопредседателем Ассоциации юристов России, доктором юридических наук, профессором, академиком и членом Президиума РАН, заслуженным деятелем науки.

С 1987 года Олег Емельянович — ректор Московской государственной юридической академии (МГЮА), которой в декабре прошлого года исполнилось 75 лет. Был период, когда половина всех юристов страны имели дипломы МГЮА. Сегодня выпускники Академии — нарасхват. Треть правоведов Израиля и треть юристов Прибалтики заканчивали МГЮА. В 2002 году Олег Кутафин получил премию Президента РФ в области образования за учебник «Конституционное право России», награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» IV, III и II степеней.

ПОЛЖИЗНИ ЗА МИЛЛИОН

- Сегодня одно из самых обсуждаемых прав право на жизнь. Европа давит на Россию, требуя отмены смертной казни, и мотивирует это тем, что демократия и умерщвление людей несовместимы. Как Вы думаете, нам нужно отказаться от смертной казни? Хотя смертная казнь применяется в Турции, Японии, во многих штатах Америки.
- Если вы меня спросите, как я отношусь к атомной бомбе, я отвечу: резко отрицательно! Если вы меня спросите, нужно ли России избавляться от своего ядерного арсенала, я скажу: ни в коем случае! Со смертной казнью то же самое. Это неприятно, недемократично, безнравственно. Но необходимо. В решении этого вопроса не нужно оглядываться на другие государства. Пока мы не достигнем определенного уровня правосознания и культуры, только смертная казнь может держать в узде потенциальных преступников.

При Хрущеве, например, за украденный миллион могли и расстрелять. Теперь же за разворованные полгосударства дадут 10—15 лет (скорее всего, преступник вообще уйдет безнаказанным) — после чего он выйдет на свободу и будет жить припеваючи. Ради этого кое-кто готов рискнуть.

Но конечно, если есть малейшие сомнения в вине человека, смертную казнь применять нельзя! Существуют правовые механизмы: помилование, отсрочка, смягчение наказания. Но когда вина преступника безусловно доказана, власть должна проявить твердость.

- —По российскому законодательству решение о смертной казни могут принимать только присяжные. Но они в большинстве случаев выносят оправдательные приговоры даже очевидным преступникам. Что это: подкуп, давление?
- Думаю, причина в другом. Перед присяжными стоит задача почувствовать (именно почувствовать), виновен ли человек. Они отвечают на простейшие вопросы о его вине, после чего судья назначает наказание. Если следствие организовано плохо, доказательства звучат неубедительно, присяжные не могут наверняка сказать, что человек виновен, его оправдывают. Это не проблема честности отдельных людей, а недостатки системы отправления правосудия. Есть и шероховатости в организации судов присяжных. Например, непонятно, как такой суд может работать в тех субъектах Федерации, где общество

делится на кланы. Представители одного клана неизбежно будут оправдывать «своего».

Не нужно притворяться, что государство не может позволить себе убийство. Разве солдат не на смерть посылают?

НАС РАЗВРАЩАЮТ МИГАЛКИ

- Вы упомянули о том, что за воровство в особо крупных размерах по Уголовному кодексу можно получить 10 лет тюрьмы. Но есть в законодательстве и перегибы в другую сторону: за три росточка мака на даче человека могут посадить на 2 года. Разве это справедливо?
- Российский УК считается одним из самых мягких в мире. По уголовному законодательству США наказания вообще суммируются преступник может получить срок в 120 или 150 лет...

Хотя в нашем УК действительно есть перегибы. На мой взгляд, это полный абсурд — давать 8 лет условно бывшему министру юстиции, бравшему взятки. Но это также вопрос применения закона. Наказание должно быть не только строгим, но и неотвратимым. А сегодня многие дела так и не доходят до суда. И уже не столь важно, получит преступник 10 или 15 лет тюрьмы. Главное, чтобы обязательно получил. Более того, я считаю, что принципиально неправильно выпускать заключенных потому, что не хватает мест в тюрьмах. Такая либерализация может в будущем слишком дорогого стоить.

- Значит, наказания, наоборот, следует ужесточать, чтобы люди боялись?
- Наказание угроза, а не месть государства преступнику. Например, у немцев наказание вызывает священный ужас. Но это достигается не только и не столько строгостью статей УК, а воспитанием в семье и в школе, поощрениями за законопослушное поведение.

Сама жизнь должна демонстрировать гражданину силу закона даже в мелочах. Например, одна машина с мигалкой, грубо нарушающая $\Pi Д Д$, развращает целый город.

Думаю, люди со временем поймут, что от исполнения закона они не проигрывают, а выигрывают. К этому нельзя прийти сразу. Но время на нашей стороне.

СВОБОДА СЛОВА ИЛИ СОТРЯСАНИЕ ВОЗДУХА?

- Не считаете ли Вы, что нормы, прописанные в Конституции, на практике не работают?
- Я так считаю. Другое дело, что в нынешней Конституции описано государство, каким мы его хотели бы видеть. Сейчас некоторые из этих идеальных представлений, увы, далеки от реальности. К тому же права, закрепленные и в советских Конституциях, и в нынешнем Основном законе, хоть и звучат одинаково, но должны пониматься по-разному.

Например, право на жилище. В СССР широкий круг людей мог относительно в короткий срок получить квартиру от государства. Сегодня встать в очередь на бесплатное получение жилья имеют право лишь представители самых социально незащищенных слоев населения. И они обретут крышу над головой не раньше чем через 20—30 лет. Или право на труд. Гарантии на то, что получишь работу, нет. Всеобщее бесплатное образование — как минимум преувеличение. Право на охрану здоровья и бесплатную медицинскую помощь в полной мере тоже не реализуется.

- Но и сейчас в статье 7 Конституции говорится, что Россия «социальное государство».
- И это правда. Но проблемы есть. Главная из них чтобы государственная и частная собственность эффективно использовались в интересах всего народа.
  - Как Вы думаете, мы обладаем правом на свободу слова?
- Свобода слова понятие растяжимое. Сегодня мы можем говорить все что угодно, и за это нас не посадят. В этом смысле свобода слова, конечно, существует. И это прорыв по сравнению с советским временем. Но смысл свободы слова не в том, чтобы впустую сотрясать воздух. Это право работает только тогда, когда сказанное имеет значение в политической жизни страны.

Беседовала Дарья МАРТЫНКИНА

Юрист спешит на помощь июль — август 2007 г.

(РОССИЙСКАЯ ГАЗЕТА)

Есть ли в России демократия?

О. Е. КУТАФИН, ректор Московской государственной юридической академии, сопредседатель Ассоциации юристов России, академик РАН, профессор, заслуженный деятель науки РФ

Приближающиеся в России парламентские и президентские выборы накладывают все более заметный отпечаток на тональность посвященных этим событиям публикаций в западной прессе. Раскручивается информационно-пропагандистская кампания, которая призвана создать негативный образ нашей страны как антидемократического государства. Зарубежным русофобам вторят русофобы внутренние. Финансируемые изза рубежа политические маргиналы требуют установить в России «правильную» демократию западного образца, вернуть якобы утерянные у нас политические свободы.

Но что такое демократия западного образца? Обычно в качестве таковой называют Соединенные Штаты Америки. Действительно, более двухсот лет эта страна позиционирует себя и признается ее апологетами в качестве оплота демократии. А между тем за два с лишним века США пережили и апартеид, и маккартизм, который, в общем-то, мало чем отличался от того, в чем обвиняют ныне тоталитарных вождей СССР. Были в истории Америки и концлагеря, в которых оказались интернированные в период Второй мировой войны 300 тысяч японцев. Была кровавая бойня во Вьетнаме, были сожженные напалмом женщины и дети, была почти стодневная бомбежка Сербии. Четыре года продолжается попирающая все принципы международного права оккупация Ирака, породившая такие вопиющие отступления от демократии, как Абу-Грейб и Гуан-

танамо, унесшая десятки тысяч жизней тех, кого США вроде бы пришли спасать от Саддама Хусейна.

Америка отбросила принцип «не наносить удар первым», десятилетиями поддерживавший мир на планете, вместо «сдерживания» проповедует доктрину превентивных действий, противоречащую международному праву. Вашингтон развязывает войны в собственных эгоистических интересах, а преподносит их как «гуманитарные интервенции». Распространяя демократию под дулом пистолета, США в некоторых «недемократических» государствах требуют смены режима, а другим, точно таким же, помогают оружием и деньгами. На мировой арене они выступают против коллективных действий, предпочитая гегемонию и «закон шерифа» — кто сильнее, тот и прав.

Можно ли такую страну назвать в полной мере демократической? Вряд ли. Во всяком случае, тамошняя демократия очень ущербна. А ведь она формировалась столетиями. Избирательная система этой страны тоже далека от совершенства, к тому же на президентских выборах в США голосуют не более 44 процентов зарегистрированных избирателей.

Российская демократия насчитывает всего-то полтора десятилетия. Немудрено, что, проходя период становления, она наряду с очевидными плюсами имеет и немало минусов.

Возьмем, скажем, такой ее институт, как выборы. Они у нас проводятся на всех уровнях, причем в большинстве случаев можно сказать, что они и свободные, и демократические. Мы можем пойти на эти выборы, а можем и не пойти — это допускает закон. Но есть целый ряд инструментов, с помощью которых можно исказить волю избирателей. Есть, например, так называемый административный ресурс. Есть деньги, на которые можно купить депутатов. Существует множество других способов исказить волю народа при выборах в любой представительный орган государственной власти. Поэтому, даже имея демократический институт, имея свободные и демократические выборы, вполне можно получить нарушение воли народа.

Другой фактор, который необходим для того, чтобы народу могла принадлежать действительно власть и он мог выражать свое мнение, — свобода слова. Она у нас, конечно, есть. Можно, в отличие от тоталитарных времен, критиковать власть и ее самых высокопоставленных представителей и быть уверенными, что за это не посадят в тюрьму. Теперь не только на кухне, но и в большой аудитории человек волен сказать то, что думает. Но мы же говорим не для себя, а для того, чтобы власть от-

реагировала. Важно не только сказать, но и быть услышанным. Свобода слова эффективна только в том случае, когда она результативна. Иметь возможность болтать на любую тему и решать какие-то вопросы — две разные вещи.

Или посмотрим на ситуацию в средствах массовой информации: свободны они у нас? Конечно свободны. Мы свободно можем воспользоваться этими средствами, если, к примеру, нам нужно провести идею, которую поддерживает власть. Или в другом случае — можем, если нам нужно провести какую-то идею, которую поддерживает олигарх. Но вряд ли удастся, скажем, в губернской газете свободно напечатать материал, отвергающий позицию губернатора.

Что предполагает демократия? Демократия предполагает целый ряд гарантий тех институтов, которые действуют в рамках демократии. Например, разделение властей. Есть у нас разделение властей? Есть. Согласно Конституции все три ветви власти независимы друг от друга. Эти ветви должны выражать каждая свое мнение, соперничать между собой, даже вступать в какието противоречия, но в результате этих противоречий находить компромисс, который, собственно, и движет развитие страны.

В ельцинские времена некоторые ветви власти пробовали проявить свою самостоятельность. Можно в связи с этим вспомнить Верховный Совет, который в результате разных попыток выражать свое мнение был расстрелян. Такая же судьба постигла и Конституционный суд, деятельность которого была приостановлена после того, как он оказался слишком неугодным.

Иногда наши законы создаются таким образом, что они совершенно четко отражают не интересы народа, а интересы отдельных людей. Скажем, мы ликвидировали такой институт, как конфискация имущества. Спрашивается — зачем? Получается, если человек украл, допустим, миллиард, отсидел некий срок, а нередко бывает, что даже и не отсидел, он может этот миллиард сохранить. У него никто его не отберет, потому что конфискация — вроде как дело недемократичное. Я уж не говорю о смертной казни — неизвестно почему мы ссылаемся на Запад, а точнее, на Европу, потому что во многих штатах США смертная казнь узаконена и практикуется по сей день.

В сегодняшней России есть все необходимые для демократии институты. Но многие из этих институтов деформированы. Значит ли это, что у нас нет демократии? Думаю, что это не так. Мы не являемся тоталитарным государством. Но мы находимся в начальной стадии развития демократии, которую

нужно продолжать развивать, и за утверждение ее нужно бороться. Причем, борясь, мы должны очень осторожно относиться к критике этой самой демократии. Скажем, что нам предлагают некоторые радикальные элементы слева? Вернуться к социалистической демократии. Социалистическая демократия была хорошей вещью в некоторых отношениях. Но, с другой стороны, она породила тоталитаризм. Можем ли мы туда возвращаться? Конечно нет. А справа нам предлагают вернуться к ельцинской демократии, то есть демократии олигархов. Хотим ли мы эту демократию? Тоже нет. Следовательно, у нас остается единственный выход — постараться из того, что мы имеем сегодня, сделать что-то гораздо лучшее, чем мы действительно могли бы пользоваться.

Мы мало чего добьемся, если у нас не будет социально активного населения, желающего и умеющего отстаивать свои права. Вот лишь один пример. Известно, что на протяжении многих лет россиян отучали иметь дело с судом. И до сих пор многие уверены, что в суд надо идти только в крайнем случае — если туда ведут насильно, чтобы затем посадить. А защищать свои права в суде решаются немногие. Но потихоньку картина начинает меняться. Все больше случаев, о чем свидетельствует пресса, когда простому гражданину в одиночку или вместе с другими гражданами удается, обратившись в судебные инстанции, победить чиновничий, милицейский, судебный и иной произвол.

Говоря о развитии демократии, нельзя абстрагироваться и от имущественного положения людей. В последние годы доходы населения нашей страны заметно растут, осуществление национальных проектов позволяет говорить о реальном движении в сторону социального государства. И это очень позитивные перемены. Потому что нищие никогда не обладали демократией. И нет такой страны в мире, которая, будучи нищей, была бы при этом демократической.

Наконец, демократия немыслима без гарантированного равенства прав людей, имеющих разный социальный статус и разный уровень доходов. Ясно, например, что у человека, способного нанять дорогого адвоката, и у человека, такой возможности не имеющего, при формальном провозглашении равенства прав на самом деле эти права не равны.

Когда полтора года назад создавалась наша Ассоциация юристов России, Президент В. В. Путин среди прочих пожеланий в адрес новой организации высказал и такое: внести свой суще-

ственный и заметный вклад в обеспечение единых стандартов юридической защищенности граждан на всей территории страны. Потому что далеко не везде люди, ущемленные в своих правах, получают быструю и квалифицированную помощь. И эти люди, соответственно, делают собственные выводы об эффективности действующих законов и о возможностях защиты своих собственных прав, о качестве государства.

Защитить интересы малоимущих в различных юридических спорах, в суде, в противостоянии с властью помогают созданные решением Правительства два года назад в десяти регионах страны государственные юридические бюро. Однако они пока имеют весьма локальное распространение, и в силу своей малочисленности и маломощности просто не в состоянии решить реально существующую проблему.

Откликаясь на призыв Президента, в конце минувшего года Ассоциация юристов России предложила свое решение, которое не отбрасывает уже предпринятые шаги, но существенным образом способно исправить нынешнюю неблагополучную ситуацию в обеспечении юридических прав малоимущих граждан. Речь идет об инициативе по созданию по всей стране федеральной сети бесплатных центров правовой поддержки $(\Phi C \sqcup \Pi \Pi)$, которая вполне может претендовать на звание нового национального проекта. Всего запланировано открыть к 2008 году 24 тысячи общественных приемных — цифра, согласитесь, очень внушительная. Они появятся в каждом муниципальном образовании. В России около 19 тысяч муниципалитетов, так что для осуществления проекта потребуется никак не меньше 40 тысяч юристов. Среди основных задач, поставленных перед Φ СЦПП, — повышение общей правовой культуры в стране и доступность юридических, правовых и информационных услуг для населения.

Первые юридические консультации уже начали открываться в пилотных регионах, в том числе в центре страны, на Дальнем Востоке, в Сибири, на Северном Кавказе. Конечно, заниматься благотворительностью и вести бесплатно дела пенсионеров в судах эти общественные приемные не смогут. Но предполагается, что после консультаций граждане будут в состоянии разобраться, как юридически грамотно действовать дальше. Защиту получат не только люди со скромным достатком, но и представители малого и среднего бизнеса, которые сами защитить свои права не в силах из-за недостаточного уровня знания законов. «Скорую правовую помощь» планируется ока-

зывать по всем юридическим вопросам, будь то конфликт с милицией, отказывающейся принять заявление, раздел имущества, споры по ДТП или проблемы по составлению искового заявления в суд. Чем более грамотными будут наши граждане в правовом отношении, тем надежнее они будут защищены от произвола. Несомненно, меньше станет обманутых дольщиков и жертв финансовых пирамид.

Многие губернаторы регионов выразили готовность принять участие в создании сети вышеназванных консультаций. Проект поддержан Российским союзом промышленников и предпринимателей.

Говоря о правовой защищенности людей в качестве важнейшего приоритета демократии, не могу не коснуться еще одного вопроса. У нас в обществе широко бытует представление о том, что правозащитная деятельность — это деятельность отдельных людей, которые, так сказать, набили руку в противостоянии с уже не существующим советским государством. Многие убеждены, что правозащитник должен бороться с любым режимом, потому что иначе денег не дадут. Я думаю, что задача настоящего правозащитника в условиях демократического государства состоит в том, чтобы вместе с государством добиваться того, чтобы права граждан были защищены, и не превращать эту деятельность в способ получения каких-то грантов, нередко от зарубежных недругов России. Когда мы ведем речь о защите наших прав, мы должны помнить, что это должна быть наша борьба. Не борьба Европы или США за нас. С помощью Запада мы никаких прав и свобод не обретем — все в наших руках.

Нас длительное время убеждали в том, что по-настоящему правами и свободами человек может обладать только в условиях слабого государства. Мол, чем слабее государство, тем сильнее мы сами. Это глупость. Дело даже не во внешней агрессии, хотя пример Югославии и Ирака показывает, что такая вероятность — вовсе не химера. Только сильное государство может обеспечить нормальную социальную политику. Только с помощью сильного государства можно в короткие сроки осуществить крупные национальные проекты, побудить регионы выполнять решения, принимаемые в центре, обеспечить единство государства.

Активно содействовать правовой защите населения и активному его правовому просвещению призван журнал «Юрист спешит на помощь» — приложение к правительственной «Рос-

сийской газете». Это правильно, что в региональных представительствах «Российской газеты» планируется открыть общественные приемные журнала, где любой гражданин, особенно молодой, малоимущий, сможет получить консультацию — на месте или связавшись непосредственно с редакцией журнала.

Повышение правосознания — процесс перманентный, у него нет предела, нет границ. Если учесть, что право — неотъемлемый элемент нашей жизни, а жизнь — постоянное развитие, каждый, даже получивший юридическое образование, специалист призван непрерывно повышать свои правовые знания, чтобы грамотно их применять, чтобы грамотно и доступно их разъяснять и пропагандировать. В этой связи заслуживает поддержки желание редакции открыть на страницах журнала «Юрист спешит на помощь» постоянную рубрику «Каким быть молодому юристу». В ведении такой рубрики посильную помощь могут оказать Московская государственная юридическая академия, ее преподаватели, ее выпускники, ее студенты.

Правовые задачи и устремления редакции журнала «Юрист спешит на помощь» — в русле правовых устремлений общества, в русле утверждения и совершенствования так необходимой нам всем подлинной, а не мнимой демократии.

Р. S. Указом Президента РФ В. В. Путина академик Российской академии наук, ректор Московской государственной юридической академии Олег Емельянович Кутафин за выдающийся вклад в развитие отечественной науки, подготовку высококвалифицированных юридических кадров и многолетнюю плодотворную общественную деятельность награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» I степени.

Редакция журнала «Юрист спешит не помощь» присоединяется к многочисленным поздравлениям, адресованным Олегу Емельяновичу в связи с его 70-летним юбилеем и награждением высокой государственной наградой. Желаем Олегу Емельяновичу, члену редакционного совета нашего журнала, неизменного здоровья и дальнейших плодотворных успехов на поприще служения России!

Список научных трудов Олега Емельяновича Кутафина

Nº	Наименование работы, ее вид	Форма работы	Выходные данные	Объем в п. л.	Соавторы
1	Правовое положение постоянных комиссий палат Верховного Совета СССР	Печ.	«Вестник МГУ» (право), № 1, 1964	0,8 п. л.	
2	Некоторые вопросы организации и деятельно- сти постоянных комиссий палат Верховного Совета СССР	Печ.	«Вестник МГУ» (право), № 3, 1964	0,8 п. л.	
3	Обсуждение сборника статей «Конституционное право социалистических стран» под ред. В. Ф. Котока и Н. П. Фарберова. Изд-во АН СССР, М., 1963	Печ.	«Советское государство и право», № 7, 1964	0,35 п. л.	Л. В. Лазарев
4	Советы министров союзных и автономных республик (Энциклопедический словарь)	Печ.	Издательство БСЭ, 1965	0,1 п. л.	
5	Положение о выборах (Энциклопедический словарь правовых знаний)	Печ.	Издательство БСЭ, 1965	0,05 п. л.	
6	Постоянное представительство (Энциклопедический словарь правовых знаний)	Печ.	Издательство БСЭ, 1965	0,5 п. л.	
7	Комиссии местных Советов депутатов трудящихся (Энциклопедический словарь правовых знаний)	Печ.	Издательство БСЭ, 1965	0,1 п. л.	
8	Взаимоотношения постоянных комиссий палат Верховного Совета СССР с Президиумом Верховного Совета СССР и Советом Министров СССР	Печ.	«Советское государство и право», № 4, 1966	0,8 п. л.	
9	Первая среди равных	Печ.	«Знание», 1967	2,32 п. л.	
10	Национальная государственность РСФСР на современном этапе (В книге «Национальная государственность союзных республик»)	Печ.	«Юридическая литература», 1968	2 п. л.	
11	Развитие национальной государственности Туркменской ССР (В книге «Национальная государственность союзных республик»)	Печ.	«Юридическая литература», 1968	1 п. л.	Б. Д. Дурдыев
12	Национальная государственность Туркменской ССР на современном этапе (В книге «Нацио- нальная государственность союзных республик»)	Печ.	«Юридическая литература», 1968	1 п. л.	Б. Д. Дурдыев
13	Факт и его исследование	Печ.	«Советы депутатов трудящихся»	0,5 п. л.	
14	Ленинские принципы организации и деятельности Советов	Печ.	«Знание», 1969	2 п. л.	
15	Общественные организации в СССР	Печ.	Издательство АПН, 1969	5 п. л.	М. А. Шафир

				06	
Nº	Наименование работы, ее вид	Форма работы	Выходные данные	Объем в п. л.	Соавторы
16	Рецензия на работу М. А. Шафира «Компетен- ция СССР и союзной республики». Изд-во «Наука», 1968	Печ.	«Социалистическая законность», №4, 1969	0,4 п. л.	
17	Книга о правительстве союзной республики	Печ.	«Вестник МГУ» (право), №4, 1970	0,5 п. л.	
18	Постоянные комиссии по делам молодежи Советов депутатов трудящихся	Печ.	«Знание», 1970	0,84	
19	Формы воспитательной работы со студентами в условиях заочного вуза	Печ.	Ученые записки ВЮЗИ, выпуск XXII, 1970	0,5 п. л.	
20	Постоянные комиссии палат Верховного Совета СССР	Печ.	«Юридическая литература», 1971	11,03 п. л.	
21	Права и обязанности депутата местного Совета	Печ.	«Знание», 1971	2,04 п. л.	
22	И дух, и буква	Печ.	«Комсомольская правда» 2 февраля 1972 г.	0,2 п. л.	
23	Постоянные комиссии по делам молодежи Советов	Печ.	«Советское государство и право», №4, 1971	0,8	
24	Советы — орган народовластия	Печ.	«Слово лектора», №5, 1971	0,5 п. л.	
25	Верховные Советы союзных республик (В книге «Советы — органы народовластия в СССР»)	Печ.	«Прогресс», 1972	2 п. л.	
26	Верховные Советы автономных республик (В книге «Советы — органы народовластия в СССР»)	Печ.	«Прогресс», 1972	1 п. л.	
27	Как работает советский парламент	Печ.	Издательство АПН, 1972	5 п. л.	М. А. Шафир
28	В семье равных и счастливых	Печ.	Издательство «Советская Россия»	11,71 п. л.	М. А. Шафир
29	Некоторые вопросы деятельности местных Советов в области народно-хозяйственного планирования (глава IV). В книге «Правовые проблемы дальнейшего совершенствования пред- ставительных органов государственной власти»	Печ.	Издательство МГУ, 1973	2 п. л.	
30	Компетенция местных Советов депутатов трудящихся	Печ.	Издательство ВЮЗИ, 1973	7,25 п. л.	К. Ф. Шеремет
31	Верховные Советы автономных республик	Печ.	«Знание», 1973	3,87 п. л.	
32	Полномочные представители народа	Печ.	«Знание», 1973	1,9 п. л.	
33	Повышение роли Советов в коммунистическом строительстве	Печ.	«Слово лектора», № 4, 1973	0,5 п. л.	
34	Постоянные комиссии местных Советов по делам молодежи	Печ.	«Юридическая литература», 1974	4,05 п. л.	
35	Как управляется Советское государство	Печ.	Издательство АПН, 1974	0,25 п. л.	
36	Верховный Совет СССР— высший представи- тельный орган власти советского народа	Печ.	«Знание народу», 1974	0,8	
37	Развитие функций сельских и поселковых Советов в области народно-хозяйственного планирования (В книге «Время. Проблемы. Инициатива»)	Печ.	Иркутск, 1974	0,7 п. л.	

Nº	Наименование работы, ее вид	Форма работы	Выходные данные	Объем в п. л.	Соавторы
38	Организация и пути совершенствования деятельности постоянных комиссий сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся. (В книге «Время. Проблемы. Инициатива»)	Печ.	Иркутск, 1974	0,7 п. л.	
39	Советское государство и право	Печ.	«Педагогика», 1975	5,12 п. л.	Г.Г.Гребен- ников
40	Развитие функций Верховных Советов АССР в области народно-хозяйственного планирования. (В книге «Проблемы советского строительства, государственного управления и правового воспитания на современном этапе») (Тезисы докладов и сообщений на научнотеоретической конференции)	Печ.	Уфа, 1975	0,15 п. л.	
41	Развитие плановых функций Советов	Печ.	«Советы депутатов трудящихся», № 7, 1975	0,8 п. л.	
42	Советы 1905 года в России как прообраз государственной власти	Печ.	«Советская панорама», АПН, № 88, 1975	0,25 п. л.	
43	Советы — органы народовластия	Печ.	«Знание народу», №5, 1975	0,5 п. л.	
44	Организация и проверка выполнения Советами планов развития местного хозяйства и социально-культурного строительства. (В кни- ге «Проблемы совершенствования деятельно- сти Советов депутатов трудящихся»)	Печ.	Выпуск 8, Иркутск, 1975	1 п. л.	
45	Вопросы совершенствования работы Советов в области народно-хозяйственного планирования. В книге «Демократия и право развитого социалистического обществ. (Материалы всесоюзной научной конференции)	Печ.	Издательство МГУ, 1975	0,15 п. л.	
46	Книга о советской избирательной системе	Печ.	Издательство МГУ, № 6, 1975	0,15 п. л.	В. А. Пертцик
47	Проблемы теории советского государственного права	Печ.	РЖ «Общественные науки в СССР», № 4, 1975	0,5 п. л.	
48	Местные Советы и народно-хозяйственное планирование	Печ.	Издательство МГУ, 1976	9,41 п. л.	
49	Компетенция местных Советов депутатов трудящихся	Печ.	«Знание», 1976	3,4 п. л.	К. Ф. Шеремет
50	Роль местных Советов в коммунистическом строительстве	Печ.	«Знание», 1976	2,21 п. л.	
51	Основы советского строительства	Печ.	«Знание», 1976	10,28 п. л.	Г.В.Бараба- шев, К.Ф.Шеремет
52	Планово-бюджетная комиссия сельского поселкового Совета (В книге «Комментарий к законодательству о сельских и поселковых Советах»)	Печ.	«Известия», 1977	0,3 п. л.	
53	Права и обязанности сельских и поселковых Советов в области планирования и бюджетно- финансовой работы. (В книге «Комментарий к законодательству о сельских и поселковых Советах»)	Печ.	«Известия», 1977	1,7 п. л.	

				06	<u> </u>
Nº	Наименование работы, ее вид	Форма работы	Выходные данные	Объем в п. л.	Соавторы
54	Основы знаний о Советском государстве и праве	Печ.	Издательство МГУ, 1977	10,82 п. л.	Г.В.Бараба- шев
55	Советы народных депутатов	Печ.	«Знание», 1977	2,15 п. л.	
56	И провозглашено, и обеспечено	Печ.	«Новое время», № 30, 1977	0,5 п. л.	
57	Рецензия на книгу Л. А. Григоряна «60 лет советской государственности». Издательство «Юридическая литература», 1977	Печ.	«Советское государство и право», № 11, 1977	0,4 п. л.	
58	Развитие плановых функций Советов. (В книге «Совершенствовать работу Советов»)	Печ.	«Известия», 1978	2,15 п. л.	Н. С. Зенченко
59	Советы народных депутатов	Печ.	«Знание», 1978	4,14 п. л.	К. Ф. Шеремет
60	Планирование права	Печ.	«Знание», 1978	2,5 п. л.	
61	Государство и личность	Печ.	«Советская юстиция», № 1, 1978	0,5 п. л.	
62	Большие права	Печ.	«Советская Россия» 6 апреля 1978	0,25 п. л.	
63	Торжество ленинских идей народовластия	Печ.	«Политическое самообразование» №4, 1978	0,8 п. л.	
64	Государственное планирование экономического и социального развития общественного строя СССР	Печ.	«Вестник МГУ», № 3, 1978	0,8 п. л.	
65	Плановая система СССР	Печ.	«Вестник МГУ», № 6, 1978	0,8 п. л.	
66	Рецензия на книгу «Советское общенародное государство». Изд-во «Наука», 1978	Печ.	«Известия» 29 августа 1978	0,1 п. л.	
67	Система и принципы деятельности Советов народных депутатов. (В книге «Советское общенародного государство»)	Печ.	«Наука», 1979	1,2 п. л.	
68	Конституция СССР об организации и деятель- ности Советов. (В книге «Советы — органы народовластия»)	Печ.	«Прогресс», 1979	0,5 п. л.	М. А. Шафир
69	Верховные Советы союзных республик. (В книге «Советы — органы народовластия в СССР»)	Печ.	«Прогресс», 1979	2 п. л.	
70	Верховные Советы автономных республик. (В книге «Советы — органы народовластия в СССР»)	Печ.	«Прогресс», 1979	1 п. л.	
71	Государственный строй СССР. (В книге «СССР»)	Печ.	Издательство БСЭ, 1979	1 п. л.	
72	Основные черты государства развитого социализма	Печ.	«Московский рабочий», 1979	4,61 п. л.	
73	Важнейшие завоевания	Печ.	«Книжное обозрение», № 51, 1979	0,07 п. л.	
74	Социалистическая демократия в действии	Печ.	«Советская юстиция», № 1, 1980	0,5 п. л.	
75	Подлинное полновластие народа	Печ.	«Слово лектора» № 2, 1980	0,5 п. л.	

Nº	Наименование работы, ее вид	Форма работы	Выходные данные	Объем в п. л.	Соавторы
76	Конституция РСФСР — основной закон жизни республики	Печ.	«Советская Россия», 1980	10,68 п. л.	М. А. Шафир
77	Плановая деятельность Советского государства	Печ.	«Юридическая литература», 1980	13,51 п. л.	
78	Популярный словарь— справочник народного депутата	Печ.	«Знание», 1980	11,58 п. л.	
79	Основы общественного строя. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1980	0,10 п. л.	
80	Политическая система социалистического общества. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1980	1,60 п. л.	С. С. Кравчук
81	Экономическая система СССР. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1980	0,7 п. л.	
82	Социальное развитие и культура. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1980	0,6 п. л.	
83	Внешняя политика и защита социалистическо- го Отечества. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1980	0,25 п. л.	
84	Система и принципы деятельности Советов народных депутатов. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1980	0,5 п. л.	
85	Народный депутат. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1980	0,75 п. л.	
86	Советы народных депутатов— политическая система СССР	Печ.	«Знание», 1980	1,68 п. л.	
87	Органы Советского государства. (В книге «Основы знаний о Советской Конституции)	Печ.	«Прогресс», 1980	3,5 п. л.	
88	Конституция СССР — Основной Закон Советского государства. (В книге «основы правоведения»)	Печ.	«Юридическая литература», 1980	1 п. л.	
89	Дальнейшее совершенствование социалистической демократии— главное направление развития политической системы советского общества	Печ.	«Юридическая литература», № 1, 1981	0,6 п. л.	
90	Память о декабристах. (Рецензия на книгу В. И. Баскова «Суд коронованного палача»)	Печ.	«Советская Россия» 2 апреля 1981	0,1 п. л.	
91	Основы знаний о советской Конституции	Печ.	«Прогресс», 1981	4,5 п. л.	
92	Юридический справочник депутата местного Совета	Печ.	Издательство МГУ, 1981	5 п. л.	
93	Компетенция местных Советов	Печ.	«Юридическая литература», 1982	8 п. л.	
94	Комментарий к законодательству о поселковых и сельских Советах	Печ.	«Известия», 1982	1,8 п. л.	
95	СССР. Энциклопедический справочник	Печ.	«Советская энциклопедия», 1982	1 п. л.	
96	XXVI съезд КПСС — о дальнейшем укреплении правовой основы государственной и общественной жизни в СССР	Печ.	«Знание», РСФСР, 1982	2,1 п. л.	

Nº	Наименование работы, ее вид	Форма работы	Выходные данные	Объем в п. л.	Соавторы
97	Конституция Страны Советов. Словарь (11 статей)	Печ.	Политиздат, 1982	1 п. л.	
98	Сила народовластия	Печ.	«Советы народных депутатов», 1982, № 6	0,8 п. л.	
99	Народный депутат	Печ.	«Человек и закон», 1982, № 6	0,8 п. л.	
100	Право развитого социализма. Сборник статей на испанском языке	Печ.	ИГПАН СССР, 1982	0,5 п. л.	
101	Конституция развитого социализма	Печ.	«Вестник МГУ», 1982, № 5	0,8 п. л.	
102	Конституция развитого социализма	Печ.	«Правда» 24 апреля 1982	0,25 п. л.	
103	Советы народных депутатов	Печ.	«Советское государство и право», 1982, №7	0,4 п. л.	
104	Роль местных Советов в экономическом и социальном развитии городов	Печ.	Издательство МГУ, 1983	1,5 п. л.	
105	Комментарий к законодательству о городских, районных Советах	Печ.	«Известия», 1983	4,4 п. л.	Л. В. Величко
106	. Юридический энциклопедический словарь (10 статей)	Печ.	«Советская энциклопедия», 1984	1,5 п. л.	
107	Конституция Страны Советов (на испанском языке)	Печ.	«Прогресс», 1984	1,2 п. л.	
108	Подлинная демократия	Печ.	«Труд» 18 января 1984	0,4 п. л.	
109	Контрольная деятельность местных Советов	Печ.	АПН, 1984	0,36 п. л.	
110	Ноздрачев Н. Ф. «Государственное планирование и правовое регулирование»	Печ.	«Советское государство и право», 1984, № 3	0,4 п. л.	3. Н. Фаткуди- нов
111	Скуратов Ю. И. «Народный суверенитет развитого социализма»	Печ.	«Советское государство и право», 1984, № 10	0,4 п. л.	Н.И.Полян- ский
112	Рекомендации по правовым вопросам участия производственных объединений и предприятий Министерства электротехнической промышленности в территориальном планировании и в кооперировании средств на развитие производственной и социальной инфраструктуры	Печ.	M., 1984	2,24 п. л.	Г. В. Бараба- шев, С. А. Авакьян
113	Конституционные основы общественного строя и политики СССР	Печ.	Издательство МГУ, 1985	16,63 п. л.	
114	Советы и экономика	Печ.	«Наука», 1985	1,5 п. л.	Н. С. Зенченко
115	Основы общественного строя и политики. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1985	0,1 п. л.	
116	Политическая система социалистического общества. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1985	1,6 п. л.	С. С. Кравчук
117	Экономическая система СССР. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1985	0,7 п. л.	
118	Социальное развитие и культура. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1985	0,6 п. л.	

Nº	Наименование работы, ее вид	Форма работы	Выходные данные	Объем в п. л.	Соавторы
119	Внешняя политика и защита социалистическо- го Отечества. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1985	0,25 п. л.	
120	Система и принципы деятельности Советов народных депутатов. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1985	0,5 п. л.	
121	Народный депутат. (В учебнике «Советское государственное право»)	Печ.	«Юридическая литература», 1985	0,75 п. л.	
122	Роль местных Советов народных депутатов в реализации Продовольственной программы СССР	Печ.	«Вестник МГУ», № 1, 1985	0,8 п. л.	
123	Советы и законность	Печ.	«Социалистическая законность», № 3, 1985	0,5 п. л.	
124	На магистральном направлении	Печ.	«Советы народных депутатов», 1985, № 4	0,4 п. л.	
125	Комментарий к законодательству о районных советах народных депутатов	Печ.	«Известия»	5 п. л.	Л. С. Величко
126	Политическая культура и общественная активность личности	Печ.	«Политическое самообразование», № 10	1 п. л.	
127	Советы и законность	Печ.	«Нойе юстиц», 1985, № 12	0,4 п. л.	
128	Ржевский В. А. Общественный строй развитого социализма	Печ.	«Советское государство и право», 1985, № 9	0,4 п. л.	
129	Советское государственное право (7 глав в учебнике)	Печ.	София, 1982	4,5 п. л.	С. С. Кравчук
130	Советское государственное право (7 глав в учебнике)	Печ.	Берлин, 1982	4,5 п. л.	1-я глава в соавторстве с С. С. Кравчу-ком
131	Компетенция местных советов	Печ.	«Юридическая литература», 1986	7 п. л.	
132	Советы народных депутатов. Экранное пособие.	Печ.	«Знание СССР», 1986	1,69 п. л.	
133	XXVII съезд КПСС и развитие политической системы советского общества	Печ.	«Знание», 1986	1 п. л.	
134	Реальный демократизм советского общества	Печ.	Издательство «Знание», 1986	2,4 п. л.	
135	Участие граждан в деятельности местных Советов народных депутатов (на чешском языке)	Печ.	Акта университатис Каролина 1986, № 2	1,5 п. л.	
136	Планирование повышения качества продукции. В книге: «Эффективность правовых средств в обеспечении качества продукции» (часть 1).	Печ.	Издательство МГУ, 1987	0,5 п. л.	
137	Руководство Верховных Советов органами управления СССР, союзных и автономных республик. В книге: советы народных депутатов и органы государственного управления».	Печ.	Издательство МГУ, 1987	1,8 п. л.	
138	Отношения высших органов государственной власти союзных и автономных республик с органами государственного управления вышестоящего подчинения. В книге: «Советы народных депутатов и органы государственного управления»	Печ.	Издательство МГУ, 1987	1,1 п. л.	

		1			<u> </u>
Nº	Наименование работы, ее вид	Форма работы	Выходные данные	Объем в п. л.	Соавторы
139	Комментарий к законодательству о поселковых и сельских Советах	Печ.	«Известия», 1987	2 п. л.	
140	Социалистическое самоуправление народа	Печ.	«Московский рабочий», 1987	4,88 п. л.	М. А. Шафир
141	Юридическая энциклопедия. Словарь (10 статей)	Печ.	«Советская энциклопедия», 1987	1 п. л.	
142	Депутат и аппарат	Печ.	«Известия» 12 ноября 1987	0,4 п. л.	
143	Ради комплексного развития	Печ.	«Советы народных депутатов», 1987, № 10	0,4 п. л.	
144	Демократизация советского общества. В книге: «Советское общество сегодня»	Печ.	Политиздат, 1987	1 п. л.	
145	Основы знаний о Советском государстве и праве	Печ.	«Прогресс», 1988	13,38	На арабском языке
146	Что нового в ВЮЗИ	Печ.	«Социалистическая законность», 1988, № 6		
147	Сущность и основные положения Конституции РСФСР 1918 г.	Печ.	«Советская юстиция», 1988, № 13	0,5 п. л.	
148	Власть и право	Печ.	«Человек и закон», 1988, № 10	0,5 п. л.	
149	Советское государственное право. В учебнике «Советское право» под моей редакцией	Печ.	«Высшая школа», 1988	2 п. л.	
150	Рецензия на книгу Портного В. П. и Славина М. М. «Становление и развитие конституционного законодательства Советской России» 1917-1920 гг. М.: Наука, 1987	Печ.	«Социалистическая законность», 1988, № 6	0,1 п. л.	В соавторстве
151	Основы знаний о советском праве и государстве	Печ.	«Прогресс», 1988	16,23 п. л.	На лаосском языке
152	Государственные системы соц. стран (глава 4, п. 2,5,7,8, главы 12, 19)	Печ.	«Панорама» пресса, 1988	4 п. л.	На чешском языке
153	Основы советского государственного права. В учебнике «Советское право» (для студентов медицинских институтов)	Печ.	«Медицина», 1988	1 п. л.	
154	О реконструкции верховной власти	Печ.	«Коммунист», 1988, № 16	0,2 п. л.	
155	13 статей в Юридическом справочнике для населения	Печ.	«Юридическая литература», 1988	1 п. л.	
156	Социалистическое правовое государство	Печ.	«Советы народных депутатов», 1988, № 12	0,9 п. л.	
157	Власть Советов: мнимая и реальная	Печ.	«Человек и закон», 1989, № 2	1 п. л.	
158	Основы знаний о Советском государстве и праве	Печ.	«Прогресс», 1989	11,28 п. л.	На языке хинди
159	Основы знаний о Советском государстве и праве	Печ.	«Прогресс», 1989	9,86 п. л.	На амхарском языке
160	13 статей в Юридическом справочнике для населения	Печ.	«Юридическая литература», 1989	1 п. л.	
161	Советское социалистическое правовое государство	Печ.	«Знание РСФСР», 1990	2,74 п. л.	

Nº	Наименование работы, ее вид	Форма работы	Выходные данные	Объем в п. л.	Соавторы
162	12 статей в Юридическом справочнике для населения	Печ.	«Юридическая литература», 1990	1 п. л.	
163	Высшие органы государственной власти страны (1988-1992 гг.)	Печ.	«Юридическая литература», 1991	21,17 п. л.	
164	Общественный строй Российской Федерации и его конституционное закрепление. Основы конституционного строя Российской Федерации. Конституционные основы гражданского общества Российской Федерации. (В курсе лекций «Государственное право Российской Федерации»)	Печ.	«Манускрипт», 1993		
165	Влияние Конституции Российской Федерации на предпринимательскую активность	Печ.	«Новости», 1993, № 30	0,2 п. л.	
166	Конституционное противостояние — путь в никуда	Печ.	«Возрождение», 1993	0,5 п. л.	
167	Елистратов — выдающийся русский государ- ствовед и административист	Печ.	«Государство и право», №12, 1993	0,8 п. л.	К. С. Бельский
168	Нет такой цели, которая могла бы оправдать нарушение законности	Печ.	«Российская Федерация», 1994, № 4	0,5 п. л.	
169	Конституция Российской Федерации. Вопросы и ответы	Печ.	Роскадры, 1994	1 п. л.	
170	Конституция Российской Федерации. Вопросы и ответы	Печ.	«Юридическая литература», 1994	1 п. л.	
171	Предисловие к книге «Око государства. Российские прокуроры XVIII века»	Печ.	РОССПЭН, 1994	0,2 п. л.	
172	Конституционное право России	Печ.	«Юристь», 1995	17,5 п. л.	
173	Путевка в жизнь	Печ.	«Российский адвокат», 1995, № 2	0,2 п. л.	
174	Государственное право Российской Федерации	Печ.	«Юридическая литература», 1996	12 п. л.	
175	Считать гражданином России	Печ.	«Российская газета», 25 июня 1996 г.	0,2 п. л.	
176	Муниципальное право Российской Федерации	Печ.	«Юристь», 1996	4,5 п. л.	В. И. Фадеев
177	Конституция Российской Федерации. Научно-практический комментарий	Печ.	«Юристь», 1997	3,75 п. л.	
178	Конституция и закон: стабильность и динамизм	Печ.	«Юридическая книга», 1997	1.5 п. л.	
179	Конституционное право России	Печ.	«Юристь», 1998	20,8 п. л.	Е. И. Козлова
180	Комментарий к Федеральному закону «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»	Печ.	«Норма», 1999	0,1 п. л.	
181	Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации	Печ.	«Норма», 1999	1 п. л.	
182	Конституционное право	Печ.	«Юристь», 1999	11,3 п. л.	Е. И. Козлова

Nº	Наименование работы, ее вид	Форма работы	Выходные данные	Объем в п. л.	Соавторы
183	Развитие образования и науки на пороге	Печ.	Издательский центр РХГУ	0,6	
	XXI века		им. Д. И. Менделеева, 1999	п. л.	
184	Российская юридическая энциклопедия	Печ.	Изд. Дом	0,4	
		<u> </u>	Инфра-М, 1999	П. Л.	
185	Комментарий к Федеральному закону «О выборах Президента Российской Федера- ции». Статья.	Печ.	М.: Норма, 2000	0,4 п. л.	
186	Конституционно-правовой статус Центрального банка Российской Федерации	Печ.	«Юстиц-информ», 2000	0,5 п. л.	
187	Муниципальное право Российской Федерации	Печ.	«Юристь», 2000	10 п. л.	В. И. Фадеев
188	Государство и право на рубеже веков	Печ.	ИГиП РАН, 2001	0,2	
	,,,		·	п. л.	
189	Трудные дороги поиска истины, или Еще одна реальность «крота истории»	Печ.	«Социс», 2001. № 11	0,5 п. л.	Ж. Т. Тощенко
190	Предмет конституционного права	Печ.	«Юристь», 2001	28	
				п. л.	
191	Правоведение	Печ.	«Юристъ», 2001	5 п. л.	
192	Понятие, содержание и особенности норм конституционного права	Печ.	Известия МАНВШ, 2001	0,8 п. л.	
193	Конституционное право России	Печ.	«Юристь», 2002	23,5 п. л.	Е. И. Козлова
194	Источники конституционного права	Печ.	«Юристь», 2002	22 п. л.	
195	Российское гражданство	Печ.	«Юристь», 2003	37 п. л.	
196	Неприкосновенность в конституционном праве Российской Федерации	Печ.	«Юристь», 2004	25,5 п. л.	
	т оссинской Федерации			11. 71.	
197	Судебная власть в России: история, документы	Печ.	«Мысль», 2003	В 6-ти томах	В. М. Лебедев, Г. Ю. Семигин
198	Российская автономия	Печ.	ТК Велби, Издательство «Проспект», 2006	48 п. л.	
199	Конституционное право России	Печ.	ТК Велби, Издательство «Проспект», 2006	38 п. л.	Е. И. Козлова
200	Муниципальное право России	Печ.	ТК Велби, Издательство «Проспект», 2006	42 п. л.	В. И. Фадеев
201	Субъекты конституционного права Российской	Печ.	ТК Велби, Издательство	21	
	Федерации как юридические и приравненные к ним лица		«Проспект», 2007	п. л.	
202	Российский конституционализм	Печ.	«Норма», 2008	34	
				П. Л.	

Содержание

Обращение к читателю5
Блажеев Виктор Владимирович Кутафинское чудо
Фадеев Владимир Иванович О жизненном пути академика О. Е. Кутафина
Зорькин Валерий Дмитриевич Доверенный права
Яковлев Вениамин Федорович Кутафинский стиль
Чайка Юрий Яковлевич Служение превыше жизни и карьеры
Степашин Сергей Вадимович «Сережа, закон — не DURA!»
Иванов Виктор Петрович В «кутафинской комиссии»52
Торшин Александр Порфирьевич Я горд, что могу называть себя его учеником
Устинов Владимир Васильевич Он был настоящим ученым и педагогом
Жуйков Дмитрий Сергеевич Свободною душой закон боготворил
Брычева Лариса Игоревна Он был неформальным человеком
Эбзеев Борис Сафарович Юрист, не замкнутый в юриспруденции
Звягинцев Александр Григорьевич Простой российский корифей80
Скоков Юрий Владимирович «Он хотел одного: видеть Россию могучим, справедливым, правовым государством»
Батурин Юрий Михайлович Человек шутки и перегрузки90
Попов Гавриил Харитонович, Особая группа крови
Семигин Геннадий Юрьевич Настоящий государственник

Садовничий Виктор Антонович Полвека дружбы
<i>Хабриева Талия Ярулловна</i> Был талантлив во всем
Фортов Владимир Евгеньевич Вспоминая Олега Емельяновича Кутафина112
Осипов Геннадий Васильевич Честное зеркало времени
Лекторский Владислав Александрович Одним существованием своим
Таций Василий Яковлевич «Единственным утешением служит преемственность»124
Интервью А. К. Голиченкова Стать вторым Кутафиным невозможно!
Исаев Игорь Андреевич Два дня из жизни ректора
Интервью Д. Б. Кривицкого «Он давал простор для творчества всем, кому доверял, и, как сильный человек, умел прощать ошибки»
Лучин Виктор Осипович Выдающийся юрист, ученый, педагог, организатор науки 141
<i>Грачева Елена Юрьевна</i> Избранный судьбой149
Гусов Кантемир Николаевич Мой учитель и друг151
Зернов Владимир Алексеевич Жизнь огромного масштаба155
Кубеев Еркин Кинаятович Навсегда в памяти160
Авакьян Сурен Адибекович Лидер нашего поколения164
Перевалов Виктор Дмитриевич Мы очень дорожили дружбой с ним
<i>Кашкин Сергей Юрьевич</i> Перманентная революция академика Кутафина
<i>Мирзоев Гасан Борисович</i> Он был способен на мальчишество

494 Содержание

Пастухов Борис Николаевич Его мысль не брала выходных178
Аминов Вячеслав Маркович Кутафину было не принято отказывать
<i>Масляев Иван Алексеевич</i> Всегда на острие процесса
Павлова Ольга Константиновна Две страницы — как правило жизни
Румянцев Олег Германович Дни Конституции191
Кабышев Владимир Терентьевич Большой ученый друг
Страшун Борис Александрович Не забуду никогда
Попов Лев Леонидович Мы одной крови
Бекяшев Камиль Абдулович Никогда не говорил «никогда»
Рарог Алексей Иванович Вспоминая Кутафина
Симкин Лев Семенович Он умудрялся не замечать дистанции
Струкова Лилия Григорьевна Парадокс Кутафина
Эминов Владимир Евгеньевич Неожиданно, с улыбкой
Φ адеев Владимир Иванович У истоков муниципального права
Кучерена Анатолий Григорьевич Рыцарь вечной профессии
Филимонова Марина Викторовна Мы — кутафинский курс
Жмурова Тамара Васильевна Дорогой наш человек
Нарутто Светлана Васильевна Горжусь своим учителем

Козлова Екатерина Ивановна Об Олеге Емельяновиче Кутафине — с глубокой скорбью и благодарностью за добро
Красавченко Сергей Николаевич Об Олеге Кутафине269
Бурбулис Геннадий Эдуардович Человек политософский: мудрый, мужественный, милосердный
Федотов Михаил Александрович Обернувшись улыбкой289
Гриб Владислав Валерьевич От слов к делам короткий путь
Барщевский Михаил Юрьевич Особенный друг301
Мацкевич Игорь Михайлович Предел Кутафина
Полякова Валентина Леонидовна Как Академия и прокуратура стали друзьями
Сафронов Никас История одного портрета315
<i>Шахрай Сергей Михайлович</i> Кутафин и «дюралекс»
Винокур Владимир Натанович «Олег, ты — гений!»
Баренбойм Петр Давидович Кутафин. Воспоминания ученика
Лукьянова Елена Анатольевна Мастер тонких вещей
Дарчикова Марина Михайловна Кофейное дерево
Шония Вахтанг Гурьевич Я прикоснулся к гению
Кутафин Дмитрий Олегович Мой отец — Олег Кутафин
Приложение

Олег Кутафин Первый по праву

Авторы-составители: **Кравченко** Игорь Викторович, **Мартынкина** Дарья Юрьевна

Генеральный директор издательства С. В. Оганян

Художественное оформление и компьютерная верстка: С. А. Бузилкин Корректоры: О. В. Круподер, Т. Е. Антонова Изготовление макета: ООО «Прогресс РК»

Подписано в печать 18.10.2010 г. Формат 70×100/16. Гарнитура «OriginalGaramond BT» Печ. л. 31,0. Тираж 5000 экз. Заказ N°

ООО «Прогресс РК» 109021, г. Москва, ул. Зубовский бульвар, д. 17

Отпечатано в